АНАТОЛИЙ ТАРАСОВ

ХОККЕЙ

РОДОНАЧАЛЬНИКИ И НОВИЧКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Анатолий Тарасов – самая яркая и многогранная тренерская фигура нашей хоккейной истории, основоположник отечественной хоккейной школы и настоящий гений тренировки. Он был главным пропагандистом наших хоккейных традиций и авторитетом в хоккейном мире.

Текст этой книги набран на печатной машинке им собственноручно. На листах пожелтевшей от времени бумаги издатели нашли рассказы Антолия Владимировича о канадцах – родоначальниках хоккея – и о русских, которые пошли в нем своим путем, о труде хоккейного наставника, об огранке самобытных талантов, о своих звездных воспитанниках – Фирсове, Харламове, Третьяке… О многолетней дуэли СССР/ России и Канады, о хоккее грядущего и о многом другом, о чем мог знать и говорить только этот великий человек.

- Анатолий Владимирович Тарасов
  -
  -
  - Предисловие
  - К читателям
  - Глава I
    - Канада – родина игры
    - Начало всех начал
    - Первая проба сил
    - Выходим в свет
  - Глава II
    -
    - Попытка укротить канадцев
    - Вызов профессионалам
    - Они украшают хоккей
  - Глава III
    -
    - «Винтики» мастерства
    - «Профи» на тренировке
  - Глава IV
    -
    - Вратарь – главная фигура
    - Аргументы защиты
    - Все нити игры
    - Силен Гретцки!
    - Новое амплуа

        - Кумиры публики
    - Глава V
        -
        - Атлетизм – не только сила
        - Мастерство – душа таланта
        - Тактика – лицо команды
        - Гимн рыцарству
    - Глава VI
        -
        - Тренер-гражданин
        - Тренер-специалист
        - Хоккей и тренировка
        - Победы и поражения
        - До, во время и после матча
        - О рационализме
        - Выдумывай, пробуй!
        - Тренер и сборная
        - Тренер учит тренеров
        - О радости в игре
    - Наши слабости и проблемы
    - Приложение
        -
        - Перечень матчей между советскими и профессиональными канадскими командами
    - Послесловие Б. Михайлова
    - Послесловие Б. Майорова
    - Послесловие Н. Урюпина
    - Вклейка
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

Анатолий Владимирович Тарасов Хоккей. Родоначальники и новички

© Текст. Тарасов А.В., 1993
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

У книги, которую вы держите в руках, непростая судьба. Рукопись, над которой Анатолий Владимирович Тарасов работал в последние годы жизни, была закончена в начале девяностых, но ей не суждено было увидеть свет при жизни автора. В переводе книга вышла в США осенью 1995-го уже после его смерти, а российские специалисты и любители хоккея знакомятся с итоговым трудом «отца русского хоккея» с опозданием в двадцать лет… У нас действительно долго запрягают, увы!

Я хочу выразить огромную признательность всем тем, благодаря кому, последняя книга моего деда увидела свет, не смотря на многие, присущие нашему времени и месту трудности:

моей бабушке Нине Григорьевне Тарасовой и моей маме Галине Анатольевне Тарасовой, за то, что сохранили рукопись и архив А. В. Тарасова;

Лу Вайро, за дружбу, за американский вариант рукописи и поддержку;

Юрию и Светлане Кармановым за поддержку и помощь в выборе издателя;

Юрию Васильевичу Королёву за поддержку, ценные воспоминания и комментарий к изданию;

Континентальной Хоккейной Лиге и лично Александру Ивановичу Медведеву за поддержку и помощь в издании книги;

Федерации Хоккея России и лично Владиславу Александровичу Третьяку за поддержку и помощь в издании книги;

Евгению Александровичу Майорову, Борису Петровичу Михайлову и Николаю Николаевичу Урюпину за память;

Татьяне Тарасовой, Алёне Тарасовой и Андрею Никитину за помощь и поддержку;

Валерию Агронскому за работу над книгой;

Издательству ЭКСМО и лично Сергею Черкасову, Екатерине Ивановой и Анне Соседовой.

Алексей Тарасов,

внук А. В. Тарасова

Предисловие

Владислав ТРЕТЬЯК

Президент Федерации хоккея России,

трехкратный олимпийский чемпион

…Страницы, тронутые временем. Страницы, напечатанные на обычной пишущей машинке. Страницы, не позволяющие мне отвлечься на что-либо постороннее.

Что-то было мне знакомо, близко, важно, а что-то оказалось новым и требовавшим осмысления.

Я читал рукопись книги Тарасова.

Книги, которую Анатолий Владимирович написал в конце своей яркой и необычной жизни.

Книги, которая вышла еще при его жизни… в Америке.

Книги, которая готовилась к выпуску в свет в России спустя почти два десятка лет после ухода великого тренера.

Анатолий Тарасов – отец-основатель отечественного хоккея: заложил фундамент нашей хоккейной школы, определил векторы ее развития, выработал эффективные и самобытные подходы к тренировочному процессу.

Анатолий Владимирович стал для меня вторым отцом. Взял под личную опеку, когда мне было только семнадцать лет, и воспитывал буквально в круглосуточном режиме, не давая остановиться, удовлетворившись достигнутым уровнем. Требовательность педагога зашкаливала, новые идеи возникали постоянно; они требовали экспериментов и последующего анализа – то и другое делалось совместно тренером и спортсменом. Однако за таким жесточайшим трудовым графиком была спрятана отеческая забота Анатолия Владимировича обо мне, о Фирсове и Викулове, о Рагулине и Кузькине, о Харламове и Михайлове, Петрове и Лутченко… Обо всех нас.

Я был поражен, когда в одной из первых глав прочел об отказе молодого советского специалиста Тарасова от зарубежной командировки на турнир с участием канадцев. Отказ по собственному желанию от возможности впервые воочию увидеть родоначальников игры?! Он прислушался к словам Михаила Давидовича Товаровского – своего учителя, которого безмерно уважал: «Вам не следует никуда ехать! Вы не созрели смотреть зарубежный хоккей. Ведь, если вы увидите иностранцев, сами уже ничего придумывать не будете – так человек устроен. А надо

выдумывать, создавать свое. А уж когда твердо встанете на собственный путь, тогда и ездите, смотрите…»

Ключевые моменты случаются как в матчах, так и в человеческих судьбах. Тарасов, которому тогда едва перевалило за тридцать, продолжил идти своим путем. Искать, придумывать, находить и ошибаться, снова находить. Спустя какое-то время учитель благословил возмужавшего ученика на знакомство с родоначальниками хоккея; Анатолий Тарасов уже нащупал пути совершенствования игры, уже приступил к созданию своей системы подготовки, которую впоследствии активно развивал.

Он присматривался к канадскому стилю, получая массу впечатлений и информации для творческой переработки. Главным же оставалось строительство советской хоккейной школы по им же придуманным законам.

Тарасов жил хоккеем. И постоянно находился под прессингом: догнать канадцев – сравняться с ними – превзойти родоначальников…

Под таким же жесточайшим прессингом оказывались и игроки ЦСКА. Ведь тренер не существует сам по себе, не может ограничиться кабинетной тишиной или теоретической дискуссией с коллегами; наставник проявляет себя в работе с командой – в тренировках и матчах, в турне и турнирах. И я тот прессинг ощутил на себе по полной программе.

Вскоре после зачисления в «основу» ЦСКА он неожиданно озадачил меня:

– Тебе сколько лет?

– Семнадцать.

– А я хочу, чтобы ты тянул на двадцать пять – по мастерству, по мужской зрелости.

– Как это, Анатолий Владимирович? Что-то не пойму.

– Скоро сам разберешься. Ну что, «полуфабрикат», будешь вкалывать на полную катушку? Тогда толк будет.

– Так я же все выполняю.

– Да это все цветочки. Будешь щадить себя – отправишься в шахту, в забой!

– Какая шахта, Анатолий Владимирович? Я же в десятом классе учусь.

– В шахту! Ты меня понял, надеюсь.

Еще через месяц-два Тарасов заставил меня… тренировать детишек из цээсковской школы. Сам-то я только-только из нее вышел, мне самому набираться опыта надо, а тут из меня преподавателя делают. Что за тренерская причуда? А он одной фразой все растолковал:

– Тренируя мальчишек, ты сам будешь все осмысливать до

мелких деталей.

Родители воспитали меня человеком ответственным и добросовестным. А в команде ЦСКА дня не проходило, чтобы старший тренер не нашел повода придраться ко мне. Я терпел, терпел, потом не выдержал:

– Анатолий Владимирович, я же все ваши задания выполняю, а вы все равно недовольны мною…

– Если я вам, молодой человек, перестану делать замечания, значит, вы для меня – мертвый игрок. Усекли с первого раза?

А однажды Тарасов и вовсе сразил меня наповал. После победы в важном матче – то ли со «Спартаком», то ли с «Крыльями Советов» – вызвал меня к себе в тренерскую. Я только успел душ принять и переодеться.

– Молодой человек, что вы думаете о сегодняшней игре?

– Как что? Здорово команда сыграла. И я вроде не подвел. Все нормально.

– Вижу, не разобрались, что к чему. Идите и подумайте. Жду через десять минут.

Я пытался догадаться, на что намекает мэтр, но тщетно.

– Анатолий Владимирович, мы же вчистую их переиграли. Какие еще могут быть вопросы?

– А у вас, молодой человек, в матче я заметил техническую погрешность, совершенно недопустимую для вратаря ЦСКА… Так что будьте любезны явиться завтра утром в зал и повторить два упражнения для этого элемента – по 500 раз. Ясно?

– Ясно.

И я пришел назавтра, когда команда не тренировалась, и повторил те упражнения столько раз, сколько было сказано. И никто за мной не следил.

Собственно, вся моя работа под началом этого тренера и состояла из подобных эпизодов. После его указаний я устранял какие-то недостатки, но следовали новые, не менее конкретные и жесткие «придирки». И никого не оставлял Анатолий Владимирович в покое, в благодушном состоянии духа и тела. И Фирсову, и Рагулину, и Харламову, и Михайлову доставалось… Борису внушал: «Зачем ты бегаешь по углам площадки? Твое место перед воротами. На пятачке будешь королем!» И прав в очередной раз оказался Тарасов: Борис Михайлов забросил больше всех шайб в чемпионатах Советского Союза.

В книге мэтр постоянно возвращается к идее непримиримого противостояния и взаимообогащения двух ведущих хоккейных школ – канадской и советской. Параллельно он акцентирует внимание читателя на важности учебно-тренировочного процесса, который позволял наставнику ежедневно продвигаться в

творческом поиске. Тренировка, согласно Тарасову, – главный двигатель прогресса. Именно на будничных занятиях он вносил новые элементы в подготовку, репетировал тактические построения, шлифовал индивидуальное и командное мастерство. Знаю, что бытует мнение о якобы страшных тарасовских перегрузках и немыслимо сложных упражнениях. На самом деле игроки ЦСКА любили его тренировки – интенсивные, зажигательные, всегда с какой-нибудь новизной. Были они сложными и тяжелыми, зато живыми, эмоциональными и, кстати, недолгими – час с небольшим, как правило. И поэтому мы «переваривали» нагрузки относительно легко. Тренировки были заранее тщательно спланированы и шли без малейших сбоев. После такой подготовки команда ЦСКА выходила на матч во всеоружии и чаще всего буквально сминала соперника.

Признаюсь, был в году период, когда даже бывалые армейцы проявляли особое упорство и волю на тренировках. Летом закладывалась база общей и специальной физической подготовки; упражнения предлагались тяжелые либо очень тяжелые. Надо понимать, что в те годы никаких тренажеров в хоккейных клубах не было. Чего только Анатолий Владимирович не изобретал в стремлении превратить ведущих советских хоккеистов в атлетов мощных, подвижных, координированных, способных достойно противостоять звездам североамериканским.

Технической оснащенности игрока и тактическому арсеналу команды Тарасов уделял пристальное внимание. Без этого тоже было невозможно выдвинуться на лидирующие позиции в мире. И Анатолий Владимирович экспериментировал постоянно с базовыми компонентами хоккейного искусства. А как оценить его индивидуальную работу с «полуфабрикатом» Третьяком? Тогда же и должности такой не было в советских клубах – тренер вратарей. И здесь его фантазия и неугомонность не знали предела. Тренер-универсал, тренер-многоборец. Стать таким его заставила сама жизнь – та сверхзадача, которой посвятил всего себя без остатка: догнать и перегнать родоначальников игры.

В многогранном величии Тарасова я, как его воспитанник, подчеркну еще то, в чем он был исключительно силен. Анатолий Владимирович являлся психологом высочайшего класса! Игроков будто кожей чувствовал: знал, с кем, когда и как переговорить, знал, какие душевные струны затронуть, чтобы хоккеист раскрыл свои возможности по максимуму.

Видел талант, распознавал незаурядность, когда коллеги равнодушно проходили мимо; помогал потенциально яркому игроку заблистать, когда коллеги в похожих обстоятельствах пускали дело на самотек; поддерживал звездного мастера в

тонусе, не позволяя расслабляться, когда коллеги довольствовались текущим положением дел.

Дуэт тренеров сборной СССР Аркадий Чернышев – Анатолий Тарасов вошел в историю мирового спорта как непобедимый. Золотая эра нашего хоккея длилась девять лет – три Олимпиады и девять чемпионатов мира подряд мы не знали разочарований. Фантастическое достижение!

Но даже в те счастливые тренерские годы Тарасов не забывал о своей мечте жизни – сражении со сборной Канады, составленной из звезд НХЛ.

И такая битва состоялась в 1972 году. Суперсерия Канада – СССР открыла новую эру в развитии мирового хоккея. Наши мастера – Харламов, Якушев, Мальцев, Михайлов и их партнеры – оказались в чем-то даже более яркими, чем звезды НХЛ. На планете отныне были две хоккейные супердержавы. Заслугу Тарасова в этом трудно переоценить.

Попробую кратко сформулировать роль Анатолия Тарасова в хоккее.

ЧЕЛОВЕК, ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ.

Доказательств множество. Самое наглядное – содержание игры в НХЛ. Оно стало намного богаче и интересней, чем было до исторических сражений между сборными СССР и Канады. Родоначальники игры очень многое позаимствовали у европейцев, и в первую очередь у Тарасова.

В 2013 году я в очередной раз побывал в Зале славы НХЛ в Торонто. Первым среди европейцев туда был включен Анатолий Тарасов. Сначала я всегда подхожу к стенду, посвященному моему учителю. Сделал это и тогда, до начала церемонии включения новых имен в галерею бессмертных. Присутствовали боссы НХЛ и те, кого чествовали. На трибуну вышел Рэй Широ, генеральный менеджер «Питтсбург Пингвинз»:

– Я счастлив, что сегодня имя моего отца будет увековечено в Зале славы. К сожалению, он не дожил до этого чествования. Знаю, что в зале присутствуют прославленные хоккеисты из России. Фред Широ признавал, что много полезного почерпнул у русских тренеров, что он вел «Филадельфию Флайерз» к победам в Кубке Стэнли, тренируя по конспектам Анатолия Тарасова. Всегда помнил об этом и был благодарен этому выдающемуся специалисту.

Я испытал в ту минуту гордость за нашу державу.

Такое признание североамериканским хоккеем заслуг наставника ЦСКА и сборной Советского Союза дорогого стоит.

Величие Анатолия Владимировича Тарасова не меркнет с годами.

И потому этой книге, где он подвел итоги своему беспримерному служению хоккею и Родине, уготована долгая-долгая жизнь.

Юрий Васильевич Королев

Краткое досье

Соратник Анатолия Тарасова, они работали вместе с 1962 года.

Руководитель КНГ (Комплексной научной группы) при хоккейной
сборной СССР в период 1962–1992 г. г.
Заведующий кафедры хоккея ГЦОЛИФКа 1974–1983 г. г.

Участие в создании и в работе ВШТ (Высшая школа тренеров) 1976–1983 г. г.
Руководитель лаборатории хоккея во ВНИИФКе 1974–1983 г. г.
Государственный тренер СССР по хоккею 1983–1992 г. г.

Председатель тренерского комитета ИИХФ, член Исполкома ИИХФ 1990–1998 гг.
Вице-президент Федерации хоккея России 1992–2002 г. г.
В настоящее время – консультант Федерации хоккея России.

О самой книге

Задаю себе вопрос: что это за книга? К какой категории ее отнести? Для чего она вышла в свет? И для кого написал ее Анатолий Владимирович Тарасов?

Книга настолько необычна по содержанию и по исходной своей задаче, что ответить на эти, в общем-то, обычные и не слишком сложные вопросы оказывается делом не из простых.

Давайте разберемся.

Это не пособие по хоккею, где можно найти ответы на специфические вопросы хоккея.

Это не мемуары мэтра тренерского корпуса, где досконально, год за годом, описываются биография и карьера.

Это не подробное, с любопытными и никогда не

печатавшимися подробностями описание ледовых сражений.

Это не перечень категорических выводов специалиста, в общем-то, имеющего право на безаппеляционные суждения…

Так что же это за книга?

Настольная книга.

Для действующего тренера, для будущего тренера, для думающего поклонника этого увлекательного и сложного вида спорта.

«Хоккей. Родоначальники и новички». Это творческое наследие Тарасова, которое Анатолий Владимирович собственноручно написал для нас с вами.

Путь книги

Книги Анатолия Тарасова, а их написано немало, выходили большими тиражами и имели заслуженный успех: известнейший тренер, тренер-победитель, тренер – воспитатель звезд… Издательства без колебаний включали в свои годовые планы каждую новую книгу Тарасова. И он никогда не разочаровывал ни редакторов, ни читателей.

Однако с развалом Советского Союза наступили непростые времена и в книжной сфере. Коммерция стала диктовать моду. На первый план вышел детектив… Анатолий Владимирович, будучи уже в годах и имея проблемы со здоровьем, проявил невероятную волю – принялся за написание этой книги, когда ее появление было весьма проблематичным. Она была очень важна для него и, как Анатолий Владимирович искренне считал, важна для хоккея – прежде всего отечественного. Я допускаю, что он недооценивал трудности ее издания. Зная его неукротимый нрав, зная его непритуплявшуюся с годами увлеченность тренерской профессией, я не удивлен тем, что он справился с архисложной задачей, да еще на фоне кризиса в книжной сфере.

«Родоначальники и ученики» – таково было первоначальное название – так и не были напечатаны в России в 90-е годы. Книга оставалась в рукописном варианте, пролежав около пяти лет…

Тарасов, увы, так и не увидел свое детище в руках соотечественников.

На помощь пришел американец итальянского происхождения, известный тренер Лу Вайро – почитатель Анатолия Владимировича, горячий поклонник профессиональных методов Тарасова. Книга была издана в Северной Америке.

А на родине выдающегося тренера она много лет не появлялась. И мне казалось, что перспективы даже не

просматриваются…

О планах издательства «Эксмо» напечатать многострадальную рукопись я узнал от внука Тарасова – Алексея, с которым поддерживаем отношения после ухода из жизни его деда. Он взял на себя ответственность сохранить тарасовское наследие и по возможности популяризировать его труды. Алексей Игоревич долго пытался решить проблему с напечатанием этой книги в России, руки не опускал и действовал, пока, наконец, не нашел понимания и заинтересованности у одного из крупнейших российских издательств.

Остается поблагодарить «Эксмо» за осуществление благородной миссии, а также Федерацию хоккея России в лице Владислава Александровича Третьяка, воспитанника Тарасова; Континентальную хоккейную лигу, хоккейный клуб ЦСКА – за содействие в реализации данного проекта.

К читателям

Подумать только: двадцать с лишним лет вынашивал мысль написать книгу о том, как складывались наши отношения с канадскими спортсменами – родоначальниками хоккея. Да все не решался приступить к работе. Понимал: не хватает мне глубоких знаний о северо-американских хоккейных профессионалах. А тренеру, как и режиссеру-постановщику, мало просто посмотреть спектакли конкурента. Важно почувствовать актеров, постичь дух театра, познать его изнутри. Не мог же я для создания книги воспользоваться тем, о чем только слышал или читал. Чужими конспектами, пусть даже добротными, никогда в течение долгой тренерской жизни не пользовался. Так был приучен своим первым в спорте наставником – замечательным тренером и педагогом Михаилом Давидовичем Товаровским.

Но в народе говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!» Так случилось и со мной. В течение одного лишь года я трижды посетил Канаду. Весной 1987-го был там как консультант профессиональной команды «Ванкувер Кэнакс». Через три с половиной месяца в городе Ванкувере мне сделали операцию бедра. Еще через сто дней я вновь побывал там – надо было рассчитаться за операцию, а попутно высказать свое мнение об учебно-тренировочном процессе и принципах комплектования команды в предсезонный период. Во время этих поездок у меня оказалось достаточно времени, чтобы ближе узнать тренеров и профессиональных спортсменов, увидеть их нелегкий труд вблизи, со многими из них поговорить по-хорошему, творчески поспорить. Мне удалось наблюдать много матчей с участием профессиональных команд, в том числе пять из семи финальных встреч на Кубок Стэнли 1987 года между командами «Эдмонтон Ойлерс» и «Филадельфия Флайерс».

И теперь, на склоне лет, полагаю, у меня появилось, наконец, моральное право написать книгу о нашем и канадском хоккее.

Размышляя о том, как ее построить, пришел к выводу, что не следует делить книгу надвое: это вот о канадском хоккее, а это – о советском. Главное для меня в этой книге – высветить проблемы хоккея, поднять острые вопросы и без уверток и дипломатии на них ответить, используя для этого наблюдения, почерпнутые как в нашем хоккее, так и в канадском. И пусть читатель сам решает, где лучше хоккей, мудрее – у нас или за океаном.

Книга, повторяю, посвящена взаимоотношениям наших хоккеистов и канадцев. Но пусть никто не подумает, что я принижаю в развитии теории и практики игры роль европейских

стран, таких богатых традициями хоккейных школ, что сложились в Чехословакии, Швеции, Финляндии, ФРГ, ГДР, Польше. Или будто я вдруг позабыл о том, что в хоккей играют в Китае, Японии, Корее и многих других странах. Ничего подобного! Просто интересную и сложную тему взаимодействия и взаимовлияния разных хоккейных школ мне сегодня поднять, пожалуй, не по силам. Оставляю ее другим тренерам, специалистам и спортивным историкам. Что же касается наших взаимоотношений с канадцами, то они складывались у меня на глазах.

Матчи советских хоккеистов с профессионалами НХЛ в рамках различных турниров и «тет-а-тет» всегда вызывают энтузиазм спортивных журналистов по обе стороны океана, они придумывают для таких встреч броские эпитеты, например, «битва за хоккейный трон», «матчи века». И пусть в этих чуть выспренних словосочетаниях несомненна доля преувеличения, но есть в них, по правде говоря, и толика истины.

Конечно, счастливчик тот зритель, кому повезло присутствовать на таких встречах. Он и миллионы его собратьев, сидящих у телевизоров, не только болельщики «своей» команды. Главное их желание – увидеть хоккей самого высокого уровня. Именно он столь любим ими, так притягателен. И вполне естественно, что у болельщика, у зрителя возникает масса самых разных вопросов, далеко не праздных и не простых. Они хотели бы постичь тактические мотивы команд, понять внутреннюю логику их игры, источник накала спортивной борьбы, столь отличной от всего того, что мы видим в повседневной жизни. Им, этим поклонникам хоккея, хочется узнать, в чем секрет мастерства их кумиров – выдающихся игроков, способных, словно по волшебству, переломить ход поединка, склонить итог матча на сторону своей команды.

Уверен: интересна им и фигура тренера. Они хотели бы увидеть его не только у хоккейного бортика, где он, подобно полководцу, руководит «боевыми действиями» команды, но и узнать, чем, какими соображениями он руководствуется, готовясь к матчу, во время игры, по окончании встречи.

Особо увлеченный любитель игры вряд ли удовлетворится разговором о хоккее сегодняшнем, он не прочь пофантазировать, заглянуть в грядущие годы. Какой быть игре в XXI столетии? Долго ли будет продолжаться упорное противоборство советских и североамериканских хоккеистов? Какой стиль возьмет верх? Какие появятся вратари в хоккее и смогут ли они превзойти Владислава Третьяка? А игра таких спортсменов, как защитник Вячеслав Фетисов, нападающие Владимир Крутов, Уэйн Гретцки,

Марио Лемье, – это что, предел возможного? Кто он – хоккеист завтрашнего дня? Игрок-универсал? Или яркий выразитель своего амплуа? А может быть, появятся в хоккее и новые амплуа?

Убежден: ответы на вопросы о будущем невозможны без экскурса в историю игры. В прошлом, кстати, тоже немало загадок. И многих почитателей хоккея, в этом я уверен, жгуче интересует, как могло случиться, что недавние хоккейные новички – советские спортсмены – так скоро смогли сравняться в игре с непререкаемыми авторитетами и родоначальниками мирового хоккея – канадцами?

Автор книги как раз и намерен помочь любителям хоккея найти ответ на эти и многие другие вопросы. И повести этот поиск на равных. Вместе с вами, дорогие читатели, поразмышлять над различными проблемами хоккея и в споре, в столкновении мнений выявить достоинства и недостатки двух хоккейных школ, поговорить о том, в чем, в каких аспектах игры сильна одна из них, а в каких – другая.

Я не журналист, не писатель – тренер-практик. Ступил на эту стезю в 19 лет, а в 21, совершенно твердо решив, чему посвящу свою жизнь, получил тренерский аттестат. Профессией своей горжусь, дорожу. Часто слышу, читаю о тренерских секретах в различных видах спорта. В этой книге хотел бы – нет, не коснуться, – а как на селе говорят, «глубоко пропахать» эту тему, серьезно, а порой и полемично поговорить о профессии тренера, отразив при этом не только день сегодняшний, но и заглянув по возможности в завтрашний день. Право на этот серьезный разговор дают мне собственный многолетний опыт, близкое знакомство со многими коллегами практически из всех стран, где играют в хоккей. А также – долгие годы преподавания в институте физкультуры, где я веду тему «Тренер и хоккей», как бы вобравшую в себя итог всей моей жизни.

Вот говорят, матч – это стихия. Считается, что невозможно предсказать, игроки какой из двух противоборствующих команд, равных по силе, через шестьдесят минут хоккейного времени будут ликовать, а кто уйдет со льда с поникшей головой. В плохом, неуправляемом хоккее, возможно, так и есть. Попытаюсь опровергнуть это утверждение и рассказать, как трудом, волей, усердием тренера, помноженными на высокое умение игроков, создается коллектив спортивных единомышленников. Команда, способная умело, всесторонне готовиться к каждому матчу, учитывая не только мощь, но и слабости сильного соперника. Ведь можно, согласитесь, локализовать первое, умело воспользоваться вторым и в итоге – победить. Слышу, однако, возражение. Столь же предусмотрительным может оказаться и

соперник. Кто же тогда победит? И на этот вопрос постараюсь дать ответ.

Хочу еще раз предупредить читателя, что вовсе не намерен избегать острых вопросов и проблем хоккейной жизни, а тем более сглаживать их. Для меня главная проблема в хоккее – как с помощью этой в высшей степени динамичной, задорной, боевой и умной игры XX века воспитать в молодых людях многие полезные – не только физические – качества: волевую закалку, нравственный рост. Как сделать так, чтобы увлечение хоккеем стало для юноши прямой дорогой к честности и порядочности, успехам в учении, к активности в общественных делах, к дружбе, товариществу, к умению сочетать личные устремления с интересами коллектива.

И пусть книга получится в чем-то спорной. Автор на всем протяжении своей долгой, не всегда гладкой, но зато счастливой тренерской жизни никогда не искал «тихой заводи». Наоборот, меня всегда влекли рискованные тропы. Никогда не уклонялся я от спора – тем более с сильными оппонентами. И вовсе не опасаюсь того, что кто-либо – какое бы место в обществе он ни занимал – окажется не согласен с моими взглядами, мыслями, выводами. Такова диалектика жизни – истина рождается в честном споре на равных. И я буду только благодарен каждому, кто пожелает продолжить этот спор, в той или иной форме высказать свое суждение о книге, об изложенных на ее страницах мыслях и наблюдениях.

Анатолий Тарасов

Глава I
Истоки

Канада – родина игры

О хоккее написано много. Если хорошенько проштудировать всевозможные книги и справочники, то можно в них обнаружить и версию о том, что хоккей родился в Англии. Будто там еще в давние-предавние времена, в XVI–XVII веках, на лед замерзших водоемов выходили мужчины с тросточками-клюшками в руках и гоняли по льду какой-то твердый предмет. Сохранились гравюры той поры с изображением спортсменов в нарядных камзолах, с диковинными шляпами на головах, занятых игрой, которую – при наличии фантазии – можно признать похожей на современный хоккей.

Но все-таки родиной хоккея по праву считают Канаду. Там в 1879 году были приняты и узаконены первые правила игры. Там же начали проводиться соревнования по хоккею.

Новая игра сразу же завоевала множество сторонников своей страстностью, стремительным темпом, обилием острых ситуаций. К концу XIX столетия хоккей быстро распространяется по всей Канаде, становится подлинно национальной игрой. Уже в 1899 году в Монреале был построен первый крытый стадион с искусственным льдом. В это же время хоккей с шайбой пересек океан и начал распространяться в Европе.

В 1908 году была создана Международная лига хоккея. А два года спустя на льду озера Ле-Аван близ швейцарского города Монтрё состоялся первый чемпионат Европы. Он привлек лишь четырех участников – команды Бельгии, Великобритании, Германии и Швейцарии. Победителем оказалась команда с Британских островов, составленная в основном из обучавшихся в английских университетах студентов из Канады.

Впервые европейские хоккеисты скрестили клюшки с командой из-за океана в 1920 году в Антверпене, где в рамках еще летних Олимпийских игр состоялся турнир с участием представителей Старого Света и Северной Америки. Канадцы без труда заняли первое место, а вторыми были спортсмены США.

Особо знаменательным для хоккея стал год 1924-й – игра была включена в программу первых зимних Олимпийских игр, прошедших в Шамони (Франция). Первым олимпийским чемпионом по хоккею стала команда Канады.

Бурное развитие хоккея во многих странах привело к решению регулярно проводить чемпионаты мира. В 1930 году на катках Шамони, Берлина и Вены прошли матчи первого самостоятельного мирового чемпионата. Интересно, что команда Канады, как заведомо сильнейшая, не принимала участия в

турнире 11 команд, а провела лишь один матч – с победителем этого состязания. В решающем поединке гости из-за океана легко взяли верх над командой Германии – 6:1.

По сути дела, у канадских игроков до 1954 года не было конкурентов на мировых хоккейных форумах. На эти престижные соревнования руководители канадского любительского хоккея посылали, как правило, не сборную команду, а один из клубов, причем не всегда лучший. Победа была почти гарантирована.

Случались, правда, и осечки. Так, в 1933 году в Праге канадцы уступили пальму первенства американской сборной. Через два сезона, в 1936 году, на олимпийском турнире в Гармиш-Партенкирхене они вновь пережили тяжелый удар. Победу одержала команда Великобритании. В 1949 году на турнире в Швеции канадцев одолела команда Чехословакии. Однако все это выглядело не более как случайные эпизоды. Канадцы относились к этим редким поражениям снисходительно, делая вид, что они нисколько не задевают их самолюбия и тем более не влияют на престиж. «Родители» хоккея продолжали позволять себе роскошь – посылать на мировые хоккейные ассамблеи далеко не лучших хоккеистов страны, а то и вовсе пропускать отдельные чемпионаты мира, как это было, например, в 1947, 1953, 1957 годах.

Известно, что боевое знакомство советских игроков с канадским хоккеем состоялось в марте 1954 года на чемпионате мира в Швеции. До этого лишь немногим нашим тренерам доводилось видеть игру заокеанских хоккеистов с трибуны. И вот на Королевском стадионе Стокгольма скрестили клюшки, сошлись лицом к лицу советские и канадские игроки. Мы получили, наконец, возможность помериться силами, сопоставить свои взгляды на игру. И если нашим спортсменам и тренерам победа над «самими канадцами» (!) казалась огромным достижением, переполняла их гордостью, то родоначальники хоккея, проиграв, особой печали, к нашему удивлению, не испытывали. Во всяком случае, в Стокгольмской ратуше, где проходил заключительный прием по случаю завершения чемпионата с участием всех выступавших в турнире национальных команд, никто из канадских хоккейных руководителей не грустил. Они, по-видимому, твердо знали, что в спорте бывают и поражения, и – самое главное – верили, что у них, у канадцев, огромные резервы. Стоит только привести их в дело, и любой соперник будет усмирен.

Да, резервы – и неисчерпаемые! – у канадцев действительно были. Любимый народом хоккей, будто рукой хлебопашца – заботливо, без огрехов – посеянный буквально по всей стране,

давал обильные всходы. Из многочисленных детских и юношеских команд во взрослые клубы приходили настоящие мастера, а сильнейшие, лучшие из лучших составляли элиту профессионального хоккея.

В Канаде раньше других поняли, что хоккей – игра с большим будущим. Что как зрелище он может стать сильнейшим магнитом для тысяч и тысяч людей, принося им радость сопереживания спортивной борьбе, а организаторам соревнований – немалые доходы. Так родилась идея создания профессиональных клубов.

В то время, когда в Европе полыхал пожар Первой мировой войны, за океаном, в Канаде, была создана Национальная хоккейная лига, объединяющая клубы профессионалов. Дата ее рождения – 26 ноября 1917 года. Поначалу в НХЛ входили два клуба из Монреаля, по одному из городов Оттавы, Квебека и Торонто. Отметим – только канадские клубы. Первые официальные матчи профессионалов состоялись уже через месяц – 19 декабря 1917 года. Кстати, искусственный лед к тому времени был в Канаде не в диковинку. На нем давно уже играли любители, сражавшиеся за Кубок Стэнли.

В 1993 году этому призу исполнилось сто лет – поистине вековая традиция! Кубок, приз для лучшей хоккейной команды, был учрежден генерал-губернатором Канады лордом Стэнли. В борьбе за эту серебряную вазу до 1906 года участвовали лишь любительские команды, в два последующих года в розыгрыше кубка позволили участвовать и игрокам профессиональных клубов, а с 1908 года он стал разыгрываться только среди профессионалов.

Затем кубок стал разыгрываться для шести лучших профессиональных команд Канады и США, став самым престижным соревнованием за всю историю развития хоккея за океаном. В каждом клубе зритель видел и выдающихся игроков-лидеров, и целые созвездия истинных мастеров. Каждая команда демонстрировала присущие только ей одной тактические принципы, психологические приемы спортивной борьбы. Сражения между собой эти клубы вели на равных, каждый раз подтверждая высокий класс командной и индивидуальной игры.

Конечно, столь узкий круг знаменитых клубов не мог просуществовать слишком долго. Уж больно широк стал интерес к хоккею. Игра эта сделалась близка сердцу каждого канадца. Наряду с футболом, бейсболом и баскетболом росла популярность хоккея и в США. Расширение лиги профессионального хоккея стало неизбежным. Проходило оно в несколько этапов. Поначалу существовали так называемые американская и канадская зоны хоккея, но век их был недолгим.

Наконец, в 1979 году была создана лига из 21 клуба[1]. Это количество команд сохраняется и по сей день.

Клубы НХЛ проводят игры по многокруговой системе, которая предоставляет возможность каждому хоккеисту до 80 раз в течение сезона дарить свое мастерство зрителю. А затем, под занавес хоккейного карнавала, шестнадцать сильнейших клубов, встречаясь друг с другом по системе с выбыванием (сначала до 3[2], а в финале – до 4 побед), разыгрывают Кубок Стэнли.

Мне довелось видеть эти матчи. Это не просто хоккей, не просто игра, в которой спортсмены стремятся проявить все свое мастерство. Это битва за главный приз – зрительские симпатии, за особый престиж каждого спортсмена и клуба в целом. Не побоюсь сказать, что две недели решающих матчей на Кубок Стэнли – это утверждение всего прекрасного, что способен дарить людям хоккей.

Начало всех начал

Приказы бывают разные. И дельные, и бестолковые. Одни нам по душе, и мы с охотой их выполняем. К другим относимся с прохладцей, подчиняемся им формально. Развивать канадский – так его называли в ту пору – хоккей мы начали по приказу Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта. Без каких-либо предисловий нам был зачитан приказ, согласно которому с 22 декабря 1946 года стали сразу проводиться матчи чемпионата страны. Никаких методических пособий, кроме нескольких потрепанных брошюр с правилами игры, у нас не было. Вот так, с места в карьер, и начали мы, игроки хоккея с мячом, осваивать новую для нас заморскую игру.

В самозабвении, с каким мы, хоккеисты той поры, относились к тренировкам, нам, смею уверить вас в этом, читатель, ни тогда, ни позже равных, пожалуй, не было. И летом, и осенью на асфальтовых дорожках парка ЦДКА, на теннисных и волейбольных площадках гоняли мы, едва выдавалась свободная минута, нами же изобретенную «шайбу» – пластмассовое кольцо, а то и хоккейный мяч. Выполняли сложные гимнастические и акробатические упражнения, не бегали – носились по парку, не жалея ни времени, ни сил. Посетители с недоумением наблюдали за нами, и, по-моему, многое из того, что мы проделывали, казалось им странным. Да и мы, хоккеисты, толком не знали, на верном ли мы пути, правильно ли тренируемся? Но были твердо уверены в том, что труды наши не пропадут бесследно, что объем проделанной работы непременно даст нам новые хоккейные качества.

Но вот начались заморозки, приближалась зима. По ночам мы заливали теннисный корт и, не дав льду как следует окрепнуть, надевали коньки, упражняясь то с шайбой, то с мячом. Дело в том, что мы являлись как бы «слугами двух господ»: издав приказ о развитии в стране хоккея с шайбой, спортивное руководство возложило его выполнение на команды хоккея с мячом. Поэтому зимой 1946–47 года мы выступали сразу «на два фронта», играя и в хоккей с мячом, и в хоккей с шайбой. Матчи проходили обычно в один и тот же день. Утром, бывало, гоняли шайбу, вечером – мяч. И наоборот. И никто, представьте, не жаловался на усталость, на перегрузки. О том, чтобы наши занятия контролировали специалисты-медики, тогда не могло быть и речи, лишь сестры милосердия в случае необходимости делали перевязки игроку, получившему травму.

Начинал я играющим тренером команды ВВС. Она была

составлена в основном из солдат, обслуживавших летное училище. Оно находилось рядом с московским стадионом «Динамо» – в том самом здании, где сегодня размещается филиал Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина.

Всем нам приходилось нелегко. Мои подопечные, солдаты срочной службы, ежедневно занимались и строевой, и огневой, и политической подготовкой, выполняли различные работы. Но, едва лишь появлялось у них «окно» свободного времени, мы тренировались. В любое время года, в мороз и слякоть.

Дружно жили, по-спартански. Нас отличали организованность, веселый нрав и трудолюбие. Командование училища, узнав, что мы тренируемся два-три раза в день, распорядилось добавлять к солдатскому пайку чуть больше жиров и углеводов. Мне нравилось наблюдать, с каким аппетитом ребята уничтожали все то, что им давали на раздаче. Посуда после них казалась вымытой.

Единственное, чего нам всем недоставало, так это сна. На двухъярусных койках спали, как говорится, мертвым сном. А когда дежурный по казарме в шесть утра подавал команду «Подъем!», она всегда заставала врасплох. Нам не хотелось расставаться со снами, мы ворочались с боку на бок в надежде хоть несколько лишних секунд понежиться в тепле под одеялом. Но едва рядом, громко выражая свое неудовольствие, появлялся старшина, срабатывал страх – не наказали бы! – и мы с кислыми физиономиями мчались на построение, зная, что даже секундное опоздание грозит взысканием. Чудаки, мы не понимали тогда, что строгость и придирчивость старшины сослужат нам добрую службу и ой как пригодятся в долгой нашей жизни!

Наша команда была приписана к роте охраны училища. Всем приходилось стоять в карауле. Часто с оружием. Но мы с ребятами договорились, что для тех, кто в наряде, время зря пропадать не должно: находясь на посту, они или имитировали бег на месте, или, если позволяли условия, совершали пробежки вправо и влево, вперед и назад – то боком, то спиной вперед. Вот удивился бы тот, кто случайно увидел бы этих часовых со стороны!

Вспоминаю нашу солдатскую молодость не для одной лишь исторической достоверности. Когда сегодня вижу на тренировках спортсменов, которые ленятся, возмущению моему не бывает предела. Спорт требует упорства, умения дорожить временем, как бы прессовать его. «Молодость дается только раз», – совершенно верно поется в известной песне. И эту истину важно запомнить всем, кто стремится разумно распорядиться молодыми годами. Убежден: без напряженной работы над собой, без фанатизма

ничего путного нельзя добиться ни в спорте, ни где-либо еще.

Своим зимним стартом, итогом первого чемпионата страны наша молодая команда была довольна. Нам удалось одержать ряд побед над сильными соперниками. Например, обыграть команду из Риги[3], за которую выступали самые опытные хоккеисты, ведь в Латвии к тому времени в «канадский» хоккей играли уже более двадцати лет, латвийские хоккеисты не раз участвовали в предвоенных чемпионатах Европы.

Те же самые спортсмены, что выступали в составе хоккейной команды Военно-воздушных сил, неплохо играли и в футбол. Осенью 1946 года футбольная команда ВВС, которую также тренировал я, вышла победителем турнира команд второй группы, получив право выступать в следующем сезоне среди сильнейших футбольных команд страны.

В разгар футбольного сезона крупный пост в ВВС занял генерал-майор Василий Сталин. Влюбленный в спорт и спортсменов, он тут же азартно включился в наши дела, потребовав от команды исключительно одних лишь побед. Требование понятное, но!

Прийти победы к армейской команде – пусть талантливой, но малоопытной – вот так запросто, конечно, не могли. Тем более что ранее я отказался пригласить в коллектив именитых мастеров. Известно, что для создания классной команды необходимо время. Игроки же мои были молоды, в большом спорте не искушены. Но что меня радовало, были они честолюбивы, много тренировались. Я верил, что большие успехи к нам непременно придут. В будущем.

Однако Василий Сталин не только болезненно переживал любую неудачу команды, но и стал вмешиваться в действия тренера, требуя поставить на игру то того, то этого футболиста.

После матча в Москве с командой динамовцев Тбилиси, проигранного нами со счетом 1:5, он вызвал меня к себе на квартиру. Состоялся крутой разговор, в ходе которого я попросил освободить меня от должности тренера. Генерал не давал согласия. Его можно было понять. Он проявлял большой интерес к команде, беспокоился за ее судьбу. Но ему и в спорте хотелось командовать. Я же придерживался иных принципов. Считал и считаю, что поиск состава и планирование тренировок, определение их содержания, выбор тактики на игру, а также многое и многое другое – прерогатива одного лишь тренера. И никакое вмешательство извне недопустимо. Но генерал этого понять не хотел.

Что ж, как говорится, нашла коса на камень. Я вернулся в ЦДКА – Центральный дом Красной Армии, к которому все это

время оставался приписанным как офицер.

Команда ЦДКА в первом розыгрыше чемпионата страны по хоккею с шайбой заняла второе место, уступив высший титул московским динамовцам. Кстати, играющим тренером динамовской команды был Аркадий Чернышев. Наставник армейских футболистов, авторитетный специалист Борис Андреевич Аркадьев, в команде которого до направления в клуб ВВС я несколько лет играл в футбол, рекомендовал меня тренером хоккейной команды. Командование ЦДКА согласилось с моей кандидатурой. Так с сезона 1947/48 года стал я руководить армейским коллективом хоккеистов.

Какое это счастье – быть тренером! И долгие-долгие годы работать с одной командой. Ты, тренер, из совсем «сырых» игроков, или, как мы их называем, «полуфабрикатов», подобно ваятелю, «лепишь» мастеров игры. Ты познаешь сильные стороны характера спортсменов, тебе ведомы и их слабости. Ты постигаешь их взгляды на хоккей, на жизнь. Ты не только их учишь всему, что знаешь и умеешь, но и сам у них учишься. И очень многому. Рисковать и побеждать. Творить. Терпеть невзгоды. С честью выходить из сложных коллизий. Уметь отдавать на алтарь команды все, чем ты сегодня располагаешь. И быть постоянно, несмотря ни на что, собранным, сдержанным, быть готовым в считаные доли секунды просчитать ситуацию, найти новое, тактическое решение, психологические ключи и к своим игрокам, и к хоккеистам команды-соперника.

Тренировки, труд спортсменов каждый день, каждый час дают тебе, тренер, новую пищу для размышлений. Тренер должен быть наблюдательным. И всякий раз «делать узелок на память», чтобы сохранить увиденное, подмеченное, услышанное. Это бесценный материал, лучший учебник для тренера.

И что примечательно – чем выше мастерство игроков, чем чаще победы, тем интересней работать с командой. Хотя, бесспорно, и сложнее. Прекрасный писатель Константин Паустовский сказал однажды, что первую книгу написать просто, а вот последующие… Так и в работе с командой: с каждым годом сложности нарастают. Ну и пусть, ведь чем сложнее жизнь, тем она увлекательней.

Настоящий тренер должен всегда и во всем быть чуть впереди, чуть выше своих подопечных. Каждодневно общаясь с ними, преподносить что-то новое, интересное. Тренер должен быть всегда во всеоружии, постоянно заряжен новизной.

Постичь эту истину мне пришлось довольно скоро. Однажды пришел на индивидуальное занятие с вратарем Николаем Пучковым со вчерашним конспектом. Истинный спортсмен,

фанатик хоккея, Николай воспринял это как обиду. Тренировался нехотя, без обычного упоения, дав мне тем самым понять, что не желает «пережевывать» уже знакомые ему упражнения. Это послужило для меня уроком на всю жизнь.

Ты, тренер, у игроков всегда на виду, словно на ладони. Они видят, как ты одет, каково твое самочувствие, настроение – ничто не укроется от спортсменов. Действия тренера подконтрольны не только ему самому, но и двадцати пяти – тридцати пяти объективным строгим контролерам – игрокам команды. А это значит – жизнь в узде, ведь ты – пример для игроков. И надо поступать всегда так, чтобы не стыдно было за свой труд и поведение. Придет время, твои игроки оставят площадку, обретут профессию (вовсе необязательно связанную со спортом), но прожитое в хоккее в памяти оставят навсегда. И тренера тоже. Да и тебе память об игроках всегда будет бесконечно ценна и необходима.

Но вернемся к рассказу о первых шагах советского хоккея.

Ко второму сезону хоккея с шайбой мы готовились уже более серьезно, а главное – вдумчиво. В тот год наша армейская команда стала чемпионом страны. Она была немногочисленной – одиннадцать-двенадцать человек, но дружной и по тем временам – умелой. А также, что важно, удалой. Ведущим игроком, виртуозом-забивалой был Всеволод Бобров. Рядом с ним играл прекрасный хоккейный труженик и распасовщик Евгений Бабич. Роль центрального нападающего в звене доверили мне. Костяк обороны составили два выдающихся спортсмена – спокойный, уравновешенный Владимир Никаноров, между прочим, еще и знаменитый футбольный вратарь, и отважный, дерзкий, тоже отличный футболист-полузащитник Александр Виноградов. За команду выступали также форварды Михаил Орехов и Виктор Давыдов, активный защитник, почти хавбек Владимир Меньшиков и еще один защитник – бесстрашный Владимир Венёвцев. Ворота поначалу защищал известный голкипер хоккея с мячом Дмитрий Петров, исполнявший новую для себя роль практически без всяких репетиций.

Первая проба сил

Та зима осталась важной вехой в истории нашего хоккея. В марте 1948 года в Москву была приглашена чехословацкая команда ЛТЦ – лучший хоккейный клуб Европы. Большинство игроков этой команды входило в состав сборной Чехословакии, которая в самый канун визита к нам блистательно выступила на зимней Олимпиаде в Санкт-Морице, не проиграв ни единого матча и сведя к ничьей встречу с хоккеистами Канады. И лишь лучшее соотношение забитых и пропущенных шайб позволило родоначальникам хоккея завоевать золотые олимпийские медали.

За команду ЛТЦ выступали такие сильные игроки, как вратарь Богумил Модры, нападающие Владимир Забродский, Станислав Конопасек. По мнению специалистов мирового хоккея, это были игроки выдающиеся.

Для проведения трех товарищеских матчей с клубом ЛТЦ впервые была создана сборная команда Москвы по хоккею с шайбой. Руководить ею было поручено мне.

Задача перед нами была поставлена жесткая: только победа. Иной исход международных соревнований с участием советских спортсменов был тогда неприемлем. Еще не утих грозный резонанс неудачного выступления советских конькобежцев на чемпионате мира в Финляндии. Реакция И. В. Сталина была крайне болезненной, резкой. «Виновные» были наказаны. Поражений генералиссимус не признавал. В том числе и в спорте. Страна только что вынесла на своих плечах тяжелейшую войну. Народ гордился своей победой. И считалось, что никто не вправе ронять утвердившийся после войны высокий престиж страны.

Состав команды определился быстро. Выбор-то был невелик. Посоветовавшись с тренерами ведущих клубов, за основу я взял звенья трех московских команд – ЦДКА, «Динамо» и «Спартак». Лучшим из вратарей был, конечно же, рижанин Харрийс Меллупс – человек, влюбленный в свое сложное и не всегда благодарное амплуа. Он был прекрасным аналитиком, умевшим в ходе тренировки или матча быстро обнаруживать допущенную ошибку и тут же вносить коррективы в свои действия. Немногословный, чуть застенчивый, он сразу пришелся ко двору.

Достаточно надежен был и наш второй вратарь – Григорий Мкртычан. Но ему недоставало стабильности, и в этом была отчасти моя вина. Дело в том, что редко выпадал такой день, когда я как тренер не вносил какие-либо коррективы в действия нашего армейского вратаря. Мкртычану приходилось постоянно менять приемы и навыки. Это, разумеется, отражалось на его

игре. Каким образом должен наиболее рационально действовать хоккейный вратарь – этого у нас никто толком тогда не знал. Приходилось фантазировать, идти по пути проб и ошибок. Вот и получалось, что эксперименты я проводил на Григории. Хорошо, что он все понимал и не обижался, когда я заявлял ему: «То, что мы разучивали с тобой вчера, надо навсегда забыть – будем выполнять приемы по-новому». Шел тогда Грише Мкртычану двадцать четвертый год. Жизнь в хоккее прожил он счастливо. Стал заслуженным мастером спорта, чемпионом мира и Олимпийских игр. Долгое время умело руководил развитием хоккея в РСФСР. Создал крепкую семью. Встречаясь, мы часто с ним вспоминаем, как осваивали вратарское ремесло.

Но – назад, назад, к матчам с командой ЛТЦ.

Проигрывать нам было никак нельзя. Это понимал не только я, тренер, но и каждый игрок команды. Силы, само собой, были не равны. На стороне чехословацкой команды и опыт, и высокое мастерство. А что у нас? Лишь огромное желание помериться силами с асами, проверить себя. Но, может быть, есть у нас и еще какие-то достоинства, о которых мы и не подозреваем? А как их выявить? Это возможно только в открытом бою.

В открытом бою? Нет, это рискованно… А если – в «закрытом»?

Мысль о проведении предварительных закрытых товарищеских встреч пришла в голову как-то сразу. К тому же гостям так или иначе надо было проводить тренировки. И играющий тренер соперников Владимир Забродский легко согласился на совместные занятия.

Что творилось возле московского стадиона «Динамо»! Любители хоккея, конечно же, узнали о приезде именитой зарубежной команды. Но милиции были даны строгие указания – на закрытые матчи публику не пускать.

Матчи в Москве проводились лишь в одном месте – в хоккейной коробке у восточной трибуны стадиона «Динамо». Для начальства каждую зиму возводилась небольшая – человек на пятьдесят – деревянная трибуна. С нее-то наши тренеры и спортивные руководители и наблюдали за «пробой сил». И, надо сказать, каждый раз покидали стадион с плохим настроением.

Сейчас, когда с той поры прошло немало времени, могу признаться, что тогда я слегка схитрил. Утаил от соперников две тройки нападающих – армейскую и динамовскую, – а также пару защитников – Никанорова и Виноградова с вратарем Меллупсом. Не хотелось выкладывать сразу все козыри. К тому же я полагал, что в открытых матчах немалую роль может сыграть неожиданность.

Наш второй состав, хоть и бился вовсю, проигрывал соперникам с разницей в шесть-восемь шайб. При этом мы чувствовали, что чехословацкие хоккеисты еще и берегут себя, до конца не выкладываются, действуют вполсилы.

И вот проба сил позади. Заявляю руководителям нашего спорта, что команда готова к открытым матчам. А мне отвечают: они не состоятся. Руководство настолько уверилось в нашем неизбежном провале, что поручило мне поблагодарить чехословацких игроков и тренеров, извиниться за беспокойство и завтра же проводить их домой.

И тут, полагаю, пригодилась моя безрассудная смелость, а может, и несдержанность. Я не вошел – буквально ворвался в кабинет генерала Аполлонова[4], руководившего тогда спортивным движением страны, и стал требовать проведения отмененных встреч. Уверял, что все девять хоккеистов, не принимавших участия в тренировочных играх с чехословацкой командой, горят желанием дать соперникам бой. Что без этих трех открытых встреч мы практически не получим ничего полезного и важного от общения с лучшими хоккеистами Европы. Что негоже обманывать народ, любителей хоккея, которые почти круглосуточно косяками ходят вокруг динамовского стадиона в ожидании этих матчей.

Была созвана коллегия Спорткомитета. Большинство высказалось против этих встреч. Боялись не столько нашего поражения, сколько оргвыводов.

Перелом наступил, когда нас поддержал первый секретарь ЦК ВЛКСМ Николай Александрович Михайлов. Сперва он спросил меня, на чем основана моя убежденность в том, что наша команда возьмет верх. Я ответил, что в скорости действий советские хоккеисты превосходят соперников, что благодаря этому мы сумеем наладить быструю игру в пас. При таком темпе соперникам состязаться с нашей командой будет непросто. Что касается высокого индивидуального мастерства чехословацких игроков, их тактической грамотности, то этим достоинствам соперников мы намерены противопоставить активность, боевитость. «Никому не будет стыдно за наших ребят, – сказал я. – Матчи они проведут азартно и мужественно, а это сгладит некоторые наши слабости».

Результаты тех встреч хорошо известны. В первом матче победа была за нами – 6:3, второй мы проиграли – 3:5, хотя и вели со счетом 2:0, третий матч закончился вничью – 2:2.

Кто же еще выступал – о вратарях я уже говорил – в составе советской команды в этих первых для нас международных встречах?

Первое звено было армейское – защитники Владимир Никаноров, Александр Виноградов, нападающие – Евгений Бабич, Анатолий Тарасов, Всеволод Бобров. Второе ударное трио было динамовское – Всеволод Блинков, Василий Трофимов, Николай Поставнин. В третьем выступали спартаковцы – мой брат Юрий Тарасов, Зденек Зикмунд, Иван Новиков – эти хоккеисты уже встречались с соперниками в закрытых встречах. К матчам с чехословацкой командой привлекались также защитники Анатолий Сеглин, Борис Соколов, Борис Бочарников – они участвовали и в тренировочных встречах. Каждое из выступавших за команду звеньев действовало на свой лад, придерживаясь клубной тактики, что было важно для успеха, ибо усложняло действия соперников.

Лучшими в этих матчах в нашей команде были Всеволод Бобров, Александр Виноградов, Евгений Бабич, Василий Трофимов, а также вратарь Харрийс Меллупс, сыгравший без замены все три встречи.

Проба сил нам явно удалась. Довольны были наши спортивные руководители. Но особый подъем испытывал зритель. Болельщиков, стоявших плечом к плечу на восточной трибуне стадиона «Динамо», на каждый матч собиралось не менее тридцати тысяч. Да, так быстро, с первой попытки, завоевал тысячи поклонников новый вид хоккея.

В хоккей с шайбой поверили. Особенно после тех трех первых международных встреч. Пусть не все эти матчи оказались для нас победными. Но зритель увидел – мы не просто играли в хоккей, мы сражались с превосходящим нас силой соперником и борьбу вели на равных. А это зрителям, многие из которых донашивали солдатские шинели, не могло не понравиться. Не могла им не приглянуться и новая игра – быстрая, динамичная, чередующая приливы и отливы атак. Хоккей, подобно туче небесной, всегда таит в себе неожиданное, готов в любую секунду разразиться то молнией и громом, то вихрем и градом…

Важно было теперь закрепить достигнутое, усвоить урок. Сделать хоккей игрой массовой. Определять, какие тактические построения оптимальны для наших спортсменов с учетом их физических, психологических особенностей. Как можно лучше использовать в хоккее те качества, что прививает молодым людям наша школа, комсомол, сложившийся в стране жизненный уклад. Важно, конечно, не только научить ребят трудиться – энтузиазма в те годы у всех было в избытке, – но и трудиться рационально, продуктивно, нащупать средства и методы круглогодичной работы хоккейных команд. Такого опыта у нас тогда не было.

Мы, тренеры и спортсмены, прекрасно понимали, что в

нашем первом успехе есть, помимо закономерностей, и немножко улыбки фортуны. Тренерский совет сборной (а в него, кроме меня, входили наставники ведущих клубов Аркадий Чернышев, Владимир Егоров, Александр Игумнов) стал чаще собираться, устраивать тренерские совещания и семинары, где обсуждались различные проблемы хоккея. Разговор, как правило, шел прямой, откровенный, много было споров. Пусть не всегда нам хватало аргументов, доказательности в этих словесных «боях», зато фантазии, увлеченности было с лихвой. Любую, едва лишь наметившуюся, как глазок на ветке, свежую мысль мы подхватывали, брали на заметку.

И тут – небольшое отступление.

Счастье, если встречаешь в жизни мудрого друга, наставника. Я уже упоминал вскользь, что тренерскую науку постигал в Московском институте физической культуры, где кафедру футбола и хоккея возглавлял Михаил Давидович Товаровский. Досконально зная эти виды спорта, он умел очень интересно раскрывать перед слушателями их внутреннюю суть.

Но, пожалуй, главным и, добавлю, бесценным качеством Товаровского было искреннее участие в нас, молодых. Он никогда не взирал на нас с пьедестала своих обширных знаний. Это он, едва мне минуло девятнадцать и я только что поступил в Высшую школу тренеров, дал мне совет: «Иди, работай. У тебя нет командного голоса, да и вообще много чего еще нет». И я, мальчишка, стал тренировать заводскую футбольную команду в городе Загорске под Москвой – бесценная была для меня это школа!

Позже наши взаимоотношения сложились так, что мы стали друзьями. И всегда, трудно ли было мне или легко, весело на душе, я спешил встретиться со своим учителем, чтобы поделиться с ним радостью, высказать наболевшее.

Но вернемся к событиям конца 40-х годов. Мы тогда совсем не знали мирового хоккея, его истории. Доходили до нас слухи, что за океаном, в Канаде, существует какой-то особенный, почти сказочный хоккей. Правда, некоторым счастливцам, например А. Чернышеву, С. Савину, довелось увидеть игру канадских хоккеистов на олимпийском турнире в Санкт-Морице. Рассказам очевидцев о зарубежном хоккее мы внимали, затаив дыхание. Понимали: наши будущие соперники играют в хоккей долгие годы, опережают нас. После встреч с чехословацким хоккеем мы осознали свои немалые огрехи в технике и тактике игры. Но эти впечатления от матчей были пока расплывчаты, они требовали уточнения: в каких именно компонентах, деталях игры мы уступаем зарубежным командам. Хотелось увидеть, ближе узнать

хоккей других стран. И вот однажды такая возможность мне предоставилась.

В Скандинавии гастролировал канадский любительский хоккейный клуб, и мне предложили собираться в дорогу, чтобы посмотреть его выступления. Радостный, окрыленный, я тут же сообщил по телефону эту чудесную новость Михаилу Давидовичу Товаровскому. Он попросил меня приехать к нему домой. Встретил удивительно холодно. «Так, куда это вы, молодой человек, собрались?» – спросил он меня в своей обычной ироничной манере. Я объяснил, что есть, мол, возможность увидеть на хоккейной площадке и шведов, и финнов, а главное – канадцев, о которых ходят легенды. «Вам не следует никуда ехать!» – огорошил меня мой наставник. «Почему?» – недоумевал я. «Вы не созрели смотреть зарубежный хоккей, – отвечал Товаровский. – Ведь если вы увидите иностранцев, сами уже ничего придумывать не будете – так человек устроен. А надо выдумывать, создавать свое. А уж когда твердо станете на собственный путь – тогда и ездите, смотрите!»

И я отказался от командировки за рубеж. Не мог не отказаться – уж больно велик был авторитет Товаровского. Хотя, не скрою, смутная, затаенная обида засела в душе.

Прошли годы упорного или, как я привык говорить, шахтерского труда. Не за горами были зимние Олимпийские игры 1952 года. Мы очень надеялись принять в них участие – жаль, не случилось. К тому времени мы успели сыграть немало международных товарищеских матчей с шведскими, польскими и чехословацкими командами. Побеждали, проигрывали, сравнивали себя с соперниками, набирали бесценный международный опыт. И вот во время одной из встреч со мной Товаровский, наконец, сменил гнев на милость: «Можешь выезжать за рубеж. Смотреть хоть канадцев».

И вот я в Скандинавии, где зимой 1951 года совершала турне канадская любительская команда. Я посещал не только все тренировки и матчи канадских хоккеистов. Мне важно было видеть их и за пределами хоккейного стадиона. Особое внимание привлекал тренер. Мне казалось, что, наблюдая за ним, я сумею подметить что-то необычное, очень важное для себя. Но мне не повезло. На тренировках тренер лишь изредка давал о себе знать – то свистком, то короткой недовольной репликой или гримасой. По ходу матча он, кажется, только и делал, что открывал «калитку», контролируя смену звеньев. И практически после каждой игры его, в стельку пьяного, хоккеисты уводили под руки в номер отеля.

А вот вратарь канадской команды мне понравился. Хоккеисты

переезжали из города в город поездом. Коротая время, кто-то из спортсменов играл в карты, кто-то отсыпался после бурно проведенной ночи или дремал в углу купе. Вратарь же обычно читал. Книги, газеты, иногда что-то записывая в блокнот. Порой заводил разговор с товарищами. Увы, я ничего не понимал. Догадывался только, что речь идет о хоккее.

Сколько раз в жизни корил я себя за то, что не владею иностранными языками. Вот и сейчас – сижу рядом с канадцами, вижу их оживленные лица, жесты и… не могу принять участие в разговоре. Могу лишь предполагать его содержание, развитие…

Когда начинал говорить вратарь, его собеседники как-то смолкали, внимательно его слушая. Чувствовалось, что среди хоккейных шалопаев этот парень имеет вес и авторитет. Серьезным, основательным выглядел он и на тренировках, и во время матчей. Был, пожалуй, самым надежным игроком в команде.

У нас в то время ходило суждение: «Нормальный человек в ворота не встанет!» Уж больно опасным было это место. Ведь защитным снаряжением не были обеспечены даже вратари команд мастеров. Как правило, стражи ворот надевали телогрейку, а сверху – свитер. Вот и все защитное снаряжение… После матчей, тренировок, моясь в душе или парясь в бане, мы смотрели на вратарей с состраданием: тела их постоянно были «украшены» множеством синяков, кровоподтеков, ссадин. Но сами вратари никогда не жаловались на свою судьбу. И, совершая водные процедуры, гордились, похоже, не только своим, как правило, крепким телосложением, но и «боевыми» хоккейными рубцами.

Комментарий Ю. В. Королева

О новаторстве Тарасова

В судьбе Анатолия Тарасова произошел эпизод исключительный во всех отношениях.

Было это в начале 50-х, когда в Советском Союзе набирал популярность «канадский хоккей». Мы многого не знали, искали какие-то свои подходы, но из-за неучастия в международных турнирах, конечно же, не получали столь необходимого опыта. Опыта соревновательного и, что было еще важней, опыта методического. Ну что говорить, если канадцев –

родоначальников игры! – никто из нас живьем не видел. И «железный занавес» ставил крест на перспективе хоть одним глазком взглянуть на законодателей хоккейной моды в мире. Правда, уровень Чехословакии был нам знаком: встречались в товарищеских матчах, которые давали пищу для размышлений; наши друзья по социалистическому лагерю еще с довоенной поры стабильно участвовали в чемпионатах мира – в Европе они были сильнейшими, но Канаде серьезную конкуренцию не составляли, за исключением одного-двух случаев. Родоначальники посылали любительские клубы на международные соревнования и разделывали всех «под орех».

Разрыв в спортивном уровне был колоссальный. Канадцы с 1899 года вовсю культивировали ими же придуманную игру, а русские приступили к ее освоению только в 1946 году. В этих неблагоприятных условиях практически полной изоляции молодой тренер Анатолий Тарасов пытался сам что-нибудь придумывать, совершенствуя тренировочный процесс по основным направлениям: физическая подготовка – общая и специальная, техника, тактика, психология. Однако необходимость воочию познакомиться с канадскими командами оставалась насущной потребностью, из-за закрытости страны превращаясь в несбыточную мечту.

И вот однажды такой шанс представился! Тарасову предложили загранкомандировку на международный турнир с участием любителей-канадцев. Воодушевленный Тарасов поспешил поделиться этой новостью со своим учителем Михаилом Давидовичем Товаровским, доцентом кафедры спортивных игр Московского института физкультуры. Его реакция была абсолютно неожиданной и, я бы даже сказал, шокирующей: «Не надо вам ехать в Европу, чтобы посмотреть на канадцев. Ни в коем случае! Станете копировать их, а это помешает в разработке концепции при освоении новой игры. Приказать вам я не могу, но если хотите моего совета, то я все сказал…»

Поразительна проницательность Товаровского!

Еще поразительней то, что Тарасов… прислушался к его совету. И отказался от загранкомандировки! Не зная, когда представится в ближайшем будущем еще такой шанс, да и представится ли он вообще…

На мой взгляд, эта история ключевым образом

повлияла на тренерское кредо Анатолия Владимировича. Определила его генеральную линию на десятилетия – линию неугомонного и изобретательного новатора.

Любопытен и финал этой истории.

Года через три снова возникла возможность увидеть канадцев. Тарасов явился к своему учителю, которого глубоко уважал. И Товаровский дал «добро»: «Вот теперь можно – езжайте, изучайте канадцев. Я уже не боюсь, что вы станете их копировать».

Выходим в свет

Пришла, наконец, для нашего хоккея пора официальных соревнований. В Вене в феврале 1953 года впервые проходили зимние Студенческие игры молодежи. Советские спортсмены выступили удачно, в том числе и хоккеисты. Мы победили всех конкурентов. Играли весело, задорно, достаточно сложно для соперника. С нашим спортивным руководством имелась предварительная договоренность о том, что, в случае победы в австрийской столице, мы переедем в Швейцарию и примем участие в первом для нас первенстве мира в Цюрихе.

Однако эта договоренность была нарушена. В команде отсутствовал Всеволод Бобров. Он был травмирован. И как ни доказывал я, что мы способны успешно сыграть на чемпионате мира и без сильнейшего игрока, команду отозвали в Москву. Руководители спорта не поверили в наш коллектив. А вот в «звезду» они верили. Мне, тренеру, было обидно это сознавать. Обида была нанесена и игрокам. Вместо команды в Цюрих была направлена небольшая делегация наблюдателей. По-видимому, чтобы как-то успокоить, послали туда и меня.

Когда мы прибыли в шикарный отель «Дольбер» в центре Цюриха, первый вопрос организаторов чемпионата мира был: «Где советская команда?» Мы отвечали, что команда не приедет. Нас стали всячески уговаривать, обещали даже перенести на два-три дня чемпионат. Мы, однако, были бессильны что-либо предпринять… Тем не менее в эти дни наш хоккей был принят в Международную лигу.

Март 1954 года – важнейшая веха в истории нашего хоккея. Впервые приняв участие в чемпионате мира – он проходил в Стокгольме, – советские хоккеисты, победив в финале со счетом 7:2 канадцев, стали чемпионами мира и Европы. Победа сенсационная, но по всем статьям и заслуженная. Руководил командой Аркадий Чернышев, ему помогал Владимир Егоров. Они построили игру на тактике максимального скоростного маневра с использованием быстрого и точного паса. Правда, через год канадцы в Дюссельдорфе взяли реванш – 5:0, вновь став чемпионами мира.

Исключительно интересно складывался олимпийский турнир 1956 года в Италии. В красивом местечке Кортина д'Ампеццо среди заснеженных гор на уютном хоккейном стадионе состоялся решающий матч олимпийского хоккейного турнира между сборными СССР и Канады.

Уже зная силу нашего хоккея, канадцы прислали на игры

лучший любительский клуб, победителя розыгрыша Кубка Аллана «Китченер Ватерлоо Датчмен». Играть с канадцами в открытый хоккей нашим спортсменам было невыгодно. В составе канадской команды были игроки опытные, технически хорошо оснащенные. Наши тренеры выбрали единственно верное решение. Предложили сопернику прессинг. Необычный режим игры не понравился канадцам. С первых секунд матча они стали нервничать, часто нарушали правила. Действуя на контратаках, наша сборная после «уколов» динамовской тройки Кузин-Уваров-Крылов победила 2:0.

Вспоминая тот матч, мне хочется воздать должное хоккейной мудрости моего друга – тренера сборной Аркадия Чернышева. Никогда не забыть самоотверженных, уверенных действий нашего вратаря Николая Пучкова. Да и все игроки, не жалея себя, отдали все силы победе.

Комментарий Ю. В. Королева

О методической базе нашего хоккея, по мнению Товаровского – Тарасова

Товаровский короткое время являлся старшим тренером футбольного клуба «Динамо» (Москва), потом перешел в инфизкульт. Михаил Давидович был незаурядным ищущим специалистом, прирожденным педагогом, порядочным и интеллигентным человеком. То, что Тарасов встретил его в самом начале освоения «канадского хоккея», явилось большой удачей для Анатолия Владимировича, да и без какого-либо преувеличения с моей стороны – для всего нашего хоккея.

С чего следовало начинать освоение «канадского хоккея»?

На что делать упор?

Каким образом использовать наши наработки в видах спорта, которые были относительно близки к неизвестной нам до войны игре?

Хоккей с мячом. Или, как мы его называли, русский хоккей. Размашистое катание, высокие скорости и комбинационный стиль очень пригодились поколению первопроходцев.

Футбол. Атлетизм, координация движений и игровое

мышление были присущи поколению Боброва, все они прекрасно выглядели на зеленом поле. Их летние тренировки – футбол на баскетбольной площадке, так называемый «дыр-дыр», – был своего рода приближением к «канадскому хоккею».

Эти два кита, две «плиты» в фундамент советского хоккея Товаровский с Тарасовым заложили продуманно и своевременно. Поколение «русачей» во главе с Бобровым на удивление стремительно ворвались в когорту сильнейших хоккейных держав, что наглядно подтвердили сенсационные золотые дебюты сборной СССР на чемпионате мира 1954 года и на Олимпийских играх 1956 года.

Отпраздновав олимпийскую победу, наши спортсмены и тренеры не «задрали носы». Мы знали, что зарубежный хоккей, особенно канадский, имеет за спиной огромную силу. Что наш триумф в турнире всего лишь эпизод и еще не гарантия стабильных успехов.

Мы, тренеры, были крайне заинтересованы в налаживании спортивных связей. И особенно – с родоначальниками мирового хоккея. И в Стокгольме, и в Италии на Олимпийских играх, в те счастливые для нашего хоккея победные дни я искал встреч с тренерами и боссами канадского хоккея. Хотя у меня было к ним много вопросов, главное, что мне хотелось узнать, это – желают ли они постоянных контактов с советскими командами, с нашим хоккеем. И от всех своих собеседников я получал холодный однозначный ответ: нет. Нет времени на такие встречи. В Канаде слишком плотный и обширный календарь. Не случайно ведь за много лет в Канаду не приглашалась ни одна из европейских команд. А что касается вашей команды, то мы проиграли случайно, недооценили вас.

Наиболее откровенные специалисты говорили, что наш хоккей канадскому зрителю не нравится, в нем, мол, нет динамики, страсти. Меня убеждали, что наш хоккей не смотрится, что он чересчур академичен и им, канадцам, непонятен. Не скрою, я мало верил словам собеседников. Полагал, что они или расстроены неудачей, или их одолевает гордыня.

В спорте, как и в жизни, время всему судья. Долго не хотели руководители канадского хоккея приглашать нас. И вдруг осенью 1957 года советской сборной предлагают прибыть в Канаду и провести восемь товарищеских матчей с любительскими командами. Хотя и были у нас другие планы, упустить возможность посетить родину мирового хоккея было бы

непростительно.

Готовить команду для поездки в Канаду поручили мне. Времени было в обрез, а следовало сразу отбросить в сторону волнение и прочие эмоции, все до мелочей наперед продумать и учесть.

Главное – определить состав. Нужны не лучшие – из них не всегда составишь боевую команду, – а нужные игроки. Здесь я не совершил ошибки, допущенной мною позже, в 1960 году, когда на зимние Олимпийские игры в Скво-Велли (США) состав команды был, по сути, навязан мне Федерацией. Уж больно модно в то время было все решать коллективно, голосованием. А мне не хватило твердости, да и аргументы мои были для членов Федерации недостаточно весомы. Вот и повез за океан состав, что мне навязали, в который мало верил сам.

Итак, о составе для поездки в Канаду. Мысль такая: он должен быть экспериментальным. Что это значит? Воссоздам, по возможности, ход моих тогдашних рассуждений. Через призму предстоящих матчей, – а каждый игрок, само собой, должен вложить в них все свое мастерство и силы, ярко проявить черты своего спортивного дарования, – мы, тренеры, обязаны были по окончании турне четко определить, в каком направлении впредь развивать наш хоккей. Должны прояснить для себя, что в нашем хоккее легко разгадываемо канадцами, к чему соперники равнодушны. Что их задевает, что будет непривычно, труднопреодолимо для них в нашем хоккее.

Вот почему брать в поездку следовало не лучших игроков.

И, разумеется, не по одной лишь рекомендации тренеров клубов. Исходить нужно из того, что предстоящее турне – это «разведка боем», пусть даже со знаком «минус». Значит, в первую очередь в составе должны быть хоккеисты, способные побеждать – по физическим качествам, двигательным навыкам, по характеру. Это, возможно, не совсем удобно для создания боевых звеньев, но для проверки канадского хоккея на прочность все это казалось мне кстати. Каких форвардов «не полюбят» канадские защитники? Какие наши защитники окажутся не по нраву канадским нападающим? Это непростые вопросы. И чем раньше мы на них получим ответ, тем вернее определим, каких нам готовить хоккеистов в различных амплуа, куда вести хоккей в целом.

Итак, вот кто поехал в Канаду. Вратарями мы взяли взрывного Николая Пучкова и спокойного Евгения Ёркина. В защиту вошли высокоманевренные Иван Трегубов и Дмитрий Уколов, тяготеющие к силовому хоккею Николай Сологубов и Генрих Сидоренков. В нападении играли Константин Локтев,

Вениамин Александров, Владимир Елизаров, Юрий Пантюхов, Алексей Гурышев, Александр Черепанов, Владимир Новожилов, Юрий Копылов, Николай Снетков и универсал Станислав Петухов.

Все это были москвичи. Поразмыслив, мы решили доукомплектовать сборную игроками из других городов – пусть они по возвращении расскажут землякам о Канаде, о ее хоккее. Так, из Горького пригласили физически одаренного защитника Владимира Солодова, из Ленинграда – техничного, но мягкого характером Валентина Быстрова, из Челябинска – творчески гибкого и сверхреактивного Анатолия Олькова. Состав этот был как мозаика, разнокрасочный – экспериментальный. Кто не по нраву придется канадцам – тот пригодится нашему хоккею.

Мы, разумеется, знали, что увидим в деле профессионалов и сможем – пусть умозрительно – сравнить этих игроков из легенды с канадскими любителями, да и с нашим хоккеем. Хотелось нам узнать и некоторые точные данные. Такие, например, какова длина скоростного маневра хоккеистов разных амплуа в определенные отрезки времени. Количество и качество передач, обводки, завершающих бросков, силовых единоборств в различных зонах хоккейного поля.

Конечно же, надеялись мы побывать и на тренировках профессионалов. Мы рассчитывали узнать о них как можно больше и сравнить свои впечатления с теми легендами, что сложились о них. А ходили разные, порой пугающие явной недостижимостью высоты хоккейного искусства слухи. К примеру, что бросают шайбу профессиональные игроки с поразительной точностью, попадают с 7–8 метров в крохотные – с монетку – мишени, прикрепленные к борту. Будто у них фантастический, не знающий осечек дриблинг. Доходили до нас и сведения о крутых нравах профессионального спорта: мол, хоккеисты сражаются, как гладиаторы, бурно реагируют на малейшую несправедливость и при этом не щадят даже судей. Слухи, слухи, слухи… Предстояло проверить их, увидеть все своими глазами, усвоить, пережить… И, конечно, хотелось взять верх хотя бы в половине предстоящих встреч с канадскими любителями.

На подготовку к матчам за океаном времени было отпущено ничтожно мало. И мы спешно готовились…

Когда я как тренер предлагаю команде новые упражнения, то считаю нелишним посоветоваться с игроками, объяснить их смысл, важность выполнения именно этих, а не каких-либо других упражнений. Предвидя, что, играя против нас, канадцы будут, как говорится, спускать «овчарок» – идти на столкновения,

используя и силу, и злость, – важно было и проверить мужество игроков, и приучить хоккеистов к подобным единоборствам. И вот обязательным, как бы дежурным блюдом на всех тренировках стало такое упражнение для форвардов: им предлагалось поодиночке врываться в зону соперников с шайбой, ни на мгновение не теряя контроля над ней. Поначалу большинство хоккеистов не могли совладать ни с шайбой, ни с самими собой – ведь на рубеже между красной и синей линиями их встречали 7–8 обороняющихся, которые стремились преградить форварду путь.

В команде всегда есть «маяки»: игроки, на которых в отдельных элементах хоккея можно равняться. Это бесценные помощники тренера. И в этом упражнении были свои «короли» – Николай Хлыстов и Владимир Елизаров. В 8–9 попытках из 10 они врывались с шайбой в зону, а порой и все десять попыток были удачными. Обыгрывали соперника при помощи смены ритма, финтами, крутым маневром. Им нипочем были столкновения, они словно мячики отскакивали от защитников, а если и падали на лед, то тут же, сохраняя у себя шайбу, вскакивали на ноги и продолжали атаку. Были они удивительно устойчивы, хладнокровны, горазды на выдумку, игровой задор, озорство и хитрость. Кстати, именно они и в Канаде оказались самыми сложными персонажами для обороны соперников.

Это и другие упражнения, такие как первая атака с ходу на быстроту паса, служили не только экзаменом для игроков – с тем, чтобы тренер мог определить лучших и худших исполнителей. Они помогали хоккеистам обрести уверенность, чтобы в экстремальных условиях – в борьбе с соперником опытным и жестоким – действовали они расчетливо, тактически разумно.

Итак, состав делегации утвержден. Команда прошла инструктаж, хотя лишней необходимости напоминать о том, как вести себя за рубежом, не было нужды – все прекрасно сознавали значимость командировки.

Перенесемся в то не так уж и далекое (с моей точки зрения) время. Не было тогда у нас соглашения о воздушных перелетах с Канадой и США. Летим в Скандинавию с помощью «Аэрофлота», а далее, со многими остановками, – самолетами кампании «Эйр Канада». После этого перелета я был за океаном десятки раз и, пересекая Атлантику в ту или иную сторону, совершал, как правило, посадку на острове Ньюфаундленд, в аэропорту Гандер. И 30 с лишним лет назад мы сделали первую остановку там. Запомнилась она мне на всю жизнь.

Самолету нашему предстояло находиться в этом порту около двух часов. Мы решили размяться, побегать. Но, выйдя из самолета, я узнал, что поблизости есть каток и что его нам с

удовольствием предоставят для тренировки. И вот выгружены наши спортивные баулы с доспехами, мы садимся в автобус и через несколько минут – уже на катке.

После долгого сидения в креслах салона ребята тренировались с таким удовольствием, что их пыл приходилось порой охлаждать. Время бежало быстро, мы и не заметили, что трибуны, вмещавшие тысячи три зрителей, постепенно заполнились. Возможно, потому, что зрители вели себя удивительно тихо, наблюдая за нашим занятием с каким-то благоговейным вниманием. Когда мы закончили, нас вкусно и сытно накормили в ресторане, не позволив расплатиться. Вернувшись к самолету, мы, довольные, что так гостеприимно нас приняли, попрощались с канадцами, вручив им свои сувениры и поблагодарив за возможность потренироваться и за вкусный обед. И тут заметили на их лицах легкое замешательство.

Один из провожавших нас людей, держа в руках увесистый пакет, произнес короткую речь, отметив, что это они благодарят судьбу за то, что первыми увидели советский хоккей и хоккеистов. Сказал, что им понравились наши ребята – веселые, удалые, крепко держатся на ногах, – но им трудно будет устоять против канадских хоккеистов там, на материке. Хоккей, мол, канадская игра, и невозможно представить, что есть соперники, способные хотя бы на равных играть с командами Страны кленового листа. А дальше…

Свою речь он завершил словами: «Мы весьма обязаны вам за эту тренировку. Вы, русские, какие-то не деловые люди. Видели зрителей на трибунах? Так вот, мы заработали на вас около трех тысяч долларов. А вы нас еще благодарите!» – и протянул руководителю нашей делегации Павлу Короткову пакет с деньгами: это, мол, ваша доля. Естественно, наш шеф от подарка отказался. В командировочной смете такого не было предусмотрено.

Вот и сказочный Монреаль – центр профессионального хоккея! Поразил нас огромный аэропорт, где к самолетам подкатывали необычные автобусы. Салон их поднимался до уровня дверного люка самолета, и пассажиры как бы переходили из одного помещения в другое, удобно рассаживаясь в креслах. Аккуратно и быстро нас привезли в здание аэропорта.

В этот же день, наскоро устроившись в гостинице и перекусив на ходу, мы появились в святая святых хоккейной Канады – огромном дворце спорта «Форум». Мы провели тренировку на льду, где тренировались, выступали перед публикой лучшие, самые выдающиеся профессиональные игроки.

Перед тренировкой, давая в раздевалке задание игрокам, я

стремился их успокоить. Но, по-видимому, сам не смог скрыть волнения, и мои слова повлиять на них не могли.

Нам сказали, что на трибунах – около тысячи зрителей и среди них – в полном составе профессиональный клуб «Монреаль Канадиенс».

Мы послали на трибуну своего переводчика. Попросили его послушать, что скажут профессионалы о тренировке, как отзовутся о наших ребятах.

Как снять волнение у спортсменов, мы, тренеры, как будто бы знаем. Хорошая физическая работа, сопровождаемая веселыми шутками, разряжает нервное напряжение. Но как избавить ребят от скованности, вызванной ответственностью, ощущением, что за тобой следят сотни придирчивых глаз? И как мне, тренеру, в этих условиях остаться самим собой, сохранить спокойствие? Тогда у меня еще не было большого тренерского опыта, важного для общения со спортивными знаменитостями столь высокого уровня.

Мы провели тренировку, используя недавно изобретенный нами поточный метод. В конце занятия я остался на льду с двумя звеньями. Разучивали тактику игры в неравных составах, а затем работали с вратарями.

Николай Пучков… Мне не раз во время той поездки говорили иностранные журналисты, что на тренировку нашего голкипера следует продавать билеты особо. Он не был артистичен, зато – истинный спортсмен. Тренировался всегда страстно, забывая обо всем на свете. Был беспощаден к себе. Не раз шайба попадала ему в лицо, и даже на время теряя сознание, он не допускал до себя врачей. Немного отлежится на льду, наскребет в ладонь снега, нацарапанного коньком, потрет ушибленное место и вновь как ни в чем не бывало становится в ворота, вновь парирует летящие шайбы. Обижался, если ему бросали слабо, таких игроков гнал от себя. Требовал, чтобы броски были разящими, меткими. Памятуя о том, что уже немолод, Николай Пучков словно бы не хотел зря терять время, отпущенное на спорт: годы, месяцы, дни, часы… Временем дорожил.

Мне не терпелось узнать, что говорили о нас профессиональные игроки. Переводчик, посланный раньше на трибуну, к хоккеистам-профессионалам, рассказал, что канадцы во время тренировки очень веселились. Из множества реплик он сумел уяснить следующее: русские своеобразно и легко катаются на коньках. Что касается манипуляций с шайбой, то это, по их мнению, детский сад. Удивление вызвали наши передачи, их обилие. Бросать по воротам, как им показалось, русские не умеют, а главное – играть с ними неинтересно.

Я ожидал всего, но того, что услышу столь низкую оценку

нашему хоккею, вовсе не предвидел. Это разозлило не только меня. О мнении канадцев я сообщил игрокам. Они стиснули зубы. Что ж, самолюбие в спорте я только приветствую. И в какие-то моменты тренер команды эту черту спортивного характера может использовать во благо. Однако не все игроки покинули «Форум» с намерением доказать канадцам, что и мы, мол, не лыком шиты.

И снова мой рассказ о Николае Пучкове. Чтобы постичь секреты вратарского амплуа, он как-то незаметно выучился читать и говорить по-английски. Всегда держал при себе англо-русский словарь и специальные книги по хоккею. У него появилась и канадская хоккейная литература. Скоро Николай сделался нашим добровольным гидом и переводчиком в загранпоездках. Однако, при всем моем почтительном отношении к знанию языка и специальным хоккейным книгам, я вскоре стал замечать, что Николаю знакомство с ними не в полной мере пошло на пользу.

В спорте следует уважать любого соперника, считаться с ним, но – в меру. Соперника нельзя бояться. Тем более подражать ему, делать из него идола. Преклоняться перед авторитетами – это значит в какой-то мере потерять себя. Авторитет канадцев в хоккее удивительно велик, постоянен, живуч. И что ж? Снимать шляпу? Слепнуть перед его сиянием? Убежден, что такие богатые хоккейными традициями страны, как Япония, Дания, Голландия, ФРГ, в том числе наши соседи финны, давно бы добились на международной арене куда более заметных успехов, если бы отказались от подражания канадской манере игры. Копия, это известно, всегда хуже оригинала.

Но, отвергая преклонение перед авторитетами, я вовсе не призываю хоккейные школы замыкаться в узких национальных рамках, всегда оставаться «самими собой». Хоккей игра творческая. И все-таки тренер во имя успеха не может не использовать такие категории, как национальные особенности и характер, наклонности и традиции народа, опыт физического воспитания, накопленный в стране. А если нет такого подхода к хоккею, то не сможет он иметь ни национальной окраски, ни стабильных успехов на международной арене.

Так что же случилось с Николаем Пучковым? Он, проштудировав многие книги, так влюбился в канадский хоккей, так поверил в его силу и непогрешимость, что не мог объективно оценивать даже свои собственные возможности. Все у канадцев – и тактические построения, и подготовка игроков – представлялось ему почти идеальным. И когда мы встретились с канадцами на льду, то наш вратарь подсознательно не верил в нашу победу. Невольно побаивался соперника, авторитет

которого был для него слишком велик.

Я подолгу беседовал с Николаем. И лишь почувствовав, что слова мои бесполезны, переубедить его не смогу, принял единоличное и, на мой взгляд, единственно верное решение. Основным вратарем в команде стал Евгений Ёркин. Доверить ворота тому, кто хотя бы одной фиброй своей души не верит в команду, за которую выступает, я не мог. В психологически сложном турне по Канаде, считал я, в боевом расчете команды должны находиться лишь те игроки, кто искренне верит в свои возможности, кто не дрогнет перед лицом грозного и, допустим, более сильного соперника. Убежден, без такой психологической уверенности добиться успеха в спорте невозможно. Это мое давнее убеждение, для меня почти аксиома.

Глава II
Итоги

Хоть самые авторитетные канадские специалисты и журналисты предрекали нам крупные поражения во встречах с их соотечественниками, мы сумели первое свое боевое крещение в Канаде провести достойно. Начисто проиграв первый матч – просто не успели еще отойти от трудного перелета, сказались и разница во времени, и недостаточная акклиматизация, – мы потом выправились, стали одерживать победы. Вот итоги этого турне: «Уитби Данлопс» – 2:7, «Виндзор Бульдогс» – 5:5, «Китченер Ватерлоо Датчмен» – 2:4, «Садбери Вулвз» – 7:4, «Норт-Бэй Трапперс» – 6:3, «Халл-Оттава Канадиенс» – 6:3, «Кингстон Сеньорс» – 4:2, «Халл-Оттава Канадиенс» (ее еще называли «сборная юниоров Канады») – 10:1.

Конечно, эти победы пришли не сами собой. Потребовалось принимать меры для полной мобилизации каждого игрока. Сегодня с благодарностью вспоминаю тех осевых ребят и особо – капитана команды Николая Сологубова. Первый же матч, завершившийся, как я уже говорил, поражением, выявил главную нашу слабость – недостаток стойкости. Канадские игроки любого ранга всегда отличались этаким «игровым терроризмом». Пусть не обижаются на меня канадские игроки за такое определение их мужественной манеры игры. Это с точки зрения верного служения хоккею «то, что доктор прописал». Но в нашей команде далеко не у всех хватало выдержки, стойкости, желания терпеть жестокость соперника и при этом показывать все лучшее, на что способен.

Некоторые игроки стали выпадать из обоймы коллективной игры, кое-кому оказались не по душе столкновения с соперником, пусть и не всегда действующим в рамках правил. Они или подолгу обиженно лежали на льду, выпрашивая «милостыню» у арбитров, или отмахивались клюшкой, по-детски стращая соперника, гневя судей и в итоге наказывая свою команду.

Считаю, что волевое, нравственное воспитание, преданность игрока команде, хоккею, тренеру следует вести в общей системе работы с коллективом, ни на день не ослабляя к этим вопросам внимания. И тогда, возможно, совсем не обязательно применять какие-либо жесткие меры. Но тогда, в Канаде, не было отпущено времени на демократизм отношений. Матчи игрались подряд, с каждодневными переездами и перелетами.

Снова хочу вернуться к составу. Поиск его – это один из самых важных и далеко не простых разделов в работе тренера.

Сколько проиграно матчей, турниров из-за ошибок в определении состава. По умению «делать» состав часто судят о квалификации тренера. Есть тренеры (таких немало), кто определяет состав звеньев по итогам товарищеских и календарных матчей. Дорогостоящее, считаю, это занятие. Дорогостоящее в том смысле, что поиск оптимального состава пагубно отражается на турнирном положении команды. И не только поэтому считаю несостоятельным такой подход тренера к определению состава.

Скажем, любой из наших или зарубежных выдающихся форвардов не мог успешно сыграть против защитника Валерия Васильева. Даже таким великим кудесникам хоккея, как Анатолий Фирсов и Валерий Харламов, полностью проявить себя в единоборстве с ним не удавалось. Это вовсе не означало, что форварды эти слабы. Просто Васильев, особенно когда был в ударе, умел, как мы говорили, «отбивать охоту к хоккею» у каждого, и делал это умело, мастерски и как-то непринужденно, вовсе не кичась этим. Он портил настроение любому форварду, не позволяя ему сыграть в меру своих сил и возможностей.

По моему убеждению, состав следует определять по-иному. Тренер ведь ежедневно, а то и по несколько раз в день проводит тренировки. Предлагает игрокам – всем вместе и каждому в отдельности – различные тренировочные упражнения. Тренер буквально бьется за рост мастерства своих игроков, и для этого он обязан знать о хоккеисте все до мельчайших подробностей – двигательные возможности спортсмена, его вкусы, привычки, характер. На что он способен, что в целом он может при твоем участии совершить, кем стать? Мой жизненный опыт свидетельствует: чем ближе к игрокам тренер, тем раньше и точнее «раскусит» он спортсмена, поможет ему раскрыть дарование, обратить его талант на благо команды.

Тренеры бывают разные: одни любят командовать, другими движет любовь к хоккею. Первые властвуют. Они подчеркнуто демонстрируют гордость своей профессией. Это, как правило, сильные администраторы, они в ладах с прессой. Но не всегда такой тренер – авторитет для игроков. А если все-таки авторитет, то, право, ненадолго. Для того чтобы игрок узнал и поверил в тренера, нужно время. Нужна череда трудных сложных тренировок, напряженных матчей, проверяющих и спортсмена, и тренера на прочность, нужны конфликты, крутые ситуации, в которых становится очевидным, кто есть кто.

Конечно, не каждый спортсмен ставит перед собой высокую цель. Лишь истинные мастера, люди интересные, творческие и пытливые, решившие лучшие годы своей жизни посвятить спорту, умеют ценить время, задумываются о смысле тренировок. Задают

себе (и тренеру!) неоднозначные, непростые вопросы.

Они знают: многое, очень многое в их спортивной судьбе зависит от тренера. Ради того, чтобы стать мастером хоккея, спортсмен идет на многие ограничения. Жертвы эти оправданны, если удается достигнуть желанных вершин. А если нет? Когда к спортсмену приходит успех, тренер оказывается чуть в стороне. Ну, а при неудаче виноват, конечно же, тренер. Что ж, как говорят французы, «се ля ви» – такова жизнь!

Будучи армейским спортсменом-солдатом, а позже офицером, играя за команду ЦСКА в хоккей и футбол, я видел, испытывал на себе влияние разных тренеров. Всяческого уважения заслуживает футбольный маг – Борис Андреевич Аркадьев. Вот кто всегда безошибочно умел оценить футболиста, находил лучшие сочетания игроков. Знал, кто сегодня, в матче против конкретного соперника, не подведет команду.

Делая выбор, он умел отбрасывать лишнее – допустим, свое недовольство поведением игрока в быту. Он не принимал во внимание личные взаимоотношения. Ценность для него представляли умение, характер, честолюбие игрока и то задание, в которое он доверительно, как в некую тайну, посвящал футболистов. Одной-двумя фразами, словно художник мазками кисти, он сочно и свежо умел нарисовать картину предстоящего поединка, подчеркнув детали своей неповторимой интонацией, необходимой паузой. После чего каждому игроку не терпелось поскорее выйти на поле и подарить свое умение, мастерство и зрителю, и команде, и – тренеру.

Борис Андреевич был человеком высокой культуры. Особенно хорошо знал живопись, классическую, в том числе русскую, литературу. Речь его всегда была яркой, афористичной. Меткость лаконичных оценок спортсменов у Бориса Андреевича была поразительной. Во время футбольного матча он любил смотреть игру с галерки – с верхних рядов трибуны. Возле него всегда располагалась группа любопытных – тренеров и журналистов. Они предвкушали удовольствие не только от футбола, но и от аркадьевских реплик по ходу игры.

Эта манера, – сидя на трибуне, выражать свои мысли вслух, – как-то незаметно вошла в практику нашего футбола (да и хоккея тоже). Но часто звучат они диссонансом – вульгарно и фальшиво, – поскольку исходят от болтунов, а не истинных знатоков, гурманов спорта.

Иному читателю может показаться, будто я отвлекаюсь от темы. Ничего подобного. Для нас, тренеров-практиков, крайне важен опыт талантливых предшественников – один штрих, деталь может дать направление творческому поиску.

Итак, что же главное для тренера при оценке игрока, компоновке состава? Важнейшим тренерским качеством считаю умение рассуждать. Рассуждать наедине с собой, перебирая множество «за» и «против». Делать выводы. Проверять их, обмениваясь мнениями с кем-либо из коллег. Не тех, конечно, кто в рот тебе смотрит, а тех, кто понимает хоккей, кто имеет свое суждение и может смело его высказать, что поможет тренеру избежать ошибок.

Надо уметь предвидеть, какие могут возникнуть сложности в росте мастерства спортсмена, в действиях звена. Это важное тренерское качество – оно позволяет умело планировать тренировки, вкладывать в них важное содержание, ускоренно совершенствовать связи звена. К примеру, опытный тренер знает, кто из игроков и в каком матче может пока не «потянуть». Но он верит в спортсмена, в звено, зная, что время и труд сделают свое дело – игрок обретет умение, его вклад в успех команды будет возрастать.

Обычно я кладу перед собой чистый лист бумаги и с левой стороны пишу данные, которые говорят «за», раскрывают достоинства того или иного спортсмена, а с правой – те, что «против». Жизнь показывает, что сам игрок не всегда способен изжить свои недостатки. Возможно, восполнить пробел или вскрыть изъян ему поможет один из партнеров. Это не страшно, более того, такая компенсация сродни взаимовыручке, рождает особую прочность звена.

Тренеру, наконец, необходимы фантазия, творчество, основанные на точном представлении, каким быть хоккею в исполнении его команды. Хоккей этот должен быть очень неудобным для соперников. Конечно, прежде всего должен учитываться главный соперник, победы над которым особенно сложны и престижны. При этом в расчет берутся основные компоненты игры, а именно – атлетизм, уровень техники, тактика, волевая стойкость команды, а также некоторые особенности двигательного навыка конкретных хоккеистов, тактические нюансы в отдельных фазах спортивной борьбы.

Попытка укротить канадцев

Чуть позже, когда будем сравнивать наш хоккей с канадским, мы подробней поговорим об этих (подчас скрытых от глаз зрителя) деталях единоборства команд. Но на том важном для нашего хоккея рубеже, связанном с первым визитом советской сборной в Канаду, на всестороннюю подготовку рассчитывать не приходилось. В нашем распоряжении была лишь неделя. Да и находились мы за океаном в постоянном цейтноте. Перелеты, переезды, матчи через день… И не было у команды ни одного, очень важного, дня отдыха.

На бюро делегации я внес предложение о дифференцированном денежном стимуле для игроков во время турне по Канаде. Меня единогласно поддержали. И это обстоятельство сыграло немалую роль. Те хоккеисты, что выходили на матчи, сражались на редкость упорно и боевито. Игроки же, не попавшие в состав, или те, что снимались с матча из-за слабой игры, лишались премиальных.

Таким образом, мы сумели и деньги сберечь, пополнив кассу Спорткомитета валютой. Правда, потом, по возвращении домой, мне пришлось в связи с этим пережить несколько неприятных минут.

Так уж, видимо, устроен человек: он всегда себя ценит более высоко, чем стоит на самом деле. Конечно, это утверждение справедливо далеко не для всех. Такому болезненному самомнению подвержены, как правило, люди отнюдь не высокой культуры, не требовательные к себе. А в спорте часто бывает и так, что мы, тренеры, авансом захваливаем спортсмена, и он начинает на всех смотреть свысока, вполсилы тренироваться, а то и замышляет заговор против тренера. Это опасный момент в жизни команды. И не разобравшись основательно, оперативно, тренер может потерять контакт с командой.

Минутная для меня неприятность возникла на коллегии Спорткомитета, где мы отчитывались о поездке. Заместитель председателя – женщина решительная и боевая (к ней, по-видимому, «поступил сигнал») – вдруг заявила о беззаконных действиях Тарасова, потребовав разбирательства. Куда, мол, делась валюта, отобранная у спортсменов?

Но как хорошо, что встречалось мне на жизненном пути немало и мудрых, достойных своих постов руководителей – гражданских и военных. И в их числе – председатель Спорткомитета той поры Николай Николаевич Романов. Пусть он чаще ругал меня, чем хвалил, но все его замечания были,

безусловно, справедливыми и толковыми: они помогали расти, видеть за горизонтом горизонт. И еще. Он более других понимал, что без экспериментов, без риска в спорте невозможно создать что-либо новое. Тогда, на заседании коллегии, решительно отмел наговор, сказав, что, как ему известно, излишки валюты руководителем делегации сданы в кассу Спорткомитета, а за эксперимент с дифференцированной оплатой и за итоги турне по Канаде Тарасову следует объявить благодарность. Так была поставлена точка в этом вопросе.

Мы привезли в Москву из Канады не только «победный багаж», но и массу впечатлений. В том ворохе фактов, наблюдений, данных, что мы собрали, следовало выделить главное. Любые впечатления и данные в спорте полезны, если ты, тренер, способен не только сделать из них выводы, но и воплотить в практику, в тренировочный процесс, заинтересовать новых игроков.

Хотя играли мы в Канаде против любителей, а матчи профессионалов лишь наблюдали с трибуны (а больше – по телевидению), все равно, вольно или невольно, мы сравнивали свое умение именно с действиями профессионалов. Тогда в НХЛ выступали шесть команд. Все они были гигантами хоккея, но наибольшее на нас впечатление произвел клуб «Монреаль Канадиенс». Мы присутствовали на матче этой команды с клубом «Торонто Мейпл Лифс». Сумели сделать кое-какие подсчеты. Например, длины маневра самых сильных форвардов и защитников, количества и качества передач, обводок, завершающих бросков, силовых единоборств в поле и у бортов.

Профессиональный хоккей – зрелище впечатляющее. Вспоминаю, как возвращались после матча пешком, не спеша, в отель по заснеженным улицам Монреаля и как задал я вопрос ребятам: «Ну как, мы можем сразиться с ними?» И ответа не получил.

Вопрос был, конечно, неправомерный, я бы даже сказал – бестактный. Игроки (а многие из них представляли собой цвет советского хоккея, были награждены золотыми медалями чемпионов мира, Олимпийских игр), отвечая на него, должны были бы признаться, что победить профессионалов они сегодня не смогут. Сказать так означало уронить свое спортивное достоинство, а ответить иначе – сфальшивить. Они выбрали третье – промолчали. Нужно было время, чтобы огромные впечатления, все пережитое во время матча улеглось.

Ведь каждый спортсмен смотрел хоккей не как зритель. Хотя мы и наблюдали за игрой с самых верхних рядов, с высоты птичьего полета, каждый игрок видел себя там, внизу, на

площадке, где сражались профессионалы, как бы представляя себя в их шкуре.

И, конечно, не сразу сквозь призму увиденного можно было соотнести хоккей профессионалов и тот, в который играли мы. Не так-то просто даже мысленно «наложить» модель нашей игры на действо, увиденное в «Форуме». Лишь тщательно и придирчиво сопоставив все основные компоненты «двух хоккеев», можно было ответить на вопрос: имеем ли мы право на встречи с профессионалами? Тогда речь могла идти лишь о праве, а не о конкретной серии матчей.

Все же возвращались мы из Канады радостные. Встречали нас как триумфаторов не только в Москве. Летели мы домой через Стокгольм, и как-то по-особому тепло встречали нас обычно чуть суховатые шведы. Уже на аэродроме руководитель шведского хоккея Эклев, войдя в наш автобус, сказал, что вам, мол, русским, принадлежит достойное открытие «хоккейной Канады». В Швеции мы сыграли два матча, и, к нашему удивлению, оба выиграли. Силовая, страстная, порою жестокая силовая борьба там, в Канаде, закалила наших ребят. И они в свое удовольствие сыграли против расчетливых, корректных шведов.

Сегодня приходится слышать, что наши хоккеисты до встреч с канадскими профессионалами будто бы просто обязаны были обыгрывать любителей этой страны. Что любителей и корифеев профессионального хоккея разделяла якобы целая пропасть. Для того чтобы объективно разобраться, так ли это, я должен привести несколько цифр.

Шесть профессиональных команд в 1957 году по 25 игроков в каждой – это 150, ну, с ближайшим резервом, – до 200 хоккеистов. Сегодня в НХЛ 21 команда. Это более 500 хоккеистов, а с резервом не менее 600.

О чем говорят эти цифры? О том, что нам за океаном противостояли отнюдь не слабаки, а представители такого хоккейного слоя, из которого черпали свежие силы профессиональные клубы. Лучшие любители тех далеких лет были впоследствии призваны под их знамена. Многие из них составили костяк новых профессиональных клубов. Вспоминаю, например, команду Денверского университета. В середине 60-х годов наша национальная сборная с большим трудом выиграла у нее матч, кажется, со счетом 2:1. Столь же сильными были и другие любительские клубы, выступавшие в розыгрыше Кубка Аллана. Не случайно они побеждали на многих чемпионатах мира.

Конечно, первое турне в Канаду потребовало и нашей оперативной тактической и психологической перестройки.

Изведав, что такое страстный, жестокий хоккей, мы другими глазами взглянули на такие технические приемы, как обводка, завершающие броски, на розыгрыш стандартного положения – вбрасывания, на игру в неравных составах. Появилось немало и других проблем, например, воспитание с малых лет хоккеистов, не только богато технически оснащенных, по-хоккейному смышленых, но и физически крепких, удалых. Возникало немало тренерских споров по поводу того, каким быть нашему хоккею.

Вспоминаю, как Александр Новокрещёнов – государственный тренер Спорткомитета СССР, летавший с нами за океан, – призывал повременить встречаться с канадскими спортсменами до тех пор, пока мы не ликвидируем свое отставание в технике. А наши игроки в ту пору действительно заметно уступали канадцам в меткости, неожиданности бросков, в умелой, нацеленной на ворота обводке. Меньше, не так яростно, пользовались мы силовыми приемами и куда хуже их выполняли – и в поле, и особенно у бортов. В то время, правда, мы еще не осознали, что силовые столкновения в канадском хоккее, как правило, являются причинами драк на поле, что со временем это станет одной из главных наших проблем.

Так вот, мнение одного из ведущих наших специалистов было таково: повсеместно хоккеистам всех возрастов усердно совершенствовать технику. Догоним канадцев в технике – обыграем, не догоним, не воспитаем технарей – не стать нашему хоккею в один ряд с ведущими хоккейными державами, не говоря уже о соперничестве с заокеанскими хоккеистами.

Разрешите, читатель, вспомнив те годы, немного порассуждать.

Техника в любом виде спорта (тем более в таком сложном, как хоккей) очень весома. Если в футболе – «ножная» техника, в баскетболе и волейболе – «ручная», то в хоккее – и «ножная», и «ручная». Руки сжимают рукоять длинной и не очень легкой клюшки, и спортсмен с ее помощью должен так управлять шайбой, чтобы она была ему послушна – скользила, летела в том направлении, куда хоккеисту угодно. Взгляните, как легко, виртуозно обращается с шайбой наш нападающий Владимир Крутов или, к примеру, канадец Пол Коффи. Нельзя не согласиться, что такое мастерство по меньшей мере сродни искусству циркового жонглера. Но артист цирка сам выбирает удобный для показа номера ритм, а хоккеист во время игры маневрирует по площадке на бешеной скорости, то и дело попадая в непредвиденную игровую обстановку, преодолевая сопротивление агрессивно настроенного соперника.

Хоккеист обязан быть не только ловким и быстрым, иметь

сильные и умелые руки. У него должны быть умелые и «умные» ноги для скоростного маневра, устойчивости при столкновениях, для того, чтобы скрытно менять ритм и направленность скольжения, догнать соперника, вступить с ним в бескомпромиссное единоборство. А еще для того, чтобы подтолкнуть коньком шайбу к своей клюшке, остановить скользящую шайбу, выполнить на худой конец передачу. Не скажите, читатель, что ноги лишь волка кормят. Я бы сказал так: ловкие, быстрые, сильные руки и ноги плюс светлая голова – это уже большой хоккеист.

Пусть я чуть отвлекся, но все равно эти рассуждения относятся к теме нашего разговора – о технике хоккея. Высокой техникой спортсмен овладевает не вдруг. Здесь нужно терпение, помноженное на время, усердие и упорство. Но нужны и минимальные условия – лед. А тогда, в конце 50-х годов, у нас, как назло, и зимы были скверные, с частыми оттепелями, а искусственные катки лишь начали строиться.

Мы, армейские хоккеисты, проводили тренировки на катке парка имени Ф. Э. Дзержинского в Москве. Этот первый каток с искусственным льдом был очень маленьким – прямоугольничек размером 10×12 метров. Как говорится, не разгонишься. Нашей команде выделили время с 12 ночи до 6 утра (ночная смена!). Тренировались маленькими группами в три-четыре смены. Играющий тренер не покидал льда в течение всех этих шести часов. Иногда игроки не вписывались в виражи и вылетали за низкий бортик, падая на землю с полуметровой высоты, выполняя в полете замысловатые кульбиты.

Не помню, однако, ни единой жалобы. Спортсмены были удивительно жизнерадостны, тренировались весело, с аппетитом. Конечно, после занятий хотелось принять душ, отдохнуть. Но об этом мы и не мечтали. Рядом с катком стояла кадка с холодной водой – вот и весь сервис.

Даже в ночное время вокруг этого крохотного катка собирался народ. В короткие минуты отдыха хоккеисты отвечали на вопросы. А сегодня, к сожалению, многие наши тренеры, имея шикарные условия для занятий, закрывают двери для посетителей, с этаким высокомерием относятся к встречам с любителями хоккея. Бывает, даже тренеры детских команд, равняясь на коллег, работающих со взрослыми командами, не допускают к катку родителей. От этого, полагаю, только урон хоккею. Кого отталкивает тренер? Своих союзников, помощников, друзей! Не понимает такой тренер, что, наблюдая тренировки, постигая хоккей, обсуждая с тренером общие проблемы, родители наверняка используют все это в домашнем воспитании.

Наши тренеры команд мастеров эту привычку переняли от канадских профессионалов. Там тренировки проходят, как правило, при закрытых дверях. Однако даже профессионалы, столь ревностно относящиеся к своему труду как некоему таинству, в последние годы уходят от этих традиций.

К примеру, осенью 1987 года Владислав Третьяк проводил показательный урок с вратарями команды «Ванкувер Кэнакс» на льду катка на острове Данкен, и за этой тренировкой наблюдали несколько сот зрителей. На одну из тренировок этой профессиональной команды также был приглашен зритель, более того – присутствующим раздали программки с самыми разнообразными сведениями о хоккеистах: из 63 игроков предстояло отобрать 25 наиболее достойных.

Два показательных урока с юношами в возрасте от 13 до 15 лет провел в Канаде и я: на трибунах катка собралось более полутысячи зрителей. А вечером после этих занятий в зале местного кинотеатра состоялось собрание, во время которого и взрослыми, и детьми мне были заданы самые разные вопросы. Разговор был интересным и полезным для всех. Так стоит ли нашим тренерам придерживаться отжившей традиции, скрывая свою работу от любопытных глаз?

Многие мои коллеги скрытность свою поясняют так: у меня, мол, свои тренировочные упражнения, свой подход к занятиям, и я должен держать все это в секрете. Припоминаю, как один из таких вот кустарей-одиночек на протяжении нескольких лет часами просиживал на тренировках ЦСКА и буквально все записывал в блокнот. А я, будучи тренером армейской команды, гордился тем, что на занятия моей команды приходят люди, что коллеги проявляют к моей работе интерес. И мы, наставники, спортсмены, должны уметь это внимание и ценить, и беречь.

Что же касается секретности, от кого и что скрывать? От болельщиков, для которых и существует хоккей и кому ты обязан служить верой и правдой? От коллег, с кем призван совместно обогащать и развивать хоккей?!

Комментарий Ю. В. Королева

Об открытых тренировках Тарасова

Тренер похож на командира небольшого мобильного отряда, который в каждом новом матче сражается с таким же по численности противником. Верх берет тот, у

кого лучше обучены бойцы и у кого припрятаны домашние заготовки, какие-то уловки, помогающие перехитрить своего визави. Эти заготовки тренеры предпочитают держать под замком – в строгом секрете. Что не должно удивлять, ведь арсенал тренерских приемов ведения матча, их количество и качество определяет в значительной степени то, какую силу будет представлять его команда в завтрашнем поединке.

Для подавляющего большинства наставников эта тема закрытая, она находится под грифом «секретно».

Поразительно, но факт, который я готов засвидетельствовать: Анатолий Тарасов никогда не скрывал свои нововведения – свои секреты, которые действительно дорогого стоили. И это при его честолюбии, азарте, привычке побеждать и абсолютном неприятии возможности проигрыша своей команды!

На чемпионате мира 1970 года в Швеции я получил от Анатолия Владимировича указание просмотреть тренировку чехословацкой сборной с тем, чтобы проанализировать ее и попытаться предугадать их тактический план на предстоявший с нашей сборной матч. Я пошел по прямому пути, обратившись в администрацию Ледового дворца: узнал время занятия и, взяв блокнот, отправился на трибуну, однако наткнулся на запертые повсюду двери. Оказалось, что тренерский штаб сборной ЧССР попросил организаторов турнира обеспечить условия для закрытой подготовки к матчу со сборной СССР.

Вернулся ни с чем в расположение нашей команды и доложил о закрытом «шлагбауме». Тарасов был неумолим:

– Юрий Васильевич, ты уж извини, но это твои проблемы. Их тренировку обязан посмотреть! Остальное меня не касается.

Ну, делать нечего. Я кружным путем, по верхним этажам «Юханесхоф», петляя между какими-то трубами и кабинами телекомментаторов, ухитрился-таки попасть на трибуны и занять где-то в углу неприметное место. Задание я в итоге выполнил. Тарасов внимательно выслушал меня и поблагодарил. А я не выдержал и спросил с досадой и удивлением:

– Анатолий Владимирович, ну вот наши чешские друзья занимаются при закрытых дверях, а почему вы готовы всех пустить на свои тренировки?! Даже в пресс-

релизах сообщается об открытых тренировках советской сборной.

– Пойми, все новое, все тренерские придумки живут один матч! После финальной сирены это становится доступным любому специалисту.

Тарасов в дуэте с Чернышевым не просто устраивал открытые тренировки сборной СССР, а любил видеть на трибуне заинтересованных специалистов. О занятиях в ЦСКА и говорить нечего. Артистичного по натуре Анатолия Владимировича это дополнительно воодушевляло, и тогда занятие превращалось уже в настоящий спектакль.

Но вернемся к разговору о технике. Говорится, и верно говорится, что она – душа таланта спортсмена! Без высокой технической оснащенности невозможно стать выдающимся, полезным своей команде игроком. Техника, ее уровень влияют и на стабильность результатов. На высоте исполнительское мастерство хоккеистов – высока и стабильность их игры. Не владеют спортсмены техникой в должной мере – играют с большими перепадами. Это все верно. Но в те годы после первых международных побед нам надо было добиваться успехов, наращивать обороты. Наш любитель спорта, загоревшись хоккеем, не хотел ждать, пока наши игроки подтянут техническую выучку.

Побед можно добиваться, используя и другие (тоже важные) компоненты игры, такие, к примеру, как тактика, физический и волевой заряд, игровая дисциплина – при условии, если сумма этих слагаемых достаточно высока. Можно играть на слабостях соперника. Да и сильного соперника можно сделать слабым, уязвимым, предлагая ему хоккей, для него неудобный, неприятный, как касторка.

Среди «изюминок» тренерской работы – творчество, изобретательность. Они выражаются не только в том, что тренер выдумывает для игроков новые тренировочные упражнения, постепенно обновляя и усложняя их. Но и расширяет амплуа хоккеиста, круг его основных обязанностей, по-новому компонует звенья с принятием контрмер при игре с равным по классу соперником. Тренер творческий, смелый способен подчас побеждать своей командой и куда более сильного соперника. Вот почему в каждом хоккейном сражении существует еще и скрытый интерес.

Наши победы над канадскими хоккеистами в первые годы встреч с ними зиждились главным образом на отличной физической подготовке. А если говорить конкретней – на

сочетании скоростного маневра и умения в условиях, когда наших игроков на поле как бы больше, играть свободно, применяя быстротечный пас. Понадобились долгие и неприятные для канадских хоккеистов годы, прежде чем они тактически и психологически перестроились. К своему превосходству в индивидуальном мастерстве, в умении массированно применять силовое давление, целеустремленно, индивидуально ярко поражать ворота соперники добавили тактическую расчетливость.

Их победы в розыгрыше Кубка Канады, в турнире на приз «Известий» 1987 года, успех их молодежной команды на чемпионате мира 4 января 1988 года, говорят о зрелости тренерских решений. Пусть у всех этих турниров и матчей были разные сюжеты, но общим было вот что: плотная, эшелонированная оборона канадцев лишала наших хоккеистов свободы скоростного маневра, а скученность на ограниченном пространстве игроков не позволяла атакующим пустить в ход такое сильное средство, каким является у нас разноплановый пас. Индивидуальная же игра в позиционной манере, где обороняющимся всегда проще разрушать, где несложно наладить взаимостраховку, выглядела малоэффективной. Канадцы сумели лишить советских игроков привычной тактики, не позволили им сполна проявить свои сильные качества, сыгранность звеньев.

Конечно, в любом матче равных по классу соперников слово может взять его величество случай. Команда побеждает, хотя и не имеет ни игрового, ни территориального превосходства. Сыграл, скажем, слабо вратарь, слишком много команда действовала в численном меньшинстве, вяло был начат матч. Эти и другие подобные мотивы обычно называют тренеры в качестве основных причин неудачи на послематчевых пресс-конференциях.

Конечно, для настоящего специалиста эти доводы малоубедительны, хотя и есть в них доля истины. Истоки поражения своей команды тренеру надо начинать с раздумий о причине сильных действий соперника. Ведь именно это главным образом не позволило его команде сполна проявить себя, выполнить намеченный тактический план. А уж если тренер говорит о слабой игре своих подопечных, то не имеет права утаивать и собственные просчеты. В определении состава, в организации тренировочного процесса, в психологической подготовке команды к матчу.

Начало поединка. Наша молодежная команда, выступая в Москве, проиграла канадским сверстникам первый период со счетом 0:2. Почему? Лишь потому, что не была правильно сориентирована на игру с места в карьер, на высокий темп с первых минут, на захват инициативы. Кто в этом виноват?

Игроки? Ничего подобного. За состояние команды, настрой каждого хоккеиста на игру в ответе только тренер.

В Канаде и США были удивлены нашим катанием – быстрым, непринужденным, без натуги, – этаким красивым, если глядеть со стороны, катанием. Последнее тоже важно – игра же ведется для зрителя. Если движения спортсменов эстетичны – это ласкает глаз. Техникой бега на коньках и с малых лет, и позже, будучи взрослыми, мы никогда не занимались. А вот накатывали за зиму огромный километраж.

Сейчас созданы трактаты специалистов по различным видам спорта о многоразовых тренировках. Они интересны и полезны. Но начало таких тренировок было положено нами, мальчишками двадцатых-тридцатых годов. Зимой на больших переменах в школе мы постоянно играли в хоккей на двое ворот. А после занятий шли на каток общего пользования. От школы до дому не шли – бежали. Или, быстро прикрутив коньки к валенкам, скользили по обледенелым мостовым. Подсчитать бы, сколько же мы проводили на льду времени! Наверное, не менее шести-семи часов в день. Во всяком случае, на катках, на замерзших прудах катались допоздна. Сами не уходили. Нас прогоняли дворники или уводили за руку потерявшие терпение родители.

Вечерами на катках мы не катались – летали по льду, подчас нарушая общее направление движения массы катающихся. Пугали девушек, и не только пугали, но подчас, проявляя свой боевой характер и прекрасное владение коньками, использовали эти достоинства для знакомства. Прием применялся самый простой и, как правило, беспроигрышный. Кто-либо из друзей будто бы случайно подталкивал девушку, и, когда она уже полагала, что падение неизбежно, один из нас тут же подхватывал ее и увозил, сажая на скамейку, в сторону. Кто из девчат в такой ситуации отказывался завязать знакомство со своим «спасителем»!

Вернувшись из Канады осенью 1957 года (и позже), мы, тренеры, сравнивая советский хоккей с канадским, готовились к новым матчам с заокеанскими соперниками. Размышляли о том, как снизить боевой потенциал противника, как тактически лишить его привычной игры.

Может, усилить скоростной маневр игроков по всей площадке с тем, чтобы в единицу времени они пробегали куда больший путь? Тогда на участке, где разыгрывается шайба, наших игроков будет поболее. А это немалый плюс – инициатива опять за нами. Чаще владея шайбой, наши хоккеисты будут иметь возможность обыграть соперника, а за счет быстрого и точного паса атаковать его ворота. Да и в обороне лишний игрок не помеха. Это позволит

наладить взаимостраховку, спаренный отбор, усложнить действия индивидуально сильных канадских спортсменов.

Итак, усилив скоростной маневр, мы ставим сопернику дополнительные рогатки, создаем трудности. В этой связи вспоминаю интересный разговор, состоявшийся у меня с бывшим президентом Международной лиги хоккея англичанином Джоном Ахерном. Это был веселый, остроумный человек. «Что это ваши игроки на реактивной скорости носятся по льду? Лучше бы занялись техникой, подтянули ее, а то команда ваша чемпионом становится, а мы и не знаем, кого из хоккеистов называть лучшим».

Действительно, несколько лет подряд мы с Аркадием Чернышевым по итогам мировых первенств сами предлагали кандидатов на звание лучших в своем амплуа хоккеистов. Но тогда я ему ответил: «Господин Ахерн, как жаль, что вы в зоопарке слонов-то и не разглядели!» Этим я намекал на разницу во вкусах.

Меняются взгляды на хоккей, происходит в хоккейном мире переоценка ценностей. Но тогда многие не хотели замечать сильных сторон нашего хоккея. Хихикали, наблюдая наши тренировки, наши матчи, не только канадцы. Им вторили авторитеты из других стран.

Что касается боссов канадского хоккея, то они долгие годы выдерживали свою гордыню. Любительские команды проигрывали на официальных соревнованиях, чемпионатах мира, Олимпийских играх не только нам, но и чехословацкой сборной. И воспринимали это за океаном как-то уж больно спокойно, не предпринимая никаких серьезных мер для усиления игры своих команд. Долгие годы не менялся их игровой стиль – никто не желал использовать тактическое разнообразие европейского хоккея, прогрессивные тенденции в учебно-тренировочном процессе.

Вызов профессионалам

Мы понимали: у них надежный щит – профессиональный хоккей, слава которому пропета в толстенных справочниках, книгах, мемуарах. Неприступность и величие канадского хоккея постепенно внушались широко поставленной и квалифицированной информацией по радио и телевидению. Неудивительно, что поражения канадских команд в различного рода международных соревнованиях нисколько не влияли на интерес к хоккею в самой Канаде. Зритель по-прежнему охотно заполнял вместительные и великолепные спортивные дворцы – канадские боссы умело оберегали авторитет своего хоккея.

В те далекие годы меня удивил такой вот случай. Знаменитый шведский хоккеист Свен «Тумба» Юханссон, в расцвете своего спортивного дарования, проходил стажировку в Канаде. Было это в середине 60-х годов. И вдруг был забракован. Не подошел в основной состав ни в один клуб НХЛ. Это лучший-то форвард Европы! Кумир публики, в действиях которого гармонично сочетались легкость при исполнении скоростного маневра с целым каскадом технических приемов. Он умел в любое мгновение дать партнеру скрытный пас, уверенно обвести защитника, точно выстрелить по цели.

И тогда, а тем более сегодня, после многих лет знакомства с профессиональным хоккеем, сомневаюсь, что в то время в неприятии «Тумбы» (да и других европейских хоккеистов) боссы профессионального хоккея руководствовались лишь соображениями интересов дела. Полагаю, была в этом «маневре» и доля лукавства. Во всяком случае, при сравнении лучших европейских игроков с канадскими профессионалами им явно не хватало объективности.

Я был знаком с господином Кемпбеллом, руководителем НХЛ той поры. Мне известны его заслуги в организации профессионального хоккея. Но знал я и другое: к советскому хоккею он относился с недоверием, без особых симпатий. Ну что ж, как говорится, насильно мил не будешь. Возможно, все же он излишне болезненно оберегал профессиональный хоккей, не желая замечать, как усердно европейцы стремятся догнать хоккейную Канаду.

Как здорово, что мир меняется к лучшему. Побеждает желание людей жить в мире. Это благоприятно сказывается на развитии международного сотрудничества, мирового искусства, спорта… Повсеместно расширяются и хоккейные контакты. Кроме традиционных официальных чемпионатов мира, Европы,

олимпийских турниров проводятся соревнования среди детских, юношеских, молодежных команд. Значительно шире стали связи на континенте, чаще стали встречаться друг с другом европейские и заокеанские команды – проводятся различные новые турниры, товарищеские матчи. Особую ценность, на мой взгляд, представляют детские и юношеские соревнования. Через призму детского хоккея легче разглядеть новые веяния, распознать, что ждет зрителей и нас, тренеров, в хоккее завтрашнего дня.

И, конечно, повышенный интерес вызывает турнир с участием лучших национальных команд Европы и профессионалов Канады и США.

Верю, пройдут годы, и будет проводиться грандиозный «кругосветный» турнир с участием лучших в своих странах клубов. В этом состязании, которое будет продолжаться до полугода (чтобы не нарушать ритм национальных чемпионатов), ту или иную страну могут представлять поочередно разные команды. Страну-победителя назовет лучшая сумма набранных очков.

В свое время мы с Аркадием Чернышевым обсуждали эту идею с руководителями многих национальных Федераций. Команды Канады, США, СССР, Чехословакии, Швеции, Финляндии уже сегодня достойно могли бы участвовать в подобных соревнованиях. Спортивный мир на протяжении долгих месяцев с удовольствием наблюдал бы хоккейные баталии самого высокого уровня, переживал бы за своих хоккейных кумиров. Какой дополнительный импульс получила бы молодежь мира для своего физического и волевого развития, какая это была бы яркая агитация за хоккей для мальчишек всех стран! И все это в высшей степени отвечало бы духу нового времени.

Однако вернемся к истории. После первого визита в Канаду в 1957 году наши поездки за океан стали регулярными. Ежегодно, обычно под Новый год, мы в течение 15–18 дней проводили турне по Канаде и США, проводя по 10–11 матчей с командами хоккеистов-любителей. Сперва это были клубные команды, а после 1964 года в разных городах мы встречались со сборной командой Канады.

Победы нам давались с большим трудом, но анализ этих встреч свидетельствовал о том, что наш хоккей стал серьезнее, сильнее. В отличие от соперника, мы делали из встреч с ним более действенные выводы, а потому и быстрее росли, наращивали силы. В динамике своего роста наш хоккей выглядел мощнее.

Нельзя сказать, что канадские тренеры мирились с поражениями, не предпринимали никаких мер. С приходом в

сборную команду Канады патера Бауэра началось омоложение ее состава. Этот тренер в черной мантии священника выглядел весьма импозантно. Всегда казался спокойным, почти отрешенным от того, что происходит на льду. Но глаза были живыми. Я знал, что хоккеисты его любили, верили в него. Он сказал мне однажды, что поставлен у руля команды не только потому, что хороший тренер, но и потому, что связан с Богом, а Бог всегда людям помощник…

Бауэр своеобразно и интересно проводил тренировки на льду. Было мало свистков, по-видимому, упражнения оговаривались с игроками заранее. Не слышалось громких команд – он никогда не повышал голоса. Зато было много тихих, спокойных, порой задушевных бесед. По лицу, по жестам игроков можно было догадываться, что они удовлетворены таким контактом с тренером. По выступлениям Бауэра в печати, на пресс-конференциях можно было понять, что мы имеем дело с незаурядным человеком. В теории хоккея он, бесспорно, разбирался.

Так уж повелось, что, изучая соперника, мы больше внимания уделяем игрокам, боевым порядкам звеньев. Этого, полагаю, далеко недостаточно. Главное, по-моему, – знать тренера соперников. Знать его кредо, особенности характера.

Однажды мне показалось, что канадский тренер хочет если не изменить, то хотя бы модернизировать игру своей команды. Дело было в Колорадо. Мы проводили тренировку, а следом на лед должна была выйти канадская команда. На наших занятиях присутствовал и Бауэр. В этом не было ничего необычного. Мы, тренеры, как правило, посещали тренировки друг друга. В этой традиции была не только дань уважения, но и стремление что-либо подметить, почерпнуть для себя в действиях коллеги, хоккеистов, звеньев.

Быстро переодевшись после занятий, мы, советские тренеры, с блокнотами в руках поспешили на тренировку канадцев, И вдруг… видим, что канадский коллега повторяет упражнения, которые только что выполняла наша команда. Чуть позже, после душа, к нам подсели наши игроки. Они тоже были удивлены. Что это? Для чего канадцы позаимствовали наши упражнения? Ради забавы? Вряд ли. Серьезный тренер не будет терять попусту время, отпущенное на подготовку к матчу. Значит, тут другие причины, вызванные симпатиями к нашему хоккею, желанием что-то перенять у него, утвердить в своей игре.

Много лет прошло с того дня. Теперь многие профессиональные команды широко используют советский поточный метод тренировки. И мы этим гордимся. Значит, в

организации тренировок мы с самого начала пошли по новому, рациональному пути. Но в связи с этим случаем хочу как тренер высказать свое мнение по поводу того, как и что следует заимствовать у соперника.

Конечно, команда, которая добивается победы, заслуживает и похвалы, и серьезного изучения. Это несложно сделать, ведь по ходу матча тренер делает пометки в блокноте. К тому же сейчас команды мастеров обслуживают научно-исследовательские бригады, которые фиксируют данные основных средств и методов борьбы, а также записывают матчи на видео. Так что тренер проигравшей команды (если, конечно, он – человек серьезный) имеет возможность оперативно расшифровать видео с записью матча и сказать хотя бы самому себе, в чем соперник силен, в каких компонентах опережает его команду.

А вот вопрос заимствования чего-либо лучшего у соперника – не простой. Конечно, было бы невежеством не замечать, не перенимать чужой опыт. Но как перенимать? Так, как это сделал патер Бауэр? Нет, не так. Я против любого копирования.

Копия… Не люблю этого слова. И не верю, что этим путем можно и в спорте, и в жизни достигнуть каких-либо высот. Подражательство даст на первых порах какой-то эффект, может быть, принесет и победу. Но получит ли удовлетворение тренер? Ведь это будет не его, выстраданное, а заимствованное у кого-то. А потому не будет долговечен и успех. К тому же тренер всегда обязан помнить о том, что за ним пристально наблюдают игроки, постоянно оценивают его действия и поступки. И когда канадский тренер проводил занятия со своей командой по чужому сценарию, то не думаю, что в конечном итоге это подняло в глазах хоккеистов его авторитет.

Тогда как же с обменом опытом? Как изучать, перенимать его у других, применять на практике? Вот несколько соображений.

Первое. Перед тем как предлагать игрокам новые упражнения, тренеру следует тщательно продумать все «за» и «против» по принципу: семь раз отмерь – один раз отрежь. Увидел новое упражнение? Проанализируй его: как, зачем, почему? Все взвесь, «разложи по полочкам». Отбирать из увиденного не просто новое, а только полезное для команды. Это касается и тактических решений для отдельных игровых фаз, а также педагогических, методических подходов к тренировке.

Второй совет. То, что тренер подметил и решил перенять, непременно должно быть переработано, модернизировано. Изменено с учетом уровня, особенностей его команды, достоинств и характера хоккеистов, собственных его убеждений. Лишь тогда новшество придется ко двору, принесет пользу и

хоккеистам, и команде. Лишь такой творческий подход – не механический слепок – обогатит тренера нужным материалом.

Встречаясь с нами в конце 50 – начале 60-х годов, канадцы ничего не меняли в своей игре, ничего не заимствовали из нашего уже тогда довольно разнообразного технико-тактического арсенала. Они еще верили, что сильнее нас, и каждому поражению находили всякий раз какую-либо случайную причину. Получалось, что им у соперника учиться нечему. Кстати, в поисках причин поражений мы, тренеры, бываем куда как изощренны, убеждая болельщика в том, что это случай, что в спорте выигрывают не все, что можно дела поправить, если от команды не отвернется удача. Что касается канадских тренеров, то полагаю, они в то время допустили стратегический просчет: потеряли время, не обогащая свой хоккей, не изменяя его, не тратя время на поиски того, что годилось бы для успешной борьбы с непривычным соперником. А таким предстал перед ними молодой советский хоккей, пусть во многом пока еще и несовершенный.

Итак, канадские специалисты в то время слепо верили в свой хоккей, были убеждены, что привычными им средствами и методами борьбы одолеют всех, в том числе и советские команды. Конечно, после неудач ими предпринимались кое-какие меры. В состав вводились индивидуально сильные, более мощные хоккеисты. Все меньше оставалось в составе возрастных игроков, их стали менять на шустрых, скоростных. На лед выпускались целые косяки хоккеистов-забияк, беспощадных к себе и к соперникам. В каждом матче они испытывали наших ребят на прочность.

Это было время, когда, по требованию руководителей канадского любительского хоккея, были введены правила, расширяющие силовые контакты по всему полю. Это нововведение было направлено главным образом против нас. Хоккей ожесточился. Канадские тренеры рассчитывали главным образом силовым давлением лишить нас легкости, скоростного маневра, четкой игры в пас, той привычной игровой свободы, которая позволяла нашим игрокам играть в коллективный, творческий, крылатый хоккей.

Как же быть нам в новых условиях?

Нужно было оперативно найти единственно правильное решение. Одно напрашивалось как бы само собой – приучить хоккеистов терпеть жестокость канадцев. Судьи справедливы. Они будут удалять соперников с поля. Мы же, усилив игру в большинстве, сможем наказать соперников голами. Но, как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги… А если

арбитрам надоест удалять канадцев? Было немало матчей, когда рефери забывали про свисток. Как быть тогда? Тут наши мнения с А. Чернышевым – нам тогда была доверена судьба сборной – разошлись.

Но в споре с ним я поднимал и другой вопрос. Почему мы должны терпеть жестокость соперника? Ведь на знамени нашего спорта начертано: спортивное рыцарство – превыше всего. Наши спортсмены привыкли к честной спортивной борьбе. Как мы, тренеры, сможем объяснить нашим хоккеистам несправедливость соперников, судей? Даже если мы сошлемся на Льва Николаевича Толстого с его «непротивлением злу», игроки вряд ли с нами согласятся. Потому что в результате «непротивления» они будут получать синяки и шишки, а это унизительно для человеческого достоинства, не повышает волевой настрой. Мы стремимся воспитать ребят в духе справедливости, призываем гордо нести звание советского спортсмена и вдруг предлагаем сносить обиды, терпеть.

Нет, никак не могли мы прийти к общему мнению. И ни у кого не хватало решающих доводов. Ответ на очень важный для нашего хоккея вопрос откладывался. Помог случай.

В то время у нас – и тренеров, и хоккеистов сборной – появилась уверенность в том, что можем бросить вызов профессионалам. И вот однажды в Канаде нам предложили провести матч с «Монреаль Канадиенс». Правда, на лед против нас вышел резервный состав, но зато в воротах команды играл сам легендарный Жак Плант. Матч мы проиграли 1:2. Мы создали более десятка верных голевых моментов, но казалось, что какой-то злой рок мешал игрокам. После игры мы с А. Чернышевым сказали своим хоккеистам: «Не расстраивайтесь. Проиграли матч мы, тренеры!»

В этом матче наши форварды постоянно выходили один на один с вратарем Жаком Плантом, но смогли реализовать лишь одну выгодную ситуацию. На скамейке, где сидели наши хоккеисты, то и дело слышалось: «Вот не везет!», «Да что за напасть такая!». Но нет, сверхъестественные силы были тут ни при чем. Просто Жак Плант в единоборстве оказался сильнее, значительно опытнее наших форвардов.

Так в чем же была наша тренерская вина? В том, что не изучили манеру игры Жака Планта. Не знали, как действует канадский вратарь на выходах, не подсказали, не наиграли на тренировках новые решения, с помощью которых можно было бы усложнить задачу Планта. Наконец, перед началом матча не успокоили ребят, не вдохнули в них уверенность в том, что им, умелым форвардам, в этом первом матче с профессионалами сам

Жак Плант нипочем.

Но не только канадский вратарь был причиной нашего поражения. Соперники умело навязывали нам контактный хоккей, не стесняясь проявлять и жестокость в единоборстве.

На протяжении тридцати последних лет мне довелось наблюдать много матчей профессионалов, и редко, очень редко обходились они без драк. Это, полагаю, своего рода ритуал, и устраиваются потасовки едва ли не специально, так сказать, по плану. Когда в беседе с руководителями клуба «Ванкувер Кэнакс» я однажды обратил их внимание на то, что отдельные игроки и этой команды по технико-тактическому уровню не вполне отвечают требованиям, то мне ответили: ничего, сгодятся для драки в матчах с командой из Филадельфии. Оказывается, планируется не только тактика, но и потасовки. И существуют в командах «должности» драчунов.

Мне показалось, что большинству канадских зрителей нравятся эти побоища: хоккеисты швыряют на лед шлемы, перчатки, клюшки, снимают свитеры, мелькают кулаки, разъяренные, раскрасневшиеся лица… Сочувствуя поверженным, зритель страстно и одобряюще аплодирует все же победителям.

Целых два абзаца посвятил рассказу о драке в канадском хоккее, и сделал это не случайно. Нас также за океаном не раз втягивали в такие сражения, и, к нашему стыду, мы поначалу далеко не всегда выходили из них с честью. Потом, конечно, разбирали эти схватки. В чем дело? Наши игроки как будто не уступали канадцам в силе. Просто не хватало сноровки, да и психологически не были они готовы к кулачным боям. Иногда я шутливо спрашивал кого-нибудь из наших ребят: «Как же ты уступил канадцу? Он как будто не больно-то уж и могуч». – «А что я мог сделать, если он владеет приемами джиу-джитсу, нажал на сонную артерию – и у меня закружилась голова, копыта перестали держать». А другой рассказывал чуть иначе: «Он задрал мне рубаху, закрутил вокруг туловища, – я руками пошевелить не мог, – и молотил меня, как хотел».

Сразу хочу сказать: к дракам отношусь отрицательно. Тем более в хоккее. Ни зрителю, ни спортсменам они не нужны. Для последних к тому же и просто опасны.

Драки оскверняют хоккей. Извращают суть спорта – благородного соревнования в ловкости, быстроте, умении, смекалке… Но приходится говорить об этом. Вынуждают нас к тому обстоятельства, приходится быть бдительным, не уступать соперникам ни в чем, даже в рукопашном бою, коль скоро он стремится с помощью этого средства добиться преимущества, подавить волю наших игроков. Следует к тому же выбить из рук

соперников этот «козырь». Заставить их играть в хоккей жесткий, но в пределах правил.

Но в то время это можно было сделать, лишь победив соперников в жестоком сражении. Чтобы заокеанские хоккеисты осознали, что и у русских игроков кулаки увесистые.

Решить эту проблему оказалось далеко не просто. И так у тренера всегда цейтнот, не хватает времени на совершенствование мастерства хоккеистов, трудно выкроить минутку для дополнительных занятий. И все же мы включили в тренировки вольную борьбу, ускоренный курс бокса, изучали приемы самбо. Особое внимание уделялось скрытности действий. Нам не надо было поражать удалью зрителя. Главное, чтобы отпор ощутил соперник. Впрочем, эту «выучку» проходили далеко не все хоккеисты, а лишь спортсмены-атлеты.

Своего рода эксперимент решено было провести в городе Калинине, что в ста восьмидесяти километрах от Москвы. Здесь хоккейная сборная СССР должна была встретиться в товарищеском матче с лучшей любительской командой – победителем Кубка Аллана.

Когда мне приходится слышать от того или иного тренера, что игроки его команды проявили недисциплинированность, ввязались в драку, а он, мол, ни при чем, то я пожимаю плечами и говорю: «Коллега, ты плохой тренер!» В команде все должно делаться с ведома тренера. Это, понятно, не касается проявления творческой инициативы, мужества и т. п. И если хоккеист – пусть в малом – допускает отсебятину, он способен и крупно подвести команду и тренера.

За подготовку и осуществление акции «укрощения канадцев» отвечал я. Спланировал провести матч таким образом: очень мощное, в галоп, начало, в первом периоде звенья добиваются результата. Далее продолжаем наращивать темп и в конце второго периода, когда соперники чуть подустанут, бросаем вызов канадцам. Решил самое надежное в этом смысле звено выставить против пятерки, где выступали самые крепкие канадские парни во главе с играющим тренером Райтом. Как говорится, рисковать так рисковать.

«Первое слово» поручили произнести форварду Евгению Мишакову. Его должны были решительно поддержать остальные игроки звена – Анатолий Ионов, Юрий Моисеев, защитники Игорь Ромишевский и Олег Зайцев, которому вменялось персонально действовать против Райта.

Все было сделано по сценарию. Завязалась драка, и тут же поодиночке начали выпрыгивать на лед другие канадские игроки. Мы, памятуя о неписаных правилах подобных сражений в Канаде,

стали выпускать своих. И так получилось, что на льду оказалось одиннадцать обособленных пар. Безучастными оставались лишь вратари. Они, облокотившись о верхнюю штангу ворот, взирали на происходящее и, естественно, громко давали советы.

«Ледовое побоище» продолжалось недолго, минут пять. Игра проходила на открытой площадке, каток был залит на футбольном поле, и зрители на трибунах находились далековато ото льда. И когда возникла потасовка, зрители решили, что «наших бьют», прорвали заградительный кордон милиции и устремились на помощь.

Увидев бегущих зрителей, я попросил побыстрее увести команды в раздевалки. Нас, тренеров, тут же попросили в судейскую комнату. Там уже сидел на табуретке канадский коллега. Вид был у него, прямо скажем, плачевный. Свитер порвали, на лице синяки, кровоподтеки. Он повторял одно и то же: «Что, разве мы начали драку?» Я ответил, какая, мол, разница, кто начал. Главное, такой, на канадский манер, хоккей так понравился зрителям, что они решили поближе подбежать к коробке катка, чтобы ничего не пропустить. И, обратившись к судьям, я далее сказал: «Пошли доигрывать матч». И тогда Райт пальцами, словно клещами, вцепился в мою тужурку: «Анатолий, мы не хотим играть в такой хоккей, наших трех игроков, должно быть, отправили в госпиталь, я тоже не смогу выйти на поле. Давай помиримся, давай играть нормально!» – «Коллега, а ты честно расскажешь всем своим, на что способны русские, если их довести до ручки?» Он перекрестился и ответил: «Можешь мне, Анатолий, верить – я расскажу всю правду».

На этом первый наш эксперимент был завершен. Тренер канадской команды сдержал слово и, вернувшись к себе на родину, в интервью журналистам в подробностях рассказал о матче в Калинине. Игроки подтвердили правдивость его слов. Матч этот, кстати, закончился для нас крупной победой со счетом 11:2.

Комментарий Ю. В. Королева

О работе Тарасова над компонентами, в которых мы отставали от канадцев, – силовая борьба и добивание

Каждое турне в Северную Америку, начиная с первого в 1957 году, давало Тарасову обильную пищу для тренерских размышлений. Канадская школа имела

свои характерные особенности, в определенных компонентах превосходя советскую школу. Прежде всего это касалось силовой борьбы и добивания, игры «под воротами».

Наш игрок бросал по воротам и далее наблюдал за тем, какой эффект произвел его выстрел; атака на этом заканчивалась. Канадец же бросал и сразу устремлялся на добивание, подбирал шайбу, и начиналась повторная атака… Мало того, что наши команды много шайб пропускали непосредственно после добивания; эти повторные атаки тоже зачастую приводили к неприятным последствиям. У нас атакующая комбинация заканчивалась броском по воротам – у канадцев выстрелом по цели атака только начиналась.

Помню, как Анатолий Владимирович после возвращения из Канады заставлял Владимира Викулова работать над подправлением бросков защитников, над добиванием шайбы. Частенько шайба попадала в него, бывало больно, он чуть не плакал. Скрипя зубами, выполнял тарасовские указания. А попробуй ослушаться или работать не в полную силу…

Вынужден констатировать: в этом компоненте канадцы сильнее и по сей день.

Их превосходство сохранилось и в силовой борьбе, однако уже не такое разительное, как было в 60-е годы.

Наши хоккеисты того поколения были полегче канадцев и в габаритах им уступали. Но самое главное заключалось в том, что принципиально разнились подходы к силовому единоборству: мы в борьбе отбирали шайбу и двигались дальше, а они, уже завладев шайбой, обязательно давали острастку сопернику. У канадцев это было в крови – каждый технический элемент закончить острасткой! И зачастую наши игроки получали в таких ситуациях травмы, потому что не были внимательны, сконцентрированы: отпасовал партнеру и расслабился – а тут канадец и врезался в него. А спаренный отбор в исполнении канадцев: кто первым подъезжает, овладевает шайбой, а второй уже целенаправленно бьет в корпус. Вообще для канадской школы характерно четкое распределение ролей между игроками и не менее четкое их исполнение.

Для Тарасова было крайне важно ликвидировать это большущее отставание в силовой борьбе. Параллельно шла речь и о психологическом воздействии на всю

команду, ведь если наших игроков будут постоянно бить, не получая достойного ответа, победить нам будет невозможно.

Я был на том знаменательном матче ЦСКА с канадским клубом в Калинине, о котором Анатолий Владимирович так подробно и правдиво рассказывает в книге. Помню, как он попросил моего коллегу, сотрудника кафедры хоккея инфизкульта Льва Гусева: «Ты у нас судья международной категории. Так вот у меня к тебе большущая просьба: свистни два раза – в начале матча и в конце матча. А в остальном мы разберемся с канадцами сами».

Я даже предположу следующее. В Калинине уже советские хоккеисты дали острастку канадцам, да еще какую! И канадцы запомнили этот урок, усвоили, что русские могут дать сдачи, и, возможно, отомстили потом, когда нашему Виталию Давыдову в следующем турне по Канаде сломали челюсть…

Бытует мнение о том, что, дескать, Тарасов страшно гонял хоккеистов по предмету «физика» – атлетизм, скоростная выносливость, ловкость… – давая им немыслимые нагрузки. Упражнения придумывал зачастую сложные, сами занятия проходили в высоком темпе, эмоционально; он внимательно следил, чтобы не переборщить с тренировочными объемами. Однако разговоры о тарасовских перегрузках ничего общего с действительностью не имеют. Анатолий Владимирович прежде всего разрабатывал тактику игры – под нее нужны были технически богато оснащенные спортсмены, – а для этого они должны были обладать целым комплексом физических качеств. Вот какая логическая цепочка выстраивалась. Но и это еще не все. Стержнем всей работы Тарасова являлась психологическая готовность хоккеиста и команды в целом решать самые сложные задачи на пути к самой высокой цели. Поэтому на любой тренировке при выполнении любого упражнения именно психология воспитывалась в первую очередь. Но делалось это незаметно, как бы исподволь.

Как-то давным-давно, более четверти века назад, зашел у нас спор с канадскими и американскими тренерами о тактической идее хоккея. Мы к тому времени уже научились побеждать заокеанские команды. Пока любительские. Но подбирались и к

профессионалам. Во всяком случае, рождалась уверенность, что и их одолеем.

Мы внимательно изучали профессионалов. Замечали в их действиях, в тактических решениях, психологических контрапунктах игры элементы циркачества, излишнего, на публику, артистизма, что лишает действия команды очень важного – рациональной целесообразности. А без этого в матче с равным соперником вряд ли добьешься успеха.

В чем, в каких приемах профессионалы позволяли себе излишества? Поднимаю свои записи той поры.

Защитник. Отобрав шайбу, подолгу ее держит, а то и сам начинает атаку. Нападающий. Прокатывается с шайбой через всю среднюю зону, а войдя в зону соперника, картинным ударом издалека под острым углом бросает ее по воротам. Много, очень много обводки на своей половине поля, в том числе поперек поля, а то и назад, в сторону своих ворот. Передачи ударами по шайбе – прием эффектный, но тактически малоэффективный…

Подумалось тогда: пусть канадские игроки продолжают сохранять свое стремление с оглядкой на зрителя выполнять многие технические приемы, а также применять тактические решения. Им такой хоккей нравится, пусть они его и исповедуют, совершенствуют. Но было и такое опасение: это не может не понравиться и нашим хоккеистам, важно удержать их от соблазна обезьянничать. Ничего наносного, считали мы, не должно попасть в наш хоккей – спортивный, рациональный, где кратчайшим расстоянием между двумя точками – воротами – может быть лишь прямая.

Так же, как недавно велись споры – вступать нашим баскетболистам в схватку с американскими профессионалами из НБА или нет, – в те далекие годы шли дискуссии вокруг таких встреч в хоккее. Но была тогда и еще одна сложность: существовал закон – кто из хоккеистов хоть раз сыграл с профессионалами, тот сам получает формально этот статус, а значит, принимать участие в Олимпийских играх права уже не имеет.

Но мы знали, что, по-видимому, вслед за нами с канадскими профессионалами захотят сыграть и чехословацкие, а возможно, и шведские сборные, так что все главные европейские претенденты на олимпийское «золото» будут находиться в равных условиях. К тому же нам представлялось вполне возможным создание новой, достаточно сильной сборной.

Мы очень рассчитывали на энтузиазм молодых тренеров и спортсменов, которым откроется заманчивая перспектива участвовать в зимней Олимпиаде.

Руководители нашего спорта в то время не могли взять на себя такую ответственность – разрешить нам встретиться с профессионалами. Следовало обратиться в правительство. И такая возможность однажды представилась. В доме приемов на Ленинских горах в Москве правительство давало банкет в честь победителей зимних Олимпийских игр 1964 года в Инсбруке. В одну из пауз мы с Юрием Гагариным (а я попросил его о содействии) подошли к столу президиума. Вначале изложили суть дела Л. И. Брежневу – он в то время занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а затем направились к Н. С. Хрущеву. Он обнял Ю. Гагарина, поздоровался со мной и, узнав о нашей просьбе, подозвал Брежнева и тут же дал санкцию на наш матч с профессионалами. Поблагодарив Ю. Гагарина, я сразу разыскал руководившего тогда спортом Ю. Машина и доложил о только что принятом решении.

Рассказал все в деталях и своему другу Аркадию Чернышеву. Мы вместе с нашими женами подняли тост за новую веху в нашей хоккейной жизни. Тогда мы думали, что, коль скоро нам разрешено сделать вызов канадским профессионалам, матчи не за горами. Но мы оказались плохими провидцами. Понадобились долгие годы для того, чтобы такие встречи стали явью.

А тем временем началась неторопливая переписка с руководителями НХЛ. Нашему представителю в Международной лиге хоккея Андрею Старовойтову давались многочисленные поручения по организации этих встреч. Следовало договориться и о финансовых условиях, и о правилах судейства, и о месте проведения встреч, количестве матчей. Руководство НХЛ почему-то не пылало желанием ускорить дела и на наши нетерпеливые запросы отвечало молчанием.

Было это в середине 60-х годов. Наши хоккеисты побеждали соперников и в товарищеских, и в официальных матчах – на всех турнирах с участием как сборной, так и клубов.

Не то канадцам хотелось еще раз внимательней присмотреться к нам, не то президенту НХЛ господину Кемпбеллу не позволяли снизойти до матчей с советскими хоккеистами его политические взгляды.

Международная обстановка тех лет была напряженной, громоздились торосы «холодной войны». Возможно, руководители НХЛ ждали потепления международного климата, а может, были какие-то другие причины откладывать встречу с советским хоккеем. Мы, тренеры, встречаясь за океаном с коллегами, с журналистами, говорили, что готовы к матчам с профессионалами. А нас продолжали запугивать. И крупными

поражениями, и более того, однажды нам сказали: в некоторых матчах вам попросту некем будет заменять своих игроков, канадские профессионалы на такое, мол, способны… Но мы уже вполуха слушали эти побасенки. Они на нас не действовали. Мы стали опытнее и знали себе цену.

Однажды, когда мы совершали очередное турне по Канаде и США, получили приглашение профессионального клуба «Торонто Мейпл Лифс» провести три матча с хоккеистами этой команды. Тут же собрав хоккеистов, мы спросили их: «Как поступим?» Они были единогласны: «Играть!»

Находились мы тогда в городе Колорадо-Спрингс, истекали последние дни 1969 года. Наша команда была в ту пору как никогда сильна и хорошо сбалансирована. Мы попросили руководителя нашей делегации немедля связаться с Москвой, а позже сожалели, что не сделали это сами. Он, этот руководитель, был карьеристом, всего боялся и в Москву не позвонил. А нам соврал, что в Москве, мол, «против» – нас ждут дома, там свой календарь, его ломать нельзя и тому подобное. Так мы упустили шанс уже тогда «скрестить шпаги» с одной из лучших профессиональных команд.

Мы, естественно, не ждали у моря погоды, не сидели сложа руки. Много и упорно тренировались – но уже целенаправленно, с ориентиром на встречу с профессионалами.

Кратко о том, в чем была суть таких тренировок.

Поначалу встал вопрос: развивать или исправлять? Развивать достоинства хоккеистов, в первую очередь те, что игрокам подарены природой, или – исправлять их слабости, такие, к примеру, как невысокий уровень техники. Решено было действовать на два фронта: развивать сильные стороны хоккеистов, одновременно поднимать их технический уровень, исправляя по ходу дела и другие огрехи. Выбор средств не был затруднительным. Мы, тренеры, верили в чудодейственность атлетизма – этого ускорителя мастерства.

Налегли на совершенствование главных качеств – силы, ловкости, быстроты. В программу занятий включили много имитационных упражнений, где игрок, к примеру, занимаясь со штангой, выполнял сложные гимнастические, акробатические упражнения. Или преодолевал различные препятствия (со штангой!), играл в футбол или хоккей. С большим интересом приняли хоккеисты такой подход к тренировкам по атлетизму. А как смотрелись такие тренировки! На наши занятия приходили сотни зрителей.

Как-то прибыл в Москву представитель одного из американских журналов. Он проявил большой интерес к хоккею,

к нашей армейской команде ЦСКА. Ему была предоставлена полная свобода для знакомства с игроками. На протяжении недели он присутствовал на всех тренировках, приезжал на загородную базу команды, беседовал со многими игроками, с некоторыми играл в теннис. Словом, оказался весьма любознательным человеком. Особый интерес он проявил к силовым упражнениям. Как-то мне говорил, что он впервые увидел, чтобы со штангой бегали, прыгали и играли в футбол. Ему понравился придуманный нами футбол-баскетбол на замкнутой площадке.

Он был немало удивлен, когда спортсмены в ходе тренировки вдруг вступали друг с другом в рукопашный бой с элементами бокса, борьбы, болевых захватов.

Тренировки наши по содержанию были разноплановы и разнообразны, отличались сложностью упражнений и высоким темпом. Так что американский журналист едва успевал перезаряжать свой фотоаппарат. Попробовал он даже потренироваться с ребятами, но хватило его лишь на десять-двенадцать минут несложной разминки. Он выдохся, и врачу команды Алексею Васильеву пришлось приводить его в порядок.

Мы договорились с господином, что вопросы мне он задаст напоследок. И вот наступил день прощания. По окончании тренировки команды я предложил гостю сыграть в теннис, а беседу провести затем в необычной обстановке – в русской бане. Он с радостью согласился. Мы поехали в Селезневские бани, где обычно наша команда парилась. Для нас это был своего рода восстановительный центр. Там, кстати, проходили и наши встречи с болельщиками.

И вот банщик отводит нам отдельный уголок, и я прошу поддать пару по «высшему разряду». Замочил дубовые веники в холодной воде, развел в шайке мыло и попросил переводчика Сергея позвать американского друга. Он вошел в парную в плавках, что-то весело напевая. Я ему помахал рукой, приглашая к себе на полок. Поднялся он на три-четыре ступеньки, сразу как-то присел и бросился назад.

В ту минуту мне было его искренне жаль. Не испытал он всей прелести русской бани. Не ощутил неповторимых запахов хвои, дуба, пряностей, которые обычно добавляют для аромата в кипяток. Его тело не ощутило прикосновения мягких дубовых листьев, так хорошо воздействующих на кожу, на настроение. Не получилась, к сожалению, и наша беседа. Лишь мельком он мог видеть нас, распаренных, огненно-красных, как вареные раки, выбегающих на минутку из парильни…

Через несколько месяцев я получил три номера журнала, на

страницах которого наш друг добросовестно, с помощью многочисленных фотографий, рассказывал о наших тренировках. А завершила репортаж репродукция шестнадцатикопеечного билета в баню, где автору так и не удалось попариться.

Наши занятия атлетизмом дополнялись длительными и нелегкими тренировками на льду. У армейской команды в то время уже был тренировочный каток. Мы получили возможность проводить на льду куда больше времени – до трех с половиной часов в день.

В кропотливом деле совершенствования хоккейного мастерства, развития у игроков команды тактической гибкости тренеру спешить не надо. Важно повозиться как следует с каждым игроком, не упустить существенных деталей, вовремя внести коррективы в действия хоккеиста. Признаться, я любил такую неторопливую вдумчивую работу. Она вызывалась тогда и еще одним обстоятельством. Мы, тренеры, еще и сами не всегда знали, что надо делать в первую очередь. В ходе тренировок мы имели возможность постоянно быть рядом с игроками, наблюдать за ними, вникая во все детали усвоения ими того или иного двигательного навыка, хорошо чувствовали настроение спортсменов. Мы и сами овладевали глубинами своей профессии. Учили своих парней играть в хоккей и учились у хоккея сами.

На льду изо дня в день мы шлифовали быстрые – в одно касание – передачи. Были звенья, умевшие при ограниченном маневре, выступая втроем против двух защитников, держать шайбу в течение нескольких минут. Такой навык, мы знали, в будущем пригодится – канадцы опасны, владея шайбой, а вот потеряв ее, чувствуют себя неуверенно, ведут отбор не всегда расчетливо.

Они украшают хоккей

У нас в команде всегда были асы обводки, такие форварды, как Всеволод Бобров, Василий Трофимов, Александр Альметов, Вениамин Александров, Борис Майоров, Владимир Викулов, Александр Мальцев. Но мы опасались, что, «попав в лапы» жестких канадских игроков, они спасуют. И наши тревоги были не напрасны. Мы предполагали, что в момент обводки соперника тот предложит страстное мужское единоборство. И здесь высокая техника, скорость маневра могут не обеспечить успех атакующему. Не только потому, что разрушать всегда легче, чем создавать. Удивительное умение канадцев отделять игрока от шайбы бывает чревато и травмой – не просто синяком, но и, что опаснее, травмой психологической. Все это наши игроки уже ощущали в единоборствах с любителями, а что будет, когда они столкнутся с куда более мощными профессионалами?

И вот мы придумывали новые сложные упражнения для обводки, атаки ворот. Выполнять эти упражнения игрокам было непросто еще и потому, что им отпускался жесткий лимит времени. Не допускались никакие проволочки. Так, уже в те годы родилась идея полной занятости хоккеистов на площадке, исключающей всякие паузы. А в связи с этим, считали мы, игроки разных амплуа обязаны уметь уверенно выполнять любые технические приемы. И подкатываться к сопернику, и вести с ним единоборство, и отбирать шайбу, не говоря уже о пасе, обводке, завершающих бросках… И все это делать очень и очень быстро!

Просматриваю записи тех лет. Немало жалоб от хоккеистов на трудности, которые они испытывают в результате той «спешки», которую мы, тренеры, им навязали. Причем жалуются игроки творческие, не плаксивые, волевые. Что им ответить? Быть может, мы в самой основе своих требований допускаем перегибы и ошибки?

Когда тренер предлагает игрокам что-либо новое, более сложное, он должен уметь предугадывать, какой может быть реакция хоккеистов, и заранее готовить ответ на эту реакцию. В данном случае можно было бы долго объяснять, в чем суть замысла, провести даже с участием всей команды нечто вроде творческого совещания, но мы, тренеры, поступили иначе. Вам неудобно, сложно? Это нас, тренеров, не интересует. Главное то, что если вы овладеете этими новыми приемами, то намного сложнее будет действовать против вас профессионалам. Хотите успешно сразиться с ними? Идите на лед и совершенствуйте свое мастерство.

Так, довольно круто, мы доводили до игроков нашу тренерскую волю. Совершенно ясно, что это подкреплялось и нашим тренерским фанатизмом. Мы каждый день были рядом с игроками. И проявляли упорства не меньше, чем они, и пота столько же проливали. Мы самозабвенно, каждодневно трудились, и хоккеисты это видели, чувствовали.

В те годы в тактику игры были привнесены новые законы, решения. Они предписывали, например, защитнику выполнять первый пас лишь в сторону средней зоны, причем делать это без задержки. Защитники обязаны были также поддерживать атаку в глубину. Что касается звеньев нападающих, то им предлагалось проходить среднюю зону с помощью паса диагонально-продольной направленности – такие передачи убыстряют развитие атаки. Были четко обозначены требования первой атаки с хода и при непременном движении игрока на ворота, а также повторных атак. Стали браться на учет добивания и помехи вратарю.

Естественно, все это подвергалось анализу не только в количественных, но и качественных измерениях. И что интересно, эти данные в ходе матча фиксировали сами же игроки. Конечно, мы могли привлечь людей из числа общественности, которые с удовольствием добывали бы для нас эти сведения, но мы считали, что игроки таким образом лучше поймут существо наших требований, а поэтому доверяли вести «арифметику матча» хоккеистам, свободным от игры.

Не надо путать тактические схемы, к которым имеют пристрастие некоторые коллеги, с теми игровыми законами, что устанавливаются в команде. Разумеется, законы эти могут усложняться, а подчас и меняться. К примеру, был у нас такой неписаный закон: на участке, где происходит борьба за шайбу, должен находиться игрок, который предлагал бы себя. Он, этот закон, долгие годы действовал, пока соперник не нашел противоядия – густо «посеянную» позиционную оборону. И этот тактический «постулат» стал малоэффективен при игре на флангах, на второстепенных игровых позициях. Значит, сегодня он должен быть дополнен иным тактическим законом – яркой индивидуальной игрой со спариванием соперника на флангах, пасом в ходе обводки с предложением себя на главных голевых позициях.

Что касается тактических схем, то знакомство с ними не повредит игроку. Но если идет натаскивание хоккеистов на схему, если на каждом занятии заставлять игроков действовать так и никак иначе, то польза будет мизерна. Возможно, обернется это и вредом – спортсмен утратит творческое отношение к игре.

Уметь ценить время важно в любой области деятельности. Но в спорте цена времени особая, повышенная. Физическими упражнениями можно заниматься регулярно всю жизнь. А вот в спорте для демонстрации высоких достижений отпущены небольшие сроки – какой-нибудь десяток, плюс-минус пара-тройка лет. Лишь отдельные феномены способны показывать высокие результаты более продолжительное время. В хоккее такими спортсменами, свыше десятилетия радовавшими зрителей своим мастерством, были Александр Рагулин, Вячеслав Старшинов, Владислав Третьяк, Анатолий Фирсов, Вячеслав Фетисов, Владимир Крутов. Среди канадских долгожителей хоккея такие замечательные игроки, как Горди Хоу, Бобби Халл, Жак Плант, и многие-многие другие. Есть все основания хорошо и долго играть и у Уэйна Гретцки.

И все же – с сожалением это повторяю – жизнь в спорте коротка. И каждому большому спортсмену хочется в отпущенный ему срок побольше сделать для спорта, для хоккея, для себя. Продлить то счастливое время, когда игрок «купается в своей звездности», сознавая, что его знают, «на него» идут зрители на стадион, о нем говорят, пишут… Еще никогда популярность не портила настроение ни одному из спортсменов. Лишь недалекие люди бесценным этим временем не дорожат.

Все это должны помнить и учитывать мы, тренеры. В те далекие годы в обойме нашей команды был полный комплект именно таких хоккеистов – самоотверженных, преданных спорту, игре, стремившихся оставить добрую по себе память в истории советского хоккея. Мы это обстоятельство учитывали и… спешили. Спешили скрестить клюшки с профессионалами.

Для того чтобы подогреть интерес к задуманным матчам (а стало быть, и ускорить их проведение), решено было выпустить книгу. Она была адресована любителям хоккея в Канаде, а также специалистам этой игры. Книга «Путь к Олимпу», выпущенная в 1969 году издательством АПН на английском языке, кратко рассказывала о пути, пройденном советским хоккеем. Автор (им был я) сделал попытку сравнить советский хоккей с канадским профессиональным хоккеем по четырем основным компонентам игры – атлетизму, мастерству, тактическим построениям и волевой стойкости. По итогам анализа без каких-либо колебаний автор сделал вывод, что победа должна прийти к советским хоккеистам. Конечно, не в одной встрече, а в серии, где молодая советская хоккейная школа не уступит канадской, имеющей вековые традиции.

Сейчас, когда минуло более 20 лет, когда встречи советских хоккеистов с профессионалами имеют уже свою историю, вновь и

вновь перечитывая ту давнюю свою книгу, пытаюсь найти, в чем же я ошибся.

Что ж, не скрою, ошибки, просчеты были. Например, в те годы, когда в расцвете сил находился Жак Плант, мне казалось, что наши вратари уступают канадским. Но я допустил просчет, оценивая главным образом мастерство вратарей без учета тех условий, в которых голкиперам предстояло действовать. Во время проведения одного чемпионата мира я встретился с великолепным канадским вратарем Кеном Драйденом, в то время уже журналистом. Кстати, скромность, интеллигентность Кена наверняка помогли ему в освоении новой профессии, эти качества всегда нравились мне у людей, пишущих о спорте. Так вот, я тогда задал ему вопрос, который интересовал меня давно.

В Канаде, как известно, очень много хороших вратарей. Защищая ворота своих клубов в чемпионатах НХЛ, они действуют умело, нередко выручают свои команды, а вот во встречах с советской сборной играют не так надежно. В чем тут дело?

Кен согласился с тем, что перепады в игре стражей ворот канадского хоккея действительно существуют, и объяснил это явление так: «Выступая в свое время против советских команд, и я чувствовал себя не в своей тарелке. Ваши звенья очень своеобразно ведут игру у ворот. Они как бы не спешат их атаковать, подолгу перепасовывают шайбу и таким образом маскируют миг завершения атаки. И бросок по воротам, если он точен, часто застает канадских вратарей врасплох. В нашем хоккее, – продолжал Драйден, – атака развивается проще, хотя зрителем, возможно, она воспринимается как острая и мощная».

И что любопытно, это суждение знаменитого канадского вратаря почти полностью совпало с ощущениями того спортсмена, кто в первой серии игр с канадскими профессионалами защищал ворота советской команды. Вот что рассказывал мне Владислав Третьяк о самой первой встрече со сборной звезд НХЛ, сыгранной 2 сентября 1972 года в Монреале.

«Первая же вихревая атака канадцев на тридцатой секунде матча закончилась голом в мои ворота. Шайбу забросил Фил Эспозито. А в начале седьмой минуты игры Пол Хендерсон удвоил счет. Было от чего растеряться. Но подъехали ребята, подбодрили. Я прочел в их глазах многое. И сразу успокоился, стал анализировать – читать атаки канадцев. Они оказались не так уж трудно разгадываемыми. Игрок, прорывавшийся в нашу зону с шайбой, как правило, и наносит удар. Главное – вовремя выкатиться из ворот и увидеть вылет шайбы из-под клюшки соперника. Это наблюдение, а также крепкие нервы помогли мне овладеть собой, парировать многочисленные броски канадских

хоккеистов», – так заключил свой рассказ о первом своем «экзамене» у профессиональных асов наш знаменитый вратарь.

Тот матч, как известно, закончился победой наших спортсменов – 7:3. И весомый вклад в эту первую победу над профессионалами внес Владислав Третьяк.

Итак, о первой моей ошибке читатель уже узнал. Бывают в жизни просчеты и приятные, этот – из их числа. Впрочем, такого же рода оказалась и еще одна моя ошибка. Она заключалась в том, что в книге «Путь к Олимпу» я поставил знак равенства, оценивая бойцовские качества наших и канадских хоккеистов. К тому времени мне довелось посмотреть немало матчей профессионалов, и никогда ни один игрок не выпадал из бешеного ритма игры. Не видел я, чтобы кто-либо спасовал, уклонился от борьбы, не старался изо всех сил. Поэтому, взвешивая боеспособность канадских профессионалов, я уравнял чаши весов, оговорив, правда, что дисциплина у советских хоккеистов выше.

Оказалось, и здесь я был неточен. Конечно же, я знал, что высокий боевой дух игроков профессиональных клубов постоянно стимулируется и параграфом договора, и немалыми долларовыми инъекциями. Но вот в 1981 году, присутствуя на финальном матче Кубка Канады, где наши сражались с профессионалами и победили их 8:1, я стал свидетелем того, как в третьем периоде – кроме двух капитанов, Ги Лефлера и Лэрри Робинсона, – все остальные игроки канадской команды попросту опустили руки. Наши хоккеисты на протяжении всей игры действовали в вихревом темпе, удивительно тактически согласованно. И у многих профессионалов в ряде игровых отрезков просто «кончилось горючее» – не доставало сил для достойного сопротивления. Не помог и тот высокий стимул, о котором я упоминал: в раздевалке канадской команды лежали заготовленные конверты с солидными суммами – наградой за победу. На сей раз стимул был бессилен. Значит, выше, куда выше оказалось высокое сознание долга наших игроков в таком простом и, конечно, важном элементе хоккея, как старание спортсмена.

Не знаю доподлинно, какое впечатление произвела в 70-х годах моя книга на специалистов, на общественность. Позже друзья за океаном рассказывали мне, что она немало разозлила причастных к хоккею должностных лиц. Книга выдержала много изданий. Когда же в начале 80-х годов, будучи в Канаде, я увидел новое, удобного формата издание книги, то попросил своих друзей позвонить в Торонто в издательство с просьбой, чтобы мне прислали пару ее экземпляров. Я стоял рядом с телефонным

аппаратом и слышал ответ: «Пусть автор присылает доллары – книгу мы вышлем». Вот ведь как получается: повсюду безотказно действует всемогущий доллар. Везде. Кроме хоккея. Здесь его возможности, полагаю, все-таки ограниченны.

В нашем сложном, противоречивом мире даже люди честные, справедливые, стремящиеся жить в мире и дружбе, все равно находятся подчас в сетях подозрительности. Мы, советские тренеры и спортсмены, конечно же, мечтали сразиться с профессионалами, чтобы одолеть и их. Но разве спортивная победа, достигнутая в равной и честной борьбе, способна принести ущерб, урон людям?

Долгие годы непререкаемыми авторитетами в мире хоккея были канадцы. Теперь рядом с ними стали русские. Разве это плохо для развития спорта, дружбы людей планеты? Скорей, наоборот. Чем сильнее, зрелищней хоккей в исполнении лучших мастеров, тем скорей многие и многие страны будут стремиться по-серьезному развивать эту игру у себя. С кого брать пример? Есть разные школы хоккея – на любой вкус. Так нет, кому-то не понравилось. Не по душе пришлась перспектива встреч советских и канадских хоккеистов. Встреч на самом высоком спортивном уровне.

Может, руководителям НХЛ мерещился какой-то подвох с нашей стороны? Нас, советских тренеров, и в хоккейных кулуарах, и в открытой прессе кто-то называл чудаками, кто-то видел в нас авантюристов, людей, явно преувеличивающих свои возможности. И лишь немногие встретили наши устремления благожелательно. Чудаками нас считали не только иностранцы, находились и наши. От добра добра не ищут, говорили они. Зачем, мол, такой риск? Сильнейшие среди любителей, советские хоккеисты каждый год привозят с хоккейных чемпионатов «все золото мира». Раззадорите канадских профессионалов на свою шею…

Мы, разумеется, понимали, что представляют собой канадские профессионалы. Знали, что, участвуя в розыгрыше Кубка Стэнли, они не только сколачивают себе капиталы, но и дарят зрителям захватывающее зрелище. Да, встречаясь лишь друг с другом, команды НХЛ как бы варятся в собственном соку. Календарь НХЛ, согласно которому шесть высококлассных клубов по 14 раз за сезон встречаются с одним и тем же соперником, таит в себе и некоторую ограниченность тактических сюжетов. Но внутренне мы понимали, что в техническом отношении они все же сильнее нас.

Здесь блистали тогда такие великие, неповторимые мастера хоккея, как Жан Беливо, Жак Плант, Бобби Халл, Фрэнк

Маховлич, Бобби Орр, Стен Микита, Горди Хоу, Жан-Клод Трамбле и многие другие. Хоккейные представления, своего рода спектакли, растягивались на долгие счастливые месяцы. И вот эти традиции, этот хоккейный ритуал кто-то собрался нарушить. Сразиться с соперником, таящим в себе какую-то непонятную силу, распознать которую можно лишь в хоккейном сражении? Неизвестно, чем это кончится. Эта непредсказуемость встреч с новым соперником не могла не волновать ни болельщиков, ни хоккеистов, ни руководителей НХЛ. Мы это понимали.

Мы, тренеры сборной, всегда помнили аксиому: «Сильные клубы – сильная сборная». Понимали, что доверие к тренерам клубов должно окрылять их. Сборная нуждалась в мастерах со своим «фамильным» игровым почерком. Это касалось не только конкретных игроков, но и целых звеньев. Такие наши команды, как ЦСКА, московские «Динамо» и «Спартак», были представлены в сборной монолитными тройками нападающих. Все они играли по «нотам», составленным тренерами их клубов, что, впрочем, вовсе не означало, что наставникам сборной не надо было работать с игроками из этих клубов.

Если наблюдать матчи профессионалов глазами зрителя, то покажется, что все у них получается здорово. Без устали носятся хоккеисты по льду. Пасы, как правило, точны, финты эффективны, броски по воротам мощны и точны. А какая жажда борьбы! Хоккеисты не играют – бьются на льду за победу.

Но если на матчи профессионалов взглянуть и оком профессиональным, и именно по этой высокой мерке сравнить с нашим хоккеем, то, учтя волевой настрой, дисциплинированность советских хоккеистов, их тяготение (при ярких индивидуальных качествах!) к командной игре, не такими уж грозными и непобедимыми покажутся клубы НХЛ. А если к тому же и кое-что нам изменить в действиях нашей команды, усилить их…

В ту пору в канадском хоккее, помимо, пожалуй, Бобби Орра и Карла Бревера, не было защитников, нацеленных на атаку. Большинство придерживалось позиционных принципов игры. Отбор шайбы канадцы стремились вести спаренно: один из игроков буквально врезался в соперника, блокируя его, а партнер подхватывал шайбу и развивал атаку. А если попытаться нарушить годами наигранные схемы соперника? Незаметно, например, отсечь форвардов от защитников – тогда они не будут поспевать согласованно действовать, оказывая друг другу помощь и в атаке, и в обороне. И оказалось на деле, что сделать это не так уж сложно.

Сумма скоростного маневра у наших звеньев была примерно в полтора раза выше. Проявляя больше активности в действиях

без шайбы, мы стремились одним выстрелом как бы двух зайцев убить – создавать условия для быстротечного паса и нагнетать темповую, темпераментную и разноплановую игру. Все это не должно было понравиться будущим нашим соперникам. Вряд ли смогли бы они при этом применять на протяжении всего матча их излюбленную и очень опасную для наших ворот тактику силового давления, спаренный отбор шайбы и многие другие тактические уловки.

И начали мы, как дома строят, – по кирпичику. Взялись за перестройку игры защитников. Они у нас были приучены действовать активно. Это хорошо, говорили мы им, что вы умеете поддерживать атаку форвардов, участвовать в розыгрыше шайбы в зоне соперника и завершать атаку. Но теперь, дорогие наши богатыри, ваша квалификация будет оцениваться и по такому очень важному навыку: умению отобрать шайбу и быстро – очень быстро и точно – ее отдавать. Не просто сохранить темп, а – ускорить организацию длинной контратаки. И это значит, что вам надо научиться выдавать шайбу своему форварду в направлении средней зоны, и не просто выдавать, а – посылать шайбу удобно, туда, куда просит нападающий с учетом внезапности его маневра. Кто из защитников не воспримет этой тактической перестройки, кто не овладеет мастерством первого паса, тот будет списан в тираж. Так решительно заявили мы своим игрокам. Классические образцы игры по-новому демонстрировали защитники Александр Рагулин, Эдуард Иванов, Валерий Васильев и другие.

Потребовалась корректировка и действий нападающих. Надо было облегчить участь защитников, предвидеть, что им придется действовать и один на один, а то и один сразу против двух канадских форвардов. Следовало лишить атаку канадцев стройности, единого скоростного порыва. Для этого на рубеже своей синей линии важно было создавать силовой заслон – тогда канадцы, для того чтобы войти к нам в зону, будут вынуждены пробрасывать в нее шайбу. В этом случае один из наших защитников (тот, что ближе к воротам) сможет, несколько упреждая события, готовиться к перехвату шайбы и организации контратаки – длинным и быстрым пасом в направлении средней зоны на ход атакующему звену. Быстро переключившись от обороны к атаке, мы застигнем врасплох канадских защитников. Они будут действовать в невыгодном для себя маневре противохода, да к тому же и в одиночестве. Ведь нападающие не сумеют успеть возвратиться в оборону и реально помочь защитникам. На поле часто станут возникать ситуации, когда наше звено нападающих будет выкатываться против двух канадских защитников.

В те времена, рисуя «чертеж игры», мы были убеждены, что такое решение сможет сразу давать ощутимый результат. Но в жизни все оказалось сложней.

Новые идеи мы, разумеется, не прятали под сукно до встреч с профессионалами, использовали их во встречах с канадскими любителями. Но срабатывали они лишь в первой фазе, когда мы оборонялись или организовывали контратаку. А вот имея при развитии атаки лишнего форварда, нужного эффекта не добивались. Обыграть двух защитников наши звенья никак не могли – ни пасом, ни обводкой. Два удивительно спокойных защитника с чувством собственного достоинства откатывались к воротам спиной вперед, помахивая при этом клюшкой, словно рапирами, как бы приглашая форвардов к ближнему бою. И когда звено нападающих сближалось с воротами, канадцы атаковали центрового форварда, а у фланговых нападающих к этому моменту шансы поразить цель были уже минимальными. Угол обстрела был слишком острым, и у штанги находился вратарь.

Наш замысел, согласно которому скорость атаки в зоне соперника должна возрастать, нуждался в корректировке. На тренировках вместе с ведущими игроками своих клубов мы стали проигрывать различные варианты завершающих фаз атаки. Нашли простое, но, как нам тогда казалось, мудрое решение. Нападающий, владеющий шайбой, войдя в зону соперника по центру, сбрасывает скорость или совершает маневр вправо-влево. Один из его партнеров с фланга устремляется за спину защитника, готовясь получить шайбу для атаки ворот с ходу. У защитников сразу возникают при этом непредвиденные трудности. Ведь нужно, согласитесь, опекать нашего форварда, находящегося рядом с вратарем. Значит, другой защитник вынужден действовать против двух нападающих, которые могут применить и быстрый пас, и обводку. Да и броски их опасны, так как перед вратарем маячит форвард, готовый создать помеху, подправить, добить шайбу.

Но главной и, пожалуй, самой трудной из стоящих перед нами проблем было воспитание хоккеистов боевых и дисциплинированных, с развитым игровым мышлением и культурой, готовых ради успеха коллектива биться с первой до последней секунды матча. И не только матча, а и во время рабочих буден, где закладываются основы успеха, выковывается мастерство, рождается уверенность спортсменов в себе, где игроки и тренер становятся единомышленниками.

Мы обрели реальную готовность к матчам с профессионалами. А они все откладывались и откладывались. Но зато мы стали куда увереннее обыгрывать лучшие любительские

клубы Канады, сборную этой страны. Однажды во время турне по Канаде и США мы сыграли одиннадцать матчей и выиграли все до единого. Это было в январе 1969 года. Такие уверенные победы над канадцами позволяли нам заканчивать с триумфом чемпионаты мира и Европы, олимпийские турниры.

Известно, что мы с Аркадием Чернышевым проработали в сборной бок о бок десять лет кряду и все официальные соревнования завершали победой. Добившись успеха на Олимпийских играх 1972 года в Саппоро, мы передали сборную новым тренерам – Всеволоду Боброву и Николаю Пучкову. Делая это, мы попросили новых коллег, чтобы они не ворошили звенья, повезли в Прагу на очередной чемпионат мира все тот же непобедимый состав.

От победы в Саппоро до первого матча в Праге команду отделяли лишь пятьдесят три дня. Но новые тренеры поступили по-своему. На мой взгляд, нелогично. Они не включили (а мы не понимали почему) в состав Анатолия Фирсова. А внутри команды сделали серьезные перестановки, отказались от новой системы игры с двумя хавбеками, вот уже несколько лет кряду дававшей очень хороший результат. И, к огорчению любителей хоккея, в Праге команда впервые за много лет оступилась. Этот чемпионат выиграли хозяева турнира – игроки сборной Чехословакии.

Не знаю, чем руководствовались боссы канадских профессионалов, но согласие на проведение серии двусторонних матчей ими было дано сразу после нашего неудачного выступления в Праге.

Когда мы с Чернышевым узнали о реальности этих матчей, то нам, конечно же, взгрустнулось. Все же это была наша сборная. Долгие годы готовили мы ее к сражению с профессионалами. В качестве тренеров сборной мы «не дожили» до матчей считаные месяцы. В марте мы передали сборную своим коллегам, а второго сентября в Монреале состоялась первая встреча советских и профессиональных хоккеистов. Мы с Аркадием Ивановичем рассчитывали, что руководители Спорткомитета обратятся к нам за помощью. Но этого не последовало. К тому времени куратором сборной стал один из зампредов Спорткомитета, человек энергичный, но и не бескорыстный, он был не прочь извлечь из хоккейных побед пользу и для себя. И он знал также, что мы с Чернышевым этого не потерпим.

Сейчас, когда с той поры прошло много лет, друзья меня упрекают: «Вам надо было возвращать себе сборную». Легко сказать… Тогда сделать это не позволяло многое. Да и гордость протестовала. Мы ушли со спокойной совестью, непобежденными и, пожалуй, впервые в истории советского спорта – по

собственному желанию.

Смущали и такие два обстоятельства. Первое: а как быть с теми, кто поставлен у руля? Создать единый тренерский коллектив тогда не представилось возможным. Слишком уж разными были у нас взгляды на средства и методы спортивной борьбы, на тренировочный процесс и, главное, на отношения с игроками. И второе: мы побаивались, что получим отказ. Когда мы узнали, что самые большие авторитетные игроки поднимали вопрос о возвращении нас в сборную, а им достаточно неделикатно затыкали рты, то поняли, что следует смириться и ждать этих эпохальных встреч. Хотя, признаться, трудно было свыкнуться с тем, что придем мы на матч в роли зрителей. По ночам мне даже снились эпизоды предстоящих игр. А наяву я не раз устраивал себе проверки, «сражаясь» с профессионалами на игровой доске с контурами хоккейного поля, передвигая на ней фишки, обозначающие «своих» и канадских игроков.

А теперь, читатель, подведем некоторые итоги встреч с канадцами.

На уровне сборных сыграно 112 матчей. СССР – 76 побед, Канада – 26, ничьих – 10. Победы в турнирах: СССР – 30, Канада – 9.

Поучительны итоги встреч двух советских команд – ЦСКА и рижского «Динамо» – с клубами НХЛ на рубеже 1988–1989 годов. Известно, что два наших клуба за двенадцать дней провели четырнадцать матчей с разными профессиональными командами. Кому сложнее было добиваться успеха: советским хоккеистам или канадским и американским профессионалам?

Хозяева действовали на своих (с привычными габаритами) катках, в окружении своих доброжелательных зрителей. Хотя встречи эти проходили в режиме чемпионата НХЛ, клубам не создавались какие-либо особые условия для подготовки к матчам с советскими командами, но, как говорится, в гостях хорошо, а дома всегда лучше. Однако главную сложность для наших клубов вижу в другом. Они играют на виду у заокеанских тренеров и специалистов. И те имеют возможность изучать тактические особенности советских команд, средства и методы борьбы звеньев, в том числе и ведущих, быстро вносить коррективы в действия своих игроков. Были у наших тренеров, хоккеистов и другие, куда более сложные заботы.

Это лишь с высоты птичьего полета многим кажется, что все канадские клубы действуют примерно одинаково. Это далеко не так. У каждого клуба свои традиции, свои выдающиеся игроки со свойственной лишь им одним манерой игры. А главное – каждый

тренер клуба по-своему понимает хоккей, у каждого свои взгляды на то, как строить действия звеньев, добиваться успеха. А наши тренеры и хоккеисты, перелетая из города в город, не имеют времени узнать важные подробности об игре соперников, не говоря уж о том, чтобы хоть разок увидеть их в деле.

Результат этого турне известен. ЦСКА победил в четырех матчах, одну встречу свел вничью и дважды потерпел поражение. Неплохой результат. На счету динамовцев Риги лишь две победы, четыре поражения и один ничейный результат. Особенно неприятно оступилась команда в городе Ванкувере, проиграв хозяевам со счетом 1:6.

Я хорошо знаю этот канадский клуб, не раз видел его в игре и убежден, что нашим лучшим командам профессионалы по плечу. Почему же столь разительные итоги выступлений наших двух клубов в этом турне? Конечно, все дело в классе звеньев, игроков. Имею в виду и подбор хоккеистов, и их сочетание, и игровую культуру. Хоккеисты ЦСКА были в этом на порядок выше рижан.

Под культурой подразумеваю осмысленность тактических действий звеньев. Быстрая контратака, диагональный и продольный пасы, скрытная игра в средней зоне на впереди катящегося, скоростное и почти одновременное проникновение трех форвардов в зону соперника, поддерживаемое из глубины поля защитниками. Форварды одержимы стремлением с хода, не давая сопернику опомниться, провести атаку ворот и столь же остро повторить атаку. Сочетание индивидуальных и коллективных и, что очень важно, эффективных средств игры.

Моментами создается впечатление, что армейские хоккеисты могут действовать и вслепую, до того уверенно они владеют шайбой и ею распоряжаются, причем скрытно от соперника. Особенно – ударное звено Ларионова. Каждый игрок в этой связке индивидуально неповторим, но понимание хоккея – единое. Цементируют это звено и дружба спортсменов, и высокая требовательность каждого игрока к себе и товарищам, а также высокая сознательность, чувство ответственности перед коллективом. Все хоккеисты в достаточной степени самолюбивы, каждый уже давно сам себе тренер – все это помогает им умело готовиться к матчам, от сезона к сезону наращивая свое мастерство, повышая класс звена. И хотя в том турне пятерка Ларионова не во всех матчах действовала результативней других звеньев, ее присутствие на площадке, дающее возможность молодым хоккеистам учиться у асов, ощущать их поддержку, поднимало боеспособность команды в целом.

Многих достоинств команды ЦСКА не хватало рижанам, хотя для первого столь сложного турне их результат следует признать

не таким уж плохим.

Ну, а что же профессиональные клубы? Смотрели мы эти захватывающие поединки, где соперники хоть и действовали по единым правилам, но… как бы играли в разный хоккей. Профессионалы – в свойственной им манере, где первенствовали сила, бесстрашие, напор, желание игроков подержать у себя шайбу, демонстрируя яркое техническое умение. Но мне показалось, что редко кто из них беспокоился о тактической целесообразности своих действий. Нельзя, конечно, сказать, что каждый играл для себя, был эгоистичен, но было бы преувеличением утверждать, будто каждый хоккеист желал успеха партнеру.

Все же стремление лично отличиться довлеет у профессиональных игроков над командными действиями. Отсюда и малая выразительность тактических построений, не доставляющих сопернику неудобств. Привлекательность такого хоккея для зрителей не снижается, в длинном календаре НХЛ все матчи смотрятся захватывающе, собирая большие аудитории. А вот спортивные результаты профессиональных клубов страдают, не могут не страдать.

Однако увидели мы и ростки нового у профессиональных игроков. Они стали чаще и качественнее применять передачи. Некоторые защитники, отобрав шайбу, стремятся ею быстро и точно распорядиться. Отдельные клубы куда ответственнее стали относиться к удалению своих игроков. Игру в неравных составах начали вести специально скомпонованными и специально обученными звеньями.

Понравилась и игра ведущих звеньев, пользующихся сменой ритма – как при общем маневре звена, так и в действиях отдельных игроков. Давайте вспомним, как команда «Бостон Брюинс» в матче с ЦСКА, проигрывая 1:5, в последние двенадцать минут встречи сумела забросить три шайбы. Армейцы были буквально ошарашены мощной атакой профессионалов, и лишь чудо не позволило сопернику сравнять результат.

Пусть не думает читатель, что автор стремится кого-то поучать. Я профессиональный тренер и обязан не только «фотографировать» хоккейные баталии, но и делать выводы, извлекая из уроков пользу для себя и для хоккея. Дело иностранных тренеров и специалистов создавать свой хоккей, соответствующий их пониманию этой игры. Пусть сами решают, что брать у соперника, что отвергать, как использовать увиденное…

Но хочу сказать, что во всем этом вижу и трудность, и особую привлекательность тренерской профессии. Создать из средней

команды способный побеждать коллектив, мотивы игры которого по душе и каждому хоккеисту, и сердцам зрителей – это ли не самая привлекательная задача для тренера? У такого тренера – умельца, новатора, – как у художника, своя мастерская, свои краски, манера «письма». И именно такой тренер вместе с игроками способен подарить зрителю красочное, захватывающее зрелище.

Мы, тренеры, как, впрочем, и люди других профессий, бываем, как гласит русская поговорка, крепки задним умом. Конечно, немало было досадных осечек, особенно в последние годы. Объяснения же нашими тренерами причин этих неудач часто звучали неубедительно. Сыграли плохо отдельные защитники? Ты, тренер, включал в команду именно их, а не других. Вяло провели игроки первый период? Ты, тренер, целиком отвечаешь и за настрой спортсменов в течение всего матча. Это твоя прямая обязанность. Слабо сыграла команда в численном неравенстве? Виноваты не хоккеисты, а ты, тренер, не прививший им навыка такой игры, не создавший звена, которое особенно умело проводило бы эти важные минуты матча. Приходилось слышать и такие оправдания тренеров сборной: хоккеистов, мол, выбила из седла жестокость канадских игроков. А ты, наставник? Неужто рассчитывал на галантность соперника? Неужто не знал его игровой нрав?

Наконец, многие поражения объясняли тем, что ушел Владислав Третьяк. Об этом стоит, пожалуй, поговорить более подробно.

Как продлить игроку спортивную жизнь – достойная тема для диссертации любого тренера. Но что-то такие работы не попадались мне на глаза.

Я уже говорил о том, что талантливый атлет живет в большом спорте дольше рядовых спортсменов-тружеников, сохраняя рациональность двигательного навыка, творческое восприятие игры. Он, как правило, умеет разумно тренироваться и готовиться к матчам. Таким и был в тридцатилетнем возрасте Владислав Третьяк.

В Канаде, особенно в прошлые годы, много было выдающихся «хоккейных долгожителей». Вспоминаю, как в Москву приехала сборная профессионалов ВХА с легендарным Горди Хоу. В одном звене с ветераном играли два его сына – Марк и Марти. В той же команде выступал и не менее знаменитый Бобби Халл – хоть и помоложе, чем Горди Хоу, но тоже хоккеист в возрасте. Несмотря на это, он забросил тогда больше всех шайб. Чуть позже у меня состоялся с ним сложный и, наверное, не совсем приятный для него разговор.

Я давно знаю Бобби Халла. Видел его в деле, когда Бобби было двадцать лет и он начал играть за команду Чикаго. Он как-то сразу запал мне в душу. Когда я видел его на льду, мне казалось, что он не играет – творит. Не выпячивая собственного «я», он идеально руководил партнерами.

Как игрок он соответствовал моим тренерским вкусам и по маневренности больше всех из канадцев приближался к нашим игрокам. В его действиях, в манере кататься было чуть от балетной пластики. А на лице всегда сияла такая милая глазу зрителя улыбка. Шайба от его клюшки летела – был ли это пас или бросок по воротам – с поразительной точностью: отклонение составляло не более дюйма. Передачи всегда были очень удобны для партнеров – шайба посылалась и вовремя, и с нужной силой.

Нравилось мне и рыцарство этого спортсмена. По-видимому, он считал обязательным для настоящего хоккеиста обилие шрамов на лице: у него их было несколько десятков – своего рода визитная карточка отважного хоккейного бойца. У Бобби Халла была этакая особо надежная хоккейная посадка, что помогало ему в любых столкновениях сохранять устойчивость, – он красиво и легко нес свое туловище с широко развернутыми плечами и гордо поставленной головой. Не было, пожалуй, в канадском хоккее игрока, который бы столь же красиво и в то же время предельно экономно действовал в разных фазах игры.

Халл не был быстр. При солидном весе (около 87 кг) и при росте 178 см он не владел высокой стартовой скоростью. Но никто не смел сказать, что он медлителен. Халл поспевал всюду, мог догнать любого соперника и навязать ему единоборство, а в атаке – опередить любого. Сказывалась высочайшая техника маневра, где, как известно, экономность движений играет не последнюю роль.

Бобби Халл был результативным игроком. За время игр в НХЛ он забросил 610 шайб (не считая матчей Кубка Стэнли), сделал 560 голевых передач. И сегодня его имя в первых строках той таблицы, где отражены «достижения всех времен» профессионального хоккея.

У этого хоккеиста, помимо всего прочего, был удивительный дар предвидения. Он легко «читал» хоккей и знал, как может развиваться атака, куда последуют передачи, прострелы. А в моменты наивысшей кульминации перед воротами он, кажется, забывал обо всем на свете – его пытались сбить с ног, хватали за руки, били, провоцировали на драку, а он хладнокровно, не обращая никакого внимания на выходки соперников, делал свое дело. Пасовал, обводил, поддерживал атаку и как-то по-особому просто и логично завершал ее.

Ближе познакомился я с Бобби Халлом, когда в Советском Союзе решили издать его книгу, а мне предложили написать предисловие к ней. Кстати, книга эта таила в себе массу полезных советов, особенно молодым любителям хоккея, написана была хорошо, доступно, искренне. В этой своей книге «Моя игра – хоккей» Бобби Халл однажды сказал: «Хотя хоккей командная игра, в которой резко выступает индивидуальное мастерство, КОЛЛЕКТИВИЗМ в нем имеет решающее значение». Этот игрок, пожалуй, первым из числа профессионалов провозгласил приоритет коллективных действий, хотя, как сам он говорил, «тяжело «делить» с кем-либо каждый забитый гол».

Откуда-то он узнал, что у меня дома – своеобразный хоккейный музей. В своем рабочем кабинете храню коллекцию наград. Тут и правительственные, и спортивные – различные кубки, памятные призы, стена увешана вымпелами. А самое дорогое для меня богатство – клюшки выдающихся игроков мирового хоккея. Они огромным букетом красуются в углу в специально приспособленных корзинах. Во время своего последнего визита в Москву Халл вручил мне клюшку с автографом.

Он, как мне показалось, и на этот раз остался доволен своей игрой. Но все же спросил мое мнение о ней. Я ответил, что сыграл он лучше других – команда Канады выступила тогда в Москве не слишком удачно. «Но, – предупредил я Бобби, – не обижайся на меня. Я ведь тренер, а потому немного мясник, должен «рубить сплеча», говорить не только приятное, но и горькую правду». И посоветовал великому хоккеисту Бобби Халлу повесить коньки на гвоздь. Не каждому понравится такое. «Но ты же сам сказал, что я сыграл здесь лучше других!» – чуть не с обидой в голосе воскликнул мой собеседник. Тогда я достал свой блокнот и показал ему цифры. Во время игры Бобби пробежал по льду около четырех километров, а наш игрок Борис Михайлов – более десяти. И Бобби все стало ясно.

Но мы чуть отвлеклись от разговора о Третьяке. Рассказ о спортивных долгожителях Канады мне понадобился вовсе не для того, чтобы упрекнуть Владислава за его ранний уход из спорта. Просто полагаю, что читателю интересны такие примеры долгого и верного служения хоккею. Их, впрочем, немало не только в канадском хоккее, но и у нас. Выдающийся защитник Николай Сологубов играл – и как играл! – до тридцати девяти лет. Другой олимпийский чемпион и чемпион мира нападающий Виктор Якушев сражался за свой родной клуб «Локомотив», когда ему было уже за сорок. Все это в который раз свидетельствует о долговечности таланта.

Конечно, можно и искусственно продлить жизнь игрока в хоккее. Тренер как бы мирится с падением быстроты действий, боевитости спортсмена и оставляет его в звене, руководствуясь подчас тем соображением, что опытный ас поддержит молодых партнеров, передаст им то, что знает и умеет сам. Но куда лучше сделать это много раньше, когда ветеран, как говорится, в соку. Тогда же образец для подражания будет подлинным, без скидок на возраст, да и команда от такого сочетания страдать не будет. Скорее наоборот.

Теперь конкретно о Третьяке. Никто не заметил спада в его игре. Даже придирчивые специалисты. Более того, во многих матчах сезона 1984 года он становился палочкой-выручалочкой и для своего клуба ЦСКА, и для сборной. Однако роль вратаря в хоккее – не одни лишь радости. Попробуйте поставить себя на место человека, в которого ежедневно десятки, сотни раз швыряют – сильно, неожиданно, коварно – плотный, как резиновая пуля, каучуковый диск. И летит он подчас со скоростью свыше 140 километров в час. А вратарь обязан не уклоняться от этого жалящего полета, а, наоборот, подставлять под разящий бросок не только клюшку, но и тело, и руку, отбивать шайбу стоя, лежа, в падении, вступать в жесткое единоборство с форвардами. Словом, как говорят в шутку сами вратари: «Мы стоим под градом летящих булыжников без права увернуться».

Трудна и очень ответственна миссия вратаря. Владислав Третьяк исполнял эту роль по-настоящему – серьезно, умело, профессионально, требовательно по отношению к себе. С шестнадцати лет был он приобщен к команде мастеров ЦСКА, а вскоре стал чемпионом Европы, выступив в составе юношеской сборной. В течение пятнадцати лет Владислав бессменно занимал ответственный пост в воротах и клуба, и сборной, сражаясь вместе с товарищами всегда лишь за победу. И в том, что он – по просьбе жены, родителей, близких ему людей – решил завершить свою спортивную вратарскую карьеру, ничего предосудительного нет. Жена, дети, родственники захотели чаще видеть отца, сына, мужа дома, в кругу семьи, вместе ходить в театр, в гости… Все это естественно, нормально.

Так, значит, правильно поступил Третьяк, подав в отставку? Я считаю, нет. Чья же тогда здесь вина, ошибка? Полагаю, и самого Третьяка, и его тренера.

Вратарь, конечно, должен был понимать, что еще нужен команде, хоккею. Ведь выдающийся спортсмен не может принадлежать одному лишь себе. В его становление как игрока немало усилий, опыта, знаний вложили и тренеры, и товарищи по команде. К вершинам хоккейного искусства, к заслуженной славе

шел он вместе с ними. В спортивной команде, как в пирамиде, все взаимосвязано. Вынь один кубик – рассыпятся и другие. Разве вправе выдающийся игрок уйти из хоккея, не посоветовавшись с теми, с кем рядом оттачивал свое мастерство, закалял характер, сражался на льду?

Полагаю, что и тренер, если в команде у него такой хоккеист, да еще в критическом возрасте, коль есть еще в нем нужда, мог бы заинтересовать спортсмена новыми тренировками, новыми возможностями.

Убежден, останься Третьяк в сборной хоть на несколько лет, она не знала бы поражений и спали бы наши любители хоккея куда спокойней.

В моей тренерской практике был подобный случай, когда я уговорил нужного команде ЦСКА игрока еще на год остаться в хоккее. Речь идет об Александре Альметове – знаменитом хоккеисте 60-х годов, форварде творческом, тонком тактике, владевшем и классической обводкой накоротке, и хитрющим точным пасом. Я понимал, уйдет он – померкнет игра великих фланговых игроков Константина Локтева и Вениамина Александрова. Это было неизбежно. И я попросил Александра подождать с уходом. Поиграть еще годик. Убедил и его красивую жену, чтобы потерпела, позволила Александру еще послужить хоккею. Она со мной согласилась.

С уходом ветерана, игрока из тех, что зовут ключевыми, тренер обычно меняет тактику игры звена. И если говорить о Третьяке, то после того, как он покинул лед, следовало – хотя бы на первых порах – творчески перестроить оборону. Усилить ее надежность. Этого не было сделано, и наша сборная стала пропускать много шайб «сверх нормы».

Выбор тактики, разработка стратегии находятся в прямой связи не только с общим классом команды, но и с уровнем мастерства игроков отдельных амплуа. Может ли трио нападающих рассчитывать на успех, на полноценную атаку, если только один защитник в звене надежен в отборе шайбы? Это будет выглядеть лишь авантюрой. Такая, с позволения сказать, атака рискнет обернуться неудачей – соперник, отобрав шайбу, может наказать команду, направив свои действия против неумелого защитника.

Проблема возраста спортсмена имеет и еще одну сторону. Умеет ли атлет следить за собой, за своим физическим состоянием, здоровьем? Разумеется, физическая культура, спорт закаляют человека. Это аксиома, если речь идет об умеренных нагрузках. А вот спорт на профессиональном уровне с его физическими и нервными перегрузками – благотворен ли он для

здоровья? Это, как говорится, еще бабушка надвое сказала. Многое зависит от самого спортсмена, его общей культуры. Но и от природы-матушки, от запаса прочности организма.

Трехразовые объемные, концентрированные тренировки, особо сложные в подготовительном периоде, не каждому хоккеисту по плечу. Сердечно-сосудистая система, легкие должны привыкнуть, по-научному – адаптироваться к большим нагрузкам. Во время выполнения некоторых упражнений пульс спортсмена учащается до 200–220 ударов в минуту. Важно и другое. Готовность организма за какой-нибудь десяток секунд восстановиться, набраться новых сил, чтобы вновь включиться «в работу» на больших оборотах.

Часто встречаюсь с хоккейными ветеранами и некоторых не сразу узнаю. Пополнели, обрюзгли. Причина, кажется, ясна. Не сумел бывший хоккеист уберечься от соблазнов жизни, разумно перейти с ледовой площадки на иное поле деятельности. Не учел всех нюансов такой перестройки. Тренировался, как вол, не жалея себя, сытно ел, восполняя затраты организма ежедневными 5–6 тысячами калорий. Перешел на иной ритм жизни – позабыл о необходимости физических нагрузок, не снизил ни объема, ни калорийности питания, а самое главное – перестал соблюдать спортивный режим, что долгие годы был для него законом. Увы, спортивная медицина пока скупа на рекомендации тем, кто покидает большой спорт. Особые претензии врачам команд мастеров. Они, как правило, совсем перестают интересоваться теми спортсменами, кто по возрасту покидает команду.

Мы, тренеры, всегда учитывали более высокий возрастной ценз канадских профессионалов. С одной стороны, мы отдавали должное их опыту, здоровому самолюбию, постоянному стремлению поддерживать на высоком уровне свое реноме. Рядом с ветеранами и молодые хоккеисты чувствуют себя уверенней. Но знали мы и другое. Опытные канадцы уступают нашим игрокам не только в скорости маневра, но и в быстроте действий.

Одна из книг о выдающемся игроке советского хоккея была названа «Три скорости Валерия Харламова». Почему? Да потому, что в действиях Валерия на площадке удивительно гармонично – и будто соревнуясь друг с другом – проявлялись и быстрота маневра, и факирская ловкость в обращении с шайбой, и молниеносность хоккейной мысли. Все это поднимало его игру до сказочного мастерства, до искусства.

И хотя, как я уже сказал, мы сознавали, что за плечами канадских спортсменов огромный опыт, однако всегда стремились воспитать у своих хоккеистов чувство собственного достоинства, умение в любых сложных ситуациях постоять за

себя, за честь коллектива. Игроки разных поколений знали, что мы не потерпим в составе команды спортсмена, который спасует перед соперником. Это также немаловажный для тренера фактор, входящий в его задачу умело готовить игроков. Полагаю, что советским спортсменам всегда было легче, чем хоккеистам других команд, переносить предстартовое волнение, или, как говорят сами игроки, «мандраж». Потому что игрок ощущает за собой коллектив, готовый его поддержать, а если надо, и выручить.

Но тренеры знают и то, что у хоккеиста, если он в возрасте, все получается, когда действует он в привычной для себя манере, в среднем темпе, когда инициативой владеет именно он. Тогда почти нет у него технических огрехов, все замыслы удаются, и играет он с настроением. Но…

Осенью 1970 года команда ЦСКА прибыла поездом в Хельсинки на пару товарищеских матчей с местными хоккеистами. В ту пору играющим тренером в клубе ХИФК был Карл Бревер. И хотя ему тогда далеко перевалило за тридцать, выглядел он поджарым и на льду был достаточно резв, демонстрируя высокое мастерство, которому у него учились и финские защитники, и тренеры.

Придя однажды на нашу тренировку, Бревер попросил разрешения принять в ней участие. По матчам венского чемпионата он был знаком со многими советскими игроками, и всем им было радостно «поработать» на льду с самим Карлом Бревером. Я объяснил гостю содержание урока и сказал, что он, выполняя различные упражнения и участвуя в двухсторонней игре, будет действовать в составе звена Анатолия Фирсова, где передними нападающими сыграют Владимир Викулов и Валерий Харламов, хавбеками – Фирсов и он, Карл Бревер, а вместе с центральным защитником Александром Рагулиным они составят «боевую пятерку». Кратко пояснил новую для него роль и высказал две просьбы. Первая – при двухсторонней игре находиться на дистанции не более семи-восьми метров от передних нападающих. Вторая – отобрав шайбу у соперника, отдавать ее партнеру по звену максимум на втором шаге. Он как будто понял меня и с радостью воспринял новую для себя роль.

Разминку он провел блестяще, выглядел достойно в игровых упражнениях, а вот в двухсторонней игре с заданием справиться не сумел. Не то что не ладился у него быстрый пас после отбора шайбы – техника у него была высочайшая, – он просто не понимал, почему ему не разрешают поиграть с шайбой после столь трудно выигранного им единоборства. Но самое главное – он уже с первых отрезков игры не поспевал за нападающими. Хоть

он и крепко старался, у него не оказалось для этого ни запаса физических сил, ни скорости.

Мне не хотелось снимать его с тренировки: все же для меня, как и для моих ребят, он был великим игроком. И я как мог поддерживал его, давая возможность подольше отдохнуть на скамейке. Но все равно наша высокотемповая, челночная – от одних ворот к другим – игра пришлась не то что не по вкусу, а просто оказалась и не совсем понятна, и трудна. Не хватило ему «горючего».

Не только этот случай, но и многие, многие матчи профессиональных клубов, которые доводилось наблюдать, убеждали в том, что высокий темп во встречах с заокеанскими хоккеистами будет, возможно, нашим главным козырем. Конечно, говоря о высоком темпе, мы имели в виду не только скоростной маневр хоккеистов, но и быстроту, направленность вперед по диагонали передач при контратаке и развитии атаки. А также мгновенный переход от обороны к наступлению и наоборот. Интенсивную и постоянную занятость игроков. И, наконец, пусть на первый взгляд это покажется не столь существенным, наше преимущество в стартовой скорости.

Это, последнее, было очевидно не только нам, но и соперникам. Уже во время первого посещения Канады наши форварды Николай Хлыстов и Владимир Елизаров, как отмечали специалисты, побили все рекорды скорости на малых отрезках в средней зоне. Да и мы, наблюдая канадских профессионалов в деле, присутствуя на их тренировках, отмечали, что не особенно быстро они стартуют. Это явилось для нас своего рода неожиданностью, и – втайне – была она нам приятна. Но как-то не укладывалось в голове, что в заокеанском сверхконтактном хоккее, где, вступая в единоборство, надо или опережать соперника, или догонять его, стартуя с места, маловато внимания уделяется стартовой скорости. Знали мы также и то, что с возрастом хоккеист в первую очередь утрачивает быстроту во всех ее проявлениях.

Но не думайте, читатель, что, зная слабости соперника, так уж легко ими воспользоваться. Ты, предположим, предлагаешь ему играть в высоком темпе. Соперник находит контрмеры – а это мы и замечаем в последние годы в действиях канадских команд, – проводит, скажем, замену своих игроков на площадке значительно чаще, через двадцать пять – тридцать секунд. Причем не останавливая игры. И превосходство наше в темпе сведено на нет, почти не ощутимо. Так было, кстати, и в финале розыгрыша Кубка Канады в 1987 году. Так было и в Москве в конце того же года – во встрече советских и канадских хоккеистов в турнире

«Приз «Известий». Подобную же картину мы наблюдали и в первый день 1988 года в матче молодежных сборных СССР и Канады. Если и было превосходство советских хоккеистов в темпе, то до того незначительное, что глазом не улавливалось.

Как тут быть? Не является ли преимущество темпа таковым лишь в теории? Как будто аксиома: более скоростная и выносливая команда должна побеждать. Но на практике часто получается иначе.

Был в Ленинграде на рубеже 50-х годов форвард Василий Федоров. Это был мощный игрок, с отличным дриблингом, он мог без устали кататься по свободному участку площадки, подолгу держа шайбу. Мы, помню, сначала гонялись за ним отчаянно, но отобрать шайбу у Федорова было делом почти невозможным. И мы махнули на него рукой. Вот и катался он по площадке с шайбой большими кругами, а мы наблюдали за ним и ждали, когда же он устанет или отдаст шайбу партнеру – лишь тогда включались в игру. Кому-то на трибунах, возможно, казалось, что Федоров сильный, темповой игрок. Он в самом деле носился по полю, и если играл, то играл для себя, а не на пользу партнерам, команде. Высокий темп действий игрока в хоккее – это нечто совсем другое, более сложное.

Против какой команды трудно играть? Если в ней целый «косяк» выдающихся игроков. Когда они в ударе, то и решают успех. Выдающихся игроков трудно – некем и нечем – сдержать, локализовать. А если такая команда еще и хорошо сыграна, физически крепка, дружна, боевита? Умеет действовать в высоком темпе, да таком, с каким не справится ни один, даже самый сильный и опытный, соперник? Давайте попробуем оценить такую игру с позиций именно соперника.

Во имя чего мы, тренеры, придумываем новые тактические построения, подбираем к каждому матчу психологические ключи? Чтобы заставить соперника решать непростые задачи, лишить его инициативы, веры в успех.

Скоростные действия одного игрока, виртуоза клюшки, конечно же, опасны. Пример тому – наш форвард Владимир Крутов. В обычной игре справиться с ним, действуя один на один, никто не способен. Но вот соперник спускает на него «овчарку» – выпускает на лед игрока, который опекает, преследует нападающего по пятам. А если и у него ничего не получается, на помощь отряжают и второго хоккеиста, и уже при спаренном отборе шайбы опекуны достигают цели.

Ну, а если в звене вместе с Крутовым выступают еще Сергей Макаров, Игорь Ларионов – игроки очень разные, творчески мыслящие на поле, хоккеисты выдающиеся? Можно представить,

как осложнится сразу жизнь соперника. Тем более что у этого армейского трио столь же прекрасные партнеры-защитники – Алексей Касатонов и Вячеслав Фетисов – игроки мощные, крылатые. И все эти очень разные по манере игры хоккеисты едины в творческом восприятии хоккея. Вот почему эта пятерка на протяжении столь долгого времени не имела себе равных не только в нашем хоккее.

Мой краткий рассказ о выдающемся армейском звене носит самый общий характер и понадобился мне для того, чтобы использовать в качестве иллюстрации к утверждению: сильный игрок, если он одинок, «в поле не воин». Важно, чтобы действия каждого отдельного хоккеиста помогали партнерам, усиливая и их игру, и всего звена. Слитность скоростного маневра, единство замысла и действий – вот что поставит в тупик любого соперника.

Да, одновременный маневр, скоростной маневр сразу всех игроков команды для соперника опасен и особо неприятен. Но есть в хоккее и такое понятие, как смена скоростного ритма. И любой быстрый маневр игроки совершают, двигаясь не равномерно, а в «рваном» ритме. Происходит своего рода скоростной взрыв. Игроки свое «оружие» – скорость – держат до поры до времени как бы в секрете, а затем все разом пускают его в ход, что всегда застигает соперника врасплох. Он попадает в цейтнот и не может принять верного решения для того, чтобы перехватить передачу, отобрать шайбу, четко опекать атакующих. Обороне соперника трудно, подчас невозможно предотвратить такую мощную, скоростную атаку всей командой.

Что касается игры пятерок североамериканских команд, то в те годы – и это, пусть в меньшей степени, заметно и сейчас – действия нападающих и защитников не были столь слитными, различались по ритму. Если нападающие играли шустро, энергично, покрывая большие пространства льда, то защитники маневрировали более экономно. Помогая атаке, они не спеша, словно нехотя, пересекали среднюю линию поля, а в зоне соперника, как правило, не рисковали, не ввязывались в борьбу, не открывались для получения передачи и откатывались назад в тот же миг, когда партнеры теряли шайбу.

Сейчас канадцы играют полными и сыгранными пятерками, а прежде в составах профессиональных команд было иногда всего две пары защитников. Поэтому в те времена у нас и возникла мысль: нужно стремиться максимально нагружать канадских защитников, не давая им ни секунды передышки. Энергично бороться с ними на флангах в их зоне, мгновенно покидать ее в случае срыва атаки, приобретая таким образом лишних игроков в обороне, а при контратаке действовать большими силами,

развивать максимальную скорость. Все это, естественно, дополнялось в нашем воображении быстрой распасовкой шайбы.

Эта тактика, впрочем, не раз срабатывала в матчах против канадских любителей и, несомненно, должна была дать эффект и во встречах с профессионалами. Во всяком случае, мы, тренеры, на это рассчитывали.

Справедливости ради должен отметить, что нам легче было готовиться к встречам с профессионалами, чем им к матчам с нами. Мы все свои замыслы проверяли на канадских любителях. Причем без всякой робости. И, пожиная плоды, имели возможность делать выводы, корректировать свою игру. Профессионалы такой возможности не имели. К тому же страдали они высокомерием. Не знаю, как специалисты, но большинство канадских журналистов внушали игрокам и тренерам НХЛ, что русские, мол, слабы, что любая команда лиги не только легко их обыграет, но и наголову разобьет.

Как-то в Торонто состоялся у меня разговор с Фрэнком Маховличем. Игрок это был умный, солидный, высокотехничный, на редкость аккуратный. На мой вопрос: «Если состоятся, наконец, матчи профессионалов с советскими хоккеистами, как они могут завершиться?» он ответил примерно следующее: «Эти игры будут интересны, возможно упорны, но все же мы победим». И, как бы извиняясь за то, что он безоговорочно предрекает успех своей команде, Фрэнк задал мне встречный вопрос: «А в какое время года будут проходить эти матчи?»

Это, конечно, имело немаловажное значение. И для нас, и для канадцев. За океаном период предсезонья очень короток, и профессиональные хоккеисты вкатываются в свой чемпионат еще «сырыми». В первых матчах НХЛ у хоккеистов идет своего рода раскачка. Наилучшей спортивной формы они достигают вскоре после Нового года. К этому сроку и «подбивается» лучший состав, выясняется, «кто есть кто» в турнирной таблице, апогея достигает реклама, а также конкуренция в чемпионате НХЛ.

Полагаю, что самоуверенность канадцев, внушивших себе, что они легко расправятся с нашей сборной, сыграла с ними злую шутку. О первом матче советских хоккеистов с профессионалами, который состоялся 2 сентября 1972 года, мне подробно, во всех деталях, рассказывал Владислав Третьяк и другие игроки, да и видеозапись этой встречи видел я много раз. Это был матч с сюжетом спортивной драмы. Уже на седьмой минуте наши проигрывали 0:2, а матч закончился с неприятным для канадцев счетом 7:3. Так вот, когда в игре произошел перелом и шайба раз за разом стала влетать в ворота канадского вратаря Кена Драйдена, то опытные и как будто не нуждающиеся в подсказках

асы хоккея попросту растерялись. Принимали порой ошибочные решения. Да и зритель, не ожидавший такой метаморфозы, в считаные минуты поменял милость на гнев и, не желая мириться с поражением своих кумиров, принялся награждать их обидными словечками, выражая свое неудовольствие и досаду. Вывод? Не следует никому, в том числе и журналистам, работающим на многомиллионную аудиторию, выдавать желаемое за действительное.

Сегодня матчи советских хоккеистов с канадскими и американскими профессионалами стали делом привычным. Теперь главное желание многомиллионной аудитории любителей игры – создать стабильный календарь таких встреч, которые проводились бы на равных условиях как за океаном, так и у нас в стране.

Глава III
Красота и мощь канадского хоккея

Повсеместно, где бы ни играли в хоккей, он нравится зрителю. Не может не нравиться. Хоккей с его динамикой, скоростью, сменой ритмов так созвучен нашей бурной, деятельной жизни! Хоккей славит ловкость, силу, сообразительность, мужество, рыцарство. Не может не нравиться, не притягивать зрителя к хоккею то, что совершают на льду спортсмены. Мне даже кажется, что многие чуть завидуют – пусть тайно, не говоря об этом вслух, – тем, кто на залитой светом арене творит волшебство игры, олицетворяя мастерство и удаль.

За долгую жизнь побывал я почти во всех странах Европы, во многих хоккейных центрах азиатского континента и, конечно, за океаном, там, где родился хоккей. Как президент клуба «Золотая шайба», исколесил Россию, побывав во многих городах Урала, Сибири, Дальнего Востока, хорошо знаю Украину, Белоруссию, республики Прибалтики. По хоккейным делам выезжал даже в Южную Грузию, где проводил показательные тренировки и семинары по хоккею, и убеждался: повсюду обожают самую динамичную, самую боевую, самую азартную игру нашего века. У этой игры не может быть ни хулителей, ни конкурентов – настолько она по душе людям в разных концах планеты. И все-таки…

И все-таки самый красочный, самый насыщенный и полнокровный хоккей – в Канаде.

Осенью 1987 года меня уговорили слетать на один из островов побережья Канады. И жителей там немного – всего-то два десятка тысяч, и промышленности особой нет. Зато два закрытых катка с искусственным льдом – светлых, чистых, уютных. При них – спортивные залы, где, как только туда попадаешь, так и хочется побегать, поиграть, порезвиться. Есть на острове бассейны и другие (открытые и под крышей) спортивные сооружения, которые всегда к услугам и детей, и взрослых. Идешь по улице и замечаешь, что чуть ли не каждый мальчишка несет на плече клюшку, на которую повешен хоккейный баул.

А как здорово – страстно, умело – мальчишки там тренируются! И не только взрослые ребята, но и пяти-шестилетние малыши. Но особенно мне понравились родители этих ребят. Они многое знают о хоккее, однако стремятся узнать еще больше. Семья прямо-таки живет интересами сына – юного хоккеиста. Мне даже рассказывали, что если в канадской семье

рождается девочка, то родители не всегда ей так же рады, как парню. Когда на свет появляется мальчик, считается, что родился будущий хоккеист. Дело, конечно, не в меркантильном расчете с прицелом на будущие высокие заработки спортивной звезды, на славу и яркую жизнь, которые светят парню. Главное, думаю, в любви к хоккею.

Знаю, вызову жгучую зависть у наших ребят, но не могу не сказать о том, что проблема хоккейной формы, защитного снаряжения в Канаде, на мой взгляд, решена на десятки лет вперед. Красиво сработанные ботинки с коньками, клюшки, разноцветные шлемы, перчатки, щитки – все это в магазинах в изобилии, на любой вкус и любого размера. «Ноу проблем!» – как говорят канадцы. И хочется верить, что со временем такой достаток придет и на наши спортивные прилавки.

Хоккей в Канаде обладает мощной организационной структурой, не обойден ни один уголок страны. Повсеместно проводятся – и проводятся умело! – различные многокруговые соревнования для хоккеистов разного возраста, различного уровня подготовки. И у каждой команды – своя форма, эмблема, свой тренер, свой менеджер и свой врач. В каждой школе не одна – несколько команд, которыми руководят школьные спортивные организаторы.

Матчи умело афишируются. На стадионах люди ведут себя просто, свободно, никто и ничто их не стесняет. Зрители отдыхают, наслаждаются хоккеем. На небольших закрытых катках есть, как правило, и сидячие, и стоячие места. Не всегда они отапливаются, на трибунах прохладно. Но, как утверждают врачи, это даже полезно и для зрителей, и для игроков. И каким бы крохотным ни был каток – пусть на 500-1000 зрителей, – обязательно действует буфет, стоят автоматы со свежими бутербродами, кофе, фруктовыми напитками, где можно быстро, без всякой толчеи и проволочек, перекусить, утолить жажду. Для забавы стоят в фойе и безобидные игральные автоматы.

К официальным матчам выпускается на хорошей бумаге красочно и со вкусом оформленная брошюра, где содержится масса самых разнообразных сведений о командах и игроках. Диву даешься, когда и кто успевает все это делать! А сам хоккейный матч напоминает спектакль в хорошем театре, настолько велика культура проведения таких зрелищ. Дело поставлено так, что «ноу проблем».

Хоккей в Канаде боготворят, его оберегают, о нем заботятся. Твердую финансовую основу, широкую массовость имеет любительский хоккей, студенческие команды. Но я не буду отступать от намеченной темы и стану говорить о хоккее

профессиональном.

У профессионального клуба один или несколько хозяев, достаточно богатых людей. Они вкладывают капитал во все, что связано с жизнеобеспечением профессиональной хоккейной команды клуба. Доходы, разумеется, находятся в прямой связи с популярностью клуба, его конкретными успехами в текущем сезоне, однако ничто не пускается на самотек.

Стать членами клуба могут и любители хоккея. Для этого им нужно внести в клубную кассу определенный взнос, получая взамен ряд привилегий. Они всегда могут приобрести билеты на любой матч и посетить закрытый ресторан клуба, расположенный, как правило, под одной из трибун арены, где выступает команда.

В ресторан этот приятно войти. Здесь уютно. На стенах – старые хоккейные афиши в рамках, фотографии и живописные картины с изображением хоккейных баталий. Большие экраны нескольких телевизоров, установленных в разных концах зала, позволяют сидящим за столиками, не вертя головой, просматривать видеозаписи предыдущих встреч играющих сегодня команд.

До начала матча и по его окончании здесь, в зале ресторана, проводятся пресс-конференции. Перед журналистами и любителями игры выступают тренеры клубов, ведущие игроки.

Меня пригласили в такой ресторан в Ванкувере. Посреди зала, вмещающего до двухсот человек, на большом овальном столе высились горы закусок, салатов, свежих овощей, фруктов. В стороне сверкали кастрюли с горячими супами, вторыми блюдами. Такой «шведский стол» позволяет каждому не спеша и на свой вкус заправиться перед игрой. Можно заказать и пиво, и спиртное – никого такая просьба не удивит. Две-три аккуратно одетые официантки, неизменно улыбающиеся, маневрируя между столиками, успевают ответить на любой вопрос и быстро, с радостью выполнить любую просьбу.

Но – еще одно отступление. Однажды, в середине 60-х годов, известный футболист Руперт Сагасти, прибывший в СССР на пароходе вместе с другими испанскими детьми, а впоследствии один из лучших педагогов кафедры футбола Центрального института физкультуры (не так давно он вернулся на родину, в Испанию), познакомил меня с Долорес Ибаррури, в то время председателем Коммунистической партии Испании. Мы сидели в гостях у нее за большим столом, пили сухое вино, закусывали испанскими яствами. Я рассказывал друзьям из страны, о которой так много слышал с детства, о нашем хоккее, о том, как добились мы быстрого взлета игры у нас в стране, как шли к победам на

международной арене.

Хозяйка, красивая, в летах, женщина, внимательно меня слушала, а затем с жаром принялась рассказывать мне о корриде. И тут я узнал, что единоборство человека с быком – а это и было в моем представлении корридой – лишь финал праздника. Сам же он начинается с утра, с пробуждения человека, семейных торжеств, чинного завтрака, облачения в праздничные одежды, неспешной прогулки по городу… И уже после этого сотни, тысячи празднично настроенных людей появляются на арене, где проходит коррида.

Так и в Канаде. Хотя на поле встречаются две команды и в спортивном действе непосредственно участвует от силы полсотни человек, тысячи и тысячи любителей хоккея с утра готовятся к этому событию. Мне даже кажется, что каждый канадский знаток игры совершает в этот день своего рода священный ритуал, он знает, куда он пойдет, с кем встретится, поговорит о предстоящей игре.

При каждом клубе создан музей спортивной славы. В день матча там полно посетителей. А рядом – хоккейный магазин, где можно купить все, что душе угодно, любой хоккейный сувенир: майки и кепи с эмблемой клуба, шайбы, вымпелы, значки, клюшки большие и маленькие. Под трибунами спортивного дворца – настоящая ярмарка, где все это продается в огромном изобилии.

Клуб старается создать все условия для работы прессы. Его руководители понимают, что от журналистов во многом зависит популярность хоккея, клуба в городе, в провинции, в стране. В одном из холлов установлены пишущие машинки, телевизоры, телефоны. За час до игры в пресс-центр приезжает кухня. Но журналистам больше интересна другая пища – перед игрой их обильно снабжают листками с самой разной информацией о встречающихся сегодня командах, игроках, судьях.

Все это важно для хоккея, для его популярности и престижа. И все это просто организовать. Нужны, конечно, внимание и кое-какие затраты. Но затраты эти окупаются с лихвой.

Клуб «Ванкувер Кэнакс» в последние годы выступает неудачно, плетется в хвосте турнирной таблицы, часто даже не попадая в турнир Кубка Стэнли. А доходы его не падают. На каждом матче трибуны дворца, где выступает команда у себя дома, заполняются, как правило, на восемьдесят процентов, а это 12–13 тысяч зрителей, хотя билет, надо заметить, стоит недешево. А если учесть доходы от телетрансляций, продажи сувениров, от различных услуг, оказанных посетителям, то легко согласиться с тем, что хоккей в Канаде – дело беспроигрышное.

А сам матч! Праздничное сверкание льда. Яркие, почти карнавальные одеяния хоккеистов. Да и сами зрители пришли сюда словно на праздник, не видно на трибунах людей в мятых сорочках, одетых неряшливо, кое-как. У бортиков тренеры – в костюмах, при галстуках – как будто собрались на светский прием. За спинами игроков, сидящих на скамейке, непременно цепочка полиции. И эти одеты щеголевато. Они не только охраняют команду, но и сами отчаянно болеют «за своих». Однажды, это было лет десять назад в монреальском «Форуме», мне захотелось во время игры побыть рядом с тренером местной команды Скотти Боумэном. Я пристроился сбоку, но тут же был задержан полицейским. Он должен был выдворить меня отсюда, но был настолько захвачен игрой, что не мог оторвать взгляда от площадки. Так я и досмотрел период в объятиях дюжего полицейского.

Во время игры предусмотрены паузы. Это необходимо, чтобы телевидение, транслирующее матч, успело прокрутить ролики рекламы. Дело это, по-видимому, очень выгодное. Говорят, за показ рекламы в ходе хоккейной трансляции конкуренция не меньше, чем за победу на льду.

В пятнадцатиминутных антрактах между периодами публике тоже скучать не приходится. Быстро подновляется лед, и на арену выкатываются пяти-семилетние хоккеисты. Гордые оказанной честью, они демонстрируют все, чему научились в хоккейной школе. Попадаются среди них и забияки, которых под соответствующее шутливое музыкальное сопровождение удаляют с площадки. Проводятся также в перерывах различные эстафеты, состязания по бросанию шайбы в цель. Проходят они забавно.

Но, конечно, вовсе не это притягивает зрителей на хоккейный стадион. В каждом клубе свои выдающиеся игроки, звезды, кумиры. Они становятся как бы символом команды, воплощением ее лучших черт. Поклонники «Монреаль Канадиенс» долгие годы шли смотреть на игру Мориса Ришара и Жака Беливо, в Чикаго ходили на Бобби Халла, в Детройте – на Горди Хоу, в Филадельфии – на Бобби Кларка. Сегодня в Лос-Анджелесе боготворят Уэйна Гретцки, в Питтсбурге – Марио Лемье. Зрители по обе стороны океана в главном схожи. И наши болельщики валили на стадион, чтобы увидеть Всеволода Боброва, Александра Альметова, Анатолия Фирсова, Вячеслава Старшинова, Бориса Майорова, позже шли на Александра Мальцева, Александра Якушева, Валерия Харламова, Валерия Васильева, Владислава Третьяка, а сегодня идут на Сергея Макарова, Вячеслава Фетисова, Владимира Крутова. Мастерство этих хоккеистов, их преданность игре и родному клубу никого не

оставят равнодушным.

Говорят, сердце не камень. Но покорять сердца зрителей, вызывать восхищение и чувство благодарности – это подвластно лишь большому спортивному таланту.

У меня сохранились кадры кинохроники, запечатлевшие наши первые хоккейные матчи. Над восточной трибуной стадиона «Динамо» пар стоял от дыхания тысяч зрителей, мужчин и женщин, пришедших в мороз на хоккейный матч. Шел первый послевоенный год, люди одевались плохо, укутывались, как могли, платками и шарфами, ноги прятали в валенки, бурки, а те, у кого их не было, прежде чем натянуть на ногу ботинок или сапог, обертывали ее, чтобы теплее было, старой газетой. Валил снег, трещал мороз, свирепствовал ветер, а люди шли на хоккей.

Помнится, в Новосибирске наша команда проводила матч на местном стадионе «Спартак» в 35-градусную стужу. По случаю мороза играли в шесть периодов. Через каждые десять минут команды уходили в раздевалку греться. А вот зрителям – их было несколько тысяч – отогреваться было негде. Но когда спустя некоторое время по окончании матча мы выходили из раздевалки, выяснилось, что десятки людей продолжали стоять на холоде, ожидая нас, чтобы поблагодарить за игру, пожать руки, попросить автограф, хотя какие автографы в такой морозище – и чернила, и паста мгновенно замерзали! Помнится, я сказал тогда группе особенно уж легко, на мой взгляд, одетых молодых людей: «Идите домой, погрейтесь!» А они в ответ: «Ничего, ради хоккея можно и померзнуть маленько». А ведь на морозе, почти без движения, эти люди находились уже более трех часов!

Вот какие преданные, беззаветные болельщики были у нашего хоккея в пору его становления. И обрел он такую притягательную силу еще и потому, что утверждали новую игру на наших ледовых аренах яркие, выдающиеся игроки.

Как лучше использовать выдающегося игрока в команде? Мой опыт свидетельствует о том, что надо стремиться создать такое звено, где рядом со звездой выступали бы и незаурядные партнеры, образуя мощный творческий ансамбль. Иной принцип исповедуют в профессиональном хоккее. Хоккейная звезда здесь, как правило, окружена заботой хоккеистов-работяг, цель которых – обслужить лидера.

На первый взгляд это разумно. Для успеха команды особенно важно, чтобы в полную силу сыграли, до конца раскрыв свои возможности, именно одаренные игроки. Но у системы, при которой в звене все играют на лидера, немало и слабостей. Если, к примеру, соперникам удастся ограничить действия звезды?

Тогда неизбежно сникнет игра партнеров, упадет мощь звена.

В том, что именно так и происходит, я не раз убеждался, знакомясь с многими отчетами канадских журналистов о матчах профессионалов. Как правило, причины неудачи той или иной команды видят они в слабой игре «героев». То звезда была не в ударе, то ее сумели «закрыть» соперники, то ведущий игрок вел себя капризно, не проявлял активности. Так что игра команды в этой ситуации зависит не от тренера, не он играет роль первой скрипки в хоккейном концерте. При таком «раскладе» не его талант, знания и воля управляют командой, а каприз звезды.

Кажется, мне удалось понять Скотти Боумэна, канадского тренера, долгие годы связанного с клубом «Монреаль Канадиенс». Мы с ним много беседовали, порой спорили, утверждая каждый свое видение и понимание хоккея. Спорили и у него в кабинете, и в раздевалке «Форума», и у хоккейного бортика после тренировки. Много раз наблюдал я его и в деле, его манеру вести себя с хоккеистами, руководить командой во время матча. Считаю, что в конце 70-х годов он был самой сильной фигурой среди тренеров профессионального хоккея.

Он всегда темпераментно, умело проводил тренировки. Относился к хоккеистам заинтересованно, неравнодушно. Помню, на одной из тренировок он самого Ги Лафлёра заставлял завершать атаку так, как это представлялось необходимым ему, тренеру. Мне показалось, что отношения тренера со звездой в эти минуты натянулись до предела. Тем более что Лафлёр в тот год был назван лучшим спортсменом Канады и США, знал себе цену. И я подумал тогда о Скотти Боумэне: молодец, тренер. Не гнет колени перед звездой, требует от него выполнения своих замыслов.

Конечно, такие независимые, смелые решения тренера не всегда в чести у начальства, у самих спортсменов. Возможно, именно по этой причине Боумэну не раз приходилось досрочно оставлять свой тренерский пост.

Но вернемся к проблеме компоновки звеньев. Люблю тренировку. И своей команды, и соперников. Наблюдая, как готовятся к матчам хоккеисты, можно многое подметить, узнать, выяснить для себя. Попутно возникают догадки, рождаются мысли, идеи.

Наблюдаю тренировку канадской сборной. Вижу на льду звено: Марсель Дионн – Уэйн Гретцки – Бобби Кларк. Тренер решил объединить сразу трех грозных форвардов из разных клубов. Я тогда же записал себе в блокнот: ничего не получится. И как в воду глядел. Канадцы неудачно выступили в чемпионате, заняв лишь третье место. А звено звезд ничем себя, по сути, не

проявило.

Совершенно не хочу умалять достоинства трех этих хоккеистов. Они старались, как могли. И каждый представлял собой немалую силу. Но как звено они не состоялись. Почему? Давайте порассуждаем.

Выступая в составах своих клубов, они за долгие годы привыкли к тому, что им подыгрывали, на них трудились партнеры. А тут, оказавшись в одной упряжке, они должны были волей-неволей ассистировать друг другу, подчиняясь интересам коллективной игры. В этой ситуации справиться с задачей смог только Гретцки, который в детстве получил навыки коллективных действий.

Нет, далеко не каждый может умело играть на партнера. И речь идет не только о точном и своевременном пасе, что само по себе искусство. Это лишь внешнее проявление коллективных усилий. Куда сложнее внутреннее единство звена, чувство локтя, сыгранность, основанная на уважении к партнеру, доброжелательном к нему отношении. Не верил я, что эти канадские звезды, особенно Кларк, сумеют ради успеха команды «заниматься благотворительностью», делить мастерство, свою славу с кем-то еще, подчинить свою индивидуальность интересам команды. Они привыкли к другому. К тому, что интересы команды в том и состоят, чтобы как можно ярче блистала на поле звезда.

В нашем хоккее издавна принят иной подход к созданию звеньев.

Правда, звенья, где выступали Всеволод Бобров и Алексей Гурышев (центрфорвард команды «Крылья Советов» и сборной страны), были скомпонованы по тому же образцу: партнеры не играли, а лишь подыгрывали звезде. Когда же я, уже полностью убежденный в необходимости по-новому строить игровые связи хоккеистов в звене, сознательно пошел на ломку стереотипов, то встретил непонимание, сопротивление, даже обиду со стороны лидеров: вы что же, меня равняете с таким-то. Ну и играйте сами.

Впрочем, в правоте своей укрепила меня и жизнь. В тройке Алексея Гурышева справа действовал трудолюбивый Михаил Бычков, слева – очень техничный, удивительно ловкий Николай Хлыстов. Так вот, когда закончил выступать маленький да удаленький Николай, сразу померкла и игра выдающегося, по тем представлениям, хоккеиста Алексея Гурышева.

Много лет спустя мне довелось столкнуться с совершенно иным отношением хоккейной звезды к своей роли в звене.

Из детской хоккейной школы ЦСКА мы пригласили в команду мастеров двух шестнадцатилетних хоккеистов – Владимира

Викулова и Виктора Полупанова. В детских командах вместе с этими ребятами играл на левом краю их сверстник Виктор Ерёмин. Он выглядел, пожалуй, даже предпочтительней. Техничный хоккеист, он умел для своего возраста очень многое: и соперника обвести, и отдать быстрый скрытный пас партнеру, и поразить ворота точным броском. Однако был замкнут, эгоистичен. Тренерам спортшколы «раскачать» его не удалось. Поэтому я и пригласил для стажировки в ЦСКА только Владимира и Виктора (Полупанова).

Двух хоккейных юнцов я решил приставить к Анатолию Фирсову, мастеру яркому, виртуозу, артисту игры. В новом звене нашему асу, звезде первой величины советского хоккея Анатолию Фирсову предстояло сыграть ту же роль, что в старину выполняли «дядьки» при недорослях.

Анатолий Фирсов, при всем своем незаурядном таланте, эгоистом никогда не был. И все-таки я опасался. А как поведет себя эта звезда в компании, где он по мастерству на голову выше своих юных соратников? Всякое ведь может случиться. Не пойдет, как говорится, игра у молодых ребят, растеряются, так лидер звена все больше будет брать игру на себя, сверх меры действовать индивидуально…

Этими сомнениями я не стал делиться с Анатолием. С одной стороны, не хотелось обижать мастера, с другой – заранее ограничивать в чем-либо эту яркую хоккейную личность.

Фирсов оправдал доверие. Звено, в котором играли два дебютанта, получило «боевое крещение» на чемпионате мира 1966 года в Любляне (Югославия), верой и правдой послужив нашей сборной.

И в тот год, и позже Фирсов признавался лучшим нападающим мирового хоккея, входил в состав символической сборной чемпионата, получал призы как лучший бомбардир. Может быть, партнеры подыгрывали своему «дядьке», а сами оставались в тени? Ничего подобного! Фирсов искренне, увлеченно играл с ними в пас, никогда не жадничал, часто предоставляя право решающего броска подопечным. Мастерство молодых игроков росло как на дрожжах – от матча к матчу. Да и хоккейное дарование Анатолия рядом с ними засверкало новыми гранями. А как звено тренировалось! Ни каприза, ни кислой физиономии, всегда – страстная, дружная, сосредоточенная работа. А пример во всем подавал ас хоккея Анатолий Фирсов.

Комментарий Ю. В. Королева

О способности Тарасова признавать свою неправоту

Анатолий Владимирович разбирал игру до мельчайших подробностей. И пока не убеждался, что продвинулся, что видны качественные улучшения игрового рисунка, не успокаивался. Впрочем, настоящего покоя его ищущая натура не ведала.

Полупановское звено – одно из лучших в нашей хоккейной истории. Владимир Викулов. Виктор Полупанов. Анатолий Фирсов. Мастера высочайшего уровня. Каждый – со своим неповторимым почерком. Великолепно дополняли друг друга.

Анатолий Владимирович стремился усовершенствовать их игру даже после того, как они стали лидерами сборной СССР, которая год за годом завоевывала золотые медали на чемпионатах мира и Олимпиадах.

Фирсов, со своей филигранной обводкой, доставлял массу хлопот сопернику. В одиночку справиться с ним было практически невозможно. Когда Анатолий накручивал свои финты на левом краю, стягивал на себя как минимум двоих игроков; но возникала сложность – как выбраться ему из угла площадки? Тарасов просил Викулова с Полупановым: «Помогите Толе! Тяжело ему там, в углу». Казалось это логичным. Я тоже разделял такую точку зрения. Стали ждать, что из этого получится. Наконец, Фирсов не выдержал и в сердцах бросил: «Да куда вы, ребята, лезете! Вас двое прикатит, нас там уже трое – всего пятеро набирается, – так мне свободного места вообще не остается, чтобы развернуться и выйти из угла». И надо отдать должное Анатолию Владимировичу: признал правоту выдающегося мастера, согласившись с тем, что был не прав при анализе этой игровой ситуации.

Вообще, в хоккее существуют два сбивающих фактора – пространство и время. Сбивают, образно говоря, с прямого пути к цели. Тебе не хватает места для исполнения технического элемента – не удается это сделать; у тебя нет лишнего мгновения для совершения маневра – и он не происходит на льду. Готовясь к очередному занятию и моделируя новое упражнение, Тарасов в обязательном порядке учитывал первым делом эти главные преграды для любого действия хоккеиста – ограниченность пространства и нехватка времени.

«Винтики» мастерства

Какой ребенок, получив в подарок заводную игрушку, не пытался разобрать ее? Ему ведь до ужаса интересно, как она устроена, какие там, внутри, винтики, колесики, пружинки. Запасемся и мы любопытством, чтобы разобрать «по винтикам», из чего складывается мастерство канадского профессионального хоккеиста, каковы «пружины» его игры.

С раннего возраста канадские ребятишки самостоятельно либо с помощью родителей или под руководством хоккейного наставника обретают умение быстро, увертливо кататься на коньках, быть устойчивыми на льду. Такая сверхустойчивость нужна хоккеисту любого амплуа. Без нее не выиграть единоборства. В Канаде придуман особый способ катания на коньках – с широко расставленными ногами, это своего рода фундамент, на котором строится тактика борьбы на льду. Навыки контактного хоккея прививаются с юных лет, с первых тренировок, с первых матчей детских команд, отличающихся азартом, а порой и драчливостью.

Широкое общение с канадским хоккеем в последнее десятилетие, в том числе на уровне детских и юношеских команд, способствовало тому, что часть наших игроков переняла многие приемы канадского хоккея (подчас без ведома и согласия своих тренеров).

Я уже говорил о том, что перенимать чужой опыт – вовсе не значит слепо копировать. Мы не зеленые новички. Наш хоккей высоко поднялся на собственной закваске. У него свои средства и методы борьбы. А потому использовать зарубежный опыт следует осмысленно. Как говорится, семь раз отмерь… Но даже и достойное для подражания вряд ли можно брать в готовом виде. Это ведь не саженец пересадить в другую почву. Новое надо приспособить к характеру, манере нашей игры.

Скажем, переняли мы у канадцев удары по шайбе. Не только защитники, но и форварды. Стали пользоваться этим приемом и при передаче, завершении атаки вблизи ворот. А ведь удар требует замаха. Тратится лишнее время. Посылая шайбу ударом, щелчком, не достигнешь ни скрытности, ни точности. А если и учить хоккеистов этому приему, то непременно с коротким замахом. Помня при этом, что оптимальное расстояние для удара по воротам – восемь-десять и более метров от них.

И совсем неверно учить ребят кататься по-канадски – на широко поставленных коньках. Ведь наших хоккеистов справедливо считают самыми быстрыми и маневренными.

Чем это достигается? Лучше всего изучать «график» бега, попросив спортсмена пробежаться по чистому льду. Коньки оставят рисунок. Если это будет «елочка», значит, бежит спортсмен экономно, по-нашенски. Конечно же, важно при этом, чтобы ноги были полусогнуты, чтобы толчки выполнялись мощно, а для этого надо иметь сильную стопу и бедра, чтобы туловище было не закрепощено, чтобы свободно себя ощущали руки, держащие клюшку. «Елочка» является исходным пунктом для последующей суммы движений.

Боюсь, читатель посетует, будто я излишне много внимания уделяю нюансам, мелочам. Но это, поверьте, не мелочи. Высокая техника хоккеиста – это прежде всего четкость, слитность движений, что позволяет спортсмену экономно расходовать силы. Игра – постоянное движение, маневры, единоборства, столкновения, сложные технические приемы, тактические уловки, а все это требует больших энергетических затрат. И в важном качестве – скоростной выносливости – советские игроки всегда имели превосходство. Конечно, это зависит и от степени тренированности, но не последнее слово – за экономной техникой бега.

Однако согласен: устойчивость игроков надо повысить. Как? Если хоккеист в момент контакта с соперником ноги поставит пошире, он и обретет нужный упор. Этому навыку, полезному при столкновениях, надо и учить спортсменов.

Мне всегда нравилось, как канадские игроки умело, раскованно владеют шайбой, как смело бросают перчатку сопернику, стремясь обвести его подчас в сложных рискованных ситуациях, при большом скоплении игроков. И при этом голова гордо поднята, в этот миг в хоккеисте угадывается нечто орлиное – в той смелости и стремительности, с какой бросается он вперед. Робкого соперника даже не обводят, а просто сминают, сшибают его.

Особое удовольствие видеть канадцев в завершающей фазе атаки. Атакуют с такой страстью, что у тебя на трибуне по телу пробегают мурашки. Ради того, чтобы за воротами соперников зажегся красный свет, хоккеисты идут на все, не жалеют себя. Пятачок перед воротами кажется раскаленным, идет борьба, где любые средства хороши – лишь бы пробиться, протиснуться, проломиться к воротам. При добивании к шайбе устремляются с бесстрашием камикадзе.

А борьба за шайбу? Какой же прочности должны быть лицевые борта, чтобы устоять под ударами тел здоровенных парней, ведущих нешуточное сражение за маленький черный диск. Но из какого же крутого теста должен быть замешан сам

хоккеист! И какая твердость духа необходима, чтобы так бесстрашно, даже безжалостно по отношению и к себе, и к сопернику вести единоборство!

И вот награда за усердие, за риск. Счастливый миг – шайба в воротах! Сияющие лица, вскинутые вверх руки, объятья, лобзанья, бесконечные похлопывания друг друга по шлему, по плечу, по спине…

Кому как, а мне такие бурные изъявления восторга по душе. Наши хоккеисты тоже умеют радоваться успеху, но эмоции свои они выражают сдержанней, скромнее. А было время, нас, тренеров, упрекали в том, что мы не пресекаем проявления подобных чувств у игроков. Они, мол, мужчины, и к чему на поле такие нежности. Умейте властвовать собою… А почему? Почему человек должен сдерживать себя, если на него нахлынуло столь желанное и понятное всем чувство – радость успеха? К тому же, считаю, хоккеист должен быть немного и артистом.

В массе своей профессиональные игроки больше советских хоккеистов заряжены на ворота, броски их, как правило, точнее. Не случайно в матчах с нами канадцы, создавая меньше голевых ситуаций, лучше их используют, процент результативности у них выше. Броскам, а также предшествующим им элементам игры – обводке, остановке шайбы, умению ориентироваться в сложной ситуации – на тренировках канадские игроки уделяют много времени и сил.

А как упорны канадские игроки в обороне! Защищаются и числом, и уменьем. Но главный их щит – мужество. Они готовы лечь под удары, умереть, лишь бы не дать сопернику поразить цель. И каждый привык рассчитывать лишь на себя, на свое мужество и мастерство. Это у них в крови, прививается с детства. Что касается идеала оборонительной игры, то, на мой взгляд, он состоит из суммы двух слагаемых: нашей тактической расчетливости и самоотверженности канадцев. И никто их к этому не принуждает. Делается все по велению сердца.

Многие игроки добились в выполнении различных приемов такого совершенства, что момент вылета шайбы в цель почти не заметен, настолько слитно выполняются все движения в ходе ведения шайбы, обводки, остановки ее… И, конечно, канадцы лучше умеют добивать, подправлять шайбу в ворота. Любители хоккея, уверен, долго будут помнить, как Марио Лемье мастерски сделал это, забив в ворота советской команды шестую шайбу, решившую итог трех встреч розыгрыша Кубка Канады 1987 года. Он заранее выбрал позицию и легким движением клюшки хладнокровно, расчетливо направил летящую шайбу мимо вратаря.

А вот в умении сделать умную, скрытную и точную передачу наши игроки (убежден в этом!) на порядок опережают канадских профессионалов. В советском хоккее куда чаще применяются диагонально-продольные передачи – они нам дают наибольший эффект. Скрытность и точность передачи обеспечивается, как правило, кистевым броском. А главное, игроки нашего хоккея, построенного на принципах коллективной игры, более привычны к действиям без шайбы. А это значит, что у владеющего шайбой игрока советской команды больше выбор, больше возможностей сделать быструю нацеленную передачу.

Но нельзя не сказать и о том, что канадские тренеры предпринимают попытки догнать советских хоккеистов в искусстве передач. Немало наблюдал тренировок, где чуть ли не две трети времени уделялось совершенствованию именно этого элемента. Удивительная метаморфоза. Если прежде, выкатываясь на лед, профессионалы на тренировках сразу же принимались за броски – сначала в борт, затем – в ворота, то теперь, разбившись на пары и тройки, они подолгу, с видимым удовольствием (!) передают шайбу друг другу на скорости. Вот уж поистине – все течет, все меняется.

Особые краски в игру профессионалов привносит тактика силового давления. Подобно океанским волнам, все сметающим на своем пути, рвутся к заветной цели – воротам – атакующие звенья. Игроки сталкиваются, падают, вмиг поднимаются, чтобы продолжить сражение, это не игра – хоккейная сеча. В каждый игровой эпизод хоккеист вкладывает всего себя без остатка, такое впечатление, что для него этот миг – решающий. Этому, убежден, нелегко научить. И тренер должен обладать особым нюхом, чтобы из тысяч ребят отобрать, воспитать до фанатизма преданных хоккею бесстрашных игроков.

Тактика силового давления предельно проста. Надо захватить территорию – зону соперника – и беспрерывно атаковать. Главное – владеть шайбой, при первой возможности бросать по воротам, совершать прострелы, а там, у ворот, один из партнеров дежурит, другой врезается в гущу игроков, создавая помехи, сея панику в рядах обороны. До чего же энергичными, неукротимыми, первобытно яростными выглядят канадские игроки в этой фазе атаки!

Но шайба не всегда попадает в цель, она становится нейтральной, ею может завладеть противоборствующая команда. В тот же миг игроки без раздумий и проволочек устремляются к шайбе, горя одним лишь желанием – не дать сопернику расчетливо распорядиться ею. И вот игрок из последних сил тянется зацепить своей клюшкой клюшку соперника, стремясь с

ходу, со всего разгона врезаться во владеющего шайбой хоккеиста. Какие там правила, этические нормы! Главное – отделить соперника от шайбы, ее подхватит партнер, чтобы продолжить атаку.

Захватывающее зрелище! Пусть упускаешь ты логическую нить игры, и она как бы пропадает, уходит на второй план техническое мастерство хоккеистов, зато – сколько страсти, азарта! Трещат борта, на огромной скорости сталкиваются игроки, у ворот куча-мала, и кажется, что слышим мы свист шайбы. Разумеется, мы не можем этого слышать, это все в нашем воображении, но настолько мощны, безжалостны броски по воротам, где мечется, пляшет несчастный вратарь. Игроки обороняющейся команды в эти минуты мечтают лишь об одном – выбросить шайбу из зоны, перевести дыхание, оправиться от «нокдауна по-канадски».

Часто я задавался вопросом, а может ли такая яростная атака иметь тактическую осмысленность? Может ли успевать за такой страстной игрой мысль? Пожалуй, с трудом. Это не значит, что игроки во власти стихии, что они исповедуют принцип «бей-беги!». Вовсе нет. Но командные действия канадцев строятся на заранее наигранных комбинациях, раз и навсегда усвоенных принципах. Борьба идет в углу площадки? Шайба оттуда не глядя посылается за ворота, где должна встретить партнера. Схватка за воротами? Шайба посылается на «пятачок». Шайба попадает к защитнику – он должен сделать прострел вдоль ворот, а там уже обязан находиться партнер, готовый подправить шайбу, помешать вратарю. Все оговорено заранее, разучено до деталей.

Конечно, такие хоккеисты, как Уэйн Гретцки, все успевают делать осмысленно, с открытыми глазами. Но таких, увы, единицы.

Нравится мне и то, как канадские игроки, потеряв шайбу, возвращаются в оборону. Сказать, что они стараются, значит ничего не сказать. В их фигурах – неудовлетворенность, сознание вины. Они возвращаются восвояси, чтобы стойкостью и мужеством загладить оплошность, срыв атаки. Кончается у хоккеистов «горючее», происходит смена составов – и новые игроки бросаются в пекло борьбы с той же неистовостью и страстью. В канадском хоккее действует принцип: ступил на лед – играй, не жалея себя!

При развитии атаки тактика диктует закон – хоккеист, которому может быть адресована шайба, должен «предлагать себя» на максимальной скорости. Часто можно видеть, как это делают сразу два хоккеиста. Это не только красивое зрелище, свидетельствующее о четком взаимодействии игроков, но и

маневр, весьма опасный для соперников. Обороняясь, хоккеист зачастую ориентируется на того игрока атакующей стороны, который владеет шайбой, приноравливаясь к его маневру и темпу. И вдруг опасность возникает там, где ее не ждали, а скорость игрока, получившего шайбу, такова, что поди догони его! Такое развитие атаки почти всегда застает обороняющихся врасплох. Пас при этом дается сильный, не всегда, правда, точный. Но любую шайбу канадские игроки умеют быстро укротить, переправив ее коньком на крюк клюшки с тем, чтобы прибавить скорость и ворваться в чужую зону.

Остановка шайбы, если верить учебникам, – самый простой прием. Подставить крюк, свободно держа клюшку, чуть пригасить удар, отведя крюк чуть в сторону и назад, и шайба – твоя. Но для истинного мастера этого ох как мало! Он в этот самый момент способен увеличить скорость движения, оценить ситуацию на площадке, принять единственно верное решение. И именно в этот миг, ни мгновением раньше, ни позже. Из этих мгновений и складывается главное преимущество при атаке – во времени, в темпе.

Есть что перенять нашим хоккеистам у канадских игроков, чтобы научиться выиграть шайбу при вбрасывании. Канадские тренеры придают розыгрышу этого стандартного положения большое значение. Много раз наблюдал, как тренеры канадских команд в каждом конкретном случае применяли разную и верную расстановку игроков. Да и хоккеисты, готовясь к вбрасыванию шайбы, сначала смотрят на тренера и, лишь получив «добро», приступают к делу. Мы не признаем за этим тактическим элементом особой роли. А зря. Выигрыш шайбы – это захват инициативы. А вернуть шайбу своей команде стало не просто. В хоккее почти как в баскетболе – тот, кто владеет мячом, тот и диктует условия.

Полагаю, наши тренеры и хоккеисты должны пересмотреть свое отношение к борьбе за шайбу после остановки игры. Каждой пятерке нужен хоккеист – специалист по вбрасыванию. Он должен обладать как минимум тремя достоинствами: быстрой реакцией и ловкостью, игровой хитростью, хорошо понимать своих партнеров. И, конечно, должен уметь в каждом случае разгадывать намерения своего визави, быстро приспосабливаться к манере судей, вбрасывающих шайбу.

Не раз обращал внимание на то, что некоторые наши хоккеисты слишком уж откровенны в своих намерениях, о них легко догадаться по расположению кистей рук на клюшке. Соперник, разумеется, тут же принимает контрмеры. Арсенал приемов, при наличии двух-трех коронных, доведенных до

автоматизма, должен быть богатым, разнообразным и применяться в зависимости от соперника, игровой ситуации, зоны вбрасывания. И еще об одном. Наши игроки часто начинают борьбу за шайбу после того, как она коснется льда, – так предусмотрено правилами. Канадские игроки реагируют раньше, когда шайба еще в полете. Это нарушение, но оно закреплено практикой игры. А раз так, нашим игрокам надо перестраиваться.

При вбрасывании канадцы очень внимательны и к расстановке игроков. Она, как правило, носит активный характер в зоне соперника, нейтральна, а то и активна в средней зоне, а у своих ворот решает оборонительные задачи. Здесь все логично, но логика эта известна заранее. Точно как в шахматах, когда даже во встречах гроссмейстеров успех нередко приносят ходы рискованные, сделанные, казалось бы, логике вопреки. Такие «нелогичные ходы» могут быть и в хоккее. Скажем, соперник в нашей зоне рассчитывает применить активный вариант, подключая к атаке защитников. Но и мы используем активную расстановку и в случае выигрыша шайбы получаем возможность остро контратаковать. С учетом того, как складывается игра, какое настроение у команд, каково соотношение сил звеньев, вышедших на лед, можно применять выгодную для себя расстановку. Полагаю, что канадские тренеры, как дирижеры игры, учитывают и эти обстоятельства.

Почему же наше отставание в этом элементе хоккея так непростительно затянулось? Затрудняюсь ответить. Очевидно одно: надо с юных лет воспитывать у хоккеистов уважение к этому стандартному розыгрышу, пониманию его роли в игре. Всячески стимулировать игроков, решивших освоить приемы борьбы за шайбу при вбрасывании. Например, начислять хоккеистам как детских, так и взрослых команд дополнительный балл за каждый выигрыш шайбы. Проводить отдельные состязания в этом элементе игры, а победителям вручать призы. Такие турниры могут быть смешанными – вместе с ребятами на лед выйдут именитые мастера. Все это лишь украсит соревнования, придаст им вес.

Не припомню случая, чтобы канадские хоккеисты начали бы матч, как у нас говорит, шаляй-валяй. Встречи клубов этой страны мне всегда напоминают поединки боксеров, где соперники задались целью на первых же секундах послать во что бы то ни стало друг друга в нокаут. Матчам профессионалов чужда выжидательная тактика, проходят они без разведки. Каждая из команд сразу же предъявляет свои козыри. Именно поэтому, полагаю, зрительские скамейки на стадионе заполняются, как правило, до свистка судьи. Никому не хочется пропустить

драматической завязки поединка.

Если, встречаясь с канадцами, не учитывать этого обстоятельства, беды не миновать. Вспомним еще раз начало первого матча советских хоккеистов с профессионалами. На 30-й секунде в наши ворота была заброшена первая шайба, на 7-й минуте – вторая. А финальный матч чемпионата мира для молодежных команд, когда канадские спортсмены не только повели с тем же счетом 2:0, но и владели инициативой весь первый период? Наши так и не смогли опомниться и в конце концов упустили чемпионский титул.

Как упредить стартовый натиск канадцев? Как реагировать на бурное начало ими матча? Можно действовать, как говорится, «лоб в лоб», начать встречу так же предельно активно, поставив перед игроками задачу захвата территории, а вместе с ней и инициативы.

Но можно хладнокровно встретить мощный наскок канадцев, сыграть от обороны, но так, чтобы извлечь и выгоду – постоянно контратаковать. Такие уколы, как показала практика, сразу охлаждают пыл канадских игроков, срывая их натиск большими силами.

Когда я веду речь о достоинствах канадского хоккея, это вовсе не означает, что призываю перенимать все это у них в готовом виде. Нет. Нужен иной подход. Брать или не брать что-либо из арсенала соперника, решает тренер. А мерилом здесь служат его взгляды на хоккей, его кредо, то, какие средства и методы спортивной борьбы он исповедует. А уж коли решился на заимствование, то подумай, как видоизменить, приспособить для своей команды то, что берешь у соперников. Лишь тогда новшество будет полезно и твоим хоккеистам, и тебе принесет удовлетворение.

«Профи» на тренировке

Одна из загадок канадского хоккея для меня состоит в том (и это касается не только профессиональных, но и всех прочих команд, в том числе и детских), что, располагая несомненным мастерством, играя азартно и страстно, спортсмены не так уж много и умело тренируются. Но, возможно, я излишне субъективен или мерки мои излишне высоки? Судите сами.

Тренировка канадских игроков на льду обычно сводится к тому, что спортсмены без шайбы катаются, ускоряясь, на коньках, а затем совершенствуют броски по воротам, как правило, с места. Далее тренер собирает игроков, и в центре поля они делают гимнастические упражнения. Затем по звеньям хоккеисты совершенствуют атаку ворот, после чего тренировка завершается двусторонней игрой. Вот, так сказать, схема тренировки. На протяжении многих лет такие занятия были своего рода дежурным блюдом во многих профессиональных клубах НХЛ. А на них, естественно, равнялись тренеры любительских команд. Но, разумеется, наверняка были и тренеры творческие, более высокой квалификации, проводившие занятия с хоккеистами куда интересней и разнообразней.

После того как профессионалы перестали любоваться на себя в зеркало, а познакомились с лучшими образцами европейского хоккея, они начали подмечать некоторые симпатичные черты и у соперников. А потому изменился взгляд многих тренеров на содержание тренировок, на отдельные тактические компоненты хоккея. К примеру, был взят на вооружение поточный метод тренировки. Причем в такое построение занятий, где упражнения следуют одно за другим, выполняемые звеньями, канадцы привнесли немало своих элементов. Стало быть, они творчески подходят к использованию чужого опыта.

До последнего времени я полагал, что в подготовке канадских команд большое место занимают занятия по атлетизму, проводимые не на льду, а в зале, в лесу, на лужайке. Однако, когда я проводил за океаном показательные занятия по атлетической подготовке так, как это принято у нас, зарубежные коллеги заявляли мне, что ничего подобного они до сих пор не видели. Что у них свой подход к совершенствованию физических качеств игроков. Какой же это подход?

Профессиональный клуб «Ванкувер Кэнакс». Удобная раздевалка с просторными подсобными помещениями общей площадью почти в 1000 кв. метров. В огромной комнате, лучше назвать ее залом, переодеваются хоккеисты. Каждому игроку

отведена вместительная кабина, куда он вешает свой костюм, тренировочную форму, доспехи. На одной из стен зала висит доска с разметкой хоккейного поля, с магнитными фигурками. На полочке – разноцветные мелки. Там же – всегда влажная губка. У двери, ведущей на лед, – огромная корзина для клюшек. Их делают по индивидуальным шаблонам. Администратор следит за тем, чтобы их запас постоянно пополнялся.

С потолка раздевалки свисают телевизоры, их экраны направлены на три стороны, туда, где обычно сидят игроки.

Рядом комната, где точат, клепают коньки, ремонтируют клюшки и форму. Комната невелика, и чего в ней только нет! Но есть и самое главное – порядок. Все разложено по полочкам, висит на своем гвозде, искать не надо ничего – все под руками.

Тут же удобные большие душевые, туалеты, помещение для стирки. Чуть поодаль – сауна. Сказать откровенно, сауна понравилась менее всего. Видно, что хоккеисты не очень-то любят париться.

Пройти далее – попадаешь в туалетную комнату, здесь во множестве приспособления для бритья: наборы бритв, кремы, душистое мыло, шампуни, одеколон. Еще дальше – апартаменты тренера, за стеклянной перегородкой – хозяйство врача, в шкафах медикаменты. Комната лечебных процедур, современно оборудованная. В самом конце – еще две тренерские комнаты и помещение, где установлен большой телевизор для просмотра видеозаписей матчей.

Ну, а рассказ о главном я приберег напоследок. Напротив апартаментов врача – зал с тренажерами. В основном снаряды «Геркулес» различных модификаций. Как мне сообщили, в течение сезона каждый игрок должен отработать на этих снарядах от 100 до 150 часов. Следит за занятиями и фиксирует их врач.

Я, признаться, так и не смог понять, почему такой важный, подчас решающий аспект подготовки игрока – совершенствование его физической подготовки – выпущен из-под контроля тренера, отдан на откуп врачу. Разумеется, часть своей ноши тренер может перекладывать на плечи помощников. Но – не прямые свои обязанности.

Впрочем, и в некоторых наших командах заметно стремление тренера облегчить свою жизнь, поручая часть занятий другим специалистам. Привлекаются, к примеру, тренеры по легкой атлетике, баскетболу, гимнастике, которые руководят игроками в этих дисциплинах. А хоккейный тренер взирает на своих питомцев с трибуны стадиона. Полагаю, что в этом случае наставник неизбежно теряет одну из нитей управления командой.

Меня спросят: а как быть, если тренер в самом деле чего-либо

не знает? Узнать. Проконсультироваться. Всерьез заняться самообразованием, постичь буквально все, что входит в круг его профессии.

Четверть века назад новая тактическая идея, которую я воплотил в командные действия, вошла в противоречие с физическими возможностями игроков. В чем суть проблемы? Готовясь к встречам с профессионалами, я размышлял о том, как повысить занятость игроков в единицу времени. Была придумана система игры, которая предусматривала активные, скоростные, челночные действия звена с шайбой и без шайбы с участием всех игроков, в том числе и защитников. Готовились мы к этому последовательно, довели скоростной режим игры ведущих звеньев до 25–30 секунд. Высоки были и пульсовые обороты у хоккеистов – 160–200 ударов в минуту.

По-новому мы действовали не раз и в ответственных матчах. И каждый раз побеждали.

И вдруг… У хоккеистов уже во втором периоде стал проявляться игровой спад. Врач докладывает – игроки не восстанавливаются, им нужен более продолжительный отдых.

Что делать? Я тут же отправился на кафедру физиологии института, где сам учился до войны. Попросил профессора В. С. Фарфеля меня принять. Он и его коллега А. Гуминский внимательно выслушали мой рассказ. Предложили ввести в тренировку хоккеистов виды спорта, усиливающие МПК – максимальное потребление кислорода спортсменом. Рекомендовали гладкий бег, велосипед при средних пульсовых оборотах. За совет был благодарен, а вот с предложенными «лекарствами» согласиться не мог. Не признаю средств, мало связанных с игрой. Вместе с А. Гуминским поставил эксперимент. Он дал хороший эффект. Проблема усиления работоспособности и восстановлений хоккеистов была решена.

От помощи я никогда не отказывался. Но любое занятие проводил сам. По легкой и тяжелой атлетике, гимнастике и акробатике, борьбе и боксу… Пришлось освоить даже плавание и прыжки в воду, поскольку часто приходилось проводить занятия у моря – не только нежиться в бирюзовой воде и любоваться красивыми девушками на пляже, но и выполнять упражнения хоккейной направленности.

Уже говорил, что люблю наблюдать тренировки команд всех возрастов, любого класса. И каждый раз стараюсь поставить себя на место тренера, соглашаюсь с ним или отвергаю его приемы и методы. На ходу выдумываю упражнения, словом, заставляю себя шевелить мозгами. Должен признаться, что вне хоккейной арены мои способности к фантазии и поиску снижаются, как бы

меркнут.

Видел я тренировки почти всех национальных команд Канады, приезжавших на мировые чемпионаты. А вот наблюдений за занятиями профессионалов долгое время мне явно не хватало. Приходилось видеть их лишь урывками. И вот – счастье. Имею возможность смотреть тренировки пусть не самой сильной, но все же профессиональной команды «Ванкувер Кэнакс». В первый свой приезд я провел в этом клубе десять дней. Чуть позже – еще восемь.

При первом визите тренерский состав команды мне понравился. Своей влюбленностью в хоккей и спортсменов, демократичностью, особой доверительностью в общении с игроками. Тренеры полагали, что игрок себе не враг, что должен он знать, как, почему и зачем тренируется. И хоккей тренеры знали прилично, и тренировки проводили интересно. Не было лишь главного – успеха. По окончании сезона одному из тренеров – Томми Уотту – пришлось проститься с командой. Его, впрочем, тут же привлекли к работе со сборной профессиональных хоккеистов, использовали при подготовке олимпийской команды.

В «Ванкувер Кэнакс» пришли другие спортивные наставники. Мне довелось встречаться с ними, беседовать. Они произвели впечатление людей деловых, волевых. С энтузиазмом приступили к работе с командой.

Пишу эти строки в самый разгар зимней Олимпиады в Калгари. Приходят скупые сообщения и о матчах клубов НХЛ. И вновь «Ванкувер Кэнакс» в числе аутсайдеров. Мне жаль симпатичного и, пожалуй, слишком доверчивого руководителя клуба Артура Гриффитса. Сменили тренера, как могли, усиливали команду, а воз и ныне там.

Перед этим я был в команде в период ее вхождения в сезон. Учебно-тренировочные сборы проводились на острове Данкен. На сбор было вызвано более 60 хоккеистов. Одних только вратарей – семь. Шел, помимо всего прочего, отбор новобранцев в команду.

Размещались хоккеисты в мотеле. Распорядок дня был стандартный. В десять и одиннадцать часов – по группам – занятия по физподготовке. Днем – тренировки на льду. Вечером – двусторонние матчи. К концу десятидневных сборов была запланирована серия товарищеских встреч, в том числе и на выезде.

Утром не было ни зарядки, ни разминки, ни индивидуальных занятий, ни тренировок звеньями. А природа, казалось, так и манила – вокруг газоны, лужайки. На вопрос, почему после сна игроки идут есть, а не тренируются, не делают никаких физических упражнений, мне ответили, что это совершенно не

нужно. Да и у нас, тренеров, мол, нет на это времени.

Тренеры действительно были очень заняты. Дважды в день они собирались и обменивались мнениями об игроках.

Ну, а сами хоккеисты? Сонные, не всегда побритые, несколько неряшливо одетые спортсмены поодиночке, по двое идут завтракать. Каждый направляется туда, куда захочет. Игрокам выдается по 41 доллару в день на питание. А уж меню выбирай сам. Утром это, как правило, кофе и сэндвич. А там пора и на тренировку.

Хоккейный стадион в километре от отеля. Спортсмены и направляются туда явно с охотой. Занятия по так называемой физической подготовке проводит с ними красивая блондинка лет 24–25. Она – методист по аэробике.

В прекрасно оборудованном спортивном зале у каждого хоккеиста – свой коврик. Расположившись на них в самих разных позах, они ждут преподавателя. И вот она появляется, грациозная, в обтягивающем фигуру трико. Игроки, порой преувеличенно шумно, высказывают по этому поводу свой восторг. Включается магнитофон, звучит быстрая мелодия, начинается урок ритмической гимнастики.

Комплекс упражнений носит в основном общеразвивающий характер, но некоторые подходят и для хоккея. Например, упражнение на растяжение мышц задней части бедра, имитация бега на коньках с глубокими приседаниями и мощными толчками, отдельные танцевальные па, развивающие ловкость игроков.

Во время занятия методист то показывает упражнения, то ходит меж игроками, делая замечания то одному, то другому. Мне показалось, что каждый хотел бы заслужить ее комплимент. А еще показалось, что 30-минутной разминки игрокам было маловато. Спортсмены долго еще оставались на матах, не торопясь уходить из зала.

Конечно, немаловажно, в какой обстановке проходит тренировка. Эмоции никогда не служили помехой. Совсем наоборот. Хорошо, если у спортсменов хорошее настроение, если они веселы. Но содержание занятия… Мне всегда казалось, что эффект может дать лишь набор таких упражнений, которые выполняются интенсивно и позволяют спортсмену обрести какие-то новые навыки.

Но более удивило другое. Тренеры команды не только не участвовали в занятиях по совершенствованию атлетизма спортсменов, но и не всегда присутствовали на них, очевидно, считая не своим делом.

Теперь о тренировках на льду. Их содержание преследовало

одну цель: проверить и как можно быстрее определить степень мастерства, скоростных и боевых качеств каждою игрока. На дневных занятиях упражнения выполнялись в потоке. Занятия были просто и хорошо организованы. Игрокам, вероятно, такие тренировки были хорошо знакомы. Но в глаза бросались две странности – все игроки были сильно взволнованы, не было в их действиях обычной для канадцев непринужденности. Зато страсти кипели вовсю, хоккеисты занимались на пределе физических сил. Было видно, что конкуренция волнует их сверх меры.

Все это было вполне объяснимо: шел отбор игроков в команду без каких-либо скидок на возраст, звания, опыт. Но излишнее возбуждение спортсменов тренеру нетрудно было снять. Достаточно проявить живое участие к хоккеистам, дать им несколько деловых советов. Но ничего такого тренеры и не пытались предпринять. Интересовало их лишь одно: кто из игроков может устроить команду. В ходе тренировки тренеры то и дело подъезжали друг к другу, к бортику, где стоял руководитель клуба, к кому-либо из селекционеров, находившихся там же, вели с ними переговоры. И – минимум внимания игрокам. А ведь они так нуждались в советах, поддержке. Мы с Владиславом Третьяком сидели на трибуне – он готовился провести тренировку с вратарями – и диву давались такому равнодушию тренеров к хоккеистам.

Один из молодых канадских вратарей за время тренировки несколько раз бросал взгляд в нашу сторону. Не выдержало сердце Владислава, он крикнул вратарю, чтобы тот маневрировал, выполняя имитационные упражнения, связанные с выкатыванием из ворот. Таким образом можно снять излишки нервного возбуждения. И что вы думаете, читатель? Едва успел вратарь кивком поблагодарить Третьяка, как к тому месту, где мы сидели, подъехал тренер и в довольно неучтивой форме потребовал, чтобы в его работу никто не вмешивался.

Надо полагать, что тренер беспокоился за свой авторитет. Однако твердо знаю, что он измеряется не дистанцией между тренером и игроками.

Вечером проводились двухсторонние игры. Тренеры лишь открывали калитки, производили смены. И опять никаких указаний и советов хоккеистам.

Сразу после вечерних матчей – совещание тренеров с участием селекционеров, или, как там говорят, «митинг». За закрытыми дверями даются характеристики игрокам, решаются их судьбы.

На другой день этот распорядок дня повторяется.

Уверен, в наших командах тренеры, столь безразличные к хоккеистам, долго у руля не продержались бы. Их отстранили бы от работы – и правильно сделали бы. У нас другой принцип: не игроки для тренера, а тренер для игроков. Ведь он призван помочь им овладеть хоккейным мастерством. И какой бы квалификации ни был наставник, какие бы заслуги ни числились за ним – он принадлежит хоккею, команде, игрокам. Тренер не должен походить на начальника.

Когда же позже Владислав Третьяк сам проводил урок с канадскими вратарями, то меня, много повидавшего в спорте, тронуло именно его участие к каждому из семи голкиперов. Он покорил всех: и своих учеников, и находившихся на трибуне тренеров, игроков, журналистов, зрителей – не только безупречной вежливостью и показом сложных приемов. Он подходил к каждому вратарю, вносил коррективы в движение, по нескольку раз сам повторял прием, подробно объясняя смысл малейшего нюанса при его исполнении. И когда закончилась эта тренировка, то первыми начали аплодировать вратари. Так, в один и тот же день мы увидели два разных, по сути, подхода к воспитанию хоккеистов. Один – основанный на жесткой конкуренции, власти тренера над игроками. Другой – построенный на доброжелательном отношении к хоккеистам.

В Канаде, конечно, немало и других тренеров, с иным подходом к тренировке. Не раз наблюдал за работой тренера олимпийской команды Страны кленового листа Дэйва Кинга. Он демократичен, всегда тактичен с игроками, проявляет к ним интерес. Но, спросите вы, почему же команда этого тренера так слабо выступала на турнире в Калгари, заняв там только четвертое место? На этот вопрос давно ответили журналисты: уровень мастерства игроков оказался невысок.

На один матч, сыгранный хоккеистом-профессионалом (а их в чемпионате НХЛ восемьдесят, не считая игр за Кубок Стэнли), приходится в большинстве случаев один-два свободных дня. Много времени пожирают перелеты из города в город, иные из них длятся до семи часов. Чем продиктован такой сверхплотный календарь? Главная цель – доходы от игр. Естественно, что у тренеров клубов возможностей для учебно-тренировочной работы с командой практически нет. На протяжении хоккейного марафона они лишь стремятся поддерживать физическую форму игроков. Влиять же на рост мастерства тренеры всерьез, по сути, не могут, на это просто нет времени. Считается, что искусство хоккеиста шлифуется в ходе самих встреч.

И у нас в стране появились тренеры, которые не прочь жить по канадскому образцу. Они говорят: давайте больше играть,

меньше тренироваться. Не утруждают своих игроков, предоставляют им отдых перед встречами, а если при этом еще и удается выиграть матч-другой, то спешат возвести свою методу в ранг научного открытия. Такие тренеры забывают, что матч – немножко стихия, что каждому игроку, кроме вратаря, удается провести на льду каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут игрового времени и что утверждать, будто за эти скоротечные мгновения можно добиться роста мастерства, – значит обманывать и самого себя, и спортсмена.

Мое убеждение таково: лишь тогда и команда, и хоккеист смогут чего-либо добиться в спорте, если будут настойчиво, целеустремленно, усердно тренироваться. Конечно, такие занятия и по объему физической нагрузки, и по подбору тренировочных упражнений должны учитывать индивидуальность игрока.

Комментарий Ю. В. Королева

О том, какое значение придавал Тарасов тренировкам в процессе воспитания классных игроков

Для Тарасова превыше всего был сам процесс совершенствования спортивного мастерства. Именно процесс обучения – освоение новых технических элементов, закрепление достигнутых технических навыков, развитие физических качеств, усвоение тактических уроков, налаживание коллективного взаимодействия, работа над психологической устойчивостью игрока и всей команды…

ТРЕНИРОВКА.

Это было превыше всего для выдающегося тренера. И на то имелись веские причины.

Ведь что такое матч? Стихия! Стихия игры – динамика, эмоции, сюжетные повороты хоккейной драматургии. Для всей команды – это смотрины, промежуточный итог кропотливой будничной работы; потом снова тренировки и следующая игра. Однако тренер в состоянии только управлять командой, стремясь к победному счету, а потом уже проводить анализ качества игры своих подопечных. По существу, по ходу поединка он не может проводить «работу над ошибками». Отчасти стихия игры неуправляема.

Зато полноценная тренировка открывает широкое

поле для творческого честолюбивого наставника. Будничные занятия с командой представляют собой управляемую стихию хоккея, в которой можно и должно осуществлять бесконечный процесс совершенствования.

Это я изложил своими словами то, что являлось аксиомой для выдающегося хоккейного наставника.

«Тренировки по Тарасову»!

Спросите любого хоккеиста ЦСКА или сборной СССР, кто испытал это на себе, и услышите слова искренней признательности.

Тарасов, надо отдать ему должное, продолжал основной акцент делать на тренировочном процессе и после того, как начались контакты между нами, относительно юными в хоккее специалистами, и канадскими тренерами, возглавлявшими всемирно известные клубы НХЛ. За океаном считали: рост мастерства происходит в ходе соревновательной практики – то есть во время матчей. И потому соотношение «занятий» и «экзаменов» было у них 1:1. А в советском хоккее благодаря во многом Анатолию Тарасову крен был явно в сторону учебно-тренировочного процесса – 4:1. И жизнь подтверждала его правоту на протяжении нескольких десятилетий: оптимальный межигровой цикл позволяет хоккеисту в значительной мере прогрессировать.

С сожалением вынужден констатировать, что в настоящее время мы, увлекшись подражанием НХЛ в различных аспектах, пришли к увеличению количества игр и уменьшению объема тренировочных занятий. Особенно болезненно это ощущается в молодежном хоккее.

По статусу своему хоккеист-профессионал сам обязан следить за собой, повышать свою квалификацию – мастерство. Каждый игрок тщательно следит за своим весом. Разбирается в рационах питания. Большинство хоккеистов не курят, хотя есть, как и у нас, «подпольщики». Но вот что меня удивило: в раздевалку хоккеистам коробками приносят пиво. Так заведено в клубах НХЛ. Тренеры мне пояснили, что от банки пива большого вреда, мол, не будет. Но я-то видел, что хоккеисты меньше двух, а то и трех банок не берут. Привычка к пиву может снизить устойчивость перед спиртным. Стоит ли тренеру поощрять человеческие слабости? Может, лучше наоборот – создавать обстановку нетерпимости к алкоголю в любом его виде?

Если матчи чемпионата НХЛ проводятся в городе, где расквартирована команда, то хоккеисты живут как обычные люди – дома, в семьях. Никаких сборов для них не проводится. Каждый игрок имеет автомобиль и приезжает на нем на тренировку. В день матча тренировка проводится утром. В остальные – днем. Как правило, занятия дважды в день не проводятся.

Не скажу, что профессионалы к тренировкам тщательно готовятся. Наблюдал массу случаев, когда хоккеист приезжал впритык к началу занятия, второпях переодевался и мчался на лед. Это были в основном молодые игроки, которым, увы, повсюду – и там, и у нас – свойственно легкомыслие.

В целом же должен сказать, что дисциплина в клубах НХЛ крепкая. Порой даже чересчур. Был случай, который меня несказанно удивил. Руководство клуба «Ванкувер Кэнакс» попросило меня провести с командой часть тренировки на льду. Я это сделал, предложив игрокам упражнение по совершенствованию завершающей фазы атаки. Прошло некоторое время. В связи с матчами на Кубок Канады президент НХЛ Зиглер дал всем профессиональным игрокам пять дней каникул. Иногородние хоккеисты разлетелись по домам, а оставшиеся в Ванкувере попросили меня провести с ними занятие, посвященное секретам паса. Тренировка, однако, так и не состоялась. Почему? В НХЛ принято выполнять приказы. Сказано отдыхать – отдыхай. А коли ослушался, вышел на лед – штраф в несколько сот долларов. «Ничего себе, порядочки!» – подумалось мне тогда.

Однако не следует думать, что жизнь профессионального хоккеиста настолько зарегламентирована, что у него не остается времени для личного творчества.

1982 год. Финляндия, Хельсинки. Чемпионат мира, на который Канада делегировала сильную команду профессионалов. Идет одна из тренировок команды. Легкая, на сорок минут. Спортсмены покатались, побросали по воротам шайбу, порепетировали игру при численном неравенстве. Все. Завтра у канадцев – очень важный матч с командой Швеции. Тренеры ушли в раздевалку. Тренировка закончена.

Но не для всех. Уэйн Гретцки просит одного из защитников остаться. И более получаса ведет с ним единоборство. И как! Вот он расположился у точки вбрасывания. Перед ним, буквально в двух метрах, его визави. Гретцки стартует и пытается обыграть защитника. Тот стремится выбить, отобрать шайбу, блокировать форварда. Как будто ничего особенного. Обычное упражнение. Но необычно выполнял его выдающийся форвард.

То он обводил защитника, уводя шайбу неуловимыми

движениями крюка клюшки – быстрыми, вправо-влево. То проталкивал шайбу под крюк клюшки соперника. То, выставив вперед плечо, шел на контакт с защитником, а шайбу отводил в сторону. То намеренно посылал шайбу под ноги соперника, а когда тот пытался подцепить ее клюшкой, возвращал шайбу себе, успевая войти в контакт с визави, лишить его устойчивости, прибавить скорость и получить свободу маневра. То, наоборот, посылал шайбу в ноги себе и, едва защитник порывался ею овладеть, делал ускорение, внутренней стороной лезвия конька подбивал шайбу вперед на крюк своей клюшки и обводил опекуна.

То успешно переигрывал его, пользуясь сменой ритма. У форварда длинные руки, он отводит шайбу далеко от себя вправо. На этот маневр реагирует защитник. Тогда нападающий не спеша переводит шайбу влево и, почти не контролируя ее зрением, чувствуя лишь, что шайба на крюке клюшки, следит за защитником. Тот крутит головой то влево, то вправо, не в состоянии разгадать истинных намерений форварда. А тот, резко стартуя, со всего хода врезается в защитника, опрокидывает его на лед и мчится дальше.

Уэйн Гретцки, выполнявший все эти сложные и разнообразные приемы, выглядел при этом большим ребенком, которого осчастливили подарком – дали всласть поиграть в хоккей. На его лице, во всех жестах, движениях читались радость, удовольствие, отрешенность от всего, что находится за пределами льда. Он наслаждался хоккеем. А когда у него что-либо не получалось, он совсем по-детски злился и с удвоенной энергией начинал все сначала.

Тренируясь, Гретцки проявлял не только упорство, он постоянно размышлял, контролировал свои действия. Высоко держа голову, он при обыгрыше защитника словно бы обозревал все поле, следя за действиями воображаемых партнеров, и даже время от времени отдавал им пас.

Он покинул площадку, когда на нее выехала машина шлифовать лед. Шел мимо трибун усталый, но довольный собой. И в эти минуты я понимал, чем велик этот игрок.

Канадские хоккеисты любят и умеют забивать. А кто этого не любит? Это так приятно – поражать цель, приносить успех своей команде. У канадцев это стремление к взятию ворот подкреплено постоянным совершенствованием различных навыков, бросков, ударов по цели. Привычка бросать и бросать шайбу на тренировках идет с ними рука об руку с юных лет, с той поры, когда они мальчишками впервые встали на лед и взяли в руки клюшку. Бросать шайбу, целясь в мишень, просто о борт, в

ворота, защищаемые вратарем, и в пустые, без вратаря. Бросать внезапно, точно, зло. Бросать всегда и везде, как только предоставится такая возможность, вне зависимости от настроения, самочувствия.

В наших командах мастеров завершению атаки в широком ее понимании – тактической расстановки игроков, взаимодействия партнеров, бросков по воротам – также уделяют много внимания. По скрытности и точности «выстрелов» по цели наши лучшие форварды, да и защитники вряд ли уступают сильнейшим профессиональным игрокам. Мерило здесь одно – матчи команд двух соперничающих школ. Если суммировать все поединки, проведенные советскими спортсменами с профессиональными хоккеистами, счет – в пользу советского хоккея.

Полагаю, что результативность наших хоккеистов станет еще выше, если они увеличат темп атаки. Что имеется в виду? Еще более быстрые пасы, постоянная готовность каждого хоккеиста поразить цель, быстрый возврат шайбы в атаку в случае промаха.

И еще одно. Если канадские игроки вблизи ворот, как правило, занимают статическую позицию, то наши форварды в этой ситуации могут и должны разумно маневрировать. Защитникам опекать нападающих сразу станет куда сложнее. Что касается советской команды, то число вариантов для розыгрыша шайбы и завершения атаки резко возрастет. Но для этого хоккеистам понадобятся и выдумка, и боевой характер.

А сейчас хочу поговорить о приеме, который называется «блокировка». Даже в баскетболе, этой, безусловно, интересной, но, на мой взгляд, слишком уж изнеженной, рафинированной спортивной игре, где мужчинам и толкнуть-то друг друга правилами не разрешено, блокировка дозволена. И даже в большом почете. А вот во время хоккейного матча мы то и дело слышим, как диктор объявляет по стадиону: игрок имярек за блокировку удаляется с поля на две минуты. Нелепость, несовершенство правил! В сравнении с приемами силового единоборства блокировка мила и безобидна. Убежден, что ее необходимо узаконить правилами игры или хотя бы изъять из них пункт, где говорится, что блокировка наказуема.

В канадском профессиональном хоккее, во всяком случае, блокировка имеет место, выполняется игроками – замаскированно, артистично. Маневр этот далеко не прост. Помимо умения верно поставить и крепко держать клюшку, блокируя соперника и ею, и туловищем, важны еще и согласованные действия с партнерами. Блокировка должна помочь партнеру с шайбой подготовить последний пас, а также индивидуально пролезть, прорваться к воротам. Уверен, если

узаконить ее – результативность звеньев возрастет, игра станет еще более радовать глаз зрителя. Да и атака сделается разнообразней, богаче, ярче, а это значит – более красочной станет игра.

Глава IV
Каким быть хоккею?

Творчество неотделимо от фантазии. Для того чтобы создать нечто новое, человек должен увидеть его в своем воображении. Давайте, читатель, и мы доверимся силе фантазии, попробуем представить, каким быть хоккею завтрашнего дня. Хотя фантазия, как говорят, крылата, но не будем очень далеко отрываться от реалий игры сегодняшней, ее лучших образцов и стандартов.

По-видимому, и в будущем, как и сегодня, важнейшей проблемой мирового хоккея будет воспитание выдающегося игрока, его использование в команде. Говорят, что с талантом надо родиться. Что лишь человек с врожденным талантом может стать со временем выдающимся игроком. Что ж, не следует преуменьшать значение одаренности, природных способностей. Как, впрочем, и того, что многое, очень многое можно развить – в результате разумных и упорных тренировок, И тому сотни примеров из спортивных биографий выдающихся хоккеистов прошлого и настоящего. И не только хоккеистов, но и звезд других видов спорта.

Выдающийся игрок очень ценен в хоккее. Без него нет перца в игре. Без него не повалит на матч зритель. И в нашем хоккее, начиная со времен Всеволода Боброва, спортсмены такие были и есть.

С именами Николая Сологубова, Анатолия Фирсова, Валерия Харламова, Владислава Третьяка, Владимира Крутова, Вячеслава Фетисова и многих других ярких игроков связаны многолетние успехи армейцев столицы. С именами Александра Мальцева, Валерия Васильева мы связываем мощную игру московских динамовцев в прошлые годы. Перестали играть в «Спартаке» Вячеслав Старшинов и Борис Майоров, Александр Якушев и Владимир Шадрин, и никак команда не может стать вровень с лучшими нашими клубами.

То же – и за океаном. Жак Плант, Морис Ришар, Жан Беливо, Ги Лафлёр создавали славу «Монреаль Канадиенс». Бобби Халл многие годы украшал игру клуба «Чикаго Блэкхокс». Малоизвестный в прошлом клуб «Эдмонтон Ойлерс» стал всемирно знаменитым благодаря тому, что в его составе несколько лет подряд блистал игрой Уэйн Гретцки. Такие хоккеисты, как Горди Хоу, Бобби Кларк, Фил Эспозито, помогали взлету команд, цвета которых они защищали.

Вновь вспоминаю олимпийскую сборную Канады,

выступавшую на зимней Олимпиаде в Калгари. Четыре года команда упорно готовилась к этому событию, сыграв сотни матчей, пройдя всестороннюю выучку под руководством хороших, знающих тренеров. Но не оказалось в ее составе выдающихся, «крылатых» игроков, на кого могли бы держать равнение остальные хоккеисты. И победить в Калгари такая команда не смогла, заняв скромное четвертое место. А результат, как правило, – единственно справедливая в спорте оценка. И все, кто в той или иной степени причастен к спорту, всегда радуются победе, без которой скучно, неуютно жилось бы и тренерам, и спортсменам, и их поклонникам.

Говорят, от любви до ненависти один шаг. Как искренне желали канадские зрители победы своей команде на турнире в Калгари! И когда рухнули их надежды, свои симпатии они отдали спортсменам других команд, а вчерашних своих любимцев встречали недобрыми взглядами. Думаю, в этом нет ничего удивительного, противоестественного.

Не только красота игры, ее привлекательность для зрителя, но и успех команды зависит от наличия в ее составе выдающихся игроков.

А каким будет игрок хоккея грядущего? По-видимому, такой разговор лучше всего начать с вратарей.

Вратарь – главная фигура

Кого из знаменитых вратарей прошлого взять за образец, своего рода эталон, использовать в качестве отправной точки в нашем разговоре о вратарском искусстве грядущих десятилетий? Справедливо было бы, пожалуй, начать с Жака Планта – этот вратарь был велик, а популярность его – огромна. Хотя… Немало прекрасных вратарей было и среди спортсменов, признававшихся лучшими на мировых хоккейных форумах, олимпийских турнирах, – канадец Сет Мартин, швед Лейф Хольмквист, американец Джек Мак Картэн. Автор хоть и знаком со всеми этими великолепными игроками, не раз видел их в деле, но далеко не все ему известно. Знал бы, как шли эти вратари к высотам хоккейного мастерства, что помогло им стать знаменитыми, выдающимися фигурами хоккея, непременно поделился бы.

Но в последнее время в хоккее, да и во всем мировом спорте чрезвычайная популярность выпала на долю советского голкипера Владислава Третьяка. Потому и предлагаю начать наш разговор с рассказа об этом страже ворот.

Третьяк Владислав Александрович. Родился 25 апреля 1952 года. Заслуженный мастер спорта. В 1969–1984 гг. выступал в составе команды ЦСКА. Чемпион СССР 1970–1973, 1975, 1977–1984 гг. В 1974, 1975, 1976, 1981, 1983 гг. был признан лучшим хоккеистом сезона в стране.

Олимпийский чемпион 1972, 1976, 1984 гг. Чемпион мира 1970, 1971, 1973, 1974, 1975, 1978, 1979, 1981, 1982, 1983 гг. Чемпион Европы 1970, 1973, 1974, 1975, 1978, 1979, 1981, 1982, 1983 гг. Лучший вратарь чемпионатов мира 1974, 1979, 1981, 1983 гг. Лучший хоккеист Европы 1981, 1982, 1983 гг. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета».

Как видите, послужной список Владислава Третьяка мало сказать внушительный – рекордный. Но выступая – и как выступая! – за клуб ЦСКА и сборную страны, Третьяк добился еще одного достижения, которое вряд ли по плечу любому западному спортсмену: наш лучший вратарь окончил два высших учебных заведения – Институт физкультуры и Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. И при этом вел большую общественную работу – на протяжении двух созывов избирался членом ЦК ВЛКСМ, немало делал для популяризации детского хоккея, особенно массовых соревнований «Золотой шайбы». На протяжении восьми лет он являлся комсоргом сборной СССР и

команды ЦСКА.

Какая интересная, скажет читатель, жизнь! А я бы добавил – жизнь нелегкая, предельно насыщенная.

С юных лет Владислав сумел воспитать в себе трудолюбие и любознательность. Он рано стал сам для себя тренером. Да-да, уже в 15 лет он знал многие тонкости выполнения основных технических приемов. Два года спустя принялся за освоение принципиально новой тактики игры вратаря, основанной на интуитивном восприятии хоккея.

Мы, тренеры, предложили Владиславу строить игру не на зрительном восприятии ситуаций, как это делают обычно голкиперы, а полагаясь исключительно на интуицию, предвидение событий. Элементарный расчет говорил о том, что с каждым годом скорость полета шайбы увеличивается, так что среагировать на бросок с расстояния 7–8 метров не в состоянии даже самый расторопный страж ворот. Помочь в этой ситуации могло только предвидение. Но воспитать, развить это чувство непросто. Освоить игру по-новому может лишь пытливый, способный к самоанализу спортсмен, человек высокой культуры. Таковым и оказался Владислав Третьяк.

Само собой, новые задачи повлекли за собой иное содержание тренировок, подбор необычных, чрезвычайно сложных упражнений. На все это Владислав шел без оглядки, не жалея себя, ни минуты не сомневаясь в конечном успехе.

За двадцать лет служения хоккею Третьяк ни разу не опоздал на тренировку. Ни разу я не видел, чтобы перед занятиями у него была кислая физиономия, Владислав всегда был бодр, весел. С ним приятно было тренироваться. С ним уютно жилось товарищам по команде.

Сейчас, вспоминая свои годы в хоккее, считаю за счастье, что мне довелось работать с таким спортсменом, как Владислав Третьяк. Передавая ему свои знания, опыт, я всегда мог рассчитывать на полную отдачу. Общаясь с такими спортсменами, тренер получает немало поучительного и для себя.

В нашем активном, атакующем хоккее главные роли мы нередко отводим форвардам, ценим активных защитников. Все это в принципе правильно. Однако начало всех тактических начал, я в этом убежден, – мастерство, степень надежности вратаря.

Несколько лет назад, осенью, встречаю Владислава – он только что вернулся из зарубежной поездки, где участвовал в серии игр.

– Как дела? – спрашиваю.

– Трудными матчи оказались. Оборона наша играла с

провалами…

– Чудак ты, – говорю. – Скажи спасибо и тренерам, и защитникам, что дали тебе возможность осенью поиграть вволю, укрепить мастерство, обрести уверенность. А если бы защитники не ошибались…

Привык к тому, что меня считают человеком крайностей. Однако многие крайности в моих суждениях – кажущиеся. Просто в логической цепи рассуждений я часто опускаю промежуточные звенья, выдавая собеседникам лишь конечный результат. Восстановлю недосказанное в разговоре с Третьяком.

Само собой понятно, что если защитники играют без ошибок, то участие голкипера в игре сводится к минимуму, стало быть, никак не влияет на рост его мастерства. Убежден, часть оборонительных функций страж ворот может принять на свои плечи – тогда и с форвардов, и с защитников можно снять часть ноши по обороне ворот, воплощая в жизнь истинно атакующий стиль игры. Именно в этом и помогал мне Владислав Третьяк.

Впрочем, был он опорой тренерам во всем. В налаживании сознательной дисциплины, в постоянном пополнении знаний, в создании настроя на каждый матч. Да что говорить, без таких преданных хоккею спортсменов – честолюбивых, но знающих цену и коллективному труду – ни одному тренеру не под силу создать классную команду. Без их помощи не провести без потерь омоложение коллектива. И Третьяк очень помогал мне, а позже, верю, и преемнику моему – Виктору Тихонову – смело вводить в состав молодежь. Лет пять назад в составе ЦСКА появилась целая группа молодых хоккеистов. И хотя под рукой тренера была великолепная пятерка Ларионова, в трудные минуты для команды палочкой-выручалочкой становился Владислав Третьяк.

Не случайно и сейчас, когда Третьяк давно не выступает, именно по его игре, словно по эталону, сверяют мастерство вратарей и тренеры, и игроки. Увы, пока это сопоставление не слишком радует. К сожалению, ни один наш вратарь не освоил интуитивного метода Третьяка, позволявшего тому в единоборстве с любым соперником владеть инициативой.

У Третьяка было множество приемов, овладеть которыми надо стремиться сегодняшним вратарям. Расскажу об одном из них.

В ситуации, когда соперник владел шайбой, находясь за воротами, Владислав следил за этим форвардом лишь краешком глаза, боковым зрением, главное же его внимание было сосредоточено на тех, кто перед ним, кто мог, получив шайбу, переправить ее в ворота. При этом подсказывал партнерам, кого (а то и как) опекать. Маневры Третьяка были настолько

отработаны, что не припомню случая, чтобы кто-либо сумел ему забросить шайбу из-за ворот. Хотя вспоминаю, что на тренировках многие наши асы, среди них и Валерий Харламов, и Анатолий Фирсов, много раз пытались добиться этого. А ведь часто мы видим, как и не столь выдающиеся форварды забрасывают в матчах шайбы из-за ворот опытным стражам.

Вывод, по-моему, очевиден: тренеры, если есть у них творческая жилка, обязаны использовать, развивать наследие Третьяка. Именно так выдающийся игрок, даже закончив выступать, продолжает свою жизнь в хоккее: у него учится, на него равняется молодежь.

«Лучший вратарь XX века», «С Третьяком в воротах любая команда непобедима!». Эти и подобные им восторженные сентенции высказывали – и не раз – не легкомысленные газетчики, а крупнейшие специалисты канадского хоккея. При этом надо не забывать, что канадцы всегда очень ревниво относились к похвалам в адрес «чужих» стражей ворот. И такие комплименты Владиславу говорят о многом.

У нас в стране впервые в практике мирового хоккея создана «Вратарская школа имени Владислава Третьяка». С радостью сообщаю любителям и специалистам хоккея о том, что она уже начала свою работу. Разработана методика обучения юных хоккеистов и совершенствования вратарского мастерства. Проводятся симпозиумы с участием вратарей и тренеров, лекции о вратарском искусстве дополняются показательными тренировками. Хорошо, что группа вратарей, мастеров своего дела, имеет дело не только со взрослыми, сложившимися спортсменами, но и с юными хоккеистами из детских спортивных школ Москвы, Прибалтики, Урала, Сибири. Не обойдены вниманием и юные вратари многомиллионной «Золотой шайбы». Чем раньше ребята воспримут «уроки Третьяка», тем больше у них шансов стать со временем истинными хоккейными вратарями.

Наш первый выдающийся голкипер Николай Пучков однажды вслух изрек: «Вратарь – полкоманды!» В те первые годы освоения нами хоккея не все соглашались с этим афоризмом. А напрасно. Утверждение Пучкова справедливо. Подтверждение ему можно найти в практике советского и мирового хоккея. Уступая нашей сборной, канадские профессионалы не раз говорили: дайте нам Третьяка – и мы вас одолеем! Команда способна добиться победы, располагая защитниками средней руки, не очень пробивными форвардами. Опытный тренер сумеет восполнить изъяны состава умелым руководством игроками во время матча. А вот скрыть от соперника слабую игру вратаря, добиться при этом победы – дело

пустое, невозможное. Не слишком ли категорично? Давайте порассуждаем.

У каждого полевого игрока, как правило, один, ну два визави – хоккеиста противоборствующей команды, с кем в течение матча ему чаще всего приходится вступать в единоборство. А вот вратарь один против двадцати. Это хоккеисты разных амплуа. Не похожие друг на друга по игровому навыку, манере двигаться, бросать по воротам, разные по характеру. Каждый для вратаря – загадка. И каждый горит одним желанием – взять ворота. От того, удастся ли это, зависит успех или поражение команды.

Надежен вратарь – и хоккеистов команды соперника охватывает разочарование, горечь неудачи. Для того чтобы хоть как-то уберечь голкипера от возможного мщения со стороны соперников, в правилах игры оговорено, что в площади у ворот персона вратаря неприкосновенна. Правда, несмотря на это, не всегда соперники относятся к стражу ворот по-джентльменски. И он должен все это терпеть, сносить. Такая уж у него доля.

В силу ряда причин и в своей команде вратарь несколько обособлен от других игроков, порой одинок. И так – долгие-долгие годы.

Но с теми, кто может подумать, что незавидна роль вратаря, я решительно не согласен! Роль достойная, значимая, заметная. Не встречал ни одного вратаря, который жаловался бы на свою спортивную судьбу, жалел о том, что избрал именно это амплуа в хоккее, а не какое-либо иное.

Если мы хотим представить себе, каким быть вратарю в хоккее завтрашнего дня, то сначала должны вообразить и саму игру грядущих лет. Человек в хоккейных воротах будет реагировать на те изменения в атаке, которые привнесут в игру будущие поколения выдающихся форвардов.

Сразу хочу сказать: роль вратаря в хоккее усложнится. Броски станут более мощными, внезапными, скорострельными. Это аксиома. И именно этим заняты уже сейчас хоккеисты разных амплуа.

Главное направление поиска в сегодняшнем хоккее – как усилить мощь атаки. Во имя этого совершенствуются клюшки, все эластичней становится у них крюк, что позволяет совершать скрытные кистевые броски с огромной скоростью вылета шайбы. Во имя этого игроки наращивают силу, улучшают координацию движений, гибкость туловища, мускулы рук и особенно – взрывную силу кисти. Во имя этого они постоянно совершенствуют сам навык броска, добиваясь, с одной стороны, рациональности, слитности движений, а с другой – вкладывают в завершающую фазу броска огромные усилия. Важнейшее при этом

условие – внезапность.

Но вратарю станет сложнее не только поймать или парировать шайбу. Немало хлопот доставят ему и перемены в тактике атаки. Так мощно, изобретательно, артистично, как ведет сегодня атаку звено Ларионова, завтра станут действовать десятки звеньев и целых команд. Но верю, появятся звенья, которые пойдут дальше. В чем? В быстроте обмена пасами. В усилении частоты скорострельности. При этом завершающая фаза атаки, что вполне вероятно, в играх всех, в том числе и европейских, команд будет вестись на канадский лад – страстно, беспощадно по отношению и к себе, и к сопернику: прием устрашения отнюдь не лишний в психологической атаке на вратаря.

Появятся, уверен, и другие новые тактические мотивы. В атаке будет больше элементов внезапности. Форварды станут появляться перед воротами – для создания помех вратарю, чтобы подправить, добить шайбу – в миг, когда этого никто не ожидает. Об этом будет знать лишь игрок, владеющий шайбой. Как трудно будет разгадывать эту атаку вратарю!

Полагаю, что размер ворот (высота 122, ширина 183 сантиметра) со временем не изменится, хотя для того, чтобы стимулировать атаку, можно было бы пойти на то, чтобы сделать их чуть пошире. Но не покушаясь на размеры ворот, форварды могут как бы увеличить их, «растягивая», словно гармошку. Каким образом? Направляя шайбу со средней и дальней дистанций не в цель, а на метр-полтора в сторону от нее по воздуху. Со временем хоккеисты научатся по-теннисному, с лета, направлять шайбу в ворота. Причем форварды, конечно же, не станут дежурить в заранее облюбованных точках площадки, держа на замахе клюшку-ракетку, а возникнут в опасном для соперника месте быстро и неожиданно.

Все эти перемены в атаке потребуют от голкипера и убыстрения скоростного маневра, и дара предвидения. Нет сомнения, что вратари все это освоят. А освоив, проявят себя и в новом качестве.

Канадские вратари во время матча часто довольно далеко выходят из ворот. При открытой, прямой атаке, исключающей какие-либо комбинации, такие действия себя оправдывают. Чем ближе вратарь к углу «сектора обстрела», тем сложнее форварду попасть в ворота. Если же атака носит иной характер, любой маневр должен быть более расчетливым. При этом умение передвигаться, не отрывая коньков ото льда, приобретает для голкиперов особо важное значение.

Убежден, что возрастет и значение низкой «стойки» вратаря –

ведь увеличится число схваток, единоборств непосредственно перед воротами. Но играя в нижней стойке, вратарю надо стать более маневренным. Потребуются и абсолютно согласованные действия вратаря и защитников. Увеличится, без сомнения, и опасность нападений форвардов на вратаря. Стража ворот, скажу попутно, надо всячески оберегать. Уважаю защитников, которые не позволяют соперникам и коснуться вратаря, тем более замахнуться на него клюшкой или даже ударить. Всегда прощаю им, если, защищая голкипера, пускают в ход кулаки. И сочувствую, когда судья, не разобравшись в ситуации, удаляет с поля того, кто, отстаивая справедливость игры, защищал стража ворот.

В последние годы основная тактическая борьба команд разворачивается в средней зоне. И часто бывает так, что атакующий игрок, опасаясь потерять шайбу у синей линии зоны соперника, делает выброс – сильно посылает шайбу в сторону лицевого борта. Для того чтобы подхватить шайбу и тут же завязать контратаку, сегодня требуются усилия одного, а то и двух защитников. А почему бы, пусть не всегда, а время от времени, если позволяет ситуация, не возлагать эту миссию на вратаря? Ведь когда шайба оказывается недалеко, в восьми-десяти метрах от голкипера, он, естественно, успеет к ней раньше соперника и, не вступая с ним в контакт, может умело направить шайбу своему игроку.

В таких действиях вратаря вижу как минимум две немалые для команды выгоды.

Первая – от лишней «работы» в этом игровом эпизоде освобождается защитник. Мы делаем его более активным – он готов получить шайбу и вместе с форвардами устремиться к неприятельским воротам. На площадке в этот момент у команды действуют как бы шесть полевых игроков.

Вторая – в результате кратковременных, но творческих действий вратарь сумеет принести дополнительную пользу не только своей команде, но и самому себе: находясь в игре в несколько иной роли – более эмоциональной, созидательной, – он будет поддерживать, крепить и свой волевой настрой.

Итак, вратарь может начать выступать и в новом качестве. А для этого ему придется шагать в ногу с полевыми игроками, звеньями в их стремлении к совершенствованию индивидуального мастерства, коллективных действий. Путь к освоению нового – один: тренировка, тренировка и тренировка. Сложная, вдумчивая, упорная. И важно не только трудиться до седьмого пота, а научиться оперативно анализировать и свои действия, и игру партнеров. Словом, вратарь должен становиться

немного тренером для самого себя.

Иногда, наблюдая за тренировкой команды даже довольно высокого класса, замечаю, что вратарь проводит разминку вместе с игроками и выполняет те же упражнения, что и они. Это меня коробит. И порождает сомнения в квалификации тренера. Ведь вратарь и кататься должен по-другому, и техника владения клюшкой у него совершенно иная, и тактика, а также психология борьбы – особые. Так зачем ему выполнять упражнения, малопригодные для совершенствования в своем амплуа?

Тренер более грамотный, заинтересованный в быстром росте мастерства своего вратаря, наперед дает ему задание на тренировку. И вот он катится спиной вперед, встречая игроков на противоходе, то маневрирует перед одним из хоккеистов, стремясь выбить шайбу, то пытается перехватывать передачи, то ловит шайбу, то бросает ее, то выбивает ее в падении из-под клюшек партнеров. Затем, встав в ворота, голкипер имитирует свое участие в различных игровых ситуациях.

Но и этим разминка его не заканчивается. Тренер выделяет трех хоккеистов – двух нападающих (один, как правило, левша) и защитника – для того, чтобы они бросали шайбы с разных дистанций, в разные точки ворот, с нужной для вратаря различной силой. Лишь ощутив, что всесторонне готов к отражению любых шайб, вратарь начинает участвовать в игровых упражнениях команды.

Комплекс упражнений для вратаря, само собой разумеется, может быть различным, но непременно должен быть индивидуализирован. Можно, конечно, пригласить в клуб и тренера, специализирующегося на совершенствовании игры вратарей.

Хорошо, что у нас в стране создана международная школа В. Третьяка. Ей нужен штат, куда должны входить несколько тренеров-методистов, специалисты по видеозаписи. И пусть под руководством нашего выдающегося стража ворот проводятся региональные семинары для вратарей. Полагаю также, что теоретический и практический курс школы могут проходить не только спортсмены, но и тренеры.

Особо нас интересуют вратари детских команд. Ведь очень важно с детских лет научить спортсмена правильным приемам игры, чтобы позже его не переучивать, а с годами лишь наращивать и наращивать мастерство.

Повышенное внимание – отбору детей на роль вратаря. Это должна быть особая категория ребят. И отбор надо вести без спешки, по специальной системе. Повременить с категоричными «да» или «нет» при знакомстве. Первое впечатление здесь – не

всегда надежный советчик.

Предложил бы создавать тренировочные городки для ребят – претендентов на роль вратаря. И пусть каждый из них побывает в этом городке несколько раз, переходя от одной «точки» к другой. И всюду ему предстоит показать свои способности. В первой «точке» ему предложат выполнить сложные гимнастические упражнения – это проверка на гибкость, координацию, взрывную силу. В другой – акробатические упражнения: стойки, кульбиты, сальто – экзамен на ловкость и смелость. В третьей придется взять в руки теннисные мячи. Попробуй-ка, пожонглируй ими, подбрасывая в воздух, ударяя о землю, о щит, сидя, лежа, стоя, прыгая на одной ноге; можно применить и парное, а то и групповое жонглирование. Далее кандидату во вратари вручат палку или клюшку, пусть и здесь он проявит свои жонглерские способности, преодолевая при этом препятствия, играя в футбол. Пусть проверит себя парень и в различных единоборствах, в лазании по канату, в других сложных и веселых состязаниях, проявит находчивость, хладнокровие и прочие качества, необходимые для того, чтобы стать со временем хорошим стражем ворот.

Конечно же, необходимо проверить и то, как мальчишка катается на коньках – насколько он устойчив, упорен. Замечать при этом не столько падения, а то, насколько он смел, как быстро парень встает, с каким настроением продолжает катание.

При отборе ребят во вратари необходима и задушевная беседа тренера с кандидатом. Роль вратаря заманчива, привлекательна, но надо раскрыть парню глаза и на трудности, связанные с освоением этого амплуа, сложности, которые будут ждать его и тогда, когда он овладеет мастерством.

Вообще считаю, что у тренера с вратарем, независимо от класса команды, должны сложиться особые, доверительные отношения. Если тренер, занимаясь с полевыми игроками, может порой и «власть употребить», то такой подход к вратарю крайне нежелателен. У него трудная и не слишком веселая роль. Поднимать на вратаря голос? Польза от этого будет невелика. Если у парня не сложился характер, он может уйти в себя, не ощущая поддержки тренера, вратарь почувствует себя неуютно в команде. Он может и вовсе уйти из хоккея.

Тренеру дана власть над игроками, и немалая. Он может взять спортсмена в команду или отказаться от него. Но когда идет отбор ребят в хоккейную секцию, тренеру надо отбросить привычку властвовать. Ведь парень-новичок так нуждается в поддержке, заинтересованном к себе отношении! Он делает первые шаги в спорте. И если встретит при этом душевное

участие, то и спортивная судьба его наверняка сложится счастливо. Или наоборот. Конечно, впереди еще много – ох как много! – неизведанного. И едва ли не все здесь зависит от того, какую первую роль поручит новичку тренер. И как он отнесется к нему – заинтересованно или формально?

Столь пространное «лирическое отступление», посвященное юным вратарям, я включил в эту книгу вполне намеренно. Уж больно сложна и ответственна роль вратаря в хоккее. Для успешного ее выполнения одного спортивного дарования недостаточно, необходимы и надежные человеческие качества. И всесторонне воспитать такую спортивную личность возможно только с юных лет – если процесс воспитания последователен, до деталей продуман.

И еще один штрих необычной роли вратаря в хоккее. Если в мировом хоккее в составах национальных команд появится сразу несколько выдающихся голкиперов, это заставит тренеров думать о том, как сделать атаку богаче, разнообразней, неожиданней, искать новые ключи к воротам. Уязвлено будет и самолюбие форвардов – вряд ли станут они мириться со слабой результативностью своих усилий. Возрастет конкуренция между вратарями и игроками в поле. А все это, вместе взятое, поможет хоккею стать динамичней, богаче, краше, притягательней для зрителя.

Существует в спорте такое понятие – «корректировка мастерства». Это, пожалуй, самая интересная, но и самая сложная область работы тренера.

Я уже вспоминал в этой книге Анатолия Фирсова, форварда, много лет подряд входившего в элиту лучших нападающих мирового хоккея. И вот взбрело тренеру в голову изменить амплуа этого игрока, преобразить форварда в хавбека. Из хоккеиста – завершителя атак сделать игрока-созидателя. Сохранив, разумеется, его высокую результативность.

Тренеру пришлось пойти на хитрость, чтобы убедить сложившегося, уже в возрасте, именитого игрока поменять роль, переиначить игровые связи. Но все обошлось. Фирсов и в новой роли не раз впоследствии признавался лучшим нападающим, стал самым результативным хоккеистом Олимпиады в Гренобле. Выполнение новой, более сложной задачи обостряет у игрока вкус к хоккею, очень часто помогает продлить спортивную жизнь хоккейной звезды.

А вот пример иного рода. Наверное, многим любителям хоккея запомнился матч 1979 года советской сборной против профессионалов НХЛ. Эту встречу наша команда выиграла со счетом 6:0. Собранно, умело провел игру советский вратарь

Владимир Мышкин, ставший одним из героев матча. Казалось, игроку, находившемуся в расцвете сил, радовать и радовать зрителей. Но год спустя игра вратаря поблекла. В ней появились огрехи. Вратарь стал излишне нервничать. Если форвард соперников появлялся с шайбой за воротами, слишком много внимания уделялось ему – голкипер плохо следил за маневрами хоккеистов перед воротами, а потому в решающий миг принимал запоздалые решения. В «ближнем бою» стал неоправданно часто ложиться на лед. Выкатываясь навстречу соперникам, нередко пропускал шайбы под клюшкой, между ног. А все потому, что стал держать свое орудие твердо и, выпрямляя туловище в момент броска, невольно отрывал ото льда и клюшку.

Тренеры эти негативные перемены, как говорится, проморгали. Не заметили и недружелюбных проявлений вратаря по отношению к игрокам обороны: в пропущенных шайбах он начал винить не себя, а защитников. Не была своевременно проведена корректировка, проглядели тренеры симптомы высокомерия, волевой несобранности спортсмена – и раньше времени завершилась карьера талантливого, некогда надежного вратаря, которого прочили в преемники В. Третьяка.

Вот почему тренер должен уделять вратарю постоянное, неослабное внимание. Никакая мелочь не должна ускользнуть от контроля. Ни в технике, ни в тактике игры, ни в отношении к тренировкам, товарищам по команде. Крохотная слабинка, подобно соринке, попавшей в глаз, может привести к крупным неприятностям, нанести ущерб и самому вратарю, и команде.

Вратарей часто делят на «молчунов» и «говорунов». Эти прозвища отражают крайности поведения голкиперов на поле во время матча. Разумеется, важно, чтобы вратарь, тонко чувствуя нюансы игры, мог руководить действиями защитников. Но для того, чтобы давать краткие и точные советы, страж ворот должен знать и принципы обороны своей команды, и замысел соперника, что поможет ему быстро разбираться в постоянно меняющейся игровой обстановке. А это не так-то просто. Ведь каждое звено – и его, голкипера, команды, и у соперников – действует в своем особом тактическом ключе. И вратарю надо знать эти игровые законы, постоянно, в считаные мгновения, разгадывать замыслы атакующих, быстро реагировать на появляющиеся в игре новые мотивы. К тому же советы вратаря будут восприниматься партнерами как руководство к действию при одном лишь условии – безусловном авторитете стража ворот в команде. Ну, а этот авторитет вратарь обязан завоевать самолично – своим отношением к тренировкам, матчам, товарищам по клубу.

Что касается формы, в которой вратарь может

корректировать действия своей обороны, то следовало бы ему постоянно помнить русскую поговорку: «Лучше редко, да метко».

Приятно, когда выдающиеся спортсмены, покинув лед, продолжают свою жизнь в хоккее, передавая опыт новым поколениям игроков. Николай Пучков, о котором я рассказывал в начале этой книги, успешно работает тренером в Ленинграде. Владислав Третьяк, как уже говорилось, основал вратарскую школу, ведет большую работу по воспитанию армейских спортсменов. Канадского голкипера Кена Драйдена я не раз встречал в Москве, в Вене, других городах, где проводились мировые чемпионаты, в роли спортивного журналиста. Все эти выдающиеся в прошлом спортсмены – люди высокой культуры. Полагаю, что это, а также широкие познания, хорошие человеческие качества в свое время помогали им безупречно выполнять и вратарские обязанности.

Легко сказать: вратарь должен быть «сам себе тренером». И не в расцвете спортивной карьеры – с юных лет. А это ведь непросто – контролировать свои действия, без понуканий заставлять себя выполнять различные упражнения. Знать, какие из них выполнять утром, какие – во время индивидуальных занятий, звеньевых, командных тренировок. Какой должна быть дозировка различных упражнений, последовательность, в каком сочетании эти упражнения дадут наибольший эффект. И все это применительно к своим физическим данным, особенностям характера, всему тому, что подарила вратарю природа. Без всесторонних знаний вратарю просто не обойтись.

Разумеется, посредственному голкиперу жить много спокойней. К нему и отношение другое: чего с него, мол, взять. Ну, а хороший, классный вратарь всегда на виду – и у тренеров, и у публики. Ему не прощают и малейшего промаха. Слабо сыграл в матче форвард, защитник? Это поправимо, вовсе необязательно, что именно по этой причине команда потерпит поражение. Изъяны в действиях игрока «прикроют» партнеры. А вот неудачная игра вратаря – почти всегда верный проигрыш.

Слабо сыграл вратарь – он оказывается в положении человека, не оправдавшего надежд. Вчера ему аплодировали, сегодня – свистят. И никаких скидок на возраст, плохое настроение, самочувствие, травмы. Зритель не приемлет никаких оправданий.

Рассказывают, что однажды перед спектаклем к Константину Сергеевичу Станиславскому пришел актер-комик и сказал, что сегодня он не сможет выйти на сцену, у него несчастье – ушла жена. «При чем здесь жена? – удивился знаменитый режиссер. – Ты – актер. Зритель пришел в театр, чтобы встретиться с тобой.

Иди – и играй». И сказал он так не потому, что черств, жестокосердечен. Просто Станиславский считал, что искусство должно быть превыше всего, выше личных трагедий, семейных драм. И в этом он был, безусловно, прав. Так и в спорте, в хоккее, если речь идет о выдающемся вратаре. Всю свою жизнь подчиняет он служению хоккею, команде.

Аргументы защиты

Фигура защитника в современном хоккее, пожалуй, наиболее контрастна. Действует, к примеру, на льду «легкая кавалерия». В прошлом – это такие защитники, как канадец Брэд Парк, наши Виталий Давыдов, Валерий Никитин… Их последователь сегодня – Илья Бякин. В разные годы эти спортсмены входили в элиту мирового хоккея, про каждого из них так и хочется сказать – «мал, да удал». Это и в прошлом, и сейчас прекрасные созидатели атак, они демонстрируют удивительную сыгранность с форвардами, заправски поражают ворота соперников. Вспоминаю, что при первом визите канадских профессионалов в Москву именно Брэд Парк был признан лучшим защитником матчевой серии. И он заслужил это. Парк играл аккуратно и результативно. Ему аплодировал зритель.

Но рядом живут и здравствуют защитники совсем иного склада – гиганты, атлеты. Вспомним таких защитников недавнего прошлого: Александра Рагулина, Валерия Васильева, Геннадия Цыганкова. А сегодня их линию игры продолжают Вячеслав Фетисов, Алексей Касатонов – игроки могучие, способные постоять за себя, за команду, настоящие рыцари хоккея.

Были и есть защитники, кто не столько играет – свирепствует на площадке, отбивая охоту к игре у любого форварда. Таким был монреалец Фергюсон, хотя номинально он и числился форвардом. Поджарый, смуглолицый, с ястребиным носом, он, кажется, наводил страх на хоккеистов всех команд, против которых ему приходилось выступать в те далекие 50–60-е годы. А разве Карл Бревер, владевший всей гаммой приемов технико-тактического арсенала, был добродушным защитником? Против него и в матчах НХЛ, и позже, когда он выступал в составе команды Канады на чемпионате мира, играть было небезопасно. На венском чемпионате мира 1967 года в решающем матче с канадской командой нам пришлось приложить немало усилий для нейтрализации этого защитника с тем, чтобы наши форварды действовали, ничего не опасаясь. В этом матче он не смог выступать двадцать восемь с половиной минут чистого времени, пока ему «латали» бровь, и это помогло нашей сборной победить канадцев с минимальным счетом 2:1.

Во время первого турне нашей сборной по Канаде грозой форвардов предстал наш Николай Сологубов, хотя, по моим тогдашним представлениям, он выступал в роли хавбека.

Какой он, защитник современного хоккея? На кого следует равняться молодым игрокам? И как воспитать такого защитника,

рыцаря без страха и упрека? Вот перечень главных вопросов, на которые я и попытаюсь дать ответ.

Начнем разговор вот с чего. Каким должен быть защитник? «Универсалом» или «специалистом»? Расшифрую, что имеется в виду. Универсал – это игрок, который умеет все. И отбирать, и выдавать шайбу, и голы забивать. Такой защитник хорошо смотрится на поле, умело взаимодействует с партнерами в разных фазах игры. Защитник-специалист в совершенстве владеет навыком отбора шайбы. Ее перехватами. Он надежен при защите своих ворот. Ему не страшен любой форвард. Он – бастион обороны.

Что лучше? Как говорится, о вкусах не спорят, однако тренер должен руководствоваться не вкусами и не симпатиями к тому или иному хоккеисту, а тем, какой игрок принесет наибольшую пользу команде. В хоккее и сегодняшнем, и завтрашнем.

Когда мы смотрим матч, следя за действиями своих кумиров, нам больше всего нравится, как они атакуют, как шайба, словно по невидимым нитям, скользит от одного игрока к другому. Мы восхищаемся финтами форвардов, мощными и точными бросками по воротам. Да, нам нравится атака. Но нам никогда не придет в голову простая мысль: для того, чтобы владеть шайбой, атаковать, надо прежде отобрать ее у соперников. Ведь добровольно ее никто не отдаст. Соперника к этому надо вынудить. А то и принудить.

В отборе шайбы участвует, разумеется, в той или иной мере вся пятерка полевых игроков. Но есть в пятерке «главные действующие лица» – те хоккеисты, что овладевают шайбой надежней и чаще других игроков. Это должен делать защитник. Ему по штату положено. Почему? Он ближе всех к своим воротам. К той черте, куда изо всех сил рвется соперник. Он – последний рубеж обороны. Без умения защитника перехватить, отобрать, выбить у соперника шайбу, без его расчетливых действий и мужества в единоборстве вратарю в одиночку не выстоять, не сохранить на замке свои ворота.

Оборонительные построения бывают разные. Как играют канадские профессионалы? Они надежно строят оборону. В ней участвуют не только защитники, активная роль в борьбе за шайбу отводится и форвардам. В обязанность нападающим вменяется помогать своим защитникам не только в средней зоне, но и в глубине обороны, у своего лицевого борта.

Многие специалисты считают это большим достоинством канадской тактики обороны. Ей придается особая прочность. Против одного атакующего бьются за шайбу два хоккеиста. При таком жестком единоборстве расчетливо распорядиться шайбой

крайне трудно, подчас невозможно.

Да, такая оборона прочна. Но…

Задаю сам себе вопрос: а можно ли из такой обороны извлечь тактическую выгоду? Развить острую контратаку? Ответ однозначен: нет, нельзя. Канадцы считают, что неприкосновенность собственных ворот – это главное. Все остальное – контратака, развитие атаки в средней зоне – может быть осуществлено потом, когда осада со своих ворот будет окончательно снята.

Иначе мне видится оборона в нашем хоккее. Почему зарубежные соперники, в том числе и заокеанские хоккеисты, стали считаться с нами? Все они, будто сговорившись, начали опасаться наших атак. Конечно, об этом и по сей день не говорится вслух. Но опытные тренеры предпочитают вести атаки против советских команд малыми силами и строить оборону главным образом на своей половине поля. Расчет на то, что атакующие звенья заиграются, ошибутся и тогда быстрая контратака может принести успех.

Здесь, конечно, не место разбирать все аспекты игры. Поговорим лишь об одном – контратаке. Расчет здесь ясный, как божий день. При срыве атаки и потере шайбы не все хоккеисты сумеют вернуться назад, принять активное участие в обороне. Представить страшно, что получилось бы, не будь у нас надежных защитников. Канадские форварды с их высоким индивидуальным мастерством менее искусных игроков обороны, как говорится, разделывали бы под орех. Но не только забота о прочности обороны понуждает нас воспитывать мощных защитников-разрушителей.

Полагаю, что проблемы обороны нам не следует рассматривать лишь с точки зрения безопасности ворот – это будет лишь обеднять наш хоккей, исповедующий атакующий стиль. В обороне должен зреть зародыш атаки. Пусть она будет надежной, но пусть таит и немало выгод, связанных с организацией контратаки, с широким выбором взаимоотношений игроков в этой фазе игры. И если мы этот мотив обороны кладем в основу всей музыки игры, то без могучих разрушителей атак соперников нам никак не обойтись. Нам очень пригодятся защитники, любящие действовать в сложных условиях, в том числе и при игре против превосходящих сил соперника. Защитники, которые ловко умеют отбирать шайбу с помощью клюшки и средствами силового единоборства, которые умеют ловить шайбу на себя, лихо бросаться под шайбы, выручая вратаря. И конечно, такие защитники должны уметь быстро и тонко распоряжаться шайбой. Лишь тогда можно будет держать

оборону против сильного противника, извлекая из обстановки тактические дивиденды.

А выгода при такой обороне может быть немалой. Например, возникает возможность успешно контратаковать, оставив за спиной отдельных форвардов соперника. А это значит, при развитии и завершении атаки действовать против соперника ослабленного. Ведь дело не только в том, что нападающие не будут успевать возвращаться в оборону. Они, даже прикатив на помощь защитникам, будут действовать впопыхах, нарушая спокойствие и прочность оборонительных линий.

Пусть никто, однако, не подумает, что я отрицаю необходимость помощи нашим защитникам со стороны нападающих. Вовсе нет. Помощь необходима. Но в рамках разумного. Что здесь имеется в виду? Опека своего визави в средней зоне, где его надо опекать, при случае заблокировать, а если он с шайбой, то вести борьбу за нее, разбивая стройность атакующих рядов, лишая форвардов свободы маневра, облегчая тем самым задачу защитников.

Мы, тренеры, при подготовке защитника должны исходить из того, какими нам видятся его действия в разных фазах игры, какими качествами, двигательными навыками он должен, на наш взгляд, обладать в первую очередь.

В последние годы тренеры усердно обучали хоккеистов силовому единоборству, охладев, мягко говоря, к отбору шайбы у соперника с помощью клюшки. А напрасно. Отбор шайбы клюшкой весьма рационален. При этом защитник не только тратит минимум усилий, но и оставляет за собой право предложить сопернику ближний бой – силовое единоборство.

Отбор клюшкой выгоден еще и потому, что позволяет защитнику быстро распорядиться шайбой. Овладев ею, он может тут же послать шайбу партнеру. Даже не тратя время на то, чтобы оторваться от соперника. Конечно, чистое и надежное выполнение этого маневра требует многогранной тренировки. Истинный мастер должен владеть различными подкатами. Рассчитанным до дюйма маневром, позволяющим появляться перед соперником (или рядом с ним) на расстоянии длины клюшки. И появляться неожиданно, незаметно, словно из тумана, что позволит тотчас же вступить в борьбу за шайбу.

Еще раз хочу повторить, что такой скрытный и очень тонкий маневр никому не дается сразу, им надо овладеть. А овладев, неустанно совершенствовать. Некоторые защитники даже команд мастеров допускают подчас одну и ту же ошибку: овладев маневром, они затем прекращают шлифовать его на тренировках и со временем если и не совсем утрачивают это умение, то в

каких-то элементах единоборства действуют нечетко.

А единоборство начинается именно с подката. Его секрет – в умении защитника сравняться с соперником в скорости. И не только находясь сбоку от него, но и катясь перед форвардом спиной вперед. Находиться вплотную к сопернику и катиться на разной с ним скорости, вторя сменам ритма движений форварда, – это немалое достоинство хоккеиста.

Заслуженный мастер спорта, чемпион мира, Европы и Олимпийских игр Иван Трегубов дважды – в 1958 и 1961 годах – признавался лучшим защитником мирового хоккея. Это был великолепный защитник, чье мастерство помогало советскому хоккею добиваться первых своих побед. И этот игрок никогда не вступал в силовое единоборство с соперниками. Почему? Во-первых, потому, что пришел в хоккей поздновато, не овладев с малолетства этим навыком. А во-вторых, по складу характера, взглядам на жизнь – ему претило любое насилие и на площадке, и вне ее. И никто не мог его убедить в том, что в спорте необходимо контактное единоборство, а порой и рукопашная. Но также никто не мог обыграть, обвести его. В том числе и самые знаменитые форварды той поры – скоростные, хитрые, гораздые на финты и обводку.

Секрет у Трегубова был один – очень тонкий маневр. Он умело подстраивался к сопернику, начиная то ударами крюком «обрабатывать» клюшку форварда, то пытаться выбить шайбу, а то подгрести ее к себе. У него была не только светлая голова, что позволяло ему быстро оценивать любую ситуацию, но и «умные ноги», умеющие вторить темпу соперника, подхватывать смену ритма, изменение маневра. При этом он почти не смотрел на шайбу, глядя сопернику прямо в глаза, как бы пытаясь разгадать, что тот замышляет, как намерен поступить через мгновение.

Пусть никто не заподозрит меня в том, что защитника, умеющего лишь отбивать шайбу клюшкой, я считаю игроком современным. Как-то очень уж быстро, буквально на глазах, меняется хоккей, усложняется его внутреннее содержание, более могучими и мощными становятся средства ведения борьбы. В современном контактном хоккее не только защитники, но и нападающие в той или иной мере владеют приемами силового единоборства. Однако такой маневр, как подкат, умение ловко действовать клюшкой остаются в обойме главных хоккейных приемов, в том числе и для того, чтобы подготовить защитника к контакту с соперником.

Кто внимательно следит за событиями мирового хоккея, тот согласится со мной, что силовые единоборства чаще ведутся у бортов, нежели в поле. И это вовсе не случайно. В поле «поймать»

соперника на прием, правильно столкнуться с ним куда сложнее, чем у бортов или в углах площадки. Здесь атакующий ограничен в маневре, ему негде развернуться и, стало быть, сполна использовать свою высокую технику и скорость. Невелик и выбор тактических решений.

А вот истинный защитник должен уметь навязывать сопернику силовое единоборство, проявлять сноровку, ловкость, боевой характер на любом участке поля. В том числе и тогда, когда соперник движется по центру прямиком на ворота, становясь ощутимо опасным. Интересно смотрится эта дуэль! Защитник, находясь лицом к форварду, уравнивает с ним свою скорость, вторя маневрам атакующего, далеко выставляя клюшку. Он как бы пытается нащупать ею шайбу и, видя, что соперник из боязни лишиться ее опустил голову, решает: пришло время сближения, нанесения толчка, удара. Для надежности он останавливает форварда грудью. Далее наносит удар плечом. Соперник, теряя устойчивость, начинает валиться на лед. Полдела сделано. Теперь важно найти шайбу и разумно распорядиться ею.

И все же полагаю, что остановка соперника и нанесение ему удара задней частью бедра – прием более рациональный. Здесь туловище и руки защитника свободны – значит, легче переключить свои действия на шайбу. Причем времени на это остается больше. А каждое лишнее мгновение в игре высокого темпа чрезвычайно важно.

Легко об этом рассказать, но очень трудно овладеть всем этим арсеналом силового единоборства в «открытом поле». В национальных хоккейных командах лишь единицы защитников могут проделать, выполнить эти приемы по-настоящему классно. Очень расчетливым должен быть скоростной маневр, затем – сближение с соперником, «настройка» на его «волну». При этом главное – разгадать его намерения, не поверить, не поддаться ложным финтам. Ну, и как финал – умение отделить соперника от шайбы, овладеть ею и тотчас отдать партнеру в направлении, наиболее выгодном для развития контратаки. И нигде, ни в одном из фрагментов игрового эпизода защитнику нельзя ошибиться.

И еще об одной сложности действий защитника. Форвард в ходе единоборства может успеть сделать передачу. Как быть защитнику? Защитник, так сказать, невысокого полета все равно выполнит силовой прием, он для него – самоцель. А настоящий, уважающий себя хоккеист всегда сохранит бдительность и, видя такой поворот событий, переключится на другие, более важные для команды действия.

В нашем хоккее долгие годы лучшим среди защитников в умении сталкиваться с соперником, отобрать у него шайбу и умело ею распорядиться является Алексей Касатонов – заслуженный мастер спорта, неоднократный чемпион мира, двукратный олимпийский чемпион. На чемпионате мира 1983 года он был признан лучшим защитником. Вот что он мне рассказал:

– В хоккей пришел десяти лет. На площадке любил потолкаться. Хотелось силенку да удаль показать. Уступать же никому не хотелось. Когда начал выступать в детских командах – было это в Ленинграде, – тренеры постоянно меня одергивали, часто наказывали за то, что силу свою проявлял. Судьи нередко с поля удаляли. А вот в команде мастеров мое тяготение к силовой игре встретили доброжелательно. Я был этому несказанно рад. Но тренеры не только поощряли меня к силовым приемам, а еще и учили, как правильно вести такие единоборства. Шутили даже: давай, мол, Алексей, старайся, глядишь, против канадских профессионалов возьмут тебя играть. Я тогда не очень-то верил в такую возможность. Однако старался, не было такой тренировки, где я не отрабатывал бы приемы силового единоборства. И пусть на лице у меня немало шрамов, – закончил разговор обаятельный, улыбчивый богатырь, – все равно люблю столкновения, ближний бой.

Думаю, канадские тренеры на меня не обидятся, если скажу, что в их отношении к контактному хоккею присутствует и элемент устрашения соперника. Почему бы не попугать его в рамках дозволенного? А если еще и арбитр мягкотелый, то можно чуть выйти и за рамки правил. А потом уж соперника брать, как говорится, голыми руками. Но эффект «метода устрашения» – в прошлом. Да и тогда в матчах против наших команд он у канадцев не срабатывал. Любая попытка подобного рода получала острастку.

Вспомним, как в 1972 году в Москве Фил Эспозито надоел всем – и нашим хоккеистам, и зрителям – грязной игрой. Он буквально вывел из себя Валерия Васильева, и тот однажды проучил грубияна, перебросив его через борт – туда, где несли вахту блюстители порядка. Канадец, оказавшись в объятиях милиционеров, был поначалу ошарашен, даже возмущен, но, сообразив, что его просто-напросто поддерживают, чтобы не рухнул на пол, и хотят помочь вернуться на лед, скоро успокоился.

У меня несколько иное отношение к силовому единоборству. Все присущие ему приемы – остановка и толчки соперника туловищем, задней частью бедра, различные приемы борьбы у

бортов – мне представляются техническими. Они входят в такое понятие, как техника хоккея. И требуют к себе такого же серьезного отношения и внимания, как броски по воротам, обводка, передачи и другие элементы хоккейной игры.

Возможно, мне возразят: обучение силовым приемам многие тренеры ведут и сегодня. Да, этим занимаются серьезные тренеры, вдумчиво работающие с хоккеистами. Однако такое обучение не стало пока системой, а она нужна: повсеместно, со знанием дела, с привлечением средств атлетизма, специальных упражнений, напрямую влияющих на быстрое освоение приемов ближнего боя. Надо готовить защитников-богатырей. И начинать лучше с детского возраста.

Хоккей, уверен, от этого только выиграет. Число силовых столкновений возрастет. Но единоборства будут вестись более квалифицированно. Меньше станет нарушений правил. Вдвое, а может, и втрое снизится количество удалений за грубость. Такой рыцарский хоккей куда интересней будет смотреться. Он станет атлетичней. А на лицах хоккеистов поубавится шрамов.

Но вот согласятся ли со мной канадские коллеги? Не знаю, не уверен. Неужто, как и прежде, они, выбирая средства и методы борьбы, будут исходить из соображений сиюминутной выгоды? А может быть, лучше прийти к приемлемому решению после широкого обсуждения проблемы с участием спортсменов и зрителей? А почему бы в самом деле не обсудить их, не посоветоваться? И если победит в итоге здравый смысл, мы навсегда удалим с хоккейного поля жестокость.

Жестокость, грубость в хоккее пойдут на убыль, зато, уверен, прибавится в игре задумки, творчества. Хоккеистам с фантазией станет легче проявить себя. Хоккей, разумеется, не сделается похожим на балет. Но силовые единоборства будут вестись в рамках правил, решающим станет умение, а не грубая сила. Проявления враждебности, недоброжелательства соперников друг к другу сведутся к минимуму, в каждом матче восторжествует спортивный, рыцарский дух. Что, кстати, полностью отвечает стремлению людей планеты жить в мире и дружбе. Так решение спортивной проблемы поможет, на мой взгляд, разрешить задачи, стоящие перед всем человечеством.

Ну, а спор, каким защитникам отдать предпочтение – «малышам» или «великанам», – пожалуй, вечен. Не утихнет он и через десять лет, и через двадцать лет. Конечно, если исходить из того, что «у страха глаза велики», то обыграть широкоплечего, длиннорукого защитника покажется сложнее. Но мы знаем, что отбирают шайбу не только массой, но и быстротой, ловкостью, тактическим расчетом. Если же в одном игроке счастливо

сочетается и то и другое…

Был в канадском хоккее защитник Джек Боунэсс. Он всегда был заметен на площадке. Не только потому, что имел крупные габариты – огромный рост, необъятные плечи – и при том оранжевую шевелюру. Выделялся он и быстротой маневра, высокой техникой, хорошей ориентировкой. Столь же мощным, заметным был в нашем хоккее Александр Рагулин. Был он, правда, не так проворен, да и достаточно высокой стартовой скоростью не обладал, но умел маскировать свои слабости высокой техникой, играя экономно, очень расчетливо, предугадывая ходы соперника.

Немало замечательных защитников было в советском и канадском хоккее. Есть они и сейчас. Но таких, что опережают время, чья игра остается вехой в истории двух школ всего мирового хоккея, пожалуй, наперечет. Бобби Орр, Карл Бревер у канадцев, наши защитники – Николай Сологубов и Валерий Васильев, Алексей Касатонов и Вячеслав Фетисов. Вот, пожалуй, и все. Впрочем, канадские специалисты и любители хоккея, возможно, захотят дополнить этот список столь же достойными игроками – я не возражаю. Они их больше видели в деле, лучше знают настоящую им цену.

Но каков же вывод? Если физически крепкий, крупный защитник и быстр, и ловок, и техничен, то габариты и масса ему не помеха. Но мы, тренеры, знаем, что многие физические качества, особенно такие, как быстрота, ловкость, легко развить в детском возрасте и трудно, почти невозможно – во взрослом. Поэтому «разглядеть» выдающегося защитника тренер должен в 14-15-летнем пареньке. И не просто разглядеть, а в течение долгих лет потрудиться над его развитием, огранкой качеств, подаренных природой, прививкой навыков, присущих действиям защитника современного хоккея. И ничего не следует откладывать «на потом».

Говорю об этом потому, что у иных наших детских тренеров бытует мнение, будто его задача – обучить парня азам хоккея. А вот попадет он в команду мастеров, там-то его и «доведут до кондиции», научат уму-разуму. Нет, не научат. Будет уже поздно. По большому счету, хоккейному мастерству надо учить игрока тогда, когда он молод и восприимчив.

Разумеется, книга эта – не учебник, и здесь не место вести речь обо всех слагаемых мастерства защитника. Но одного из них, главного, коснусь. Техники хоккеиста.

Но сначала маленькое отступление. Я уже упоминал о том, как однажды Карл Бревер провел тренировку в составе нашей команды. Во время двусторонней игры я попросил канадца не

задерживать шайбу у себя после того, как он отберет ее у форварда, тут же отдавать ее партнеру. После тренировки он выразил неудовольствие этим моим требованием. Как мне хотелось убедить его в своей правоте! Но, видимо, доводы мои были слабыми. Он твердил примерно следующее: «Как же так? Я с трудом отобрал у нападающего шайбу, а мне не дозволяется показать публике, что я с нею умею делать, должен уступать такую возможность другим. Это несправедливо!» Тогда я не стал продолжать спор, грозивший перейти границы чисто хоккейной темы. Понимал, что не хватит мне аргументов. Теперь же, мне кажется, пришло время изложить свое мнение во всей полноте.

Вот зашла речь о технике. Конечно же, умение, мастерство всецело принадлежат игроку – они обретены трудом и потом на тренировках. Тем более что эта техника, так сказать, фамильная – если выполнение хоккейных приемов спортсменом индивидуально ярко, богато нюансами, штрихами. Если хоккеист владеет «коронными номерами» при обводке, пасе, отборе шайбы, если у него свой, «фирменный», бросок по воротам. Все это украсит и действия спортсмена на льду, и хоккей в целом.

Но вот вопрос: какой цели призван служить этот великолепный набор хоккейных средств? Что чему должно подчиняться? К примеру, защитник владеет шайбой. Он диктует условия партнерам, или они, маневрируя по полю, руководят его действиями и направляют их? Или, возможно, игровые отношения должны строиться на принципах равенства? Все это очень важные, хоть и потаенные, невидимые нити взаимосвязей хоккеистов.

В нашем, советском, хоккее игрок, владеющий шайбой, – «слуга» своих партнеров. Всегда, в любом эпизоде. Почему? Прежде всего потому, что этот принцип наиболее полно соответствует идее коллективной игры, тому жизненному укладу, что сложился у нас в стране. Каждый игрок должен быть не только индивидуально сильным, но и непременно диспетчером, обеспечивать своим маневром, передачами партнеров. И прежде всего это требование относится к защитнику.

Примеров такого рода игровых взаимоотношений можно привести множество. В короткой истории советского хоккея оставили свою веху звенья Альметова, Старшинова, Петрова. Их преемниками стали хоккеисты пятерки Ларионова. Сладить с этим звеном в мировом хоккее не может никто. Причина столь мощной его игры – в высоком личном искусстве каждого хоккеиста. Причем все они сугубо индивидуальны, неповторимы. Но главный источник силы пятерки – в стремлении каждого спортсмена играть на партнера, и не в формальном – в искреннем. Внешне все выглядит предельно просто: хоккеисты

передают шайбу друг другу, если надо – обводят соперника, снова пасуют, обводят и добиваются результата.

Позже, когда поведем разговор о командной тактике, мы подробно разберем игру этого звена. Здесь же речь идет о действиях защитников. Владея шайбой, игрок обороны должен хорошо видеть направление маневра всех четверых своих партнеров и пас давать не тому из них, кто ближе, рядом и кому легче направить шайбу, а партнеру на острие атаки. Тому, кто в этот миг более других опасен для ворот соперника.

Уметь укрощать шайбу, не глядя на нее, с поднятой головой – этому учат ребят в детских спортивных школах с первых же шагов на льду. Овладеть таким навыком несложно. А вот когда рядом соперники, если ведется единоборство и хоккеист каждое мгновение рискует шайбу потерять, – играть с поднятой головой вдвое сложней. А тут еще быстрая смена ситуаций, почти не оставляющая защитнику времени на выбор решения. Остается одно – читать на расстоянии мысли партнеров.

Итак, техника хоккеиста принадлежит как бы не ему, а партнерам. Эгоист – тот, кто себе на уме. Есть они, разумеется, и в нашем хоккее. Такой может подумать: а зачем мне в таком случае усердно тренироваться, обновляя и совершенствуя мастерство? Однако такому игроку быть в команде – «лишней спицей в колеснице», а не в боевой ее обойме.

В нашем хоккее давно изобретен и применяется для атлетической подготовки так называемый «точечный метод» тренировки. На каждой «точке» (а их по числу игроков в команде двадцать пять – тридцать) висит трафаретка с перечислением тренировочных упражнений. Игроки находят нужные им трафаретки и, следуя рекомендациям тренера, развивают отдельные качества и хоккейные приемы. Что касается защитника, то ему лучше рекомендовать упражнения на силу, мышечный взрыв. Полезны занятия на плечевых, кистевых эспандерах. Учитывая то, что защитнику приходится часто маневрировать на льду, катаясь способом выжимания, нужны упражнения с тяжестями для укрепления мышц бедер, голени, стопы.

По моим наблюдениям, многие защитники любят упражнения, повышающие подвижность тазобедренного сустава. И все упражнения выполняются не стоя на месте, а в движении, пусть и на ограниченной площадке – вправо-влево, вперед-назад, прыгая с одной ноги на другую, подскакивая то на правой, то на левой ноге, имитируя то бег на коньках, то подкат к сопернику, то столкновение с ним.

Все эти упражнения защитник может выполнять как вместе с

командой, так и самостоятельно. Скажем, отводить им ежедневно по сорок-шестьдесят минут перед тренировкой на льду. Такие направленные занятия способны дать сильный эффект. При этом защитник должен помнить вот о чем: после силовых упражнений надо не позабыть слегка побегать, попрыгать, выполнить серию стартов, ускорений. Очень здесь к месту и упражнения, требующие быстроты рук, подвижности туловища, на ловкость. Снимается усталость, а главное, не силой единой будет жив спортсмен, ведь и другие качества необходимы.

На своем тренерском веку повидал немало способных, физически крепких ребят. А вот выдающимися игроками они не стали, хотя в отдельных компонентах хоккейного искусства были сильны. Одному не хватало в игре тактической сметки. Другие не способны были творчески «читать» игру партнеров и соперников. Но в большинстве случаев таким игрокам не хватало умения быстро переходить от атаки к обороне и наоборот. Они на какое-то время выпадали из игры, находились в растерянности, в неведении, что делать, не поспевали за событиями. Запаздывали. При атаке – поддержать партнеров, предложить себя. В обороне – не дать разогнаться сопернику, своевременно его атаковать. Это не просто – быстро принимать решения в калейдоскопе постоянно меняющихся игровых ситуаций.

А что, если, выполняя различные упражнения, в том числе по развитию атлетических качеств, защитник поставит перед собой задачу имитировать переключение с оборонительных действий на атакующие и обратно? Уверен, упорный и осмысленный труд спортсмена принесет свои плоды.

Конечно, тренируясь на льду, защитник каждодневное внимание будет уделять отбору шайбы, умению разумно распорядиться этой добычей. Это не означает, что о других компонентах хоккея он может позабыть, например, о завершающих бросках по воротам. Но различные приемы отбора шайбы и мастерство паса должны быть доведены до совершенства.

Великолепно владел ими Вячеслав Фетисов, пожалуй, самый выдающийся советский защитник 80-х годов. Один его послужной список чего стоит!

Фетисов Вячеслав Александрович. Родился 20 апреля 1958 года. Заслуженный мастер спорта. С 1975 года – в команде ЦСКА. Чемпион СССР 1977–1988 гг. Лучший советский хоккеист сезонов 1981–1982 и 1985–1986 гг. Чемпион мира 1978, 1981–1983, 1986, 1989 гг. Чемпион Европы 1978, 1981–1983, 1985,1986,1987, 1989 гг. Олимпийский чемпион 1984 и 1988 гг. Лучший защитник чемпионатов мира 1978, 1982, 1985, 1986, 1989 гг. Признан

лучшим хоккеистом Европы 1984 и 1988 гг. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» (дважды).

В разгар московского чемпионата мира 1986 года, а точнее, в канун его финальной части, беседуя со старшим тренером советской сборной Виктором Тихоновым, я попросил его каким-либо образом сохранить игровую свежесть капитана команды. «Как-то надо унять Фетисова, а то ведь сил у него до конца не хватит», – сказал я. И в ответ услышал: «Это невозможно, Вячеслав просто не умеет играть вполсилы».

Конечно, если игрок не умеет что-либо делать – это всегда недостаток, слабость. Однако уверен, убежден, что изъян, подобный фетисовскому – не умеет играть вполсилы, – мы, тренеры, готовы не только простить любому спортсмену, но даже и приветствовать.

Вячеслав Фетисов – хоккеист выдающийся, на сей счет, полагаю, расхождений нет и быть не может. А вот за что, за какие достоинства все – и специалисты, и любители хоккея – столь единодушно причисляют его к этому разряду?

Не умеет играть вполсилы… Это свидетельствует о неуемной энергии, игровой активности капитана армейского клуба и сборной СССР. Добавлю сюда и такие хоккейные добродетели, как спортивное дерзание, стремление к риску. Достоинства очевидные, но все же, полагаю, их недостаточно для того, чтобы стать игроком выдающимся. Ведь не секрет: активных-то в хоккее много, а вот истинных мастеров…

Активность Вячеслава особого свойства. Если у иных хоккеистов она из достоинства превращается в недостаток, ибо игрок теряет нить игры – ее осмысленность, коллективизм, – то у Фетисова одно с другим никогда не вступает в противоречие. Вячеслав нередко берет игру на себя, однако при этом никогда не ущемляет интересы партнеров, не сковывает их действия, скорей наоборот – своими акциями помогает им раскрыть лучшие свои качества.

Сказать о Вячеславе Фетисове, что у него высокая техника, – значит невольно уравнять его со многими другими хоккеистами. Он же в этом отношении практически выше всех и наших, и зарубежных защитников. И по разнообразию арсенала технических приемов, и по экономному их исполнению.

…Вот у себя в зоне Фетисов овладевает шайбой, однако партнеры прикрыты, и он обводит ближайшего соперника. Обыгрывает благодаря финту и скоростному маневру – почти без всякого риска потерять шайбу. Иначе нельзя – ведь действие происходит в своей зоне. По-другому поступает Вячеслав в зоне нападения, где свои и чужие игроки находятся вперемешку. И

обводка у него здесь иная. Он стремится быстро сблизиться с находящимся перед ним соперником и, не давая ему опомниться, навязывает единоборство, в результате которого, быстро и разнообразно действуя клюшкой, либо сам проскакивает к воротам, либо скрытно передает шайбу для завершения атаки партнеру.

Вячеслав – хоккеист, как у нас говорят, «двурукий»: способен бросить шайбу в ворота, отдать пас как слева, так и справа. Причем при выборе тактических средств, исполнении технических приемов никогда не спешит. Но и не опаздывает. В этом ему помогают широкая ориентировка на поле, умение быстро и точно «читать» мысли и партнеров, и соперников. Вот почему редко кому удается обыграть Фетисова, тогда как сам он преуспевает и в разрушительных, и в созидательных действиях.

Воспитанник армейской хоккейной школы, Вячеслав Фетисов с первых шагов в хоккее на льду был приучен к такой игре. И не случайно уже в девятнадцать лет получил приглашение в сборную СССР, дебютировав на чемпионате мира 1977 года в Вене.

Защитников столь юного возраста редко включают в состав для участия в таком престижном соревновании, как мировой чемпионат, – стабильность и надежность к игроку обороны обычно приходят с годами. Автору, правда, могут заметить, что в последние годы молодые защитники в нашей сборной вовсе не редкость. Но это лишь следствие дефицита, возникшего на игроков обороны. Тогда же, в конце 70-х годов, у тренеров главной команды страны выбор был куда шире, и тем не менее они предпочли Фетисова. И Вячеслав оправдал их надежды. В Вене он ничем не напоминал стажера, лишь на время надевшего форму сборной СССР. Рядом с сильными, опытными защитниками, даже таким, как, например, Валерий Васильев, он выглядел достойным, равным партнером. Сразу же, в год дебюта, Вячеслав Фетисов дал всем понять, что пришел в сборную всерьез и надолго.

Случай подтвердил, сколь велика роль Вячеслава и в клубе, и в сборной.

В сезоне 1984/85 годов Фетисов из-за серьезной травмы пропустил большую часть игр чемпионата страны. Но едва врачи дали ему «добро», Вячеслав вышел на лед, хотя, конечно, к играм был не готов, прежде всего – физически. И тем не менее в первой же своей встрече – против московского «Динамо» – Фетисов смотрелся. И доказал – в который раз, – что техническая оснастка игрока, творческое отношение к хоккею значат очень многое.

Долгие годы Вячеслав был капитаном и армейской команды,

и сборной страны. Капитанов, как известно, не назначают, а выбирают. Этот пост доверяют самым опытным, самым авторитетным игрокам. Роль капитана настолько важна и ответственна, что далеко не каждый, пусть и выдающийся, игрок для нее пригоден. Фетисов словно создан для этой миссии. Он – образец спортивной доблести, сознательной дисциплины, любви к хоккею. Ну и, конечно, эталон высочайшего мастерства.

Более того, товарищи выделяют Вячеслава и за хорошие человеческие достоинства: он дружелюбен, всегда готов помочь и, что немаловажно, умеет слушать других. Вот почему хоккеисты верят своему капитану, готовы идти за ним и в огонь, и в воду. Словом, Вячеслав – истинный спортивный вожак.

Играть рядом с Фетисовым и приятно, и ответственно, и чрезвычайно трудно: на фоне его действий легко стать неприметным. Однако о постоянном партнере Вячеслава по обороне Алексее Касатонове этого сказать нельзя. Его, ведущего защитника последних лет сборной СССР и команды ЦСКА, я бы охарактеризовал одним словом – «игрочище». Здесь уже говорилось об этом прекрасном защитнике. Дополню свой рассказ еще несколькими штрихами.

Спортивные титулы Алексея также впечатляют.

Касатонов Алексей Викторович. Родился 14 октября 1959 года. Заслуженный мастер спорта. В 1976–1978 гг. выступал за клуб СКА (Ленинград). С 1978 г. – в составе ЦСКА. Чемпион мира 1981–1983, 1986, 1989 гг. Чемпион Европы 1981–1983, 1985, 1986, 1987, 1989 гг. Олимпийский чемпион 1984, 1988 гг. Лучший защитник чемпионата мира 1983 г. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Уже в шестнадцатилетнем возрасте обращал на себя внимание ладной, широкоплечей фигурой, страстностью в спортивной борьбе. Начинал он спортивную карьеру в Ленинграде, но становление Алексея проходило в ЦСКА, где его научили помногу трудиться, быть внимательным к товарищам и к себе. И просто здорово, что ни тренеры ленинградской команды, ни тренеры ЦСКА не подгоняли спортсмена под некий стандарт, а прежде всего стремились развить присущие ему качества, в том числе и приверженность к риску. Такое бережное отношение к игроку позволило Алексею Касатонову остаться самим собой.

В принципе, Касатонов на льду все делает просто, не скрывая своих намерений. Но от этой простоты сопернику не легче. Особенно тогда, когда ему приходится вступать с защитником «в контакт».

Участвуя в атаке, Касатонов способен и обвести соперника, и воспользоваться, чтобы его обыграть, передачей. Бывает, при этом

теряет шайбу. Однако с такой страстью, не раздумывая, бросается на «обидчика», что сохранить «добычу» редко кому удается. Касатонов относится к такому типу защитников – в прошлом его олицетворяли Николай Сологубов, Эдуард Иванов, Валерий Васильев, – которые особенно хороши во встречах с канадскими хоккеистами, чей спортивный характер можно было бы определить известной поговоркой: «Посеешь ветер – пожнешь бурю».

Люблю таких отчаянных, щедро отдающих свой талант хоккею и зрителям хоккеистов. Они утверждают один из главнейших законов спорта – не жалеть себя, полностью отдаваться борьбе, стремиться к победе над соперником в любой ситуации. Они утверждают наш хоккей и себя в хоккее.

Все нити игры

У центрального нападающего функции в хоккее особые. Это ключевой игрок, определяющий действия звена, рост мастерства партнеров.

Однажды в конце 80-х годов я был приглашен в Канаду. В городе Ванкувере на базе местного университета состоялся симпозиум тренеров. Он был разноплановым. Лекции чередовались с дискуссиями о тактике, психологии спортивной борьбы. Проводились показательные тренировки.

Одна из тренировок по развитию атаки показалась мне особенно интересной, и я спросил у руководителя симпозиума Боба Хайшмара: «Кто же ее проводит?» – «Глен Андерсон, партнер по звену Уэйна Гретцки», – ответил он. Мне захотелось познакомиться с Гленом. И после тренировки нам удалось встретиться и побеседовать.

Глен рассказал мне, что два-три года назад собирался было завершить спортивную карьеру, но с приходом в команду Гретцки к нему словно бы вернулась молодость. «До чего ж у меня удобный партнер, – заключил свой рассказ Андерсон. – И не только для меня. Вся команда хотела бы играть рядом с ним!»

Вот в чем истинная ценность центрального нападающего!

Ту же роль, усиливая игру партнеров, выполнял на протяжении многих лет игравший за команду «Чикаго» Бобби Халл.

В нашем хоккее расцвет многих спортсменов связан с яркой игрой центральных нападающих, таких как Александр Уваров и Вячеслав Старшинов, Александр Альметов и Игорь Ларионов. Это не только выдающиеся мастера. Их игра отличалась доброжелательным отношением к партнерам. Успеху товарищей по команде они рады как своему.

Как тренер могу сказать: покажите мне центрального нападающего – и я буду иметь точное представление о классе звена, в котором он выступает. Редко рядом с ярким центральным нападающим выступает слабый, безликий партнер. Комплектуя звено, пятерку хоккеистов, тренер прежде всего исходит из того, есть ли у него под рукой исполнитель на роль центра атаки. А уж найдя игрока, способного украсить это место, под стать ему подбирает партнеров – крайних нападающих и защитников.

Амплуа центрального нападающего, или, как часто говорят, форварда, самое эмоциональное в хоккее. И добавим, роль эта – самая заметная. Находясь в центре поля, а стало быть, и в центре событий, форвард имеет возможность сполна проявить себя. Он –

ось, вращением которой определяется мощь звена. Форвард менее других хоккеистов зависим от действий партнеров. А вот от его работоспособности, инициативности коллективные действия звена всегда выигрывают. При атаке он передачами помогает передним нападающим развивать и завершать ее. А то и сам поражает цель. И в обороне его помощь защитникам необходима. К тому же всегда ощутима. Успех обороны, особенно маневренной, всегда связан с тактически зрелой и мужественной игрой центрфорварда.

Наш хоккей по праву гордится целой плеядой выдающихся нападающих, чье мастерство покорило спортивный мир. Назову Всеволода Боброва, Валерия Харламова, Анатолия Фирсова, прибавлю выступающих сегодня Сергея Макарова, Владимира Крутова, Игоря Ларионова. И пусть простят меня любители хоккея, если я не назвал здесь еще десяток-другой имен ярких, самобытных игроков – всех перечислить попросту нет места. Но речь идет об игроках-звездах, радующих зрителей своим – не побоюсь этого слова – искусством, способных при равной борьбе склонить чашу весов на сторону своей команды.

Сравнивая наш хоккей с зарубежным, в том числе и с канадским профессиональным, осмелюсь утверждать, что ярких нападающих у нас появляется больше, чем у соперников. Могу назвать несколько тому причин. Среди них – высокое умение тренеров, способных планово, творчески вести круглогодичный тренировочный процесс. И массовость детского хоккея – лишь одна «Золотая шайба» объединяет около четырех миллионов мальчишек. Вижу и еще одну причину обильного появления у нас ярких мастеров нападения – явно выраженный атакующий стиль советской школы хоккея.

Здесь я несколько отвлекусь от основной темы изложения для того, чтобы расшифровать для читателя ряд понятий, к которым на страницах этой книги я прибегаю особенно часто.

Итак, школа хоккея. Что это такое? Система обучения и тренировки хоккеистов во имя овладения ими высотами спортивного мастерства. Формирование, становление, развитие школы хоккея происходит под влиянием общественных отношений, научных взглядов, сложившихся в той или иной стране.

Часто мы говорим: стиль игры. Имеется в виду совокупность характерных, отличительных признаков, присущих действиям отдельного игрока, звена, команды и школы хоккея в целом.

Нередко веду я речь о хоккейной стратегии. Что имеется в виду? Система действий, осуществляемых в широком масштабе и нацеленных на достижение успеха в крупных международных

турнирах. Если сказать короче – это планирование завтрашних побед.

Теперь – о тактике. Это – искусство ведения боя. Но можно назвать ее и наукой ведения боя. И то и другое – совокупность методов, средств, приемов, направленных на достижение намеченной цели, победы в хоккейном матче.

К примеру, тактика силового давления канадских хоккеистов построена на захвате большими силами территории хоккейного поля. С помощью силовых столкновений, в том числе повторных, со спаренным отбором шайбы, она служит достижению успеха путем деморализации соперника.

Или – тактика прессинга в средней зоне, то есть сдерживание атакующих действий соперника, пресечение попыток коллективной игры плотной опекой всех хоккеистов с энергичным отбором шайбы у владеющего ею игрока.

А вот тактика командной контратаки: овладев шайбой при обороне своих ворот, защищающаяся команда с помощью паса вперед получает простор для атакующих действий, оставив часть соперников за спиной.

Говоря о тактических действиях той или иной команды, мы часто рассуждаем о системе игры, имея в виду такую организацию действий игроков и звеньев, которая предусматривает определенную расстановку хоккеистов и конкретные способы ведения игры. Она, эта система, должна учитывать возможности спортсменов и, бесспорно, перспективу их роста.

Итак, стиль советского хоккея – атакующий. Он сложился не по прихоти какого-либо тренера или группы специалистов. Он, этот атакующий стиль, обусловлен жизненным укладом, активной позицией молодежи, линией советской педагогики, общественных организаций на воспитание людей деятельных, решительных, инициативных.

Считаю, что атакующий стиль игры лучше стимулирует рост мастерства хоккеиста. Помогает и быстрому становлению классной команды. Пример тому – коллектив ЦСКА. С первых дней освоения хоккея до нынешней поры команда ревностно исповедует атакующий стиль. Пожалуй, трудно назвать какую-либо другую в мире команду, которая сумела бы добиться столь же стабильных успехов, уровня мастерства, сумела бы воспитать такие созвездия выдающихся хоккеистов. Возможно, трудно отыскать аналоги такой команде и в других видах спорта.

Атака. Для ее успеха каждый игрок должен иметь запас скорости, свободы маневра, быть искусным в исполнении хоккейных приемов, особенно таких как различные передачи,

обводка, броски. И нужны, конечно, изобретательность, смекалка, удаль. Все это скрепляется коллективным порывом, девизом: «Один за всех, все за одного».

Конечно, решиться взять на вооружение команды атакующий стиль игры дано не каждому тренеру. Это по плечу человеку смелому, решительному, отзывчивому на новое, способному к риску. Натуре ищущей. Тому, кто не довольствуется достигнутым. Такой тренер должен быть личностью. Он умеет отстаивать свое мнение, самостоятелен в действиях, независим от начальства, не подвержен влиянию игроков.

В особой степени атакующий стиль игры содействует росту мастерства центрального нападающего. Невольно попадая под диктат игровых условий, он обязан максимально активно участвовать во всех фазах игры. И в обороне, и тем более в атаке. И успех звена во многом будет зависеть от того, насколько активно, умело, мастерски действует центральный нападающий.

Оказав необходимую помощь своим защитникам, центральный нападающий может и сам начать контратаку или предложить себя защитнику для передачи шайбы. В контратаке центрфорвард всегда проявляет максимальную активность, участвуя в розыгрыше шайбы и в средней зоне. Ну, а в зоне нападения он – главный распасовщик, выводит на голевые позиции партнеров, а при возможности и сам завершает атаку.

При срыве атаки он борется за то, чтобы вернуть шайбу. Это он принимает решение – продолжать звену наступление или отходить.

Эта общая схема действий центрального нападающего, естественно, дополняется, раскрашивается индивидуальными особенностями того или иного центрфорварда, «жемчужинками» его мастерства. Игорь Ларионов, например, при контратаке часто оказывается в средней зоне – на ее острие, между защитниками соперников. А в зоне нападения занимает пост близ ворот, создавая помехи вратарю, стремясь подправить, добить шайбу. Уэйн Гретцки при развитии атаки предпочитает оставаться как бы в тени, питая передачами партнеров. Зато у неприятельских ворот преображается, идет на обводку, стреляет по воротам внезапно и метко. Иначе действовал советский центрфорвард, заслуженный мастер спорта, восьмикратный чемпион мира, двухкратный олимпийский чемпион Владимир Петров. При завершении атаки он смещался влево и, имея правый хват клюшки, действовал на этой позиции как заправский крайний нападающий, готовый всегда поразить цель. А могучий, с богатырскими задатками, центральный нападающий прошлого Вячеслав Старшинов посылался нами, тренерами, в самое пекло схваток близ ворот.

Жилистый, цепкий, удивительно стойкий на льду, он и силой был наделен на троих, и характером неуступчив. Обыграть его, повергнуть на лед было необычайно трудно, почти невозможно.

Из пяти полевых игроков центральный нападающий наименее всех принадлежит самому себе. Он не может заявить тренеру: мне, мол, проще играть не так, а этак, удобнее выполнять передачи таким образом, а не этим. Он должен в атаке действовать так, как это удобно партнерам. А в обороне – выполнять просьбы защитников. Именно на такую подчиненность нацеливает форварда тренер.

Стало быть, центральный нападающий должен иметь особый склад игрового мышления, вкус к коллективной игре, доверительные отношения с партнерами.

Это, уважаемый читатель, на бумаге легко написать про центрального нападающего: «Он должен обслуживать своих партнеров». А попробуйте сделать это в игровой обстановке. Учитывая, что у каждого хоккеиста свой почерк, манера игры, свой характер, да и одни и те же приемы они выполняют по-разному. И вот надо уметь каждому потрафить, создать наиболее благоприятные условия для игры, а в конечном итоге – для роста мастерства, расцвета таланта. И при этом самому не потеряться на поле, сохранить самостоятельность и, как говорят в театре, «вести свою партию».

Пожалуй, лучше других удалось найти «золотую середину» при выполнении этой роли в профессиональном хоккее Уэйну Гретцки. В команде «Эдмонтон Ойлерс» и партнеры его блистали, и сам он играл первую скрипку в этом маленьком отлаженном оркестре. Как-то сложится спортивная судьба Гретцки в связи с женитьбой и переходом его в команду «Лос-Анджелес Кингс»? На проводах Гретцки прослезился, и не только он – миллионы поклонников знаменитого хоккеиста из Эдмонтона (и не только из этого города) с сожалением провожали своего кумира в калифорнийский клуб. Верится, что и этой команде Гретцки со временем поможет стать заметной в НХЛ. По крайней мере, с приходом выдающегося хоккеиста клуб Лос-Анджелеса из вечных аутсайдеров сразу же переместился в лидирующую когорту. Рядом с Гретцки более уверенно начали действовать все игроки команды. Вот что значит появление звезды! То, что Гретцки и далее окажет поддержку новым партнерам, поможет им полнее раскрыть себя, у меня лично не вызывает никакого сомнения.

В нашем хоккее непростую роль центра нападения в последние годы удачно выполняют Вячеслав Быков и особенно Игорь Ларионов. Оба в чем-то схожи. Невысокие, но ладные, очень ловкие, техничные, быстрые, умелые диспетчеры. У

Ларионова культура игры повыше – и пас поточнее, и действия более оригинальны, и индивидуальность в игре проявляется острее. Да и партнеры ярче. Многие их достоинства как бы зеркально отражаются в действиях центрфорварда.

Роль центрфорварда ответственна еще и вот в каком отношении. Перед каждым звеном в матче стоят две задачи: сыграть сильно, проявить свои лучшие качества и не дать использовать достоинства соперникам, выиграть свой микроматч. И именно центрфорвард чаще других хоккеистов получает от тренеров задания по нейтрализации лидера соперников. Не всегда это удается. Помнится, на чемпионате мира 1957 года в Москве мы, тренеры, дали одному из хоккеистов задание «накинуть шубу» на шведского центрфорварда Свена «Тумбу» Юханссона, однако швед перехитрил наших игроков, и наша сборная не сумела добиться победы, сыграв с «Тре Крунур» лишь вничью – 4:4. Эта ничья стоила советским хоккеистам чемпионских титулов, высшие награды были вручены шведским игрокам.

Обычно используется один из двух подходов к нейтрализации игрока соперника. Первый – следовать за ним как тень, стремиться лишить хоккеиста свободы маневра, постоянно мешать ему получить и обработать шайбу, умело распорядиться ею. Такой способ нейтрализации получил наименование «банный лист». Пусть опекун и сам выпадет из игры, но сопернику развернуться не даст – примерно так рассуждают тренеры, выпуская форварда на лед.

Не хочу сказать, что для меня, как тренера, этот метод полностью неприемлем. Однако согласитесь, в том, когда один хоккеист не играет, да и другому не дает, есть что-то неспортивное, не по-рыцарски это. Второй подход куда честнее, интереснее. Да, присматривать за соперником, опекать его, особенно если он становится опасным для наших ворот, при этом также необходимо. Но главное – переиграть опекаемого активной, мощной игрой на партнеров. Такого рода идея, когда не теряется нить тактических действий звена, а сама она осуществляется лишь периодически, не вредит зрелищности игры. А это немаловажно.

Мужество необходимо хоккеисту любого амплуа. Но у центрального нападающего оно имеет особую окраску. Оно необходимо ему, когда команда на льду в меньшинстве и приходится бросаться под разящие броски. И когда необходимо догнать соперника и в падении выбить шайбу из-под его клюшки. И при игре на пятачке у чужих ворот, когда защитники особенно яростно атакуют каждого, кто рискнет появиться там. Но

проявлять свое мужество центральный нападающий должен не абстрактно, не вообще, не в каждом эпизоде борьбы, что само по себе и неплохо. А именно – в нужный момент. Поэтому к мужеству необходим и расчет. Форвард, как и сапер, все должен делать аккуратно и точно, и поступать иначе он просто не может.

Форвард, как уже говорилось, занимает на поле центральное место, а потому является главным организатором и атаки, и обороны. Есть, правда, игроки с определенным уклоном: одни тяготеют к нападению, другие – к защитным действиям. Все зависит от характера, физических данных, двигательных особенностей спортсмена, его технических и тактических возможностей. Одна из основных и непростых задач тренера – раскрыть, развить достоинства спортсмена, его сильные стороны, пробудить по какой-либо причине спящие в нем пружины физических сил и характера. Как некогда все дороги вели в Рим, так и пути к успешной игре звена не минуют центрального нападающего. Он, этот игрок, всегда был и будет основным диспетчером звена, распорядителем его действий, своего рода дирижером. Он должен виртуозно владеть мастерством передач, причем порой немыслимых, выполняемых в самых сложных игровых ситуациях.

Когда речь идет о качестве передач, то обычно считается, что главное к ним требование – точность. Согласиться с этим не могу. Да, точность нужна высочайшая, ювелирная точность. Но одна она вряд ли удовлетворит современную атаку. Почему?

Как правило, хоккейное наступление развивается и переходит в завершающую фазу против превосходящих сил соперника. Тактический принцип обороны чаще всего позиционный, все точки, откуда могут быть забиты голы, «коридоры», ведущие к воротам, бдительно охраняются. При позиционной обороне игроки защищающейся команды тратят, в силу ограниченности маневра, куда меньше сил, чем атакующие. Тем более если они действуют расчетливо, бдительно, агрессивно, прозорливо. Да и известно ведь: разрушать легче, чем созидать. Все это на руку тем, кто держит оборону. А это означает, что передачи, как бы точны они ни были, большого эффекта не принесут, если они очевидны, легко угадываются соперниками. Наряду с точностью передачи должны обладать внезапностью и скрытностью. Такие сверхсложные передачи должны предвидеть хоккеисты атакующей команды, а соперников они должны заставать врасплох.

Скрытность, острота, ну и, конечно, точность передач всегда будут вызывать замешательство в стане соперников, а если к тому же такие передачи обретут пулеметную скорострельность, будут

чередоваться с обводками, то любая оборона, находясь в постоянном цейтноте, окажется с серьезными брешами.

И нити всех игровых хитросплетений атаки неизбежно тянутся через центрального нападающего. Простые, открытые действия центрфорварда не прибавят загадок защите. А вот хитрость, скрытность, непредсказуемость действий сделают атаку и острой, и результативной.

Пришло, наконец, время поговорить о передачах, исполнением которых должен в совершенстве владеть любой уважающий себя форвард. Речь пойдет, разумеется, не о простых передачах – их умеют выполнять многие и многие игроки. Речь пойдет о передачах сложных.

Вначале о том, что само собой разумеется, как ложка к обеду, что обязательно для любого мастера. Об ориентировке. Без поднятой головы, свободного положения туловища хоккеист, известное дело, не станет умелым диспетчером. Конечно, игроку при этом пригодятся очень ловкие, быстрые руки. И особенно кисти рук – подвижные, сильные, взрывные. Большинство скрытных передач выполняется именно кистевым посылом шайбы. И на малые, и на большие расстояния. Преимущество таких передач в том, что движения кисти, когда шайба резким разворотом крюка клюшки посылается адресату, мгновенны и со стороны почти незаметны.

Кистевой бросок шайбы довольно прост. И чтобы сделать передачу более скрытной, завуалированной, игрок найдет возможности усложнить этот прием. Он, например, может использовать финт, ложный кивок или посыл туловища в сторону, противоположную передаче, может прибегнуть к другим выпадам и маневрам. Возможно, соперник «клюнет» на них – поверит финтам, не сумеет разгадать истинных замыслов форварда. Пригодятся ему и передачи «в два касания» – такой посыл шайбы, когда ее сначала направляют как бы в одном направлении, но тут же, едва шайба отдалилась от крюка и соперник ринулся было на ее перехват, маршрут ее движения резко меняется. Выполнение всех этих приемов требует, конечно же, виртуозного владения клюшкой.

Верю в расцвет передач интуитивных – направляемых в ту точку, где пока нет партнера. Он же в момент передачи скрытно освобождается от опеки и будто на крыльях устремляется туда, куда послана шайба, чтобы подхватить ее и завершить атаку. Какую же мы будем наблюдать сыгранность, синхронность в действиях игроков атаки, когда они, освобождаясь от тисков опеки и силового единоборства, будут молниеносно разыгрывать шайбу и оставлять соперников позади.

Выдающиеся форварды владеют и передачами коньком – точными и достаточно скрытными. Они пригодятся тогда, когда идет трудная борьба за шайбу, а она находится в коньках у атакующего. В этот миг «безработная» клюшка может быть использована для ловкой блокировки соперника, сдерживающей его маневр, затрудняя отбор шайбы, ее перехват. Передача, выполненная форвардом коньком себе на клюшку, с тем, чтобы затем обвести соперника или сделать пас партнеру, способна придать атаке особую внезапность и остроту, которая так по душе зрителю.

Мощная, результативная игра центрального нападающего, его высокий удельный вес в действиях звена прямо пропорциональны тем трудностям, что встают перед форвардом. Эти дополнительные сложности создает перед ним соперник. Он будет стремиться всеми правдами и неправдами, вплоть до применения запрещенных приемов, вывести центрального нападающего из привычной колеи, не дать ему возможности руководить действиями партнеров. Сверхплотная опека, бдительнейший присмотр – вот награда центрфорварду за удачливую, полезную для команды игру. Смириться с этой «наградой» – значит обречь себя на утрату мастерства, потерю хоккейного авторитета. В этом случае спортсмену важно поступать разумно. Не срывать досаду на сопернике, а тем более на партнерах. Искать новые решения. Думать, как сделать свои действия более сложными, непредсказуемыми для защитников.

Есть один путь для центрального нападающего вернуть себе свободу действий. Усиление скоростного маневра. Вовсе не обязательно по всему полю, а на коротких отрезках освобождаясь от «объятий» соперника. Для этого необходим скоростной взрыв. Такой взрывной маневр очень пригодится нашим хоккеистам в матчах против канадских спортсменов. Они лучше других умеют, подобно спрутам, «вязать» наших хоккеистов по рукам и ногам. Уйти от такой опеки – значит проявить характер дерзкий, непреклонный, терпеливый. А еще нужны лукавство, хитрость в игре.

Написал это и вспомнил свою молодость. 1940 год. Киев. Футбольный матч нашей армейской команды с динамовцами столицы Украины. Григорий Федотов – выдающийся форвард советского футбола тех времен – попал в тиски жесткой персональной опеки киевского защитника Иосифа Лифшица. Киевлянин не отходил от форварда ни на шаг. В единоборствах действовал на грани фола, не жалея ни себя, ни Григория. Идет второй тайм. Федотов весь в синяках. Вот после очередной дуэли с Лифшицем он оказывается на траве. С трудом поднимается,

подбирает с газона выпавший из-под гетры щиток. Протягивает его Лифшицу, что-то говорит. Киевлянин как будто оправдывается. И в этот миг мяч попадает к нашему инсайду Петру Щербатенко. Он длинной передачей посылает его на ход своему партнеру – Григорию Федотову. Тот, вдруг убежав от продолжавшего объяснять что-то Лифшица, устремляется к мячу, выходит один на один с вратарем киевлян Издковским и забивает победный гол. А Иосиф Лифшиц так и остался стоять как вкопанный на месте своей недавней беседы с Григорием. Вдруг он обнаружил, что в руках все еще держит федотовский щиток. Вне себя он бросает его далеко в сторону трибун. Что-то бормочет, грозит рукой обидчику. Перехитрил! Так, пожалуй, можно было бы озаглавить этот эпизод единоборства двух известных футболистов.

Перебегать, переиграть опекуна, создать сопернику неудобства, используя высокую технику, финт, ложный маневр, хитрость – на все должен быть готов центральный нападающий звена во имя того, чтобы обеспечить успех своей «команде в команде».

И постоянно заботиться о том, чтобы совершенствовать найденные приемы, искать новые решения. Ведь если соперник приспособится к манере действий центрфорварда, найдет противоядие, то, считай, усилия всего звена пойдут насмарку.

Я уже говорил о том, что, пожалуй, самым ярким выразителем современных черт амплуа центрального нападающего является Уэйн Гретцки. Хотелось бы подробнее поговорить о его мастерстве.

Силен Гретцки!

Вот уже почти десятилетие имя и фамилия этого хоккеиста значатся под первым номером в списках лучших игроков-профессионалов НХЛ. Спортивная биография Гретцки хорошо известна любителям хоккея по обе стороны океана, и я не буду здесь повторять ее. Остановлю ваше внимание лишь на одной детали: самое активное участие в становлении Уэйна как хоккеиста принимал его отец Уолтер Гретцки. Это похвально. Вот было бы здорово, если бы такой же интерес к спортивному увлечению ребят испытывали отцы и матери юных хоккеистов нашей «Золотой шайбы»! Конечно, там, за океаном, внимание родителей к спортивным занятиям сына во многом вызвано и материальными стимулами. Ну и что из того? Важно понять: не будь у маленького Уэйна такого толкового, внимательного советчика и друга в спорте, каким стал для него отец, не знал бы спортивный мир удивительного хоккеиста с номером 99 на свитере. Это была бы огромная потеря не только для клуба «Эдмонтон Ойлерс», за который выступал он многие годы, и для «Лос-Анджелес Кингз», за который играет теперь. И даже не только для всего профессионального хоккея, нет. Обделенными, обедненными оказались бы все любители хоккея на планете.

Если сравнивать Уэйна Гретцки с другими лучшими спортсменами профессионального хоккея по отдельным элементам игры, то, возможно, окажется, что он в чем-то им и уступает. Во всяком случае, по скоростному потенциалу, по мощи в силовом единоборстве немало игроков в НХЛ превосходят его. Однако Гретцки всегда в хорошем физическом состоянии, а это – результат умения тщательно готовить себя к каждому матчу. В его игре всегда присутствует свежесть. Объем скоростных маневров, проделанных им, всегда чрезвычайно высок.

И в основных технических элементах хоккея – в ведении и передачах шайбы, обводке и завершающих бросках по воротам – он, без сомнения, истинный мастер. Все выполняет умело, тонко, с хитринкой, так, что сопернику бывает трудно разгадать, что он замышляет на самом деле. Это спортсмен в высшей степени самолюбивый, стремящийся постоянно поддерживать высокую форму – так он дорожит своей репутацией выдающегося игрока.

Но все это с тем же правом можно сказать о многих профессиональных хоккеистах прошлого и нынешних дней. Всегда были и будут в Канаде хоккеисты-кумиры, подлинные мастера. А если даже по каким-либо причинам тренеры не сумеют воспитать таких игроков, их придумают журналисты. Без «звезд»

профессиональный хоккей существовать не сможет. Он просто-напросто зачахнет.

Итак, в Канаде всегда были выдающиеся игроки. А вот такого как Гретцки еще не появлялось. Так в чем же его сила?

В особом (по канадским, разумеется, меркам) коллективистском отношении к хоккею. Здесь, понятно, сравнение идет с той игрой, что принята в Канаде. И в прошлые годы по-своему умело могли отдать пас и Бобби Халл, и Фрэнк Маховлич, и Бобби Кларк, да и многие-многие другие хоккеисты – всех не перечтешь. А вот появился Гретцки – и придал игровому коллективизму особую окраску. Он значительно чаще, а главное – более искренно, доброжелательно стал отдавать пас партнерам, понимая, что его передачи делают коллег по звену более опасными для соперника. Знает он и другое: партнеры не останутся в долгу, воздадут ему сторицей за то, что помогал им в игре раскрыть свои возможности, в нужный момент и ему «подадут» шайбу «на блюдечке с голубой каемочкой».

Активность партнеров, особенно в финальной части атаки, оставляет центрального нападающего до времени как бы в тени, в стороне от жаркого единоборства. Этим умело пользуется Гретцки, незаметно выходя на голевые позиции и предлагая себя партнерам. А владея шайбой, проявляет завидную самостоятельность и хладнокровие, внезапно как бы взрываясь и демонстрируя в короткий миг свое мастерство, так сказать, в степени наивысшей концентрации, неожиданно для вратаря и защитников поражает цель.

Хочется верить, что это не проявление каких-то стихийных сил, а результат раздумий, споров с самим собой, тренерами, партнерами, итог анализа развития современного хоккея и своего места в этом хоккее.

Впервые увидел я Уэйна Гретцки на чемпионате мира среди молодежных команд, проходившем в городах Квебеке и Монреале. Было ему тогда 17 лет. И уже тогда он стремился действовать иначе, чем привыкли играть в Канаде. Помнится, тогда я высказал тренеру советской команды, прекрасному в прошлом защитнику Виталию Давыдову, что в матче против нашей сборной Гретцки может преподнести сюрпризы. Нейтрализовать канадского форварда в ключевом матче турнира было поручено Алексею Касатонову. Алексей тогда с задачей справился, ограничив действия восходящей «звезды» канадского хоккея. Молодым советским хоккеистам удалось взять верх над хозяевами турнира, а позже, одолев и команду Швеции, стать победителями мирового чемпионата.

Конечно, величина и значение Гретцки в канадском и

мировом хоккее определяются не только его беспримерной работоспособностью и талантом организатора атак. Стабильны тактическая осмысленность, рациональность его действий. В игре он не допускает никаких длиннот, передержек, проволочек. Ведет шайбу, обводит защитника, передает шайбу партнеру – все это совершается в короткие отрезки времени, почти мгновенно. Сопернику очень трудно сосредоточить на нем внимание. За ним нелегко уследить.

Гретцки прекрасно ориентируется на площадке, с блеском выполняет многие хоккейные приемы, например обводку или броски по воротам. И что характерно, во время обводки он постоянно готов сделать передачу или выстрелить в цель. Это говорит о незаурядных способностях хоккеиста. Высокое индивидуальное мастерство, зоркое видение ситуации помогают ему почти не допускать технического брака. Он редко теряет шайбу, и звену, в котором он выступает, от этого великая польза. А соперникам приходится испытывать немалые трудности для того, чтобы отобрать шайбу и завладеть инициативой.

Весьма своеобразно Уэйн Гретцки завершает атаку, он и в этом очень индивидуален. Он почти никогда не бросает шайбу (или ударяет по ней) открыто. Всегда стремится, чтобы вратарь не заметил его броска. Он маскирует бросок финтом, ложным маневром, смущая, дезориентируя голкипера. И, проделывая эти сложные манипуляции, Гретцки наблюдает все время не только за вратарем, его реакцией, но и учитывает всю обстановку на поле, в зоне ворот. Не раз становился свидетелем того, как Уэйн вместо, казалось бы, очевидного броска выполнял передачу, направляя ее не только партнерам по нападению, но и назад, одному из защитников. Вполне вероятно, что этот хоккеист может «видеть» и затылком.

Особенно нравится мне его хлесткий, снайперски точный кистевой бросок. Прием выполняется непринужденно, молниеносно. Со стороны все выглядит предельно просто: короткое движение крюка клюшки – и шайба пулей летит в цель. По-видимому, вратари не успевают засечь мгновение вылета шайбы, а потому не успевают вовремя среагировать на бросок.

И вот что интересно: форвард никогда не спешит, у него всегда есть запас времени – он обрел его благодаря на редкость экономным действиям с шайбой.

Гретцки может позволить себе послать шайбу в цель и коротким ударом. Вот он делает намеренно большой замах клюшкой, но не спешит ударять по шайбе, успев посмотреть по сторонам, и лишь тогда принимает окончательное решение. Соперник ждет удара, однако форвард в последний миг при

соприкосновении крюка с шайбой или чуть подправит ее, или проведет шайбу по льду, или сделает паузу, чтобы лишь затем направить шайбу в ворота. Или вдруг отдаст шайбу партнерам.

Необычно, не так, как другие, участвует Гретцки и в обороне. Он никого не стремится устрашать своими маневрами. Как будто не проявляет особой активности. А вот пользу своим защитникам приносит ощутимую. Отступая в средней зоне, он настолько умело маневрирует, что сопернику трудно обыграть его, не прибегнув к продольно-диагональным передачам. Своими умелыми действиями он сбивает темп, притормаживает скорость атаки соперника. Столь же тактически расчетливо действует он и у себя в зоне. Спокоен, если шайба разыгрывается вдали от ворот или на флангах. Преображается, становясь злым, беспощадным к сопернику, когда вступает в единоборство с хоккеистом, решившим атаковать ворота.

Такая амплитуда смены настроений мне также всегда нравится в Гретцки. Это признак того, что действия его на площадке направляются внутренними пружинами, что он творчески относится к игре, преисполнен личной ответственности за судьбу поединка, за успех своей команды.

Жаль, конечно, что нашему зрителю мало довелось видеть на льду Уэйна Гретцки. Телевизор не всегда дает полное представление об объеме и нюансах мастерства игрока. К тому же, полагаю, никого не удивит, если скажу, что, выступая против советских хоккеистов, Гретцки не мог «быть в ударе». На фоне наших команд, демонстрирующих ярко выраженный коллективный хоккей, игра этого форварда не смотрится столь контрастно, как в матчах профессиональной хоккейной лиги. А в таких достоинствах, как умение дать скрытный и полновесный пас, проявить тактическую расчетливость, он, пожалуй, не выше многих наших тоже выдающихся форвардов. Действия Гретцки не в диковинку нашим защитникам. Они также всегда располагают запасом скорости и силы. Поэтому канадским хоккеистам, в том числе и Гретцки, ой как непросто и нелегко даются единоборства с защитниками советских команд!

Сейчас, когда пишется эта книга, Уэйн Гретцки вступает в пору своей хоккейной зрелости. Пока же он в каждом сезоне выглядел сильнее себя прошлогоднего. Но и добиваться успеха ему становится все труднее и труднее. Следует при этом учитывать и жестокие нравы североамериканского хоккея. К сожалению, эта жестокость направлена главным образом на выдающихся игроков. Пока, насколько мне известно, Уэйн Гретцки скрепя сердце терпит удары соперников, не отвечает на грубость.

На его свитере номер 99. Поговаривают, что это срок его хоккейного долголетия. Понятно, что поклонники таланта Уэйна Гретцки желают ему играть долго-долго. Да и мы не против. Всякий яркий игрок украшает хоккей. А меня в обозримом будущем интересует вот что: какие тактические и психологические ключи пустит в ход этот симпатичный молодой человек, выдающийся форвард, чем, какими деяниями прославит он новый свой клуб «Лос-Анджелес Кингс», какими новыми гранями своего таланта и мастерства одарит, порадует любителей хоккея во всех уголках планеты.

Новое амплуа

Эта глава, возможно, будет интересна тем тренерам, кто захочет создать новую систему игры «с двумя хавбеками». Да, в звене их двое – левый и правый. Каковы их функции?

Но сначала – важное отступление. Даже в действиях классных звеньев современного хоккея при системе игры «с двумя защитниками» и тремя нападающими может проявиться слабость. Она обусловлена самими принципами действий двух защитников в обороне.

Вот ситуация: атакующие владеют шайбой на фланге в углу поля. Игрока с шайбой теснит защитник. Если нападающий не успевает развернуться и, обыграв защитника, двинуться на ворота, то он, даже не глядя, посылает шайбу за ворота, где ее подхватит партнер, получая возможность создать голевую ситуацию.

При стандартном расположении путь одного защитника к своим воротам куда длиннее, чем нападающего с шайбой. Конечно, этого игрока может атаковать другой защитник. Но тогда самая опасная зона перед воротами окажется открытой. Любой из атакующих может ворваться сюда, получить шайбу и беспрепятственно угрожать воротам. Если же этот защитник не станет атаковать форварда с шайбой, тогда тот, располагая свободой и временем для действий, сможет выкатиться из-за ворот, сам угрожая им. Простой пас с фланга за ворота, а какими осложнениями грозит он обороняющимся! Во время любого матча вы, уважаемые читатели, можете с десяток раз увидеть эту незатейливую комбинацию и воочию убедиться, насколько острой ситуацией чревата она для ворот команды, которая держит оборону.

А теперь разберем, как могут развиваться события примерно в той же ситуации, но при игре с двумя хавбеками.

При обороне борьбу по углам поля ведут именно хавбеки. А самую опасную зону перед воротами бдительно стережет центральный защитник. Преимущество такой тактической расстановки очевидно. Пространство перед воротами постоянно охраняется игроком, специализирующимся на этой небольшой по объему, но играющей очень ответственную роль работе.

Центральный защитник может действовать, конечно, и по «программе-минимум», и по «программе-максимум». В первом случае он при любых обстоятельствах «танцует от печки» – играет «от обороны», сводя риск почти к нулю, а потому всячески ограничивает себя в наступательных действиях. Во втором –

может в случае проброса шайбы соперником перехватить ее, чтобы организовать контратаку. И если звено наступает, поддерживать атаку хавбеков и даже искать применения своим силам при ее завершении. Естественно, он первым переключается с наступления на оборону, готовый пресечь контратаку соперника.

Хавбеки, как игроки высокоманевренные и творческие, смогут, отбирая, перехватывая шайбу, быстро и разумно ею распоряжаться. Стало быть, и оборона сделается надежнее, из нее можно будет извлекать тактические выгоды. Но есть, на мой взгляд, и другие преимущества этой системы.

Все мы замечаем, что в последние годы скоростной маневр хоккеистов на поле возрос. Это итог ставших более разнообразными средств атлетической подготовки спортсменов. Звенья в целом, отдельные игроки – особенно нападающие – за единицу времени покрывают куда большую, чем прежде, дистанцию. Стабилизируются ли эти показатели? Не думаю. Скорее наоборот – будут они возрастать.

Так вот, трем нападающим, расположенным «в линию» по ширине поля (а она, как известно, всего тридцать метров), играть стало тесно. В ходе любого матча мы не раз замечаем, как, маневрируя, нападающие нередко мешают друг другу, а то и просто сталкиваются. Убежден, что двум нападающим будет куда вольготней, они получат больше возможностей проявлять инициативу, демонстрировать свое мастерство. Известно и то, что любая атака будет лишь в том случае эффективна, если имеет не только ширину, но и глубину. Вот ее-то и обеспечат хавбеки. Об их обязанностях при обороне мы уже говорили. Что ж, давайте покатимся вместе с хавбеками вперед, к воротам соперников.

Из зоны защиты и средней зоны хавбеки постоянно питают нападающих передачами. А как им поддерживать атаку? Скажем, один из нападающих владеет шайбой, а хавбеки следуют за ним, располагаясь в глубину по диагонали. Один из них – в трех-четырех метрах от игрока с шайбой, другой – чуть поодаль. Конечно же, хавбеки могут и предлагать себя, врываясь свободными «коридорами» в зону соперника и с ходу атакуя ворота. Но поддерживать первую атакующую линию хавбеки должны постоянно. И в случае потери шайбы тут же вступать в борьбу за ее возврат.

Но вот нападающий в зоне соперника. Здесь у наступающих больше вариантов для атаки ворот. Есть возможность воспользоваться так называемым дроп-пасом: нападающий с шайбой врезается в гущу обороны соперника, которая при этом уплотняется, пасует шайбу назад хавбеку, который, набрав

ускорение, подхватывает ее, получая возможность с ходу обыграть игроков противоборствующей команды, атаковать ворота или выполнить голевую передачу.

В зоне соперника предельную активность развивают уже не три, как при прежней системе игры, а четыре хоккеиста – нападающие и хавбеки.

Возможна взаимозаменяемость нападающих и хавбеков, но она должна диктоваться развитием игрового сюжета. При этой системе действий в завершающей стадии наступления открываются широкие возможности для скоротечного паса и обводки у всех четырех хоккеистов. Это усиливает мощь атаки. Как показала практика, у соперника неизбежны трудности при обороне ворот. Ведь непросто, согласитесь, уследить за одновременным маневром сразу четырех игроков. Тем более если они быстро передают шайбу друг другу и способны в любое мгновение обыграть защитника за счет высокого индивидуального мастерства.

Само собой разумеется, что при такой системе игры оборона должна начинаться там, где потеряна шайба. Варианты защиты могут быть любые. И борьба за немедленный возврат шайбы. И постепенный отход назад при непрекращающейся борьбе за нее. И попытка применением различных видов прессинга лишить соперников возможности совершать передачи.

При переходе звена от атаки к обороне два подвижных хавбека исполняют партию первых скрипок. Они помогают нападающим вести единоборство, перекрывая пути возможного паса соперника. Вероятен и спаренный отбор шайбы. Заметив, что нападающий проигрывает единоборство, хавбек может мгновенно переключиться на опеку ближайшего игрока. Соперник, овладевший шайбой, теряет свободу выбора: контратаку он может развивать, лишь действуя индивидуально, что чревато опасностью.

Хавбек – фигура в звене заметная. Это, можно сказать, его «моторное отделение». Выполняя скоростные и объемные маневры, хавбек должен быть и блестящим диспетчером. Совершенно необходима в его арсенале обводка, но – без длиннот, без передержек, с сохранением высокого темпа атаки, постоянной занятости в ней партнеров, особенно нападающих. И, конечно, обязательно для хавбека умение хлестко и скрытно совершить бросок по воротам, особенно с ходу, после короткой изготовки.

Особая статья – приемы отбора шайбы. У хоккеистов этого амплуа следует особо развивать интуицию для перехвата шайбы клюшкой, в том числе и в падении. Что касается приемов

контактного отбора шайбы, то ими хавбеки должны владеть в меру своих игровых склонностей. В звене возможно, например, такое сочетание игроков, когда один из хавбеков более тяготеет к обороне, владея полным арсеналом приемов защиты, а другой особо силен в действиях при развитии атаки.

Вполне очевидно, что на роль хавбека должен приглашаться игрок, не уступающий по сумме качеств классному нападающему. Хавбек – организатор, «мотор» звена, ему необходимо иметь высокий игровой авторитет для того, чтобы умело «командовать» партнерами. Роль эта полна хлопот. Пусть голы забивают нападающие, но объемная созидательная работа должна проводиться хавбеками. И тренеру надо уметь правильно оценивать действия этих хоккеистов. От их мастерства, слаженности игры впрямую зависит потенциал пятерки. Поэтому подбирать и готовить на эту роль следует спортсменов физически сильных, выносливых, обладающих завидными скоростными качествами и быстрым стартом.

Система игры «с двумя хавбеками» в нашем хоккее прошла проверку в два этапа. Первый эксперимент относится к концу 60-х годов – он был проведен с участием хоккеистов средних игровых достоинств. Звено было подобрано из крепких, дружных парней, способных совершать затяжные скоростные маневры. Оно, это звено, на протяжении трех сезонов в составе команды ЦСКА и сборной становилось чемпионом страны, мира и Европы, Олимпийских игр. В его составе играли центральный защитник Олег Зайцев, хавбеки Анатолий Ионов и Игорь Ромишевский, нападающие Евгений Мишаков и Юрий Моисеев. Звено стабильно показывало быстрый, динамичный хоккей, крайне редко проигрывая свои микроматчи. От многих выдающихся хоккеистов и тренеров я слышал разговоры о том, что против этого звена всегда тяжело было играть. Своим высоким темпом они глушили игру соперников.

В то время своего рода ударным кулаком армейской команды было звено Альметова, показывавшее игру мирового уровня. И перед тренировочной двухсторонней игрой один из хоккеистов первой тройки, капитан ЦСКА Константин Локтев, обычно просил, чтобы против его звена действовала «система» – так в команде называли действующих по-новому хоккеистов. Действуя против мощного в атаке и цепкого в обороне звена отважных ребят, наша первая тройка получала на тренировках как бы дополнительную закалку.

Эксперимент прошел успешно, и, готовясь к Олимпийским играм 1972 года в Саппоро, мы решили по тому же подобию скомплектовать звено из более классных игроков. Роль

центрального защитника была поручена Александру Рагулину, хавбеками выступали сменявшие друг друга – в зависимости от условий и особенностей соперника – Владимир Лутченко и Геннадий Цыганков, а также Анатолий Фирсов. Переднюю линию составили Владимир Викулов и Валерий Харламов. Это звено на протяжении всего сезона не проиграло ни единого микроматча, а в Саппоро убедительно переиграло всех своих соперников. Особенно мощно действовало звено при развитии и завершении атаки.

Новая система игры позволяла и хавбекам, и нападающим сполна проявить сильные стороны своего хоккейного дарования и мастерства. Не случайно самым результативным форвардом олимпийского турнира стал Валерий Харламов (16 очков – девять заброшенных шайб и семь голевых передач). Многие журналисты, крупнейшие специалисты хоккея, дали тогда самую высокую оценку и действиям Анатолия Фирсова.

Комментарий Ю. В. Королева

О формировании звеньев Тарасовым

У канадцев в большинстве случаев ударное звено комплектовалось так: звезда и два подносчика снарядов, которые при необходимости отработают в обороне за своего лидера. Схематично – 2 +1. Классические тому примеры – Фил Эспозито и Уэйн Гретцки. Звезды НХЛ являлись кастой неприкасаемых, у них были свои телохранители. Если звезда лиги получала травму и выбывала из строя, падала посещаемость матчей и, значит, доходы клубов.

Формирование звеньев в советской школе строилось совсем на других принципах. Хоккеисты подбирались таким образом, чтобы дополняли друг друга, чтобы была у них взаимозаменяемость, чтобы в этой мини-команде существовала психологическая совместимость. Тройки советской сборной играли так сплоченно и так остро, что те же канадцы терялись, не понимая, кому же из наших форвардов уделять повышенное внимание. К тому же наши звенья разных поколений отличались по стилю: Константин Локтев – Александр Альметов – Венимамин Александров, Евгений Майоров – Вячеслав Старшинов – Борис Майоров, Владимир Викулов – Виктор Полупанов

– Анатолий Фирсов, Борис Михайлов – Владимир Петров – Валерий Харламов…

Тарасов был убежден в том, что не должно быть разделения на пары защитников и атакующие звенья; вся пятерка полевых игроков действует как единое целое – атакует слаженно, слаженно и обороняется. Благодаря этому в хоккейный лексикон вошли термины «коллективный хоккей», «сумма скоростей» и многие другие словосочетания, впервые озвученные на тренировках команды ЦСКА Анатолием Владимировичем Тарасовым.

А теперь позвольте мне рассказать об игре и дать анализ игры этого хоккеиста, выступавшего в ролях левого нападающего и хавбека. Сперва – цифры и факты.

Фирсов Анатолий Васильевич. Родился 1 февраля 1941 года. Заслуженный мастер спорта. С 1958 по 1961 г. выступал за московский «Спартак». С 1961 по 1974 г. – за ЦСКА. Чемпион СССР 1963–1966, 1968, 1970–1973 гг. Трижды – в 1968, 1969 и 1971 гг. – был назван лучшим хоккеистом года в стране.

Чемпион мира 1964–1971 гг. Чемпион Европы 1964–1970 гг. Олимпийский чемпион 1964, 1968, 1972 гг. В 1967, 1968, 1971 гг. был признан лучшим нападающим чемпионатов мира.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени и двумя орденами «Знак Почета».

Говоря об Анатолии Фирсове, прежде всего вспоминаю его улыбку – ясную, открытую, но чуть с тенью лукавства. Она, эта фирсовская улыбка, заражала всех хорошим настроением. Хотя, возможно, соперникам она как раз настроение-то и портила. Мало того, что Фирсов обыгрывал их, улыбаясь. И даже когда соперник, не в силах сдержать нападающего, начинал злиться, выходить из себя и нарушать правила, Фирсов продолжал улыбаться: поди, мол, отдохни… И «отдыхать» приходилось многим, в том числе лучшим хоккеистам зарубежных команд.

Анатолий в совершенстве владел всеми средствами атаки. Вступая в контакт с соперником, непременно финтил, а когда тот «попадался на удочку», следовал скоростной взрыв – и ищи ветра в поле!

Что еще выделяло Анатолия Фирсова даже в относительно небольшой группе выдающихся форвардов отечественного и зарубежного хоккея той поры? Самобытность, неповторимость в исполнении каскадов финтов, скрытных передач и, конечно, бросков – как «коронных», заранее отрепетированных, так и «призванных», продиктованных игровой ситуацией, но неизменно

завершающихся красавцами-голами.

Знаменит был фирсовский бросок-удар. Он никогда, в отличие многих нынешних хоккеистов, не пользовался им слепо. Всё – и вратаря на выкате, и положение партнеров, и манеры соперников – видел и учитывал Анатолий. В зависимости от ситуации он мог сделать паузу перед броском, мог выложить шайбу на крюк партнеру, а итог всегда был один – гол.

Игра Фирсова была совершенна и с трибун казалась настолько простой, что однажды Анатолия даже спросили, сложно ли так играть. На что он в присущем ему стиле ответил: «Просто. Очень просто. Сложно тренироваться, чтобы играть так».

На тренировках, шлифуя старые приемы, изобретая новые, Фирсов дорожил буквально каждой секундой. И многих, особенно молодых, партнеров заражал своим азартом. Впрочем, слово «азарт» не совсем подходит к действиям Фирсова. Правильней будет сказать, что играл он и тренировался неистово.

Бывало, мы, тренеры, пытались сдерживать на тренировках неуемный пыл Анатолия, но все наши поползновения были бесполезны. Часто случалось, что он сам увеличивал сложность предложенных нами упражнений. Ведение шайбы сопровождал прыжками, танцевальными па наподобие нынешней аэробики. Другие хоккеисты ЦСКА, которых трудно было удивить сложными тренировочными упражнениями, во время занятий на Анатолия просто засматривались.

Когда Фирсов пришел в армейскую команду, был он вовсе не атлетом – из-под кожи ребра выпирали. Но атлетические тренировки, в которые он поверил сразу и безоговорочно, быстро дали свои плоды: у спортсмена окрепла мускулатура, увеличилась масса, возросла мощь бросков. Правда, богатырем с виду Анатолий так и не стал, однако редко кому из соперников удавалось выиграть у него единоборства. И дело не только в том, что Фирсов постоянно развивал быстроту, силу, ловкость, он почти до совершенства довел хоккейную смекалку. Достаточно вспомнить его знаменитый прием «конек – клюшка», который по справедливости надо было бы назвать его именем, как это делается, к примеру, в гимнастике.

Буквально с первых же шагов Анатолия Фирсова в хоккее соперники начали уделять ему особое – со всеми вытекающими отсюда последствиями – внимание. Из года в год оно росло. Опека становилась все плотней и назойливей. Как от нее освободиться? И однажды Анатолий попробовал внушить маячившему рядом сопернику, что шайба будто бы сошла у него с крюка. Но стоило опекуну, поверившему в это, пойти на сближение, как Фирсов включил дополнительную скорость и

вместе с шайбой, проделавшей путь от клюшки к коньку и обратно, оказался у него за спиной.

В дальнейшем Анатолий довел этот прием до совершенства. И хотя весь хоккейный мир знал об этом фирсовском «оружии», противодействие ему так и не было найдено.

И еще об одной черте Фирсова-спортсмена стоило бы упомянуть. Бывает, игрок, добившийся признания, начинает позволять себе вольности. Что касается Анатолия, то за двенадцать лет совместной работы я не сделал ему ни единого замечания: ни в связи с опозданием на тренировку – таких случаев попросту не было, – ни тем более с какими-либо нарушениями режима.

В течение долгих лет мастерство Анатолия, его умение биться за победу были просто необходимы и армейской команде, и сборной СССР. И все же как тренер особую ценность такого игрока, как Фирсов, вижу в другом.

В 1961 году 20-летнему Анатолию Фирсову мы доверили место в составе команды ЦСКА. А позже рядом с ним, уже признанным мастером, стали играть семнадцатилетние Владимир Викулов и Виктор Полупанов. Фирсов так умело воздействовал на них, что молодые спортсмены, выдержав и физические нагрузки, и конкуренцию, сумели стать ведущими игроками сначала в клубе ЦСКА, а затем и в сборной страны.

Конечно, лидером, запевалой в звене оставался Анатолий. Но рядом с ним буквально на глазах рос тонкий тактик Викулов, быстро прогрессировал бомбардир Полупанов. С кем бы ни приходилось играть Фирсову, мастерство его партнеров начинало проявляться невиданными прежде гранями.

Десять лет Анатолий прекрасно выступал на левом крыле атаки, но когда тренеры предложили ему попробовать себя в новой для него (и для хоккея в целом) роли хавбека, он согласился сразу же, без колебаний. Согласился, хотя очевидно было, что придется в корне перестраиваться, занимаясь главным образом организацией атак, созданием благоприятных условий для передних нападающих – Владимира Викулова и Валерия Харламова. Эту принципиально новую в практике мирового хоккея роль Анатолий Фирсов сыграл отлично.

Не припомню, чтобы какой-либо другой хоккеист за 10–12 лет выступлений проявил себя столь многогранно, как Анатолий, чтобы кто-то еще способствовал становлению такой плеяды ярких спортсменов, нескольких выдающихся звеньев.

Новую для себя роль Анатолий начал осваивать, когда ему уже было за тридцать. Не скрою, заинтересовать его было поначалу нелегко. Но мне удалось убедить Анатолия в том, что в

новом амплуа он будет чувствовать себя свободнее от опеки защитников противоборствующих команд, которые, подобно ястребам, вели постоянную охоту за ним. К тому же Фирсову давно хотелось играть в одной компании с Валерием Харламовым. Это желание, кстати, было обоюдным. Надеюсь, понятно почему.

Когда в одном звене выступают, тренируются вместе два незаурядных хоккеиста, в одном боевом расчете сражаясь с соперниками, то при этом возникает и немало сложностей. Важно, чтобы выдающиеся игроки, ведя свои сольные партии, не мешали друг другу, а дополняли один другого, полностью раскрывая свои возможности. Но, создавая новое ударное звено, мы, тренеры, были уверены в том, что такое хоккейное содружество будет способствовать росту мастерства хоккеистов, поскольку это люди доброжелательные, уважительно относящиеся к хоккейному авторитету и спортивной индивидуальности партнеров.

Говорю здесь о нравственных категориях вовсе не случайно. Сколько раз тренеры при создании новых звеньев терпели неудачу только потому, что они никак не учитывались. А ведь совместимость характеров спортсменов, выступающих «в одной упряжке», может сыграть решающую роль. Если хоккеисты на протяжении целого ряда лет с удовольствием вместе тренируются, играют, чувствуя локоть друг друга, это звено долговечно, успех его, можно сказать, обеспечен. Но если один из пяти спортсменов эгоист и тренер не желает этого замечать – пиши пропало. Ничего путного из такого «содружества» тренеру создать не удастся.

Пишу обо всем этом подробно не только для того, чтобы воздать должное Анатолию Фирсову. Пользуясь случаем, хотел бы поклониться в пояс всем хоккеистам, помогающим тренерам в их нелегкой работе. Создать, воспитать незаурядного игрока одному тренеру, будь он хоть семи пядей во лбу, – убежден в этом – не под силу. Стараниями наставника, тренерскими руками можно «слепить», пожалуй, игрока-середняка, в одиночку скомпоновать команду невысокого уровня. А вот выпестовать хоккейную личность, игрока-гиганта, создать классную команду без участия и помощи самих хоккеистов, подобных Фирсову, пустая затея. Ни умения, ни терпения не хватит. Лишь совместный творческий труд приведет к желанной цели.

Начал я рассказ об Анатолии Фирсове с упоминания о его улыбке. Хочу улыбкой и завершить его. Событие, о котором вспоминаю, поначалу, правда, развивалось так, что не до улыбок было. Решающий матч советских хоккеистов против канадской

команды на чемпионате мира 1967 года в Вене складывался для нас трудно. Счет был 0:1, и наши нападающие ничего не могли поделать – прекрасно играл в воротах голкипер канадской команды Сет Мартин.

В одном из эпизодов Фирсов, как мы говорим, заигрался, не сменился вовремя и, слегка понурый, подкатил к борту, готовый перемахнуть через него и выслушать от тренеров внушение за проявленную недисциплинированность. Но тут перед ним оказалась шайба, и Анатолий не глядя бросил ее верхом в сторону ворот канадцев. И спустя пару секунд… оказался в объятиях товарищей. Защитник канадской команды Боунэсс, пытаясь задержать летящую шайбу, сделал это настолько неудачно, что она, изменив направление, скользнула по плечу не ожидавшего такого поворота событий Сета Мартина и оказалась в воротах.

Мы победили, стали чемпионами, и на заключительной пресс-конференции, естественно, Фирсову был задан вопрос, как это ему удалось с 35 метров забросить решающую шайбу опытнейшему вратарю канадцев. Анатолий, глазом не моргнув, ответил: «Заметил, что Мартин расслабился, что открыт верхний угол, вот и бросил туда шайбу…» Сказал и улыбнулся с хитроватым прищуром глаз: почему бы, мол, и не пошутить, отвечая на не вполне серьезный вопрос? Глянул я на журналистов – вижу, поверили, торопливо пишут что-то в блокнотах. И решил тогда легенду не разрушать. А теперь она, пожалуй, ни к чему: ведь Анатолий Фирсов своей игрой немало подлинных хоккейных легенд создал. Как, впрочем, и многие другие нападающие, принадлежащие к разным поколениям советских хоккеистов.

Кумиры публики

Верю в атаку. Вечно будет она опережать оборону в изобретательности, выдумке, инициативе, смелости, риске. Оборона создана лишь вторить, отвечать атаке на новизну ее выпадов, принимать против них контрмеры.

Не случайно говорят о волшебстве атаки. Волшебство – сверхъестественное, чарующее действие. Игрок, конечно, не циркач. Но должен быть немного магом, чтобы обыгрывать соперника и побеждать его. Таким кудесником игры хочется видеть нападающего завтрашнего дня. Он впитает, конечно, достоинства сегодняшних игроков: скорость, искусство обводки, передач, умение поражать цель. Но характер действий, способы решения игровых задач будут у таких нападающих еще менее предсказуемы. Главной задачей тренера станет развитие фантазии игрока. Такой хоккеист всегда будет загадкой для соперника.

Из нападающих последних лет, пожалуй, более других опередили время советские хоккеисты Валерий Харламов, Владимир Крутов, канадцы Ги Лафлёр и Марио Лемье.

Харламов Валерий Борисович. 1948–1981. Заслуженный мастер спорта. В 1967–1981 гг. играл в ЦСКА. Чемпион СССР 1968, 1970–1973, 1975, 1977–1981 гг. Лучший хоккеист сезонов 1971/72 гг. (вместе с А. Мальцевым) и 1972/73 гг. Чемпион мира 1969–1971, 1973–1975, 1978, 1979 гг. Чемпион Европы 1969, 1970, 1973–1975, 1978, 1979 гг. Олимпийский чемпион 1972, 1976 гг. Признан лучшим нападающим чемпионата мира 1976 года.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени (дважды), орденом «Знак Почета».

Завоевав «все золото» мира, Валерий Харламов никогда, подчеркиваю, никогда не выглядел этаким старателем на россыпях спортивной удачи. За победу он сражался, как говорится, не на живот, а на смерть. И когда под сводами спортивных дворцов звучал наш советский гимн, Валерий всегда был очень горд. Не столько своим вкладом в успех, сколько тем, что на самом высоком флагштоке алеет советский флаг. Чувство патриотизма было свойственно Валерию Харламову в самой чистой и высокой степени.

Одареннейшим человеком был Валерий. Убежден, займись он в юности всерьез футболом, и в этой игре был бы на первых ролях. А как он танцевал! Помню, во время традиционных для армейских хоккеистов праздничных вечеров по случаю окончания

сезона, когда в танцевальный круг со своей дамой входил Валерий, сразу в тень попадали такие признанные танцоры, как Анатолий Фирсов, Владимир Викулов. Валерий был настолько пластичен, изобретателен, так совершенно владел своим телом, настолько тонко понимая партнершу, что после танца всякий раз раздавались аплодисменты. Подобного в нашем почти семейном армейском кругу мне не доводилось встречать ни до, ни после.

Да, безусловно, Валерий был талантлив во многих сферах деятельности. Но создан-то он был все же для хоккея, для этой скоростной, хитроумной, боевой игры настоящих мужчин. И какие бы хоккейные звезды ни окружали Валерия – и в стане соперников, и среди партнеров по команде, – он оставался сильнейшим среди сильнейших, первым среди лучших.

До необычайной степени совершенства довел Валерий свою власть над тремя хоккейными скоростями – скоростью взрывного маневра на площадке, скоростью действий клюшкой, мгновенной реакцией на изменение игровой ситуации и наконец, скоростью мысли, не уступающей, полагаю, самым современным компьютерам. Каждой из трех скоростей владеют многие классные форварды. Но в сочетании, в сумме наиболее гармонично ими владел лишь Валерий Харламов.

Власть над тремя скоростями помогла Валерию применять такую обводку, которую с полным правом можно назвать легендарной: не одного – нескольких соперников обходил он раз за разом, в том числе признанных асов силовых единоборств. Харламова не мог остановить никто – даже с помощью откровенной грубости. Знаменитый Бобби Кларк, настойчиво охотившийся за Валерием во время первой серии матчей сборной СССР со звездами НХЛ в 1972 году, позже писал: «Я проникся таким уважением к этому великому форварду русской команды, что стыжусь тех минут, когда доставлял ему боль. Но другими средствами остановить Харламова мы были просто не в состоянии…»

К сожалению, иные хоккеисты, чья одаренность не достигает и половины таланта Валерия, мнят себя порой чуть ли не «пупом» Вселенной, требуя особого к себе отношения, особых условий, глядя на партнеров лишь как на «подносчиков патронов». И потому здесь хотелось бы вспомнить о том, как чуждо было все это Валерию Харламову. Вот уж кто ничего не требовал для себя. Вот кто умел искренне радоваться удаче товарища! И не просто радоваться – помогать рождению этой удачи!

Ради этого Харламов лез в самое пекло игры. Вынуждал соперника в страхе за безопасность своих ворот бросаться на него вдвоем, освобождая тем самым от опеки партнеров. Вот тут-то

Валерий скрытным броском переправлял шайбу товарищу по команде, занявшему выгодную позицию вблизи ворот. И первым поздравлял его с успехом.

Выше интересов команды для Валерия не существовало ничего. И когда в канун Белой Олимпиады в Саппоро мы, тренеры, попросили Харламова расстаться на время с друзьями – партнерами по звену Борисом Михайловым и Владимиром Петровым, понимавшими его с полуслова, ради того, чтобы сыграть в новой «микрокоманде», действующей по принципиально новой тактической схеме, он спорить не стал. И, придя в новое звено, сумел заразить своей неуемной энергией, неиссякаемым оптимизмом и Александра Рагулина, и Анатолия Фирсова, и Геннадия Цыганкова, игроков, к тому времени уже знаменитых. И все они, как и Владимир Викулов, расцвет игры которого пришелся как раз на тот сезон, когда он выступал рядом с Валерием, были благодарны судьбе за то, что свела она их в одно звено с таким хоккеистом, как Харламов.

Должен сказать, что талант Валерия раскрылся для нас не сразу. Даже в молодежной команде ЦСКА, где он, хоть и выделялся своеобразием действий, лучшим все же не был – некоторые из его партнеров казались более многообещающими и перспективными. И когда пришла пора решать, определять судьбу юного дарования, его не сразу приняли в коллектив ЦСКА. Тогда нами, тренерами, было принято рискованное, но, как оказалось впоследствии, оправданное решение. Чтобы Валерий мог развить в себе игровую самостоятельность, усовершенствовать обводку, разучить новые финты, опробовав их на реальных соперниках, ему было предложено поиграть сезон в одной из армейских команд среднего класса – из города Чебаркуля.

Разумеется, отправив туда юного спортсмена, я изрядно волновался, хотя и знал, что попал Харламов в хорошие руки – тренировал тогда чебаркульскую команду хороший специалист, справедливый человек Владимир Альфер. Периодически мне сообщали, как у Валерия идут дела в новой для него, взрослой компании: замечаний нет… играет самоотверженно… прибавляет в мастерстве. (В скобках скажу, что мною был составлен для Валерия индивидуальный план подготовки.)

Приходили из Чебаркуля и такие вести: стадион городка, вмещающий восемь тысяч зрителей, во время матчей всегда переполнен – публика валит «на Харламова». И вскоре мы поняли, что Валерий созрел и для ЦСКА, что не потеряется он в компании хоккейных знаменитостей. Чуть позже воплотился в жизнь замысел создания принципиально нового по распределению игровых обязанностей звена форвардов. Родилась тройка, в

которую вошли основные игроки армейской команды – Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов.

Великая тройка!

Комментарий Ю. В. Королева

Об анализе Тарасовым статистических данных

Хоккей – игра сложная, динамичная, многоплановая. По мере развития нашего вида спорта возрастали и требования к аналитическому подходу со стороны тренеров. Только визуальных впечатлений от матча уже явно не хватало, их следовало подкреплять объективными данными, которые выражались бы количественными показателями, то есть цифрами.

Но здесь таилась опасность передовериться арифметическим выкладкам, игнорируя игровые тонкости.

После первого турне сборной Советского Союза в Канаду в 1957 году Тарасов вернулся с огромным багажом впечатлений, в том числе прихватил с собой протоколы матчей, которые появлялись вскоре после финальной сирены в пресс-центре ледовой арены. Каких только не было там показателей – у нас глаза разбегались от их обилия! Однако в те годы наши возможности не позволяли получать столь объемный массив игровой арифметики. Как могли старались наверстывать это отставание.

Анатолий Владимирович – аналитик от Бога!

Мы с ним искали те самые количественные параметры, которые помогут проанализировать игровые действия хоккеистов. Искали, пробовали, ошибались и в конце концов находили то, что улучшало качественные характеристики.

Тарасов называл подобные наши пробы «педагогическими наблюдениями».

Он попросил меня посчитать количество бросков за матч у форвардов первого звена ЦСКА и сборной Михайлов – Петров – Харламов. Собранная информация озадачила – Петров крайне редко сам угрожал воротам. На разборе игры Тарасов обратился к нему:

– Ну что, Володя, совсем нет у тебя бросков. Это не

годится!..

После окончания разбора вчерашнего матча Петров решительно подошел ко мне:

– Василич, ты что там понаписал?!

– Я ж не с потолка цифры взял. Мало, очень мало бросаешь по воротам.

– Ладно, учту.

После следующей игры он, едва выйдя из раздевалки, поспешил ко мне:

– Ну что, Василич, теперь-то статистика у меня нормальная?

– Да. Шесть бросков. Но…

– Какие еще «но»?!

– Так бросал ты сегодня от синей линии, и при этом никто их вратарю помехи не создавал. Неподготовленными, считай, были твои броски…

Возникали резонные вопросы: можно ли оценивать эффективность действий нападающего по тому, сколько он «стрелял» по воротам? Как считать сами броски, если они различаются по степени опасности для голкипера соперников?

В ходе таких поисков мы с Анатолием Владимировичем обсуждали, спорили и приходили к общему мнению.

Тогда он предложил: «Давай с тобой будем считать, сколько звено произвело бросков, сколько забило и сколько пропустило».

В итоге мы отказались от подсчета индивидуальных бросков, потому что такая информация искажала реальную картину игры и снижала качество тренерского анализа проведенного матча. А еще мы пришли к выводу: на первом месте сама игра, а только потом обсуждаются разнообразные математические показатели.

А что я вижу сегодня в хоккейной аналитике? Форвард бросил дважды и отличился один раз: следует вывод о том, что у него результативность – 50 %! Фантастика! Телекомментаторы взахлеб расхваливают его, причисляя к мастерам высочайшего класса. А что его звено ни разу не реализовало большинство, что оно с треском проиграло свой микроматч, а что у него самого отрицательный показатель полезности «плюс-минус» – все эти важные игровые показатели не берутся в расчет. А разве не важен момент, когда игрок отличился: забросил решающую шайбу или довел победный счет до

разгромного?

Само по себе количество «выстрелов» ничего не значит. Количество, помноженное на качество, – вот это уже совсем другая аналитика. А ради показухи, ради создания иллюзии своей активности и нацеленности на ворота сегодня многие, откровенно говоря, швыряют шайбу в направлении голкипера, набирая якобы хорошую статистику.

Тарасов пустые, ничем не подкрепленные рассуждения не воспринимал. Процесс его исследования хоккея никогда не прекращался. На достигнутом не успокаивался и не позволял этого своим помощникам и своим игрокам.

Этот выдающийся специалист во многом опередил время.

В 1976 году казалось, что Валерий расстанется с хоккеем: после первой автокатастрофы, окончившейся для него переломами ног и ребер, он начал прихрамывать. И хотя Харламов с чудовищным упорством возвращал себя в хоккей – он был поистине жесток к себе, дорожил каждой минутой тренировок, – он никак не мог обрести психологическую уверенность в сложных игровых ситуациях. Несколько дней ломал я голову над разрешением этой проблемы и предложил Валерию дополнительно к тренировкам играть в компании 10–15-летних ребятишек, причем так, чтобы одному действовать против многих. Ребятам мы ничего не сообщили о цели эксперимента, иначе тренировка могла превратиться в игру в поддавки.

Временами мне казалось, что такую дьявольскую нагрузку выдержать невозможно. Но Валерий выдюжил и в результате вновь обрел веру в себя, стал прежним Харламовым, таким, каким привыкли видеть его в хоккейных сражениях миллионы любителей спорта.

Но, увы, какой-то автомобильный рок преследовал его. Вновь катастрофа. 27 августа 1981 года Харламова не стало.

Валерий Харламов не сознавал своего величия. Вернее, не хотел сознавать. Ничем не желал выделяться среди товарищей-партнеров, даже от капитанской повязки (а мы, тренеры и игроки, предлагали ее Валерию не раз) отказывался, предпочитая оставаться, как говорят психологи, «неформальным лидером». Говоря о будущем, о том времени, когда придется завершить спортивную карьеру, мечтал о работе с мальчишками. Именно с мальчишками, а не с мастерами хоккея, хотя последнее считается куда престижней.

Но престижность Валерия никогда не волновала. И в ситуациях, когда иные игроки раздувают щеки, Харламов всегда оставался самим собой.

Мне рассказывали, что однажды, когда после очередной победы сборной СССР на чемпионате мира и Европы один из известнейших наших игроков в грубой форме отказал в интервью кому-то из журналистов, Валерий, узнав об этом, возмутился:

– Да вы что, ребята? Ему (то есть журналисту. – *А. Т.*) надо дело делать… Что за барские замашки?

Обо всем этом, к сожалению, приходится говорить в прошедшем времени. Однако я, человек, близко знавший Валерия Харламова на протяжении почти двух десятилетий, не могу не подчеркнуть еще раз, что талант его как хоккеиста, высокие человеческие качества Валерия – честность, принципиальность, порядочность – навсегда останутся образцом подражания для молодых хоккеистов.

А теперь – о Владимире Крутове.

Крутов Владимир Евгеньевич. Родился 1 июня 1960 года[5]. Заслуженный мастер спорта. В ЦСКА играет с 1977 г. Чемпион СССР 1979–1989 гг. Чемпион мира 1981–1983, 1986 гг. Чемпион Европы 1981–1983, 1985, 1986 и 1989 гг. Олимпийский чемпион 1984, 1988 гг. Лучший нападающий чемпионатов мира 1986 и 1987 гг.

Награжден орденами Дружбы народов, Трудового Красного Знамени.

Люблю Владимира Крутова, форварда неповторимого, неистощимого на выдумки в игре! И еще люблю его за терпение и за выразительный взгляд.

Никогда и никому он не жалуется, хотя синяков и шишек получает, пожалуй, больше нормы. Но о переживаниях, горестных или радостных, красноречивей слов расскажут глаза Владимира. Они расскажут вам и о том, что несправедлив судья, и о том, что здорово досталось нападающему от соперника, и о том, что хорошо ему взаимодействовать с такими партнерами по атаке, как Игорь Ларионов и Сергей Макаров. Рыцарство, прямоту и честность суждений – все это может прочесть каждый в этом очень человечном взгляде.

Редкостный талант – так говорят теперь все без исключения о форварде армейского клуба и сборной СССР. Приходилось мне подробно беседовать о нем и с теми тренерами, что помнят Володю в возрасте, когда выступал он еще за детские команды. И все отмечают его трудолюбие, искренность, стремление всегда прийти на помощь товарищу. Таким остается Владимир и сегодня. Он никогда не позволит себе, в отличие от некоторых

других спортсменов, не имеющих и половины хоккейных заслуг Владимира, глядеть на партнеров свысока.

…Решающий матч советской сборной с командой Швеции – своего рода финал московского чемпионата мира 1986 года. Вижу, новобранец нашей команды Юрий Хмылев, отыграв смену, норовит сесть на скамейке рядом с Крутовым. Сел, спросил о чем-то и столь внимательно слушает, что так и хочется узнать, какие же советы дает новичку опытный форвард. Небольшой штрих, но именно из таких крупиц и собирается, создается единство, монолит команды, где дружно, плечом к плечу выступают не обстрелянные в боях новобранцы и ветераны, спортсмены из армейских, динамовских, профсоюзных клубов.

Когда кто-либо из тренеров заявляет, что он, мол, лично воспитал такого-то выдающегося игрока, я ему, простите, не верю. Конечно, тренер – начало всех начал в спорте. Но воспитание игрока – не только обучение хоккейным приемам и премудростям. Это воспитание личности, человека грамотного во всех отношениях, сильного духом, дисциплинированного, хорошего товарища, коллективиста. А подобное тренеру осилить одному не под силу.

Такого спортсмена может воспитать лишь коллектив спортивных единомышленников, руководителей. Велика в этом, естественно, твердая воля тренера. Но без помощи опытных игроков, ветеранов команды ему не обойтись. Вот почему, еще раз подчеркиваю, эта роль – свойство характера Владимира Крутова, роднящее его с такими хоккеистами прошлых лет, как, например, Анатолий Фирсов. Его внимание к молодым игрокам, стремление помочь им обрести мастерство, стать на ноги проявлялось всегда и везде.

В пору хоккейного предсезонья слушатели Высшей школы тренеров обычно проходят стажировку в лучших клубах страны. Один из будущих наставников делился со мной впечатлением о том, как готовится к матчам хоккейного чемпионата Владимир Крутов: «Тренируется истово, удивительно умело. Почти всегда молчит. Никаких жалоб на неудобства или трудности. Полная сосредоточенность на том, чем занят в эту минуту. Не переносит лишь одного: если кто-либо из молодых игроков «филонит». В этом случае бывает очень сердит».

Такое строгое, но благожелательное отношение к молодым хоккеистам для Владимира не случайность. Вот что он рассказывал мне однажды: «Всю жизнь буду помнить, как приходил на наши ребячьи тренировки в хоккейной школе ЦСКА Анатолий Фирсов. Подолгу наблюдал, как мы занимаемся, советы давал. Благодарен и Владимиру Викулову, рядом с которым

посчастливилось сыграть несколько матчей. Это был такой «технарь» – позавидуешь! И нас учил шайбу укрощать. Говорил бывало: «Ты что на нее уставился? Потерять боишься? А ну, подними голову!». С тех пор я играю всегда с поднятой головой».

Мы, тренеры, постоянно требуем от хоккеистов рациональности действий, и с этой точки зрения игру Владимира Крутова можно принять за эталон. Присмотритесь, как расчетливо, как бы вовсе без всякого контроля, ведет Владимир шайбу, как рациональны его действия, как опережает он соперников и в принятии решений, и в их исполнении.

Вот Крутов сближается с защитником. Не глядя на шайбу, он словно невзначай отпускает ее вперед. Соперник в смятении: вроде бы форвард делает ему подарок, достаточно протянуть клюшку – и Крутов без шайбы. Но стоит сопернику попытаться завладеть ею, как форвард преображается и, выполнив замысловатый маневр и прибавив скорость, оставляет соперника ни с чем. Тому остается либо смотреть Владимиру в спину, либо применять запрещенный прием. И среди хоккеистов, опекающих Владимира Крутова, немало таких, кто избирает именно второй вариант.

Кому приятны толчки, удары, причиняющие боль? Не проще ли избегать столкновений? Однако Крутов во имя интересов команды терпит все. Более того, сам вызывает соперника «на контакт». Не желая уклоняться от борьбы, идет на соперника, не оставляя ему времени на размышление, на выбор позиций. И хотя цепляют его защитники клюшкой, стремясь задержать крюком, руками, причинить форварду боль, Владимир, как правило, не обращает внимания на эти некорректные приемы. Ни на мгновение не задерживаясь на месте, он делает свое дело, создает помехи вратарю, подправляет летящие в ворота шайбы, вызывая огонь на себя, скрытными передачами выводит своих партнеров на ударные позиции.

Многие форварды, не желая вступать в столкновения у бортов, попросту отделываются от шайбы, посылая ее без адреса вперед. Крутов никогда не позволит себе подобного. Как бы агрессивен и жесток ни был соперник, Владимир вступает в борьбу и в случае необходимости отдает пас лишь тому партнеру, чей маневр и намерения для него очевидны. Эти выверенные передачи Крутова позволяют звену успешно развивать и завершать атаки.

Знаю: форвард физически крепкий, подвижный всегда способен ставить перед соперником трудные задачи. Однако куда сложнее действовать обороняющимся, если эти качества нападающего подкреплены выдумкой, фантазией, филигранной

техникой. А ведь именно таков Владимир Крутов, хоккеист, неистощимый на выдумку. Не случайно многие наши юные хоккеисты стремятся подражать именно ему. И, с моей точки зрения, правильно делают.

…Пожалуй, впервые высказываю свое суждение об игроке, не разглядев его сквозь призму тренировок – а только так можно близко с ним познакомиться, наблюдая за его действиями во время матча со стороны. Поэтому, возможно, говоря о Марио Лемье, я в каких-то деталях буду неточен, за что заранее прошу у читателя извинения.

Когда видишь этого хоккеиста в деле, то, прежде всего, в глаза бросается его огромная физическая мощь. С трудом веришь в то, что такой высокий и кажущийся тяжелым спортсмен способен так ловко и быстро владеть шайбой, так легко и умело маневрировать по полю и, что самое поразительное, с некоторым изяществом вести единоборства. Обычно такие рослые, с могучим торсом хоккеисты действуют в игре упрощенно, полагаясь лишь на свою недюжинную силу. А у Лемье это достоинство проявляется по-другому.

Вот он легко, игриво маневрируя, ведет шайбу по левому флангу. Взгляд не на шайбе, он косо устремлен через плечо вправо, что уже говорит о хорошей выучке игрока, о его высокой ориентировке, стремлении постоянно видеть и оценивать игровую обстановку. Цепко ведя шайбу, вступая в единоборство, он не теряет нити, соединяющей его с партнерами. Это качество считаю бесценным для современного игрока.

Казалось бы, атлетические качества, избыток силы, быстрота, выносливость дают ему право действовать напролом, так, чтобы его побаивался соперник. А он избрал для себя иное тактическое и психологическое кредо. Никого ничем не пугает, ни на кого не замахивается. Ведет свою партию тактически удивительно рационально, осмысленно. А силой своей пользуется не напоказ, лишь вступив в контакт с соперником.

Мне нравится открытая, бесхитростная улыбка на его лице. Такие лица любит публика, особенно женская ее половина. Но притягивает этот хоккеист всеобщее внимание, словно магнитом, своим высочайшим мастерством.

Лемье обратил на себя внимание сравнительно недавно. И каждый год в его игре появляются штрихи новизны. Поначалу он выглядел лишь как индивидуально сильный игрок. А сегодня это и очень способный организатор на хоккейном поле. Он владеет скрытным и очень удобным для партнера пасом и, что важно, играет на партнера с удовольствием. Таких хоккеистов в НХЛ, кстати, немного. Они, уверен, на вес золота, и цена им у тренеров

особая.

Истинная мудрость всегда проста. Это утверждение можно отнести и к игре Лемье. Его техника внешне проста, незамысловата. Но она удивительно экономна, рациональна, редкостно гармонирует со всем обликом спортсмена. Все его движения, действия клюшкой до того естественны, что, убежден, тот, кто обучал Марио хоккею, ни на йоту не нарушил подаренного парню природой. А как такая непринужденность, естественность движений ласкает глаз!

Он, как глыба, твердо стоит на ногах. Это, конечно, особенность профессионала. В нашем хоккее таких устойчивых игроков, пожалуй, нет. Редко-редко Марио оказывается на льду. В чем его секрет? Понимаю, что тут действует навык, привычка, что играют свою роль и солидный вес, и катание на широко расставленных ногах, и мощные бедра, помогающие хоккеисту «выжимать» скорость, не отрывая коньков ото льда. Но всего этого, пожалуй, маловато для того, чтобы сохранить равновесие в жестких столкновениях во время матчей чемпионатов НХЛ, где соперники знают друг друга до ребрышек. Устоять в этих матчах на льду ой как непросто!

Бывает, что игроки проявляют свою силу открыто. Перевидал таких спортсменов на своем долгом веку превеликое множество. И лишь единицы, подобно Марио Лемье (или Сергею Макарову), распоряжаются своей силой разумно. Зачем демонстрировать силу, когда нужно и ненужно? Лучше в подходящий момент, когда этого требуют условия поединка, неожиданно для соперника пустить ее в ход. Вот Марио, маневрируя с шайбой и видя, что с ним сблизился соперник и готовится нанести ему удар плечом, либо позволяет ему осуществить свой замысел, приняв лишь меры для сохранения шайбы, либо опережает соперника и сам встречает его ударом плеча или задней частью бедра. Причем делает это как бы между прочим, ни на секунду не отрываясь от главного – от игры.

Мне не хочется ошибиться, утверждая, что Марио Лемье, как и наш хоккеист Владимир Крутов, игрок не драчливый. Мне так хочется, чтобы еще один выдающийся (вслед за Гретцки) спортсмен канадского хоккея был именно таким. Истинным асам драки, я верю, претят. Они им противопоказаны. Драки никак не прибавят им мастерства.

И еще об одном достоинстве этого хоккеиста. Тренеры доверяют ему выступать в разных звеньях. И он уверенно чувствует себя в компании с разными по манере и классу игры партнерами. Такая восприимчивость свидетельствует о проникновении спортсмена в суть игры, творческом к ней

отношении, умении перестраиваться под воздействием обстоятельств.

Намеренно не упоминаю о блестяще отработанном завершающем броске-ударе Лемье по цели. Особенно выполняемом с правой стороны – все это видит зритель в каждом матче с его участием. Результативность этого форварда настолько высока, что он на равных ведет спор и по числу забитых шайб, и по количеству голевых передач с самим Уэйном Гретцки, порой даже превосходя его.

Глава V
Как побеждать канадских профессионалов

Имею ли я право столь смело назвать эту главу? Возможно, кто-то подумает, что автор не совсем тактичен, бросая вызов канадским профессионалам. Для чего? Будут, мол, матчи, они и рассудят, кто сильнее, какой хоккей прогрессивнее, у кого из соперников быстрее растет мастерство. Однако, надеюсь, никто не заподозрит меня в том, что в чем-то хочу принизить канадский хоккей, недооцениваю его. Нет. Эта книга продиктована огромным уважением к родоначальникам мирового хоккея.

Питаю чувство глубокой благодарности к людям, которые изобрели, создали хоккей, эту, по моему убеждению, самую страстную и увлекательную спортивную игру XX века.

Именно в Канаде эта игра достигла наивысшего расцвета. Без хоккея, как мне представляется, жизнь канадцев была бы не вполне полноценной – настолько глубоко и прочно хоккей вошел в жизненный уклад жителей Страны кленового листа. Хоккей здесь для многих и лучший друг, и лучший досуг. Отнять у канадца любовь к хоккею – значит лишить его того, что ему дорого и близко. Изъять из его жизни частицу счастья.

В Канаде у меня много друзей. Здесь признали меня как тренера, специалиста хоккея, служению которому я посвятил практически всю свою жизнь. Горжусь тем, что работа советского тренера на этом поприще нашла свое отражение в Зале хоккейной славы в городе Торонто.

И разве могу я забыть, что именно канадские друзья протянули мне руку помощи в трудную минуту, что в городе Ванкувере хирург-кудесник доктор Данкен сделал мне сложную операцию на бедре, продлив тем самым жизнь. Никогда не забуду, как заботливо опекали меня после операции, денно и нощно дежуря у моей постели, канадские друзья, вселявшие в меня уверенность в том, что я встану на ноги и смогу еще послужить, принести пользу хоккею. Такое не забывается.

Но прежде, чем вы начнете читать эту главу, хочу еще раз напомнить о жизненном кредо автора. Не привык к обтекаемым фразам и выражениям, не приучен хитрить – говорить одно, а поступать по-иному. И очень рад, что мой характер пришел, наконец, в соответствие с духом времени – гласностью, открытостью. А потому, уважаемый читатель, считаю, что имею

моральное право назвать эту главу так, как назвал. И вот почему.

В начале 70-х годов я был приглашен на две недели в город Ванкувер. В Москве я знал лишь то, что лечу на симпозиум тренеров. А с темами для обсуждения познакомился по прибытии на место. Одна из них звучала так: «Как победить русских?»

Это меня озадачило. Как поступить? Протестовать? Я – гость. Меня хорошо приняли, внимательно отнеслись ко всем моим нуждам. Протестовать как-то неловко. Смолчать? Значит, показать нашу слабость. Схитрить, слукавить? Не в моем это характере. Кривить душой считаю хуже воровства. Что ж, выход один: принять вызов, активно участвовать в споре, стать адвокатом советского хоккея, попытаться убедительно доказать – хотя бы словесными аргументами, – что не слабей он канадского профессионального.

Симпозиум удался на славу. Активность, откровенные выступления тренеров сделали его для всех полезным. Этому, конечно, способствовало умение организаторов тактично и разумно подобрать выступающих. Руководил симпозиумом большой знаток хоккея – заведующий кафедрой Ванкуверского университета Боб Хайдмаршал.

Он, к примеру, сумел пригласить в качестве докладчика по теме совершенствования атлетизма спортсменов одного из крупнейших специалистов, готовивших американских космонавтов к полетам. И хоть советы давались в общей форме, не применительно к хоккею, тренеры слушали доклад, затаив дыхание, постоянно писали что-то в своих блокнотах. Особый интерес вызвали тренажеры для космонавтов. Занимаясь на них ежедневно, исследователи космоса пробуждали к активной деятельности так называемые «спящие» – глубокие мышцы ног и туловища.

Спор вокруг «победы над русскими», как и ожидалось, вызвал особые страсти. Основное сообщение сделал тренер-священник – патер Бауэр. Он дал высокую оценку советскому хоккею, нашей сборной. Он предупредил тренеров профессиональных клубов, что легких побед у них не будет. И хотя он всячески подчеркивал этот тезис, иллюстрируя его примерами из встреч с советскими хоккеистами спортсменов любительской сборной Канады, мне показалось, что коллеги слушали его из вежливости. Мало кто вел конспекты, тренеры то и дело переговаривались между собой на посторонние темы.

Позже я узнал, что в Канаде не желают слушать, читать печатные выступления тех тренеров, чьи команды проигрывают зарубежным соперникам, позорят канадский хоккей. А зря. За одного битого двух небитых дают. Часто, очень часто из

поражений куда легче извлечь в спорте пользу. К тому же патер Бауэр – специалист высочайшей квалификации. Среди хоккеистов канадской сборной он пользовался непререкаемым авторитетом. Игроки слушались его беспрекословно.

Лишь однажды на моей памяти эта традиция оказалась нарушенной. Сборная Канады в то время, когда ею руководил патер Бауэр, проводила в раздевалке перед выходом на лед для участия в матчах с советскими хоккеистами своеобразный ритуал, нечто вроде молебна. И вот однажды вратарь Сет Мартин отказался принять в нем участие. И тренер его не наказал. Как ни в чем не бывало включил в состав, и Мартин, как всегда, сыграл блестяще.

Итак, предостережения Бауэра о силе советской сборной на его канадских коллег не произвели особого впечатления. Позже, обмениваясь в кулуарах мнениями со многими тренерами, в том числе профессиональных команд, я ловил на их лицах снисходительную улыбку. Никто из них не желал даже в мыслях допустить, что сыщется в мире соперник, способный хоть чуть противостоять канадским профессионалам.

Но вот настал черед моего выступления. Сейчас, когда пишу эти строки, достал свои записи той поры, просматриваю страницы дневника, разграфленные по давней привычке пополам. Слева перечисляются достоинства канадцев, справа – те средства, которыми их можно локализовать. Выступление решил провести в непринужденной манере. Постарался исключить из тембра голоса всякое подобие металла, при серьезности содержания использовать больше шуток, прибауток, русских присказок. В заключение высказал уверенность в том, что матчи советских хоккеистов и канадских профессионалов принесут радость людям разных стран и, кто бы ни победил, в выигрыше окажется хоккей.

Не удержался, сказал, что неправы те специалисты и журналисты, что заранее пугают нас последствиями этих встреч: русские, мол, не выдержат игры в стиле профессионалов, где возможно все, в том числе и жестокость. Сказал, что эти оракулы, очевидно, не знакомы с особенностями русского характера. Мы за добрые, открытые отношения, за честную игру, но не рекомендовали бы выводить из себя наших игроков – они могут за себя постоять.

Когда произносил все это, проверил реакцию зала. Лишь один старый наш знакомый патер Бауэр согласно кивал. Остальные вежливо аплодировали, отдавая, видимо, дань отваге и запальчивости советского тренера, наивно верящего в то, что русские способны на равных сражаться с профессионалами.

Результаты прошедших матчей советских хоккеистов с

канадскими профессионалами хорошо известны. Они приводятся в книге. А как будут складываться эти встречи в ближайшие годы? В более отдаленном будущем? И для того, чтобы найти ответ на эти вопросы, автор предлагает давно испытанное средство – провести, так сказать, «спектральной анализ» хоккея, подробно поговорив об отдельных его компонентах.

Атлетизм – не только сила

Надо признать, что наши соперники, в том числе и канадские спортсмены, в последние годы здорово преуспели в атлетической подготовке. Особенно возросла скоростная выносливость. Уделяется большое внимание развитию силы и быстроты. Канадские хоккеисты этим самым упрочили свои позиции при ведении силового единоборства. В составах клубов появились игроки скоростные, маневренные. А при составлении национальной сборной именно таким отдается предпочтение.

Рост атлетической готовности канадцев, на мой взгляд, не столько итог того, что усилилось внимание к этому разделу подготовки спортсменов. Просто сказались меры, принятые во имя омоложения канадского профессионального хоккея. Мне нравится, как оперативно и здраво руководители НХЛ извлекают уроки из поражений.

В первых встречах против советских хоккеистов участвовали в основном именитые игроки. Да, у них были популярность и опыт, но возраст многих из них был, увы, критическим. Они уступали нашим спортсменам и в резвости маневра, и в быстроте мышления. Канадские коллеги быстро сделали правильный вывод, стали ориентироваться на игроков молодых и средних по возрасту, зрелых в мастерстве, крепких физически. Давно к тому же известно, что молодой спортсмен быстрее растет как атлет и как мастер-виртуоз, чем игрок в летах. Значит, следует ожидать, что профессиональные хоккеисты всех амплуа будут действовать уверенно при высоком темпе игры на протяжении всех трех периодов, а если понадобится – и в дополнительное время.

Этот вывод делаю и с учетом, конечно же, того обстоятельства, что в канадских клубах уже сегодня есть специальное тренировочное оборудование, которое всегда к услугам и хоккеистов, и тренеров. И если сегодня у канадцев пока не наблюдается особого влечения к упражнениям на этих снарядах, то, думаю, очень скоро отыщутся тренеры-практики и методисты, которые сумеют растолковать спортсменам, какую громадную пользу они могут извлечь из таких занятий. Так что, полагаю, в атлетизме профессиональные игроки могут догнать наших спортсменов.

Как быть? Конечно же, не ждать, когда соперник наступит на пятки.

В жизни случается так, что человек, упорно не развивая заложенные в нем сильные природные качества, постепенно лишается перед другими этого преимущества. Так же и в спорте.

Забвение своих «хоккейных козырей» – недопустимый просчет. Однако, даже совершенствуя свои достоинства, мы, тренеры, осуществляем это устаревшими средствами и методами, хотя в прошлом, возможно, они и приводили к неплохим результатам, но теперь не отвечают условиям современного усложненного хоккея.

Спору нет, занятия по совершенствованию атлетизма игроков на открытых площадках и в зале дали в свое время очень сильный эффект. Особенно много занимались мы атлетизмом перед началом сезона, хотя ведущие команды страны не чурались вести эту нелегкую работу и в условиях плотного календаря. И она должна стать достоянием всех, особенно детских и юношеских команд.

Но вижу путь и качественного улучшения таких тренировок. Он связан с искусством тренера подбирать наиболее полезные упражнения для каждой части урока. И предлагать комплект упражнений не огульно – один на всех, – а каждому игроку. В зависимости от амплуа выписать «особый рецепт» – наиболее нужный и полезный именно ему. И рассчитан «рецепт» должен быть не только на ту роль, что игрок выполняет сегодня, но и на ту, что тренер предложит ему завтра. При этом подобранный тренером букет упражнений должен учитывать особенности двигательных навыков спортсмена, его физические особенности, те из них, что необходимо пестовать, развивать.

Недооценка всех этих обстоятельств дорого обходится нашему хоккею. Маловато появляется индивидуально ярких, не похожих друг на друга и на своих предшественников хоккеистов разных амплуа. Это при нашей-то многомиллионной массовости хоккея! Однако беда в том, что при подъеме с одной возрастной ступени на другую мастерство юного хоккеиста, увы, не растет. Он или «топчется на месте», или даже происходит снижение уровня игры. Этот спад случается как итог потери интереса спортсмена к хоккею, утраты им чувства перспективы. Это очень важный вопрос, далеко, на мой взгляд, выходящий за рамки спорта.

Конечно, не из каждого мальчишки получится истинный мастер. И если тренер, пусть неосознанно, проявит свою незаинтересованность в его спортивной судьбе, это чревато потерей веры, апатией, а то и разочарованием в спортивных занятиях. Более того, парень может озлобиться. Перестать требовательно относиться к себе.

Он, разумеется, не прав. Но разве тренер вправе стоять в стороне? А помочь парню, направить его на путь истинный у тренера подчас не хватает ни времени, ни желания. Он твердо

знает, что о трудах его будут судить по игрокам «с медалями», никто не вспомнит десятки, сотни тех, кого, отлучив от спорта, пустили в большое жизненное плавание «по воле волн».

Итак, проблема спортивная перерастает в социальную. Нашему спорту нужны не только рекорды и чемпионы. Круг спортсменов высокого класса достаточно узок. А остальные? Всем спорт обязан служить стражем здоровья, средством физической и волевой закалки, жизненной активности. И мы, тренеры, просто обязаны быть на высоте этих задач.

Прошло то время, когда мы были хоккейными новичками. Учились у других, в том числе у канадских хоккеистов. Перенимали лучшее, от чего-то отказываясь, вносили коррективы в свою игру. Роли давно поменялись. Советская школа хоккея вышла на ведущие позиции, у нее учатся многие. Канадские тренеры, и не только они, немалыми порциями берут из арсенала нашего хоккея то, что им по нраву.

Не случайно многие наши выдающиеся игроки, опытные тренеры трудятся за рубежом. Это явление пробуждает законную гордость за наш хоккей, который развивается в духе времени.

Но как по-прежнему побеждать, выигрывать стабильно, убедительно? Есть один лишь надежный, испытанный путь – повысить качество учебно-тренировочного процесса. Если все советские клубы будут следовать примеру наших лучших команд – ЦСКА, «Крыльев Советов» и московского «Динамо», – тогда наверняка появятся в нашем хоккее игроки-личности самых разных амплуа.

Выдающийся игрок. Сколько радости он дарит людям! Пользу, что он приносит команде, не измерить ни на весах, ни современной электроникой. Он, хоккейный кудесник, способен принести своему клубу победу над любым соперником. Однако не менее важно то, что рядом с ним, в лучах его славы быстрее «созревают» молодые игроки. Равняясь на звезду, они, не желая отставать, скорее постигают секреты хоккея. И пусть они чуточку завидуют лидеру, в этом чувстве заложен мощный побудительный мотив.

Как только наши тренеры увеличат «косяки» сильных игроков, появится возможность создать сильную конкуренцию в сборных командах разных рангов и возрастов. Каждая из команд, почувствовав надежный тыл, станет выступать уверенней, что обеспечит стабильные успехи советскому хоккею на международных турнирах. Верю в это. Не в какое-то чудо – в труд. В труд объемный и упорный, умелый и радостный.

Но не всегда надежна протоптанная стежка, не вечно чудодейственны старые рецепты. Жизнь, ускоряясь, мчится

вперед. Каким будет хоккей там, за горизонтом? Важно не только представить это, а определить, что необходимо тренерам делать сегодня, чтобы явиться в это будущее не гостями.

Пока разговор об одном (и весьма важном!) компоненте игры – атлетизме, его совершенствовании. Важно, очень важно у игроков всех амплуа развивать то, что служит стартовой площадкой для взлета мастерства. Причем совершенствовать атлетизм желательно круглый год, в тесной сопряженности с развитием техники и тактики. В прошлые годы, когда мы добытые большим трудом физические качества, эту «тяжеловесную руду», переплавляли в металл мастерства, кое-что при этом терялось, пропадало, улетучивалось. Теперь же, при одновременном, комплексном развитии этих компонентов, утечка может быть исключена.

На кафедре хоккея Государственного центрального института физической культуры в Москве были проведены эксперименты, связанные с подходами к решению этой проблемы. О них автор и намерен рассказать.

Говорят, что новое в спорте – это хорошо забытое и усовершенствованное старое. По-видимому, это справедливо. А потому не резон отсылать в архив специальные мощные тренировки по атлетической подготовке на площадках и в залах в период предсезонья. Занятия, подобные им, провести на льду пока очень трудно. Без особого вида тренажеров на льду не выполнишь упражнения, столь же сильные по воздействию на организм спортсмена, помогающие ему развивать одновременно такие качества, как сила, ловкость, быстрота.

Ну, а тренировки на площадках и в залах должны стать выше по качеству. За счет чего? Тренировочный материал должен быть подобран таким образом, чтобы каждое упражнение было максимально приближено к движениям, которые спортсмен совершает во время игры. Выжимает, толкает ли хоккеист штангу, упражняется ли на эспандере, прыгает, бегает ли. Даже в играх в баскетбол, футбол, в других игровых упражнениях должны присутствовать элементы хоккея.

Но возможна и другая форма таких занятий. Представим, что рядом с хоккейной площадкой расположен спортзал. На стенах зала висят трафаретки, а под ними находятся различные снаряды, тренажеры. На трафаретках – набор упражнений для игроков того или иного амплуа. Хоккеист или звено перед занятием на льду добрый час упражняются в зале. Сильный эффект дает чередование занятий на льду и в зале, куда спортсмены по одному или звеньями приходят, не снимая коньков, для того, чтобы выполнить очередную серию упражнений на силу,

ловкость, быстроту.

Разумеется, к таким объемным, разноплановым занятиям приучать спортсменов надо постепенно, предлагая им поначалу выполнять упражнения средней мощности, интенсивности и продолжительности, планомерно увеличивая нагрузку. Разноплановые, разнообразные, сложные тренировки всегда увлекают спортсменов. Верю, такие тренировки станут обычными для нашего хоккея.

Нет ничего хуже, если в тренировках присутствует трафарет, штамп, если изо дня в день тянутся однотипные, похожие, как близнецы, занятия под аккомпанемент формальных замечаний тренеров. Такие тренировки для спортсменов – что касторка для детей. Но мы-то, тренеры, должны знать, что только эмоциональные, лишенные монотонности занятия, трудные, но доставляющие удовольствие спортсменам, способны привести к успеху.

Долгие годы, работая с хоккеистами столичной армейской команды, со сборными страны, я как тренер всегда ставил перед собой задачу: на каждую тренировку приходить с новым конспектом, предлагать спортсменам новые упражнения, к тому же – повышенной сложности. Требовал того же от своих помощников, от тренеров детской хоккейной школы, где занималось свыше четырехсот ребятишек. И со многими из них ссорился, хотя и понимал, что не каждый способен проявить выдумку, фантазию в выборе тренировочных средств. Но твердо убежден, что тренер начинается с умения составить урок, интересно его провести. И желание ребят заниматься не должно угасать ни через день, ни через месяц.

Цель тренировочного урока может быть разной – тактической, технической, он может быть посвящен совершенствованию атлетизма или волевой стойкости. Могут ставиться задачи по подготовке к конкретному матчу с определенным соперником. Или задачи дальнего прицела – стратегические. Никому не позволительно отнять у тренера право на эксперимент, на поиск новых подходов к тренировочным занятиям – одному из главных средств воспитания хоккеиста. Хочу предложить новую форму тренировок на льду, позволяющую одновременно совершенствовать атлетизм и технические приемы, тактическую смекалку и волевую стойкость.

Этот метод тренировки назовем условно точечным. В разных зонах, в разных точках поля игроки совершенствуют контратаку, завершающую стадию наступления, передачи, отбор шайбы, приемы силового единоборства. Но есть еще одна, а могут быть и две точки – для развития атлетизма. Одна может быть

расположена на льду, другая – у борта за калиткой. Тут постелены резиновые коврики, на которых спортсмены, не снимая ботинок с коньками, могут упражняться со штангой, с гирями, «блинами», набивными мячами, гантелями, поясными и кистевыми эспандерами.

Может быть использовано и другое тренировочное оборудование. Особенно полезны «вериги» – утяжеленные пояса наподобие патронташа, в карманы которого вставляются тяжелые свинцовые пластины.

Для детей, к примеру, можно рекомендовать упражнение с использованием старой шины от грузовика. К ней привязывают толстую веревку, на конце которой пояс. Спортсмен надевает его и начинает маневрировать по льду, вести шайбу, совершать прыжки, ускорения, повсюду таская за собой резиновый «прицеп». Это упражнение можно усложнить: в «повозку» садится партнер – он тоже может вести шайбу, раскачиваться из стороны в сторону, всячески затрудняя выполнение задачи товарищу по команде. Эти два хоккеиста – и тот, что в упряжке, и ездовой – могут выполнять передачи то одной, то двумя шайбами. Само собой разумеется, что роли при выполнении этого эмоционального и полезного упражнения могут меняться.

Вернемся, однако, к точечному методу тренировки. Через каждые пять-семь минут группы игроков (пятерки) переходят с одной точки на другую, соседнюю. Хорошо, если и эта минутная пауза чем-либо заполняется. Например, стартами, ускорениями, различными упражнениями с шайбой – индивидуальными, выполняемыми в парах, в составе звена, на коротких или длинных дистанциях. Возможно, тренер решит, что какие-то отрезки хоккеисты должны преодолеть, делая прыжки. Таким образом, звенья совершают три-четыре круга вокруг площадки, и тренер, естественно, рекомендует игрокам разных амплуа конкретные, отвечающие поставленной цели упражнения.

Но вот хоккеисты снова на точках. Выполняя очередное задание, игрок невольно захочет узнать: а чем занимаются соседи? Это поможет ему расширить игровой кругозор. Тренер может одну из точек назвать «нулевой». Здесь каждый хоккеист или звено вольны выполнять упражнения по своему выбору. Это развяжет инициативу спортсменов, даст толчок выдумке.

Каждому уроку, разумеется, предшествует разминка. Она может выполняться и всей командой, и по звеньям. Какие бы я предложил для нее упражнения? Сложную гимнастику, прыжки, ведение шайбы, передачи, имитацию единоборства, игровые упражнения с шайбой с участием хоккеистов звена. Различные виды скоростных ускорений. Для большей остроты эмоций

возможны и упражнения акробатического характера.

Занятие, где параллельно совершенствуются и атлетические качества спортсменов, и технико-тактические навыки, весьма полезно для игроков. Вижу достоинство таких тренировок и в другом: они таят в себе сложность, а значит – пробуждают у хоккеистов дополнительный интерес. Постоянная смена режима и характера упражнений, разноплановые задания заставляют спортсмена все время напрягать и силы, и внимание. Такая большая целевая нагрузка не будет в тягость хоккеисту, если тренировка пройдет весело, непринужденно, на большой эмоциональной волне. Только тогда поможет она спортсмену сохранить боевой настрой, да и скорее восстановить силы.

Часто тренеры делятся со мной своей озабоченностью, вызванной стремлением постоянно повышать функциональные возможности организма спортсмена. Такую озабоченность легко понять. Наши игроки всегда имели превосходство в этом важнейшем компоненте хоккея. Умение хоккеистов действовать в высоком темпе, стойко переносить различные игровые конфликты, наличие у них запаса прочности в скоростной выносливости, способность быстро восстанавливать силы – все это «кирпичи» в фундаменте, на котором тренер строит свои замыслы. Но вот в чем вопрос: какими средствами это достигается?

Если тренер, держа в руке секундомер, заставляет игроков сломя голову пробегать скоростные отрезки и в этой изнурительной работе потерян хоккей – она никак не влияет на совершенствование игровых навыков. Такой метод подготовки я бы счел, мягко говоря, нерациональным. В самом деле, хоккеист тратит много сил, выполняя задание на пределе физических возможностей, однако проделанная им работа имеет мало отношения к хоккею. Конечно, функциональные возможности организма спортсмена повышаются. Но хоккей – не бег по гладкой дистанции.

Комментарий Ю. В. Королева

О тарасовских тренировочных нагрузках

На чемпионате мира 1970 года Анатолий Владимирович дал мне интересное задание:

– Подсчитай, какой суммарный прокат у шведских защитников Шёберта и Мильтона.

Оба были таким здоровяками, такими рослыми, что казалось – вот раскинут руки в обе стороны и всю ширину зоны перекроют!

Было ясно, что их подвижность оставляла желать много лучшего; с разрушительными задачами справлялись и без беготни. С тарасовским подходом – пятеро в атаке и пятеро в обороне – такое, конечно, ничего общего не имело… И все же мои подсчеты удивили:

– Анатолий Владимирович, эти шведы набегают полтора километра за игру.

– Да не может быть?!

– Дважды считал, и результаты близки, сходятся. Максимум – полтора километра.

– И как объяснишь?

– Я понаблюдал за ними повнимательней: шайбу отберут, отдадут пас нападающему и останавливаются как вкопанные на своей половине площадки, чтобы передохнуть, вперед особо не рвутся.

– Любопытно…

В 60-е годы шведскую сборную возглавлял Арне Стремберг. Очень грамотный и работящий специалист, который стремился вывести свою страну в лидеры мирового хоккея. Своим отношением к профессии вызывал у меня искреннее уважение.

С Тарасовым их связывали давние и хорошие отношения. Швед интересовался советскими методиками и охотно обсуждал профессиональные вопросы с Анатолием Владимировичем. На том же чемпионате мира 1970 года, было это при мне, Стремберг признался:

– Анатолий, ты, пожалуйста, учти, что я знаю слабые места в моей работе со сборной: мало тренируемся, мало уделяем внимания физической подготовке, недостаточно «перевариваем» нагрузок, потому отстаем в скоростной подготовке и в выносливости. Анатолий, ну а что я могу поделать, если сильнейшие игроки Швеции говорят мне в открытую: «Арне, если хочешь, чтобы мы тренировались по тарасовским конспектам, плати нам дополнительно… за каждую тренировку! У русских тренировочные нагрузки больше, чем в игре».

Надо признать, что с подобной проблемой наставник ЦСКА, базового клуба сборной СССР, не сталкивался. Анатолий Владимирович имел фактически неограниченные возможности – сколько считал

полезным, столько и тренировал. Возникали проблемы другого плана: приучить людей переносить тяжелые нагрузки, внушить им необходимость этого, не загнать их физически и психологически, избежать однообразия в ежедневных, да еще зачастую двухразовых занятиях.

Во время игры спортсмен совершает сложные маневры с ускорениями, выполняет разнообразные технические приемы, вступает в силовое единоборство. И все это диктуется оперативным творческим мышлением игрока, выполняющего свою роль в постоянном взаимодействии с партнерами. А при механическом пробегании отрезков хоккей, извините, отсутствует. Убежден, только тот путь, при котором развитие функциональных возможностей спортсменов идет рука об руку с совершенствованием мастерства игроков, является единственно правильным.

Даже кросс, пользу которого оспаривать глупо, я всегда заменял тренировкой на местности, во время которой спортсмены преодолевали заданную им дистанцию чисто по-хоккейному. В пути они то разнообразно маневрировали, то продвигались вперед прыжками, то несколько минут играли на лужайке в футбол, то мчались стремглав вперед, то преодолевали сложные препятствия, а затем вели единоборство, упражнялись с тяжестями, набивными мячами. Готовясь к матчам с канадскими хоккеистами и зная их задиристый характер, мы, тренеры, включали в такие «кроссы» и упражнения с элементами бокса, борьбы. Такие кроссовые прогулки всегда проходили полезно и занимательно, расширяя функциональные возможности организма спортсменов и их игровые навыки.

Во время атлетической тренировки хоккеист совершенствует и скорость бега на коньках, и быстроту, ловкость, силу и скоростную выносливость. И все эти разноплановые достоинства игрока пронизаны одним качеством – быстротой. Быстротой во всех ее проявлениях. Такой, какой владел Валерий Харламов. Когда он вступал в игру, я был всегда уверен, что скорость его мышления намного опережает его действия, подсказывая, как поступить, какое принять решение, какой прием, физическое усилие использовать в конкретно сложившейся игровой ситуации.

Иногда слышу от тренеров: «Дайте мне спортсмена, который владеет тремя хоккейными скоростями, и я воспитаю из него замечательного игрока!» В таких случаях я думаю про себя: «Подарок подарком, ну, а мы-то, тренеры, на что?» Нет, не ждать надо «у моря погоды», а воспитывать эти качества у хоккеистов, постоянно думать об этом, придумывать для развития

необходимых спортсмену свойств различные, в том числе и сложные, упражнения. И не жалеть на совершенствование этих качеств ни времени, ни сил. Находить и новые педагогические приемы, которые способствовали бы более быстрому и полному восприятию спортсменом новых навыков.

Особый вид быстроты – «взрыв». Он будет необходим в хоккее будущего. Взрывными действиями форвард способен обыграть защитника и выйти на голевую позицию. Хавбек мгновенным, как взрыв, рывком может и себя предложить, и – в содружестве с нападающими – развить острую атаку. Защитник с взрывной силой вступит в единоборство и, отобрав у соперника шайбу, быстро и умело ею распорядится. Но взрывные действия одного хоккеиста, возможно, не всегда изменят ситуацию на площадке, а вот одновременный «взрыв» целого звена нападающих, а то и всей пятерки игроков… Не надо быть провидцем, чтобы предсказать, как тяжко будет сопернику сдержать такую атаку. Да и действуя в обороне, пятерка игроков, если она умеет неожиданно, в едином порыве вступать в единоборство с соперником, перекрывая при этом все возможные их «ходы», может преуспеть, создав неприступный заслон перед своими воротами.

Такие взрывные действия получаются не у каждого хоккеиста. Из советских мастеров лучше других они удаются Андрею Хомутову. И делает он это как будто бы без труда. Он в совершенстве владеет сменой ритма, не подпуская к себе соперника, лишая его возможности вступить в контакт. В чем секрет этого нападающего? У Андрея отличная стартовая скорость, и это почти всегда застает соперника врасплох. Убежден, что в хоккее будущего с повышением индивидуального мастерства стартовая скорость будет цениться еще выше.

Почему я в этом так убежден?

Хоккей – об этом я уже говорил – останется контактным. А вероятнее всего – станет еще контактнее. Ведь средства атаки обретут более высокий темп. И в поисках противоядия оборона, без сомнения, прибегнет к более изощренным контактам. Ну, а у нападающего останется палочка-выручалочка – взрывной маневр. И каким бы бдительным и шустрым ни был соперник, он будет терять драгоценные доли секунды для разгадки истинного замысла форварда. А значит, его ответные действия будут запаздывать, чем всегда сможет умело воспользоваться игрок атаки.

Из хоккеистов молодых да ранних, уже успевших понюхать настоящего пороху, выделил бы С. Федорова. В девятнадцать лет стал он чемпионом мира, заслуженным мастером спорта. У него высокая техника, он тонко и быстро разбирается в игровых

ситуациях, сумел найти золотую середину в сочетании индивидуальной игры с коллективными действиями звена. Он многое позаимствовал у старших товарищей по команде ЦСКА. Не только техническое мастерство, но и культура игры выгодно выделяет его из многих десятков столь же способных и удалых молодых хоккеистов.

В целом ряде игровых достоинств ничуть не слабее его партнер по звену Евгений Давыдов. Он даже как будто быстрее и азартнее Сергея. Но вот какая беда: задержался спортивный рост этого способного игрока. В чем дело? На мой взгляд, этот хоккеист слишком долго тянет сольную ноту, увлекаясь индивидуальными действиями с шайбой. При этом плоховато замечает партнеров, а возможно, и не желает их замечать. Это, считаю, большой грех. Из-за отсутствия у игрока чувства меры страдают партнеры, страдает звено.

Но это дело поправимое. Куда сложнее исправлять огрехи в скоростных действиях. Скажем, скоростной «взрыв» у хоккеиста мощный, но он не умеет совершать его скрытно от соперника и потому использовать свое преимущество не может. Перед тем как увеличить скорость, он вытягивает шею. И это сигнал сопернику о том, что хоккеист совершает усилие и готов прибавить игровые обороты.

Подобный казус был с молодым Анатолием Фирсовым. Он тоже вытягивал шею при выполнении ускорения. Мы, тренеры, посоветовали ему вбирать голову в плечи во время старта. Давалось ему это с большим трудом: изъян, как репей, прилепился к нему еще с того времени, когда он играл в детских командах. Тогда Анатолий в момент ускорения стал не втягивать голову в плечи, а чуть поворачивать ее в сторону. Мы, тренеры, провели своего рода опрос среди хоккеистов, вступавших с Фирсовым в единоборство, выяснили, что фирсовский поворот головы не вызывает у них беспокойства. Что ж, так и осталось у Фирсова это движение, кажущееся соперникам случайным. Маскировка, скрытность замысла – важные слагаемые хоккейного искусства.

Тренеры часто говорят своим игрокам перед матчем: создайте сопернику неудобства, и вы сумеете победить! О каких неудобствах идет речь? О высоком темпе, если он сопернику поперек горла. О быстрой игре в пас, при которой противоборствующей команде трудно держать оборону. О быстрых контратаках – соперник «завязнет» в наступлении и не успеет быстро откатиться назад. О контактной массированной атаке большими силами, если соперник не приучен терпеливо и мужественно защищаться.

Рекомендации тренера команде, звену по поводу того, как добиться победы в конкретном матче, могут быть и иными. Я же хочу поговорить о таких рекомендациях, которые связаны с особенностями индивидуального мастерства каждого игрока, с использованием сильных сторон его спортивного дарования. Эти нюансы мастерства хоккеистов также создают сопернику дополнительные трудности, неудобства.

Скрытность передач. Если их выполняют такие игроки, как Владимир Крутов, Сергей Макаров, Игорь Ларионов, Уэйн Гретцки или Марк Мессье, то соперник узнает о направлении посыла шайбы, как правило, «постфактум», задним числом, а иногда – лишь тогда, когда в итоге незаметного, но точного паса на табло стадиона вспыхивают цифры, говорящие о том, что счет матча стал другим. Эти хитроумные игроки никогда не смотрят в ту сторону, куда намерены передать шайбу. Всем своим видом, движением туловища, клюшки, зрачками глаз они дадут понять сопернику, что намерены послать ее совсем в другом направлении. А затем, когда долей секунды позже соперник «клюнет на эту приманку», шайба быстро, скрытно и точно посылается туда, где ее на самом деле ждет партнер.

Требуя от хоккеиста хитринки в игре, скрытности и точности передач, тренер, конечно же, понимает, что сделать это ой как не просто! Ведь совершить такую передачу предстоит в условиях высокого темпа игры, постоянных контактов хоккеистов, смены ритма, нескончаемых маневров своих и чужих игроков. И мало быть прозорливым, всевидящим, быстро принимать решения. Важно быть расторопным и ловким. Вот когда игроку пригодятся качества, приобретенные во время сложных постоянных тренировок! Без них спортсмену, будь он хоть ясновидящим, не воплотить свои намерения в игру, не овладеть скрытностью и точностью передач.

Часто мы наблюдаем такую картину. Тренер и хоккеист бьются над тем, как бы овладеть искусством таких передач, и все впустую. Так и хочется им подсказать: поезд уже ушел. Надо было этому спортсмену еще в самом юном возрасте развивать и ловкость, и быстроту, и умение делать скрытные передачи. Развивать упорно, осмысленно – как раздельно, по движениям, так и суммарно, совершенствуя передачи в сложных игровых условиях.

Упоминаю о сложности таких упражнений вовсе не случайно. Тренеры детских команд подчас оставляют ее, эту сложность, «на потом». Вот, мол, юноша повзрослеет, перейдет в команду мастеров… Ошибка – и непоправимая. Известно ведь, что быстроту, ловкость в раннем возрасте развивать проще, чем в

зрелом. Работая с юным хоккеистом, тренеру нечего бояться, а главное – ничего не надо забывать. Не следует бояться сложности упражнений, их новизны и забывать о главном методическом принципе обучения: от простого к сложному, от известного – к неизвестному.

Нам, тренерам, всегда надо торопиться навстречу новому и сложному. Уж больно быстро бежит в спорте время. За короткий отрезок спортивной жизни хоккеисту надо успеть многое освоить – каждому ведь хочется стать истинным мастером. Большой эффект могут дать самостоятельные занятия юного хоккеиста, но к ним надо подготовиться совместно с тренером. Убежден, если тренер поможет юному хоккеисту составить индивидуальное задание, объяснит ему суть и значение скрытных передач, обоснует необходимость всячески развивать такие качества, как быстрота, ловкость, если он к тому же посвятит в тайны хоккея родителей парня, польза от таких самостоятельных занятий будет несомненной. Конечно, помимо рекомендаций и советов, тренеру хорошо бы хоть изредка посещать эти занятия.

Но поговорим о передачах. Хотя советские хоккеисты в массе своей давно опережают в этом компоненте игры всех своих соперников, почивать на лаврах нам, полагаю, нельзя. Хоккейные козыри нуждаются в постоянном обновлении, вдумчивом совершенствовании. Иначе – догонят соперники. Сейчас они, особенно канадцы, очень внимательны к совершенствованию передач, их качеству, смысловой идее.

Задача советских хоккеистов ясна – сохранить свое преимущество. А значит, тренерам необходимо проявить выдумку при выборе сложных, творчески осмысленных тренировочных упражнений. А игрокам – проявить упорство.

Уверен, что в хоккее будущего победа будет за тем, кто исповедует коллективный хоккей. А основой коллективной игры являются разнообразные и точные, быстрые и скрытные передачи.

Завершающий бросок. Кто из хоккеистов – и совсем юных, и в возрасте спортивного расцвета – не мечтает забивать и забивать шайбы в ворота соперников? Забивать, поражая разные точки ворот, из разных игровых ситуаций. Ну, а в матче с соперником равным, сильным забитая в его ворота шайба приобретает особые вес и ценность.

Мне нравится, как славят в Канаде хоккеистов, которые умеют забивать. Со времен Мориса Ришара, пославшего свыше 500 шайб в ворота соперников в течение своей хоккейной карьеры. И хотя в Канаде рекорд его многими уже превзойден, и сегодня все причастные к хоккею люди помнят этого складного, мужественного игрока, который так умело действовал на острие

атаки.

А разве наш зритель забудет Всеволода Боброва, первого, кто показал всем, как красиво и артистично можно забивать голы в новой для нас игре. И в каждом матче доказывал, что это – главная обязанность форварда. Прислушайтесь: обязанность! И сказал это истинный нападающий, прославивший свое имя не только на хоккейном, но и на футбольном поле.

Другой вопрос – как забивать? За счет личных усилий, собственного умения? Пусть даже при этом ущемляя игровые возможности партнеров по звену? Это важнейший нравственный вопрос.

Взаимоотношениям игроков в звене наши тренеры всегда уделяли особое внимание. Разумеется, не всегда хоккеисты живут душа в душу. И конфликты могут возникать по разным причинам. Один из них способен породить тренер, если через край, взахлеб начнет восхищаться игроком, который забрасывает шайбы, и оставлять в тени тех хоккеистов, которые создают для него голевые ситуации. При коллективном характере советского хоккея раздавать столь однобокие оценки означает подрезать тот сук, на котором мы все сидим.

Жалею, что мало видел, как забивал шайбы Морис Ришар. Но хорошо помню, как мастерски делал это Бобби Халл. До сих пор перед глазами действия у неприятельских ворот Фрэнка Маховлича, Ги Лафлёра. Как бы вобрав все лучшие качества своих предшественников, будто играючи, умело и складно, как по нотам, забивает голы Уэйн Гретцки. И все, кто играл и играет рядом с ним, не ощущают никаких ущемлений со стороны маэстро – дирижера атак звена.

Нам по-прежнему дороги воспоминания об игре Александра Альметова, Вячеслава Старшинова. С ними мы невольно сравниваем сегодняшних лидеров нашего хоккея – Владимира Крутова, Игоря Ларионова, Вячеслава Быкова и других подобных им хоккеистов, что умеют поражать чужие ворота, оставаясь верными принципам коллективной игры, высокому духу товарищества.

Возвращаюсь памятью в 50-е годы. Помнится, когда закончил играть Николай Хлыстов, то очень скоро, буквально на следующий же сезон, выяснилось, что один из самых результативных центральных нападающих нашего хоккея, Алексей Гурышев (в недавнем прошлом постоянный партнер Николая по звену), вдруг утратил свою пробивную силу, превратился в рядового форварда. Не стало рядом с ним игрока, который по двенадцать-пятнадцать раз в течение матча выдавал ему, словно подарок, голевые передачи. И незаметно быстро

завершил свою спортивную карьеру Алексей Гурышев. Скажу по этому поводу: виноват в том, что стал играть средне, конечно же, он сам. Пока бок о бок с ним действовал беззаветно преданный хоккею партнер, питавшей его точными пасами, сам он так и не привык к ответным действиям, к игре на товарищей по звену, не научился делать острые скрытные передачи.

В канадском хоккее таких пробивных, результативных нападающих было куда больше. Многие из них по праву считаются великими, вписаны в историю хоккея. Они умели забивать решающие шайбы, склоняя исход спортивного сражения в пользу своей команды. Они умели забивать голы красиво, покоряя зрителей высокой техникой, граничащей с искусством, проявляя при этом боевитость и непреклонность характера. Однако рискну все же заметить, что, на мой взгляд, партнеры этих выдающихся игроков чувствовали себя рядом с ними не всегда уютно, выполняя роль чернорабочих. Сказывались и характеры, амбиции многих хоккейных звезд.

В советском хоккее с такими тенденциями давно уже ведется борьба. Принципы коллективной игры диктуют иные взаимоотношения игроков. С этих позиций мне и хотелось бы обсудить здесь проблему повышения результативности хоккея. Она, эта проблема, включает в себя не только вопросы техники и тактики игры, но и такие понятия, как творчество и мужество спортсмена.

Трудясь над совершенствованием бросков, наши игроки ориентируются главным образом на их количество, полагая, что количество само по себе перейдет в качество. Это справедливо, если соблюдается одно немаловажное условие: во время занятия четко контролируется техника исполнения приема. Если она не выполняется, броски несовершенны, то швыряй шайбу хоть с утра до вечера – большой пользы это не принесет, лишь закрепится вредный навык. Тут хоккеисту пригодились бы познания в теории игры, привычка к анализу, самоконтролю.

Разумеется, нельзя снимать вину и с тренера, в какой бы команде он ни работал. Взрослому хоккеисту необходима подсказка, совет. Юному игроку нужно не только рассказать, как правильно выполняется бросок, но и показать, как это делается, с подробным разбором каждой фазы броска. Шлифовать технику приема лучше всего во время индивидуальных или таких групповых занятий, когда у тренера есть время вдумчиво позаниматься с каждым из хоккеистов.

Не раз приходилось наблюдать, как именитый тренер чурается такой индивидуальной работы с игроками по совершенствованию технических нюансов, словно боясь уронить

свой высокий авторитет. А когда в беседе с таким наставником напомнишь ему о технических изъянах игрока, то слышишь в ответ: «Да он с таким дефектом и пришел ко мне в команду». Или: «Знаю. Много раз говорил ему об этом недостатке. Но он ленив, плохо исправляет его». И хочется спросить: а что конкретно предпринял ты, тренер?

В число основных технических приемов хоккея входит, естественно, отбор шайбы – и клюшкой, и с помощью различных контактных приемов. В связи с тем, что год от года в хоккее возрастает роль силового единоборства, тренеры стали как-то забывать о том, что шайбу можно отобрать у соперника и с помощью лишь клюшки. Эту «забывчивость» назову серьезной ошибкой. Отбор шайбы клюшкой требует от хоккеиста смекалки, расчета, к тому же этот прием готовит спортсмена к рациональному столкновению с соперником. Но есть у него и еще одно достоинство: игрок должен напрягать свою мысль, пытаться разгадать замысел соперника, а стало быть – проявить смекалку, творчество.

Нет, отбор шайбы клюшкой – прием отнюдь не второстепенный. Считать так – заблуждение. Вот соперник наступает. В атаке, маневрируя на большой скорости, участвуют все хоккеисты звена. Пятерка игроков применяет при этом быстрые, точные передачи, лишь в случае необходимости хоккеисты идут на обводку. В этих условиях защитнику легче, разумней действовать клюшкой, пытаясь выбить шайбу из своей зоны, овладеть ею, разгадав ход атаки, перехватить передачу соперников. И, наконец, отобрав шайбу, он может немедленно распорядиться ею, создать благоприятные условия для контратаки.

Хотя, как я уже говорил, секреты многих технических приемов лучше постигаются в юном возрасте, учить игрока отбирать шайбу у соперника клюшкой никогда не поздно. Какие из качеств особо ценны при этом? Конечно, быстрота.

Взгляните на действия защитника советской сборной Алексея Касатонова. Как быстро, умело орудует он клюшкой – словно фехтовальщик рапирой. Делает ею ложные выпады, молниеносно наносит точные удары по шайбе. Держа клюшку в одной лишь правой руке, он может вытянуть ее чуть ли не на полплощадки, готовый перехватить скользящую или летящую в стороне шайбу и сразу же быстрым, в одно касание пасом послать вперед одного из нападающих своей команды. Для того чтобы выбить шайбу, отобрать ее у атакующего соперника, Касатонов, как и многие другие выдающиеся защитники, скрытно меняет ритм движений, готовясь сблизиться с соперником, резко вступает в единоборство.

В его действиях всегда проглядывается определенный замысел, точный расчет.

Наблюдал тренировки многих команд. Как мало упражнений по совершенствованию отбора шайбы клюшкой! Более того, защитника нередко посылают на лед без клюшки. Понятно, что игроку обороны такой урок полезен – ему ничего не остается делать, как пытаться остановить соперника телом, принимать на себя броски по воротам, стремиться в падении перехватывать передачи. Это важные элементы защитных действий. Но – как правильно отбирать у соперника шайбу, пользуясь клюшкой? Таких занятий под строгим контролем тренера проводится, повторяю, мало. А жаль. Здесь столько различных нюансов, что сам хоккеист вряд ли в состоянии зафиксировать свои ошибки, хорошо заметные со стороны.

Теперь – о силовых приемах. Все они – и остановка соперника, и толчок его плечом, грудью, задней частью бедра – просто необходимы в обороне. Они необходимы хоккею. Силовое единоборство уравнивает на весах-безмене игры шансы атаки и защиты. Такое равновесие крайне важно. Оно делает игру более зрелищной и интересной, потому что стимулирует поиск разнообразных тактических средств как атаки, так и защиты. Оно делает игру более зрелищной и интересной, потому что придает хоккею характер мужественного противоборства. Разумеется, если оно протекает в рамках правил и по законам спортивного рыцарства.

К сожалению, в игровой практике не только в матчах советских хоккеистов с канадскими профессионалами, но и во многих играх нашего внутреннего календаря азарт игроков сметает в сторону подчас и тактический расчет, и спортивную солидарность. Главенствует девиз «кто кого». Причем средства для победы в единоборстве выбираются любые. И останавливают соперника клюшкой, словно неприятеля штыком, и бьют его локтем, отлично сознавая, что это всегда больно, и хватают его руками… А случается, пускают в ход и кулаки.

В мае 1988 года впервые была сделана попытка провести решающие матчи чемпионата страны по новой, почти канадской, так называемой «плей-офф» системе. Для зрителей эти матчи выглядели захватывающими. А вот нас, специалистов, они не удовлетворили. Наш хоккей, считаю, не должен быть драчливым. Спорт призван совершенствовать людей, воспитывать их нравственно. Вот почему для нас в принципе неприемлема целиком канадская модель хоккея.

Я уже говорил о том, что силовые приемы должны рассматриваться как чисто технические средства, помогающие

отобрать у соперника шайбу. Но это сложная техника. Непросто овладеть ею. Изучать эту науку надо с детского возраста. Подчеркиваю это, потому что сложилось мнение, будто силовые приемы – удел взрослых игроков. А детям, мол, контактный хоккей в любом виде противопоказан. Хоккей, если он похож на драку, вреден не только детям. А почему мы должны лишать ребят корректного, в рамках правил, хоккейного поединка, где можно проявить и силу, и удаль, что мальчишки особенно любят? А опасаться, что дети могут получить травму, – значит растить из них неженок.

Но осваивать силовые приемы в раннем хоккейном возрасте следует не только для того, чтобы доставить удовольствие ребятишкам. Приемы эти, повторяю, сложны, требуют соединения воедино и физических качеств – ловкости, быстроты, силы, – и расчетливого маневра, и, в известной степени, мужества. Такую игру хоккеист должен принять и полюбить с детства, выполнять силовые приемы почти автоматически. Тогда у него останется время на совершенствование этого и других компонентов хоккея.

Вспоминаю свою молодость, пору становления команды ЦСКА. Бывший фронтовой разведчик Николай Сологубов первым из наших защитников овладел приемами силового единоборства. Пользуясь ими, он «укрощал» даже самого Всеволода Боброва, когда тот в течение нескольких сезонов выступал за команду ВВС. И до чего же любил Николай хоккейные столкновения! На каждую тренировку он приходил раньше всех и каждого из игроков встречал просьбой: «А ну-ка, обведи!» А так как, будучи играющим тренером, я появлялся на льду раньше других, первые синяки и шишки доставались мне.

Тогда у нас не было настоящих защитных доспехов. Игроки пользовались футбольными щитками, играли без налокотников, наколенников и шлемов. А на руки натягивали лайковые перчатки.

Был случай, когда Сологубов получил на матче в Свердловске тяжелую травму – соперник выставленным вперед коленом сильно ударил Николая в живот, да так, что он потерял сознание и тут же со льда был отправлен в госпиталь, где перенес сложнейшую операцию. И даже после такого драматического поворота спортивной судьбы этот мужественный человек продолжал выходить на площадку и как ни в чем не бывало вступал в силовое единоборство с любым из соперников.

В большом хоккее Николай Сологубов оставался до тридцати девяти лет. Неоднократно становился в составе советской сборной чемпионом мира, Европы, Олимпийских игр. Заслуга его в первых победах советского хоккея огромна. Будучи капитаном

команды ЦСКА и сборной страны, он вел за собой ребят, увлекая своим личным примером. Он как бы говорил им: «Делай как я!»

Николай принимал участие в первых наших встречах с канадцами. И хотя спортсменов из-за океана окружал в ту пору ореол различных легенд, в том числе связанных с их якобы особой жесткостью в битвах на льду, Николая это нисколько не смущало. Выходя на лед, он всегда был уверен в себе, как говорится, не боялся ни бога, ни черта. Как тренер я особо благодарен ему за доблестную игру глубокой осенью 1957 года, когда мы впервые посетили Канаду. Канадцы, не смирившиеся с поражениями на чемпионате мира 1954 года, через два года, на Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо, выставили против нашей сборной сильнейшие любительские клубы. И все же мы выстояли и по итогам турне победили.

Для успешного выполнения силовых приемов мало обладать лишь техникой, важно еще и полюбить хоккейные контакты. На весь мир известны имена канадских игроков, в совершенстве владевших приемами силового единоборства, – Карла Бревера, Дениса Потвена, Брэда Парка, Рэя Бурка и многих-многих других. А также советских хоккеистов – Валерия Васильева, Эдуарда Иванова, Олега Зайцева, Вячеслава Фетисова, Алексея Касатонова. Все это – хоккейные гиганты, рыцари без страха и упрека, всегда игравшие с высоко поднятой головой, никого не страшась.

Естественно, мировой класс игры этих выдающихся защитников поддерживался и умелым выполнением ими силовых приемов. Однако, прежде чем остановить соперника туловищем, грудью или задней частью бедра, игроку предстоит совершить маневр на коньках. Важно выполнять его легко и умело, непринужденно меняя скорость, ритм движения, катясь не только лицом, но и спиной вперед. Подчас секрет точного и внезапного для соперника сближения с ним перед вступлением в контакт заключен в технике исполнения именно этих маневров, а также – в умении хоккеиста переключаться с обычного бега к движению спиной вперед и наоборот. Если на каждой тренировке предлагать игрокам такое «вальсирование» в обе стороны – с просьбой выполнять в ходе маневра различные движения (к примеру, выставлять бедро, совершать ускорение, имитируя стремление выбить шайбу или отобрать ее клюшкой у мнимого соперника), – то хоккеисты в результате таких упражнений обретают особую устойчивость, уверенность в выполнении приемов при смене ритма и скоростного маневра.

Но здесь нам, тренерам, следует учитывать одно обстоятельство. Работа над техникой владения шайбой

хоккеистом, как правило, привлекает. Еще бы! Ведь эти приемы эффектны, они замечаются зрителем, составляют такое понятие, как почерк мастера. Приемы силового единоборства тоже эффектны. Но они – лишь краткий финал невидимых зрителю действий без шайбы. Когда хоккеист, словно охотник, долго маневрирует, выслеживая «дичь», прицеливается, прежде чем произвести «выстрел», а бывает, и промахивается. Лишь добившись цели и овладев шайбой, он может испытывать удовлетворение.

Да и зритель наблюдает лишь заключительный всплеск единоборства, самые трудные и тонкие действия игрока защиты он подчас не видит и не способен оценить. А жаль. Любо-дорого наблюдать, как истинный мастер скрытно, словно крадучись, осуществляет подкат и сближение с соперником. И при этом не теряет ориентировки, наблюдая за тем, что происходит не только вблизи него, но и на другом фланге атаки, соразмеряя свои действия и степень риска с развитием наступления соперника. Настоящий хоккеист никогда не концентрирует свое внимание, усилие на выполнении одной лишь локальной задачи.

Каков итог этой главы? Какие напрашиваются выводы?

Вывод первый. Если мы продолжаем считать атлетизм основой хоккейного мастерства – а автор убежден в этом, – то внимание к этому разделу подготовки игроков должно быть повышенным. И круглый год должны идти поиски новых рациональных средств и методов тренировки. Такой же подход должен распространяться и на детей, юношей всех возрастов – при строго индивидуальной линии воспитания каждого юного хоккеиста.

Вывод второй. В годичном цикле подготовки хоккейных команд не должно быть места копированию методов, принятых у канадских профессионалов. Речь идет о соотношении матчей и тренировочных занятий. На мой взгляд, тренировки как процесс управляемый, целенаправленный должны доминировать над матчами, в которых всегда присутствует немного стихии. Как тренер я верю в тот порядок, что тренировка должна учить хоккеиста новому, неизведанному, а матчи лишь закрепляют то, что усвоено, проверяют навык на прочность, помогают хоккеисту обрести уверенность.

Вывод третий. Качественные сдвиги в росте мастерства спортсменов могут быть обусловлены и новым взглядом на отбор молодых людей, желающих играть в хоккей. Это непростой вид спорта, и тренерское «добро» должны получать физически одаренные, с запасом прочности и здоровья парни. Лишь тогда мы, тренеры, сможем смело, без опаски проводить занятия, на

больших оборотах, совершенствуя круглый год атлетизм.

Вывод четвертый. Девиз – совершенствовать атлетизм круглый год – следует подкреплять умелой научной организацией этих занятий. При каждой команде мастеров, при каждой детской хоккейной школе хочется видеть специально оборудованные, со множеством снарядов, тренажеров для развития различных физических качеств, ласкающие глаз тренировочные залы. Присутствие каждого из снарядов в таком зале должно быть научно обоснованно, как и рекомендации по упражнениям, которые будут с их помощью выполняться. Желательно также, чтобы оформление зала не было скучным, монотонным – об этом могут позаботиться тренеры с помощью художников, сочинителей шутливых рекомендаций и афоризмов.

И, наконец, пятый вывод. Огромный резерв для атлетического роста спортсмена вижу в самостоятельных занятиях, самотренировке. Любовь, привычку к таким занятиям надо воспитывать с детского возраста. Но нужны и дельные рекомендации хоккеисту, особенно юному, какой и для каких целей, для каких качеств следует применять ему инвентарь, оборудование с тем, чтобы повысить эффективность таких занятий. В будущем, предвижу, хоккеисты всех возрастов, особенно мастера, такой самоподготовке будут уделять все больше времени. И тогда известный всем афоризм «Атлетизм – основа мастерства» станет что ложка к обеду.

Мастерство – душа таланта

Вначале о самом, по-моему, важном. О том, какими глазами должны смотреть тренеры на индивидуальное мастерство спортсмена, оценивать его. Руководствуясь какими критериями, одного хоккеиста мы относим к разряду выдающихся, а другому отказываем в этом? Игроки какого типа, выступающие в разных амплуа, будут полезны нашему хоккею в будущем? И самое главное, как нам, тренерам, работать, действовать для того, чтобы воспитывать побольше игроков выдающихся?

В жизни все познается в сравнении, спорт лишь частица ее. Вот и в этой главе мы будем сравнивать игру знаменитых советских хоккеистов прошлого и настоящего, тех, кто прославил советскую школу хоккея. В орбиту этих сопоставлений будем вовлекать и выдающихся игроков канадского профессионального хоккея. Вновь хочу здесь напомнить: пишу эти строки под одним лишь углом зрения – как нам побеждать канадских профессионалов.

Часто можно слышать из уст тренеров, специалистов выражение – «сбалансированная команда». Имеется при этом в виду, что в команде (как это чувствуется, ощущается) средства атаки и средства защиты примерно равны или, что точнее, уравновешены.

Не верю я в этот абсолютный баланс. И в то, что такая команда, появись она на свет, будет непобедимой. Команда, если это, конечно, настоящая команда, всегда выражает взгляды, вкусы, жизненное кредо тренера. А среди тренеров нет людей одинаковых, не существует в нас «внутреннего баланса», этакой симметрии характера, где спокойно уживались бы противоположности и контрасты. Да и быть не может.

Давайте вспомним игру выдающихся клубов мирового хоккея и попробуем проанатомировать их действия. Самый, пожалуй, популярный клуб НХЛ – «Монреаль Канадиенс». Здесь всегда преобладала атака. Клуб «Эдмонтон Ойлерс» также силен атакой, правда, ее истоки звенья команды ищут в скоротечной обороне и в острых контратакующих выпадах. Под стать канадским клубам и самый мощный советский – ЦСКА. Думы его тренеров всегда сводились к тому, как заставить сложить оружие любого соперника, подвергая его массированным, долгим и острым атакам. Пусть атака эта будет рискованной за счет некоторого ослабления обороны. Но – атака!

Во всех упомянутых мною клубах выбор тактики, стратегии игры целиком зависел от личности тренеров, их вкусов,

убежденности в том, что выбранные, изобретенные ими средства непременно приведут к реальной цели – победе.

Победа победой, но хоккей – это зрелище. И лучше нас это давно понимают в НХЛ, руководители клубов Канады и США, всей этой сложной хоккейной махины. Я уже говорил о том, что там, за океаном, делается все возможное для того, чтобы магнитом притягивать зрителей на хоккейные арены, а это прежде всего борьба за хоккейные звезды. За то, чтобы в каждом клубе поболее было игроков индивидуально ярких, чьи действия ласкали бы глаз зрителя. Для таких хоккеистов там ничего не жалеют. Не скупятся ни на материальное вознаграждение, ни на рекламу. В НХЛ понимают, что спортивные арены, как театр без знаменитых актеров, обойтись без выдающихся хоккеистов не смогут.

Говоря о выдающихся хоккеистах, об их талантливости, мы затрагиваем весьма тонкую тему. В тех видах спорта, где счет идет на метры, секунды, килограммы, где придуманы приборы, точно фиксирующие спортивный результат, отличить спортсмена средних достоинств от выдающегося атлета довольно просто. А как быть в хоккее?

Вот на трибуне тесно сидят плечом друг к другу десять зрителей. Словно завороженные, смотрят хоккейный поединок. Поинтересуйтесь мнением каждого о каком-либо игроке. Убежден – двух одинаковых суждений не найдется. У каждого из зрителей свой взгляд на жизнь, на спорт, на хоккей, на команду, звено, спортсмена.

Поистине универсален афоризм: «О вкусах не спорят». Но нам, читатель, надо все-таки договориться о том, кого же считать выдающимся хоккеистом. Для этого понадобится время. Конечно, разговор мы сможем повести лишь в общих чертах. Впрочем, не просто в общих чертах, а с учетом амплуа современного хоккея. Хоккея самого высокого уровня. Но перед тем, как «выстроить систему доказательств», разрешим один щепетильный вопрос.

Если говорить о спорте далекого прошлого, то был он чище, естественней. Любимый нами хоккей – не исключение. Состязались, разумеется, ради победы. Но она, эта победа, не так уж дорого оценивалась. Все мы были любителями и знали, что не одним хоккеем будем сыты. Играли подчас в свое удовольствие. Играли, добивались победы, как умели, и выражение «друзья-соперники» звучало искренне и правдиво. После матча игроки шли в раздевалку чуть ли не в обнимку, на ходу обсуждая перипетии только что закончившейся игры.

Как только спортивная победа обрела общественный вес, большой материальный стимул, и хоккей стал

профессиональным, изменилось очень и очень многое. Конечно, и этого не следует скрывать, возрос интерес к игре. Усилилась реклама, средства массовой информации больше внимания стали уделять хоккею, командам, героям хоккейных «баталий». Возросла и роль тренера – творца побед и виновника поражений. Но главное – усилился учебно-тренировочный процесс в командах, серьезное, первостепенное значение хоккеисты стали уделять росту своего мастерства.

Многим матчам, победа в которых считалась особо престижной, где шла борьба «за честь стяга», стали придавать исключительное значение. Официальные турниры чемпионатов мира и Европы, Олимпийских игр стали своего рода смотром уровня развития культуры и спорта различных наций. И тренеры, и хоккеисты уже не просто играли в хоккей, а бились за престиж своей страны. Победы становились национальным достоянием.

Вспоминая этот период перехода хоккея от любительства к профессионализму, всякий раз задумываюсь над тем, как менялась в эти годы психология самих спортсменов. Раньше игра для них была удовольствием, досугом, теперь же – профессией. Жизнь в спорте стала необыкновенно сложной, но по-своему заманчивой и интересной. Хоккей стал уделом сильных телом и духом молодых людей. В их жизнь пришли регламентированные ежедневные сложные тренировки, теоретические занятия. Появилась необходимость четко распределять по часам, по минутам каждый день спортивной жизни.

Все это отразилось на сознании, психологии молодых людей, играющих в хоккей. Если даже не все они целиком посвящали себя хоккею, то все-таки подспудно сознавали, что «волка ноги кормят». Что надо выбиваться из сил, стремясь попасть в спортивную элиту, поощряемую не только горячими аплодисментами зрителей и одами журналистов.

Так, благодаря новым стимулам по-новому формировалась жизнь человека спорта – у него возникало все больше обязанностей перед хоккеем, своим клубом. У него укрепилось желание в эти недолгие, короткие годы спортивной жизни прославить себя, создать задел для жизни после спорта. По-иному спортсмен стал относиться к индивидуальному, «фамильному» мастерству. Его беспокойство за спортивную карьеру благотворно отразилось на его отношении к тренировкам, к режиму, гигиене, питанию. Но особое внимание он стал уделять росту своего мастерства. Он понял необходимость самостоятельных упражнений, самотренировки. А это – важный фактор самовыражения спортсмена.

Когда мне говорят, что я, мол, хорошо знаю возможности того

или иного хоккеиста, команды, поскольку видел их во многих матчах и так далее, я обычно отношусь к этим словам недоверчиво. Для меня, тренера, знать – значит быть рядом. Мало видеть игру – надо чувствовать ее ритм, слышать реплики игроков, читать их мысли, видеть возбужденные лица хоккеистов. Но, чтобы ближе познакомиться со спортсменами, предпочитаю тренировку. Особенно если проводится она умелым, волевым тренером.

Лето 1987 года. Я – в Канаде, в Ванкувере. Имею возможность быть близко к профессиональной команде, ее тренерам, игрокам. Беседую с молодыми хоккеистами. Они тренируются, не щадя себя. Много пота льют на тренировках. А потому у них постоянная жажда. В ходе занятий они чрезмерно, в количестве, значительно превышающем разумные нормы, пьют и пьют воду, хотя ведь известно, что лишь умеренное потребление влаги способствует регулированию в организме водного баланса. Нет, эти игроки еще не научились держать себя в узде, строго контролировать свои действия, не научились умело тренироваться. Но в разговоре со мной постоянно подчеркивают свое желание стать настоящими игроками.

Да и в нашем хоккее, особенно в командах среднего уровня, немало хоккеистов, которые слабо знают свою профессию, ее тонкости и тайны. Хотя, возможно, и твердо усвоили свою роль в процессе игры, уверенно исполняют ее, действуя в составе звена.

Но я веду речь о другом, более важном. Вкус к умелой, терпеливой тренировке. Познание скрытых ее пружин, что ускоряет рост мастерства игрока. Сложная, умело построенная тренировка – занятие беспроигрышное.

Жаль, не все молодые спортсмены, так любящие популярность, славу, внимание близких и совсем незнакомых людей, отчетливо сознают, что у спортивной известности, как и у медали, есть две стороны – лицевая и оборотная. И если на одной, раскрашенной в яркие, радужные тона, красуется улыбчивая фея удачи, то на другой, не столь красочной стороне выведен девиз: «будь скромным и трудись». И тот, кто подолгу заглядывается на одну сторону медали и редко обращает внимание на другую, совершает непоправимую ошибку, которую не прощает быстротекущее время.

Трудолюбие и скромность. Два понятия, идущие рядом. В спорте их роднит многое. И не всегда одно может жить без другого.

Скажем, парень трудолюбив, на тренировках он рьян и азартен, но за пределами катка – кичлив. И это довольство собой подчас режет под корень его успех. Нескромность мешает

спортсмену найти свое место в хоккейном коллективе, быть полезным ему и общему делу.

В нашем коллективном хоккее цена скромности особая. Без нормальных взаимоотношений в хоккейном коллективе, без дружбы между игроками, без атмосферы взыскательной доброты трудно, очень трудно овладевать высотами мастерства. А тренеру – почти невозможно создать боевые, творческие звенья.

Классический пример трудолюбия и скромности являл собою Валерий Харламов. В команде с ним всегда считались ветераны, к нему тянулась хоккейная молодежь, и даже соперники неизменно оказывали ему уважение. Каждый хоккеист армейской команды ЦСКА стремился хоть немного пообщаться с ним, потолковать, поспорить. И каждый получал от таких бесед понятное удовлетворение, ибо был у Харламова и запас самых разнообразных знаний, которыми он охотно делился с каждым, и, главное, доброта, искренность, скромность.

Давайте зададим себе вопрос. А кому принадлежит индивидуальное мастерство спортсмена? Будто бы ясно, как в солнечный день: ему, спортсмену, тому, кто владеет шайбой. Это он, спортсмен, терпеливо осваивал самые разнообразные хоккейные приемы, доводил их исполнение до автоматизма, до блеска. Это он, владея высокой техникой, помогает звену добиваться успеха, это им восхищаются зрители, журналисты, создавая игроку заслуженную спортивную славу. Как будто бы вопрос, поставленный мною, праздный. И на него может последовать один лишь ответ: мастерство принадлежит тому, кто им владеет. А я вот с таким категорическим утверждением не согласен.

Да, это почти узаконено в практике мирового хоккея, особенно в Канаде, где личное мастерство спортсмена возведено в настоящий культ. Хоккеист открыто гордится своим умением в совершенстве выполнять тот или иной прием, каскад технических трюков, эти приемы многократно в замедленной съемке показывают по телевидению, их комментируют, объясняют специалисты, о них с восторгом пишет пресса, о них слагаются легенды. Техническое мастерство – своего рода визитная карточка любого канадского хоккеиста.

Мне не раз доводилось проводить практические занятия с юными канадскими игроками. И всякий раз, когда мною предлагались такие упражнения, что способствовали совершенствованию техники, особенно обводки, завершающих бросков, то бросалось в глаза рвение, огонек в глазах, с которыми игроки принимались их выполнять. Каждый из этих ребят понимал, что эти приемы ему особенно необходимы. И каждый из

них верил, что, овладев высокой техникой, он приблизит миг своей спортивной удачи, станет игроком, необходимым профессиональному хоккею.

Не вижу в этом ничего предосудительного, зазорного. Наверное, об этом могут мечтать и наши ребята. Хочу лишь верить в то, что в своих устремлениях, в своем усердии они не упустили одного существенного обстоятельства. Какого? А вот послушайте, читатель.

Индивидуальная техника игрока должна принадлежать партнерам, звену. Да, на первый взгляд это звучит странно. Ты, игрок, овладел шайбой, получил ее от партнера, тебе стоит немалых усилий сохранить ее от посягательств соперника. Но эта шайба на крюке твоей клюшки – вовсе не твоя. Да, в этот миг она как будто принадлежит именно тебе. Но не ты ее хозяин, не ты ею распоряжаешься. Да-да! Так и должно быть в нашем хоккее, где принцип коллективной игры возведен в закон. Если игрок считает шайбу «своей», то он может не расставаться с ней слишком долго, замедляя развитие атаки. Или – сыграть попроще, чтобы шайбу не потерять и не оконфузиться перед зрителями. Такой хоккеист может даже вырасти в глазах у неискушенной публики.

Однако законы коллективной игры требуют иного. Партнеры хоккеиста, владеющего шайбой, активно предлагают себя, и каждый из них вправе рассчитывать на то, что пас будет адресован ему. Так что шайба как бы принадлежит им, партнерам. Вести оборону против звена, придерживающегося такой тактики, очень непросто. Три-четыре хоккеиста обороняющейся команды вынуждены не только предельно внимательно опекать атакующих, но и постоянно напрягать силы, стремясь поспеть за маневрами соперников, вступая с ними в единоборство.

Теперь, оставив общие рассуждения, перейдем к предмету нашего разговора в этой главе книги – индивидуальному мастерству хоккеиста. Это не учебник, а потому речь пойдет лишь о тех технических приемах, которые являются основными, наиболее сложными и впрямую влияют на тактику игровых построений звеньев, определяют уровень мастерства хоккеистов разных амплуа.

Начнем с обводки. Пожалуй, в целом советские хоккеисты уступают канадцам в исполнении этого приема. Чего же не хватает нашим игрокам? Уверенности, а стало быть, и смелости то и дело брать игру на себя. Особенно явственно эта слабость проявляется у форвардов в завершающей фазе атаки.

В отличие от наших хоккеистов, канадские игроки, коль уж шайба попала к ним на клюшку, быстро укрощают ее, выполняют

обводку и наносят – пусть не всегда прицельный – бросок по воротам. В этой игровой ситуации они совсем не тушуются. И ничто – ни толчки соперников, в том числе клюшкой, ни захваты руками, ни падение на лед – их не смущает, не отвлекает от главной цели – поразить ворота. Пробил мимо? Не беда. Каждый из форвардов в этой ситуации стремится вернуть шайбу своей команде и продолжить натиск.

Привычка применять обводку накоротке, в игровой толчее, в сложных условиях жесткого единоборства воспитывается с детства содержательными тренировками, да и самой сутью хоккея. Для успеха атаки в любом матче игрок, в том числе и защитник, должен действовать смело, преодолевая среднюю зону и синюю линию перед воротами соперника, уметь сыграть индивидуально. Ведь атака ведется, как правило, против превосходящих сил соперника. И без обводки хоккеисту не обойтись. Возникает игровая потребность в обводке, которая так ярко проявляется в действиях канадских спортсменов.

Если бы кто-нибудь все матчи с участием наших игроков и канадских профессионалов свел в единую математическую таблицу и сравнил цифровые выражения действий игроков в завершающей фазе атаки, то выяснилось бы, что канадцами создано втрое, а то и впятеро меньше голевых ситуаций, а вот голов они забивали, пожалуй, не меньше. Так называемый процент реализации голевых ситуаций у них значительно выше. Так было, таково положение и сегодня. И причина тому – высокое умение обводки в завершающей стадии атаки.

Видел я множество тренировок канадских профессиональных хоккеистов, и самая, пожалуй, любимая, судя по настроению игроков, – единоборство на малой площади перед воротами. Когда кто-либо из хоккеистов забивает при этом гол, то радости и гордости игрока нет, кажется, предела. Он и танцует, и подпрыгивает на льду, и что-то выкрикивает, а сотоварищи поощрительно похлопывают его по плечу.

Как же учить, готовить наших хоккеистов, особенно форвардов, для того, чтобы повысить мастерство обводки?

Конечно, учебу эту надо начинать с юных лет, умело используя такие подаренные игрокам природой качества, как быстрота и ловкость, а также особенности детского организма, восприимчивого и податливого. Развивать у игрока живость воображения, не лишая его права на импровизацию. Поддерживать в нем детскую раскованность в игре, поощрять стремление хоккеиста к риску, уходу от шаблона, трафарета действий. Многое из того, о чем здесь говорится, касается и хоккеистов более старшего возраста, но надо всегда помнить о

том, как трудно переучивать или доучивать взрослых, сложившихся игроков. Но если тренер терпелив и не лишен фантазии, он может привить и взрослому хоккеисту необходимый игровой навык.

Комментарий Ю. В. Королева

О том, как Тарасов ценил игроков-импровизаторов

Анатолий Владимирович буквально физически не мог переносить пробелы в хоккейном образовании игрока. Готов был возиться с ним бесконечно, пока не искоренял какой-то недостаток. Также не знал усталости при шлифовке различных технических элементов и классических комбинаций. Но превыше всего ценил мастеров, способных к оригинальным решениям и, разумеется, к их воплощению на льду. Импровизацию Тарасов всегда поощрял.

Анатолий Фирсов, Владимир Викулов, Борис Майоров, Валерий Харламов, Александр Мальцев – он восхищался ими.

И сегодня таких мастеров в мире наперечет. Среди них наши парни – Павел Дацюк и Евгений Малкин.

Канадцы, в тарасовские времена многое переняв у советской школы, теперь считают, что в спецбригаде большинства должен быть один форвард, способный на нестандартные действия. А на того, кто действует по шаблону, или того, кто владеет лишь одним финтом, соперник быстренько «наденет пиджак», нейтрализовав его полностью.

Заметим, однако, что обводка соперника – не самоцель. Она необходима для того, чтобы без помех отдать пас или произвести завершающий бросок. Это важно понять и самим хоккеистам. Знаю немало талантливых форвардов, смело пользующихся обводкой, но затем явно теряющихся, не зная, какое принять решение. А оно должно зреть уже в ходе самой обводки. Форвард видит: открылся партнер, он в выгодной позиции, – получай-ка шайбу. Или заметил, что сместился вратарь, – тут же следует бросок в открывшийся угол по цели. Значит, при обводке обязательны и высоко поднятая голова, и широкая ориентировка. Это закон, аксиома.

Ах, как легко давать рекомендации! А сколько выдумки, терпения, упорства необходимо тренеру, чтобы «слепого» игрока превратить в «зрячего»! Игрок – и в этом он сродни артисту балета – начинается с осанки, с умения правильно держать голову. И если при ведении шайбы, обводке соперника взгляд игрока постоянно направлен вперед или в сторону, значит, он постоянно оценивает ситуацию на поле, значит, можно верить, что из этого спортсмена получится игрок творческий.

Так незаметно мы подвели наш рассказ к разговору о другом важном техническом приеме – искусству передачи.

Передача шайбы – основное средство коллективной игры. И хоть и молод наш хоккей, он может по праву гордиться тем, что именно он стал изобретателем многих, имеющих особую ценность передач, скоротечных, диагональных, продольных, выполняемых в одно касание. Передач, имеющих немалую смысловую задачу – с их помощью можно обыгрывать сразу нескольких соперников, создавать острые голевые ситуации. Передач, которым сопернику трудно, а подчас и невозможно что-либо противопоставить.

Часто, особенно в последние годы, можно слышать разговоры о том, что к нашим передачам как будто бы соперник приспособился. Конечно же, он молодец. Заокеанские профессионалы многое переняли из арсенала нашего хоккея. Клубы НХЛ давно проводят матчи в комбинационной манере. Ни одна тренировка профессионалов не обходится без упражнений по совершенствованию передач. Если в старые добрые времена любой канадский хоккеист, выходя для тренировки на лед, тут же начинал бросать шайбу о борт, то теперь, найдя себе партнера, подолгу, до самого свистка тренера, извещающего о начале занятий, обменивается с ним, как боксеры ударами, передачами шайбы с клюшки на клюшку.

Мы, конечно, гордимся тем, что некоторые наши изобретения стали достоянием профессионального хоккея, но…

Совершенствуя передачи, канадские тренеры тут же начали искать и противоядие против этого хоккейного «оружия». Игрока, отдавшего шайбу партнеру, здесь подолгу держат в объятиях, словно девушку. Эти объятия, разумеется, далеки от нежности, даже, пожалуй, излишне грубоваты, там слишком много мимики и жестов. Но именно при такого рода единоборстве передачи стали терять желанный результат.

В хоккее давно известен афоризм: передал шайбу – предлагай себя! Выполнение этого правила игры помогает не только обыграть соперника, но и создать численный перевес на участке поля, где разыгрывается шайба. Ну, а как быть, если соперник

цепко держит, не отпускает игрока, выполнившего передачу?

Главное – не мириться с этим. Проявить характер, смекалку, а то и силенку – и постараться вырваться, несмотря ни на что, из «капкана», вновь включиться в игру. Понимать, что компромисс с соперником, как говорится, смерти подобен для коллективных действий звена. Идти на конфликт, при котором судье станет ясно, что было его первопричиной: нарушение соперником (применившим захват руками, клюшкой) хоккейных правил.

Но мало в такой ситуации проявить характер. Желание ускользнуть от чересчур назойливой, плотной опеки должно подкрепляться таким маневром, который способствовал бы развитию атаки.

Я уже говорил о желанной скрытности передач, придающей хоккейной атаке особый эффект и остроту. Наши игроки переняли у канадского хоккея так называемые «ударные» передачи. Они, слов нет, эффектны – молодецкий замах клюшкой, пауза перед ударом по шайбе. Это ли не зрелище? Однако есть, согласитесь, в такой передаче элемент рисовки, и вряд ли застанет она соперника врасплох.

Наши лучшие форварды и хавбеки, а также защитники владеют передачей, выполняемой движением одного лишь крюка клюшки. Резкий его поворот – и шайба срывается с конца крюка, направленная в нужную партнеру точку. Физические силы на выполнение этого приема затрачиваются минимальные, а достигаются и высокая точность, и скрытность передачи. И еще одно немаловажное обстоятельство. Такой посыл шайбы по характеру движения близок к приемам обводки, а стало быть, сопернику куда труднее разгадать намерения игрока.

Вот Вячеслав Фетисов, вступая в единоборство, опрокидывает на лед соперника, овладевает шайбой и тут же умело организует контратаку. Люблю наблюдать в такие моменты за этим магом игры, когда он, не теряя горделивой осанки, действуя с высоко поднятой головой, перечеркивает надежды соперника и выдает шайбу партнеру.

По направленности и характеру передачи можно судить о классе защитника. Если шайба адресуется ближайшему партнеру или выполняется поперечная передача, то очевидно – у этого игрока слабо развито творческое мышление. Но если хоккеист посылает шайбу далеко вперед, как говорится, вразрез, за спину сопернику, в район средней зоны, да еще так, как удобно принять партнеру, – такого защитника смело можно отнести к разряду классных. Пусть действия его порой рискованны, однако в интересах развития атаки он поступает абсолютно верно. Создает нападающим благоприятные условия для того, чтобы они могли

устремиться к воротам соперника.

Но, разумеется, необходимый штрих к квалификации защитника – его умение создать сопернику трудности. Лишь такой защитник хорош, если он надежен, умело опекает соперника, отбивает у него шайбу, преграждает ему путь к воротам.

А теперь о некоторых нюансах силового единоборства. В момент контакта с нападающим защитник стремится его толкнуть. Плечом, например, или задней частью бедра. Делается это для того, чтобы отделить соперника от шайбы, лишить его устойчивости, на какое-то время вывести из игры. Разумеется, когда прием удается и соперник повержен на лед, защитник испытывает гордость. Ведь сделать это непросто, если не учитывать к тому же одно обстоятельство: на каком коньке скользит соперник в момент толчка. Если на ближней к защитнику ноге – ничего не выйдет, соперник сумеет найти опору другой ногой. Вот если толкнуть его в тот миг, когда скользит он на дальнем коньке… Он сразу лишится устойчивости – ноги заплетутся, опоры ему не найти. И никакая высокая координированность сопернику не поможет.

Но тому, кто решил совершенствовать приемы силового единоборства, недостаточно развивать себя физически, стать ловким, сильным, быстрым. Важно обрести мужество. Полюбить, вот именно, полюбить различные столкновения, контактный хоккей, как любят его в Канаде, да и в других странах, многие выдающиеся игроки современного хоккея. И не только защитники, но и хавбеки, и нападающие.

И еще одно. В контактном хоккее достается всем, а особенно хоккеистам нескладным, неловким, медленным. И поделом им. Пусть не дремлют на льду, пошевеливаются, терпеливо совершенствуют свое мастерство.

Синяки и шишки не только постоянные спутники хоккеиста, они сродни визитной карточке спортсмена. Я знаком со многими выдающимися игроками и горжусь этим. До чего же мужественные у них лица – ни одного участка кожи без шрама. Нельзя сказать, что шрамы эти лица красят, но они не мешают хоккеистам полнокровно жить, нравиться друзьям и, знаю, девушкам. Видел, как многие из этих игроков относились к травмам. Даже не морщились, ни за что не хотели внимать увещеваниям врача и покинуть лед. Выше боли и обид для них – игра, хоккей, служение команде.

Часто можно слышать на трибуне: что случилось с защитником? Так лихо исполнял силовые приемы, а теперь его постоянно штрафуют судьи. А может, игрок вовсе и не виноват. У

него пропал, да-да, пропал, «испарился» навык. Ведь сам прием содержит много различных элементов, деталей, нюансов. Выпадет хотя бы одно малюсенькое звено из цепочки – и все насмарку. Нет, к примеру, прежней ловкости, в движениях нет необходимой свободы, раскованности, и хоккеист уже не сумеет умело и четко совершить подкат, сблизиться с соперником, надежно действовать в «ближнем бою». Все эти огрехи появились в действиях защитника не случайно. Он давненько не выполнял нужные упражнения на тренировках.

Мужество и умение. Не верю, что одно из этих качеств может существовать без другого. Они взаимосвязаны, дополняют друг друга. Мужество Владислава Третьяка опиралось на высочайшую технику. Уникальная техника Владимира Крутова, особенно при выполнении таких приемов, как обводка, передачи, подкреплена удивительным спокойствием, собранностью этого хоккеиста в условиях высокого темпа, жесткой, злой игры соперников. В то же время удалой игрок без техники – что всадник без головы. Вряд ли принесет он пользу своей команде.

Я столь подробно говорю о силовом единоборстве единственно из желания, чтобы матчи советских команд, как и встречи на международном уровне, проходили в атмосфере рыцарства, справедливой спортивной борьбы. Пусть это будут дружеские состязания мастерства, силы, мужества, воли, спортивной культуры истинных спортсменов. А также познаний и творческих устремлений тренеров, этих полководцев спортивных команд.

Силовое единоборство требует не только становления техники выполнения связанных с ним приемов, доведения их до совершенства, но и постоянного к ним внимания. Они подобны оружию, которое необходимо смазывать и чистить. О них, этих приемах, нельзя забывать, занимаясь на льду, на летней открытой площадке или в зале. Для чего необходимо это повышенное внимание? Во-первых, навык, хочется об этом еще раз напомнить, непрост, сложен. А во-вторых, он постоянно требует «цемента» – волевой стойкости спортсмена. А мужество не является качеством, раз и навсегда человеку данным. Этот костер – жар души – необходимо в себе постоянно поддерживать.

Во время своей долгой жизни в большом спорте мне не раз приходилось встречать людей, которым в мужестве как будто не откажешь, но проявлялось оно порой как-то странно, однобоко.

Расскажу о друге своей юности Александре Афонькине. Вместе мы учились в институте, играли в одесской футбольной команде мастеров «Динамо», а до призыва в армию зимой 1939/40 года выступали в составе хоккейной команды «Крылья

Советов», затем долго служили вместе, играя в хоккей и футбол в коллективе ВВС. Этот смоленский парень, скромный, неразговорчивый, был талантливым спортсменом. Особенно преуспел он в русском хоккее, или, как теперь его называют, бенди. Он успешно выполнял роль хавбека. Умело отбирал мяч у соперника, мог дать точную передачу любой сложности на ход партнеру, а клюшкой владел, как теннисной ракеткой – нередко бил по мячу с лету. В игре Александр преображался – становился активным, веселым, действия его отличались выдержкой, мужеством. А вот на футбольном поле он становился совсем другим. Излишне осторожным, в единоборствах жалел свои ноги, после столкновений подолгу лежал на траве…

Встречал я и других спортсменов, которые в одних видах спорта были само бесстрашие, а в других этих качеств не проявляли. И полагаю, это не случайно.

Связь в спорте мужества и умения для меня несомненна. И мужество как «спокойная храбрость, присутствие духа в беде, опасности» (а именно так трактует это понятие «Толковый словарь русского языка») приходит к тому, кто полезен команде, кто ощущает поддержку партнеров. Нам, тренерам, следует всемерно прививать игрокам мужество и храбрость как спутников мастерства. Но совершенствование этих качеств должно идти в рамках высокой дисциплинированности хоккеистов, спортивной этики.

Тактика – лицо команды

Не знаю, как вы, любители хоккея, а я, тренер, о классе команды, культуре, квалификации, познаниях ее тренера сужу по содержанию ее тактических действий. Причем, конечно же, во встрече с равным по силе соперником, в матче, где налицо напряжение спортивной борьбы. Почему так? В этих действиях воплощаются знания тренера в хоккее, понимание им игры, его творческое кредо, то, какие средства и методы борьбы считает он главными. Именно в таких вот матчах проявляются тренерские замыслы, «домашние заготовки», новинки, никому, возможно, доселе не известные. Все это тренер подкрепляет личным руководством игрой.

Когда, будучи молодым тренером, я наблюдал в деле футбольную команду ЦСКА, то мне всегда казалось, что на поле незримо присутствует Борис Андреевич Аркадьев – великий кудесник футбола. По его «нотам» играло не одно поколение футболистов. И как играло! Всегда вдохновенно, с искрой азарта, тактически осмысленно. Любо-дорого было смотреть, сопереживать такому футболу. Для игры Аркадьев терпеливо подбирал, воспитывал футболистов удалых, умелых, творческих, не послушных «тружеников поля», а игроков, способных действовать в том ключе, как понимал футбол их тренер. А тех, кто не умел играть в футбол, Аркадьев не ругал, он их попросту не замечал, молчаливо от них отказывался.

Аркадий Иванович Чернышев значительно раньше меня увидел игру канадцев. Вместе с руководителем футбола и хоккея того времени С. А. Савиным он побывал на олимпийском турнире 1948 года в Швейцарии, проводившемся в красивом, уютном местечке Санкт-Мориц. На моего друга и коллегу Аркадия Ивановича сильное впечатление произвела канадская команда, особенно организацией игры в обороне. Восприняв идею обороны, при которой каждый игрок имеет свои четкие обязанности, обороны терпеливой, разумно построенной и изматывающей соперника, а также способной при помощи контратак наносить ощутимые уколы, он эту систему видоизменил, модернизировал, применил у себя в динамовском коллективе, пронес через свою долгую и счастливую тренерскую жизнь. Московские динамовцы многих поколений исповедовали, воплощали в игру тактику своего тренера. Пусть динамовский клуб не часто становился чемпионом страны, но призовые места занимал постоянно.

Итак, можно сделать вывод: команда играет, творит на поле, исполняя тактические мотивы своего тренера.

Какой же из четырех компонентов хоккея (атлетизм, техника, тактика, волевое усердие) является главным, определяющим, на который должны равняться остальные, как бы подчиняясь ему?

Задумаемся: как возводится здание? Сперва архитектор создает проект. Лишь затем строители, следуя ему, по кирпичику «собирают» дом.

Тренер же «строит» команду по собственному проекту. Прежде чем приступить к делу, он должен мысленно представить действия «его команды» на льду, стиль ее игры, тактические связи хоккеистов. То есть начинает с тактики. И пусть у тренера, приступившего к работе с командой, нет под руками нужных ему хоккеистов. Его должна вести за собой мечта, без которой не бывает спортивного счастья. Конечно, речь идет не о маниловщине, а о мечте реальной, соразмерной возможностям тренера и команды.

Игровой стиль. В моем понимании, это – совокупность средств, методов, служащая для выражения главной мысли тренера.

В последние годы лучшие команды мирового хоккея перестали исповедовать только лишь атакующий стиль. Это удивило специалистов, тем более что от атакующего стиля игры отказались и канадские профессионалы. Пока они варились в собственном соку, не переступая рамки НХЛ, канадские и американские клубы придерживались явного, я бы сказал, даже дерзкого атакующего направления. Атаки велись ухарски, большими силами, с изрядной долей риска. И это доминировало в игровых идеях всех тренеров команд НХЛ. Смотрелся такой хоккей великолепно. Атака рождала виртуозов хоккея, звенья проявляли тактическую изобретательность.

Такие залихватские атаки и связанный с ними риск были закономерны и даже оправданны. Атака всегда имеет право на риск. Это предусматривает и стимулирует новизну действий, импровизацию, заставляет спортсменов придумывать неожиданные ходы, постоянно совершенствовать и обновлять свой технический арсенал, «фамильные» приемы. Все это в итоге направлено на главное, на победу.

Но выход профессионалов на международную арену, и особенно матчи с советскими хоккеистами, потребовал от них изменения стиля игры. Произошло это, конечно, не сразу. В первых сериях встреч с нашими спортсменами канадцы играли в «свой» хоккей. Но, почувствовав силу советского хоккея, отказались от шапкозакидательских настроений, что вредно не только в спорте, но и во всех проявлениях жизни. Сопоставив свой стиль игры с нашим, решили в своих действиях многое

перестроить.

Наши тренеры, в том числе и я, разумеется, не присутствовали на теоретических семинарах руководителей команд, где решались важные проблемы модернизации и усиления канадского хоккея. Так что сказать доподлинно, о чем именно велась на них речь, не могу. Но последующие матчи хоккейных профессионалов с нашими спортсменами показали, насколько серьезно руководители НХЛ и тренеры клубов относятся к встречам с советской сборной, видя в ней соперника сильного и достойного, коль уж идут они на пересмотр своих вековых концепций.

Но, дорогой читатель, наверное, пришел черед сравнить советский хоккей с профессиональным – того времени и нынешним.

Нетрудно было заметить, что канадские хоккеисты уступают нашим боевым порядкам в общей сумме скоростного маневра. Речь идет не о скорости – маневренности отдельных игроков. И в канадских командах немало было «реактивщиков» – хоккеистов шустрых, быстрых, вертких. Но я говорю о сумме маневра звена в единицу времени, что всегда создает основу активной занятости игроков на поле. Наши звенья за счет активных действий хоккеистов без шайбы – не только нападающих, но и хавбеков, защитников, – набирали куда более значительную сумму скоростного маневра.

Наших хоккеистов как бы было на поле поболее. Лучшие звенья того времени – например, звено Владимира Петрова, – играя в режиме 1:3, то есть в три пятерки, пробегали за матч в среднем 40 километров, а капитан команды ЦСКА и сборной СССР Борис Михайлов в отдельных матчах накручивал на свой «спидометр» до 11 километров. Канадцы по этому показателю уступали нашим игрокам в полтора раза.

Эту свою слабость наш именитый соперник ощутил в первых же встречах. Но ничего серьезного до поры до времени предпринять не мог – не было ни сил, ни убедительных аргументов, ведь требовалось ни много ни мало – поменять знаменитых ветеранов на молодых игроков. Но на матчи овеянных легендами ветеранов валил зритель, на их славе зиждилось все здание профессионального хоккея. Он был фундаментом хоккейного бизнеса. В благодарность за создание великолепного хоккейного зрелища руководители клубов никогда ничего не жалели для своих кумиров. Могли ли они списать их с корабля только потому, что с возрастом те стали медленней двигаться? Нет, это было выше их сил.

К тому же на внутренних соревнованиях этот изъян был не

слишком заметен. Хоккеисты в возрасте были в каждом клубе. На протяжении долгих месяцев они давали прекрасные хоккейные спектакли, и проблема усиления темпа игры остро не стояла. Более того, увеличение занятости хоккеистов, скоростной, не переводя дух, принцип игры могли ранить психику сложившихся игроков. Непомерная усталость порождала бы технические огрехи, снижала бы эмоциональность игры. Усталость, известно, что гиря на ноге у пловца…

Мне всегда нравилось умение канадских коллег быстро реагировать на различные затруднения, возникающие в ходе встреч их подопечных с нашей сборной и клубами. Они всегда из многих возможных решений находили лучшие. И, как правило, простые. Эти их простые ответы часто усложняли нам жизнь. Так было и тогда. Поняв, что в короткий срок канадским игрокам не превзойти советских хоккеистов в скоростном маневре, заокеанские тренеры приняли несложное, но выгодное для своих подопечных решение: не жертвуя атакой, сделать ее не столь мощной и продолжительной, уделив особое внимание отходу нападающих к оборонительным действиям в своей зоне.

Расчет был и прост, и мудр. Наши звенья уже не могли рассчитывать на борьбу с канадскими хоккеистами на пространстве в 1800 квадратных метров. Они как бы приглашали советских игроков к себе в зону, где плацдарм борьбы сокращался втрое, а в прямоугольнике площадью в 600 квадратных метров не разгонишься, не развернешься, не укатаешь соперника, которому в позиционной обороне, где он имел возможность и сохранять, и применять силенку, в те годы не было равных. Канадцы лишали наших хоккеистов не только скоростного маневра, но и, как следствие, возможности пользоваться скоротечным, скрытным и точным пасом, который все наши игроки того времени считали своим козырным тузом.

Канадские игроки вели позиционную оборону умело, расчетливо. Тратя куда меньше сил, чем атакующие, они, чтобы наши хоккеисты чувствовали себя неуютно, при малейшей возможности предлагали им контактное силовое единоборство. Да такое, что у хоккеистов в глазах рябило. Канадцы – большие мастера таких схваток, если к тому же судья не слишком строг, «либерал».

Что же делать нашим хоккеистам в зоне соперника, если они лишены возможности постоянных скоростных передвижений, если теряются нити паса? Для того чтобы пробиться к чужим воротам, нужно применять обводку, прострелы, броски с дальних позиций, с флангов. Все это канадцам знакомо. В своем хоккее они используют именно эти тактические решения. А опыт

свидетельствует: не можешь предложить сопернику действия, ему незнакомые, для него неудобные, – успеха не жди.

Наши хоккеисты очень старались, но коллективных действий наладить не удавалось, приходилось действовать в основном индивидуально. Наши команды становились непохожими на самих себя. Канадцы же ждали случая, когда наступление советских игроков захлебнется и они потеряют шайбу. И тогда наши изголодавшиеся по атаке соперники бросались вперед – к чужим воротам. А атаковать они умеют, на мой взгляд, как никто другой в мировом хоккее. Вспоминаю действия защитника Брэда Парка, который, выступая в Москве, имел два момента для взятия ворот и оба их использовал, заслуженно получив приз как лучший игрок той серии встреч советских хоккеистов с канадскими профессионалами. И это при том, что буквально чудеса творил в той серии матчей Фил Эспозито, забивавший шайбы самому Владиславу Третьяку из самых сложных положений.

Впрочем, и наши тренеры всегда уделяли повышенное внимание тактическим построениям. Должно быть, не раскрою большого секрета, если скажу, что львиная доля предматчевого времени накануне встреч с канадцами у наших тренеров уходила на тактические разработки, поиск новых решений. Каждый игрок и звено должны были до мелочей знать, что ждут от них в этих сложных матчах наставники, каким образом они могут усилить свои действия, выполняя порученную им роль, где, в какие моменты игры могут проявить свое творчество, изобретательность.

Мы, тренеры, вначале и предположить не могли, что канадские коллеги своему испытанному оружию – искрометной атаке – предпочтут оборону. А потому делали тактическую ставку на то, чтобы измотать силы соперника уже в начале матча за счет массированного скоростного маневра по всему пространству поля. А по мере того, как в действиях канадцев начнет давать себя знать усталость, стремиться извлечь из этого выгоду, проводя острые, подчас рискованные контратаки.

Здесь я часто употребляю это слово – «риск». И хотя за понятием этим скрывается угроза опасности, неудачи, провала, я отношусь к нему с долей уважения. Потому что имеет оно и другую смысловую грань – поиск свежих игровых идей, решений. Для меня, тренера, рисковать – значит выдумывать, предлагать игрокам новые задачи и на тренировках, и в матчах. Все, что связано с риском, мне всегда было по душе. Он всегда, если хотите знать, поднимал меня в собственных глазах, придавая дополнительные силы и особый настрой. Но риск удесятеряет и ответственность тренера за судьбу матча, за каждого игрока.

Тренер рискует, и это не может не отразиться на хоккеистах, не вызвать у них каких-то мыслей, оценок. И лишь для игроков инертных, лишенных здорового честолюбия, этот риск может оказаться нежелательным, пугая излишним напряжением мысли и физических сил. Но я в своей работе никогда не ориентировался на спортсменов аморфных, полагая, что большой спорт – для людей, сильных духом и телом, всегда устремленных к новому, неизведанному, не чуждых помыслам об успехе, о спортивной славе. И это (последнее – стремление к славе) не считаю эгоизмом. Такой игрок щедро дарит свое искусство и команде, и зрителю. Это – честно заработанная слава. Она – огромный стимул для тех, кто решил отдать спорту лучшие свои молодые годы.

Но продолжим разговор о том, как канадские профессионалы приспосабливали тактику своих действий к манере игры советских хоккеистов.

С первых же дней знакомства канадские тренеры стремились все, что мало-мальски умели делать на льду наши хоккеисты, глушить силой с помощью столкновений, различных тактических уловок. Их подчас не беспокоило то обстоятельство, что игроков канадской команды удаляют с поля, что наши звенья, действуя с лишним игроком, используют эту ситуацию и забивают в эти секунды шайбы. Нет, стремление оставалось прежним – подавить силой волю соперника, сбить его порыв, боевой настрой, ограничить скоростной маневр и… попугать. А почему бы и нет? Чего тут скрывать, во все времена побаивались канадских игроков соперники. Впрочем, о том, как развивались события в этой сфере наших игровых взаимоотношений, я уже подробно рассказывал на страницах этой книги.

Но как действовать, как поступать, если профессионалы и сегодня пытаются навязать нашим игрокам жесткое, а подчас и жестокое единоборство?

Исчерпывающего ответа на этот вопрос, конечно же, нет и быть не может. Тренеру нужно принимать решение, творчески оценивая ситуацию. Например, грубо играют лишь отдельные игроки, и рефери замечает и фиксирует нарушения правил. Тут хоккеистам один лишь совет: терпеть. Не обращать внимания на жестокость соперников и даже воспринимать грубость с улыбкой. Для чего же улыбка? А чтобы показать сопернику, что тебе все нипочем, и тем самым вывести грубияна из себя, лишить его контроля над собой.

Иное дело, если грубость соперника санкционирована тренером. Такое запланированное хамство при попустительстве судей может повлиять на исход спортивной борьбы. Мое

тренерское мнение здесь однозначно – на вызов надо отвечать. Необходимо дать острастку зарвавшемуся сопернику. Ведь помимо того, что смирение может быть истолковано как проявление слабости, оно может привести к синякам и шишкам, тяжелым травмам. Если в этой ситуации арбитры не способны навести порядок, их функции должны взять на себя тренеры и спортсмены.

Говоря это, исхожу из своей богатой практики игровых взаимоотношений с канадскими командами. Руководствуюсь лишь одним желанием – играть в нормальный, джентльменский хоккей. Стремлюсь, чтобы соперники всегда соответствовали духу спортивной солидарности. В честном соперничестве не может быть места неуважения к личности и чести спортсмена.

Разумеется, нельзя не помнить и о том, что за океаном принято играть в этакий задиристый хоккей. Но и там в последнее десятилетие стали раздаваться голоса против чрезмерных страстей, за чистоту хоккея. Однако потасовки на хоккейных полях нет-нет да и случаются. Видимо, как писал еще А. С. Пушкин, «привычка свыше нам дана». Избавиться от грязной игры оказалось не так-то просто. Ни штрафы, ни дисквалификации ощутимого эффекта пока не дают. А жаль. Как хочется, чтобы победы в хоккее всегда были триумфом игровых и человеческих достоинств спортсменов. И стать на путь справедливой игры должны прежде всего «сильные мира сего» – советские и канадские хоккеисты.

Но вернемся к разговору о тактических построениях. Вообразим себе, что канадские профессиональные команды во встречах с нашими хоккеистами будут продолжать придерживаться оборонительных действий полным составом звена у себя в зоне, пытаясь извлечь из этого выгоду. Каким быть нашим боевым порядкам?

Решение, с которым я хотел бы ознакомить читателей, я не раз предлагал в последние годы тренерам нашей сборной, но они его отвергали. Причина одна – риск при обороне малыми силами. Да, ключ к тому, как лучше, целесообразнее вести атаку, преодолевать позиционную оборону канадцев, лежит не только в зоне соперника. Он и в организации собственной обороны. На первый взгляд это звучит странно. Однако послушайте, о чем идет речь.

Защищаясь полным составом, канадские хоккеисты не смогут вести атаку наших ворот большими силами, а главное – она не сможет быть внезапной. Конечно, многое в этой ситуации зависит от действий наших звеньев. Они должны настойчиво, тактически расчетливо изматывать соперника, не давая ему передышки, с

тем, чтобы на резвую атаку ему не оставалось сил. Нужно предвидеть и то, что в наступлении канадцы будут расчетливы. Действуя в нашей зоне, третьего своего нападающего они будут держать чуть поодаль от наших ворот, опасаясь контратаки. Естественно, и канадские защитники примут участие лишь в розыгрыше шайбы – никаких вылазок к нашим воротам они предпринимать не будут – это нетрудно представить. В этой ситуации обороняться нашим хоккеистам полным составом – слишком большая, пожалуй, роскошь, занятие дорогостоящее. Такая оборона строится на чрезмерном опасении за безопасность своих ворот.

В классной команде все должно быть в меру. Памятуя о высоком индивидуальном мастерстве канадских хоккеистов, готовых, разогнавшись, с ходу обыграть соперников и атаковать ворота, можно до своей синей линии действовать полным составом, вменив нападающим использовать различные виды прессинга. А вот на пространстве между красной и синей линиями вместе с защитником вести спаренное единоборство (в том числе и контактное) против соперника, владеющего шайбой. И вот, поставив перед наступающим соперником такие оборонительные «ежи» и облегчив тем самым действия защитников по отбору у него шайбы, звено может переходить к обороне малыми силами – тремя, максимум четырьмя игроками.

Здесь учитывается то обстоятельство, что канадские защитники во время атаки привычно действуют вдали, в разрыве от своих форвардов (помимо тех случаев, когда они взаимозаменяются с нападающими ролями). И те наши форварды, которые, вступив с соперником в борьбу на рубеже синей линии, останутся в средней зоне, будут готовы, маневрируя за спинами канадских защитников, получить шайбу и без помех мчаться с нею к воротам соперника.

Защитники канадцев, конечно, могут принять в такой ситуации разные решения. Станут, например, опекать наших форвардов в средней зоне – тогда им еще усерднее следует, маневрируя, предлагать себя. Или вдруг кто-либо из защитников, явно рискуя, ринется вперед, в атаку – тут надо последовать за ним. Разумеется, оставшимся в средней зоне форвардам следует кататься не на виду у защитника, а поблизости – сбоку или за спиной, будучи готовыми перехватить шайбу и в том случае, если канадский нападающий решит передать ее назад, игроку обороны. Защитнику атакующей команды, конечно же, будет неуютно, если позади него скрытно станет маневрировать соперник – ему придется постоянно отвлекаться, оборачиваться назад.

А теперь – выводы. Если следовать предложенной тактике, риск в действиях обороняющихся, конечно, есть, но он не так уж велик. Вы обратили внимание? Выступая в численном меньшинстве, звенья действуют в обороне особенно собранно и надежно. Но – слышу возражение – в неполном составе играют, как правило, лучшие звенья команд! Но и этот способ защиты я предлагаю не для всех звеньев, во всяком случае – не для слабых. Это естественно: новые идеи, тактические ходы тренер доверяет воплотить в игру прежде всего игрокам, индивидуально сильным, боевым, тем, на кого он может положиться. И риска меньше, и мастерство талантливых спортсменов – а это всегда должно быть предметом особой тренерской заботы – растет куда быстрее, если перед игроками постоянно ставятся новые задачи.

И еще штрих. Смогут ли канадские игроки при таком способе действий наших хоккеистов в полном составе возвращаться в свою зону для организации обороны? Если советские спортсмены, обороняясь малым числом, готовы, перехватив шайбу, тут же провести острую контратаку? Конечно, нет. Не успеют. Но есть и еще одно, подчас не всегда улавливаемое глазом преимущество наших звеньев при таком ведении защитных действий.

И мощь атаки, и прочность обороны зависят в современном хоккее от согласованных, единых действий защитников и нападающих. В разных фазах игры, что естественно, эти игроки выполняют различные функции. Если подвергнуть анализу оборону канадских команд и попытаться вникнуть в первопричины ее надежности, то мы заметим, что наряду с тактической расчетливостью действий, всеобщим мужеством, желанием сражаться, не жалея себя, самым сильным средством защиты является изобретенный канадцами так называемый «спаренный отбор» шайбы. Один игрок, не теряя времени, с разгону врезается в соперника, отделяя его от шайбы или лишая контроля над ней, другой же подхватывает шайбу, если она оказалась свободной, или повторяет столкновение, опрокидывая соперника на лед.

При предложенном мною варианте обороны мы упреждаем канадцев, применяя столь сильное средство отбора шайбы против них самих и, казалось бы, привычное им. И в то же время лишаем их возможности применить его против нас. Почему? Да очень просто.

В результате нашей контратаки – а она будет рождаться пасом длинным, продольным – канадские защитники какое-то время вынуждены будут вести оборонительные действия без участия всех своих нападающих. Значит, соперник не сможет располагать численным превосходством на участке, где будет

разыгрываться шайба, вестись борьба за шайбу. Далее при равенстве сил преимущество будет не у канадцев. Наши форварды, обладая высоким уровнем обводки, получат возможность обыгрывать обороняющихся по одному и атаковать ворота.

Конечно, пусть с запозданием, в оборону вернутся все канадские игроки. Но если советские игроки в атаке будут применять стремительный маневр и быстрый пас, то оборона канадцев лишится присущей ей рассудительности, спокойствия. Игроки постоянно будут находиться в цейтноте, что лишит их и четкой страховки друг друга, и возможности принимать верные решения. Да и овладев шайбой, вряд ли они сумеют быстро организовать контригру, поскольку возможность верно ориентироваться в обстановке будет ими частично утрачена.

Конечно, для успеха тактики ведения обороны малыми силами очень надежными в отборе шайбы должны быть защитники. Да и нападающие должны уметь творчески переключаться от защитных действий к атаке и наоборот. Освоив этот тактический мотив, поверив в него, хоккейное звено всегда будет особо надежно действовать при игре в численном меньшинстве, поскольку в эти тревожные для команды минуты будет чувствовать себя в привычных условиях.

Убежден, усилия по совершенствованию ведения обороны малыми силами дадут сильный эффект. Когда такая оборона станет привычной для игроков, они научатся извлекать из нее для своей команды немалые выгоды. Верно ведь говорят: покажите мне, как команда действует в меньшинстве, и я вам скажу, что это за команда. Хоккейные клубы терпят поражения по разным причинам. И одна из них – неумение действовать в меньшинстве.

Слышу возражение: а что, если канадцы, атакуя, не станут рисковать и заблаговременно начнут отходить назад? Как быть в таком случае? Но, полагаю, такое не в характере канадских игроков. Попробуйте-ка лишить заокеанского хоккеиста его любимого «лакомства» – атаки!

Конечно, тренер во имя успеха может пойти на все. Лишить команду привычного стиля игры, убедить игроков принять тактику, которая будет им неинтересна, неперспективна… и т. п., но – сгодится для одного конкретного матча. Предположим, канадцы ради победы над нами пойдут на крайнюю меру – уйдут в глухую защиту, обороняясь полным составом и отвечая отдельными уколами контратак. Как поступать в такой ситуации нашим звеньям?

Это тот случай, когда психологический настрой каждого игрока, возможно, станет решающим для успеха всего

коллектива. Хоккеисты должны знать, на что рассчитывают профессионалы, когда сознательно уступают территорию и приглашают наши звенья действовать в условиях игровой толчеи.

Это – о знании. Теперь – об умении. Все следует делать быстро, скрытно и, пожалуй, как никогда, уверенно.

Веря без каких-либо сомнений в тактику, предложенную тренером, игроки должны претворять ее в каждом игровом эпизоде. Какие я дал бы здесь советы? Быстро обводить, не ждать, а самому находить соперников. Быстро и скрытно обмениваться пасами и, что не менее важно, быстро и дерзко освобождаться от объятий соперника и предлагать себя партнерам. Тот же совет, если пас отдается в ходе обводки.

Завершающий бросок должен следовать принципу «редко, но метко». Надо готовить его, а не стрелять беспорядочно издали и с флангов по воротам, порождая у соперников уверенность в их неуязвимости.

Ну, а если шайба потеряна, быстро, без раскачки, приступить к ее отбору. И каждый, буквально каждый игрок должен быть удивительно жизнестойким и, я бы сказал, веселым. Не должны смущать ни толчки, ни захваты, ни жестокость соперника. Все неприятности должны отскакивать от него, словно горох.

Естественно, в обстановке активной атаки тренеру надо подумать о том, как лишить соперника возможности контратаковать. А потому наскоки защитников на голевые позиции должны быть таковы, чтобы свести к минимуму степень риска. Их участие в атаке – в быстром розыгрыше шайбы, прострелах и мощной стрельбе по воротам. Они должны постоянно держать соперника перед глазами.

Теперь – о психологических аспектах такой игры.

Надо предвидеть, что соперник будет действовать с особым упорством, пока не начнет проигрывать. И надо знать, что, проигрывая, он изменит тактику и может пойти в атаку большими силами. Здесь многое зависит от тренера. Он должен умело перестроить игру, настроить своих игроков на расчетливую оборону, со стремлением опекать соперника в средней зоне, помышляя об острых контратаках.

Каждый хоккеист обязан знать, что пробить брешь в плотной обороне соперника будет непросто. Без терпения, мужества, решительности успеха не добьешься. В завершающей стадии атаки пригодятся и выдумка, и настырность, активные действия за воротами – без длинных пауз, с нырками к воротам или точным, расчетливым пасом партнеру. Все это заставит соперников развернуться лицом к своим воротам, что усложнит им опеку атакующих игроков. А это – новые возможности для

того, чтобы внезапно выскочить на голевую позицию, для атаки ворот с ходу.

Как показал опыт встреч с профессионалами, они привыкли к тому, что наши хоккеисты, находясь в чужой зоне, подолгу разыгрывают шайбу, передавая ее друг другу, и потому канадцы часто разгадывают намерения советских игроков, перехватывают такие передачи. Убежден, неожиданные и яркие индивидуальные действия, кинжальная атака ворот может принести успех.

Разумеется, такой «слалом» к воротам (а он часто и успешно выполняется молодым нападающим ЦСКА и сборной СССР Валерием Каменским) должен быть поддержан партнерами по звену. Своими маневрами (как это делают, например, сотоварищи Каменского Андрей Хомутов и Вячеслав Быков) они не только отвлекают соперника от направления «главного удара», но и ставят заслоны, пробивают бреши в обороне, закрывают обзор вратарю, создавая партнеру условия для того, чтобы проскользнуть с шайбой к воротам и успешно завершить атаку.

Конечно, тактику, психологию, «энергетические особенности» соперника учитывать нужно. Но, совершая разведку соперника, строя предположения, как он будет действовать против твоей команды, тренеру нельзя потерять нить собственной тактики – основу игры команды, залог ее успеха. Забыть то, что рождено нашим хоккеем, делает его самобытным. Упустить то, что, возможно, заимствовано, но по-своему развито, модернизировано. То, что очень подходяще для наших хоккеистов и ох как не нравится соперникам! А именно – наш скоростной маневр с одновременной, всей пятеркой, сменой ритма игры, быстроту скрытных и точнейших распасовок шайбы. Разумное сочетание этих передач с обводкой, с особо быстрыми и неожиданными для соперника действиями в завершающей стадии атаки. А также нашу игровую дисциплинированность, осмысленность действий, умение менять тактику в ходе встречи при активном тренерском руководстве. Убежден, проявления всех этих наших достоинств вполне хватит для победы над профессионалами.

Решающим звеном в развитии тактики (как и в совершенствовании атлетизма, технического мастерства спортсменов) было, есть и, верю, будет содержание учебно-тренировочной работы в наших командах. Наши игроки всегда тренировались в охотку. Но теперь, когда подготовка команд ведется на современном, очень высоком уровне, этого недостаточно, даже если тренер предлагает игрокам интересные, целенаправленные упражнения. Главное, как отнесутся к тому, что им рекомендовано, сами хоккеисты. Осознанно, вдумчиво ли? Если тренер сумеет довести до каждого игрока суть тактической

идеи, так заинтересовать спортсмена, что тот становится сам себе как бы тренером, повысить его личную ответственность за качество тренировки, за судьбу матча, то такой тренер, уверен, добьется многого.

И еще одно. Такие тренировки должны быть сложными, очень сложными, возможно, подчас сложнее, чем самый упорный матч с профессионалами.

Знаю, добиться такой степени сложности тренировочных занятий – дело не простое. От тренера потребуются не только иные педагогические, психологические подходы к игрокам, но и, в известной степени, мужество.

Проверяя отдельные тактические решения, обороняющаяся сторона должна будет действовать во время этих занятий «за профессионалов» на грани фола и даже жестоко. Ни в коем случае здесь нельзя жалеть атакующих, создавать им «тепличные условия», иначе урок не пойдет впрок. И в то же время недопустимо в ходе этих очень сложных тренировок нанести хоть малейший ущерб атмосфере товарищества в команде.

Умение и авторитет тренера помогут ему найти для таких занятий необходимую «золотую середину», при которой создание на льду экстремальной игровой обстановки сочеталось бы с дружелюбием спортсменов.

Вот, пожалуй, и все о тактических средствах. Подводя итог, скажу: как здание строится из кирпичей, так и тактика команды «собирается» из разных элементов хоккея, где наиболее важны физические качества игроков, особенно такие как быстрота, ловкость и сила, а также техническая оснащенность, отменная выучка хоккеистов разных амплуа.

Гимн рыцарству

Часто вспоминаю те счастливые незабываемые годы, когда вместе с командой летал в Канаду на турниры, на товарищеские матчи. Мы, тренеры, знали: те из игроков, кто сдюжит в канадском турне, не подведут команду и на чемпионатах мира, и на олимпийских турнирах. Встречи с канадскими командами, сильными, честолюбивыми, по-спортивному злыми, считались лучшей проверкой хоккеистов, особенно на волевую стойкость. И то, что им предстоит именно такая проверка на прочность с первых наших вылетов в Канаду, знали и спортсмены. Всегда тщательно готовились к матчам за океаном. И, что очень важно, сами игроки не хотели мириться, если кто-либо из хоккеистов пасовал перед соперником, начинал жалеть себя. Часто вожаки команды приходили к тренерам, требуя принятия мер, а то и высказывали полное недоверие к хоккеисту, не проявившему в матчах мужества. Мы, тренеры, никогда не оставляли такие заявления без внимания.

Конечно, смелость, проявление отваги, мужества имеют в хоккее свои оттенки. Основой преданности хоккею считаю трудолюбие спортсмена, его стремление всего себя отдавать игре, целиком посвящать свои действия успеху команды. И не только во время матча, когда на поведение хоккеиста влияет еще один мощный стимул – зритель. Счастлив, что ни разу не видел на льду лентяя во время хоккейных поединков.

Другое дело – трудолюбие в повседневных, подчас тяжких тренировках. Здесь для тренера важна не просто добросовестность спортсмена, проявляющаяся в том, что он не увиливает, честно выполняет все упражнения. К такому хоккеисту претензий, как будто, быть не может – он не белая ворона, тренируется, как все. Важно, однако, и другое. В охотку ли тренируется? С улыбкой ли выполняет упражнения, ищет ли при этом собственные решения, осознанно ли проявляет творческий поиск?

Не верю, что мужество – лишь дар природы. Главное – жизненный уклад молодого человека, его окружение – среда, условия воспитания. Важно, как юноша сам реагирует на все, что происходит вокруг. Ребят послевоенного поколения воспитывали высокие образцы героизма советских людей на фронтах Великой Отечественной войны, подвиги молодых патриотов – Зои Космодемьянской, Олега Кошевого, Александра Матросова и других.

И наши победы на мировых чемпионатах, в олимпийских

турнирах – следствие не только определенного уровня мастерства и физической готовности спортсменов, правильно избранной тактики, но и вдохновения, мужества игроков, рожденных желанием постоять за престиж своей страны.

Пример преданности хоккею постоянно демонстрируют канадские игроки, и особую окраску спортивного мужества мы наблюдаем у профессионалов. Меня часто спрашивали: «Что, мужество профессионалов – это предел возможного? Их преданность хоккею выше, чем у наших игроков?» Вопрос сложный. Так просто, с ходу, одной фразой не ответишь. Однако и отмалчиваться не собираюсь. Попробую ответить на него, рассуждая не спеша.

Судить по внешнему впечатлению – равных канадским спортсменам в мужестве нет. В единоборстве они по-спортивному злы и живучи, не припомню, чтобы кто-либо из игроков не догнал соперника, отвернулся от летящей шайбы, не подставил себя под разящий бросок. А настрой команды? Всегда на победу!

Даже если канадцы посылают на какой-либо турнир несильную команду, все равно ее игроки не играют, а в буквальном смысле слова воюют на льду, отдаваясь борьбе самозабвенно, без остатка. И ничто никогда не может помешать их боевому настрою. Они бесстрашны. Со стороны кажется, что они какие-то заводные, приняли допинг, у них всегда избыток сил и желания играть.

Во время различных семинаров за океаном канадские руководители хоккея нередко доверяли мне проводить практические занятия с юными спортсменами. Последние всегда мне были близки, всегда нравились своей самоотдачей на тренировках. Им, похоже, давно известно правило, которое я не устаю повторять молодым игрокам: «Уменья не хватает? Не горюй! Если желания осваивать хоккей у тебя в избытке, то мастерство придет!»

Бытует мнение, будто профессионалы потому так преданы хоккею, что это их хлеб, что у них – контракт. Не проявит хоккеист самоотверженности в игре – контракт может быть аннулирован. Такие вот ходят суждения о профессионалах.

Согласен, текст условий контракта, по-видимому, предусматривает и соответствующее отношение спортсмена к своим обязанностям, особенно во время тренировок и матчей. Он, этот контракт, наверняка подтягивает спортсмена, заставляет его должным образом держать себя, готовить к матчам и тренировкам. Но убежден, дело тут не только в страхе быть уволенным или лишиться части денежного вознаграждения. Близко знакомясь, откровенно беседуя со многими истинными

профессионалами, не раз убеждался в том, что эти парни слеплены из особого материала, что в них гармонично сочетаются и мастерство, и любовь к хоккею, и его знание, и тот боевой игровой характер, что рождает беспощадность по отношению к самому себе.

Смотришь матчи канадских профессионалов, и кажется, что нет мужества выше. Но такое наше суждение – плод нахлынувших эмоций. А если успокоиться, кое-что вспомнить, порассуждать, все взвесить на весах?

Если кто полагает, что мужество – предмет «одноразового пользования», тот, конечно же, ошибается. Но именно так подчас понимает мужество молодой человек. Он смело вступил в конфликт, помог товарищу отстоять правое дело. Или защитил девушку от хулиганов. Все это замечательно, достойно всяческой похвалы. Но есть не только мужество поступка, а мужество каждодневного труда, причем мужество осознанное. О нем и пойдет, читатель, наш разговор.

В году триста шестьдесят пять дней. Почти все это время, за вычетом короткого отпуска, игрок хоккейной команды тренируется плюс участвует в матчах всесоюзного чемпионата, в международных официальных, а также в разного рода товарищеских встречах. Если выразить эту его «хоккейную занятость» в часах, то среднегодовая цифра набежит к тысяче.

У нас, в команде ЦСКА, в трудное для нас время, когда наш хоккей готовился к дуэли с канадскими профессионалами и требовалось ввести в основной состав команды большую группу молодежи, годовой «объем работы» в течение нескольких сезонов доходил до тысячи двухсот часов. Это, конечно, многовато. Было тяжело справляться с работой и тренерам, и хоккеистам. Но высокие цели, стоящие перед нами, необычные задачи, заманчивая перспектива сразиться с профессионалами поднимали настроение у всех нас.

И я бы назвал это спортивным подвигом. Подвигом нелегкого повседневного труда. Как шахтеры, спускаясь надолго под землю, возвращаются на поверхность чумазые и счастливые, с чувством исполненного долга, так и мы с утра облачались в спортивную амуницию и начинали «вкалывать».

Мы, тренеры, лучше игроков знали, что так много тренироваться необходимо и полезно. Хоккеисты верили тренерам. Уже хотя бы потому, что каждый день убеждались: объемные занятия даются нелегко. Такие вот сложные тренировки особенно закаляют мужество игроков. Как сталь закаляется в огне, так мастерство и воля игроков крепнут в процессе сложных, объемных, целенаправленных и, конечно, интересных тренировок.

Пусть простит меня читатель за то, что автор столь назойлив подчас в утверждении своей веры в волшебную силу тренировки. Но именно так понимаю хоккей и жизнь в хоккее.

Итак, мужество и стойкость канадских профессионалов имеют своим истоком принадлежность спортсменов, хоккейных клубов к доходному и притягательному для зрителей делу. У нас иные условия, другой подход. И главное в нем – учебно-тренировочный процесс при активном и ответственном участии игроков, сознающих свою ответственность за спортивные результаты команды, свою «боевую готовность».

Подходы разные. Но какой из них дает наиболее сильный эффект? Попробуем разобрать «систему доказательств».

Верю в учебно-тренировочный процесс. Он – и основа, и ускоритель роста мастерства спортсменов. Верю в коллективное усердие игроков, в лидеров команды, вожаков, тех, кто сам, демонстрируя образцы спортивной доблести и уменья, показывает пример, увлекает за собой остальных. Верю в тренеров, умеющих организовать эту работу, способных передать свой житейский опыт, хоккейные знания спортсменам. Верю в мощь и творческую силу коллектива.

Конечно, есть у канадских клубов свои плюсы в подготовке спортсменов. Прежде всего, в самоподготовке спортсменов к сложным жизненным испытаниям, к игре в хоккей. Сам за себя в ответе – это звучит звонко, красиво. Но я – тренер-практик, и для меня важен прежде всего результат. Какой подход разумней, рациональней? Такой, где если не всепоглощающим, то все же главным стимулом является доллар? Или наш – построенный на коллективном сознании, всестороннем воспитании, где основой является чувство ответственности игрока за себя, за товарищей, за команду? При нашем подходе постоянно действует контроль над спортсменом со стороны не только тренеров, но и товарищей по клубу, тех, кто многое вложил в спортсмена в ходе занятий, трудился рядом с ним.

Когда наблюдаешь матчи советских спортсменов с канадскими профессионалами, то вовсе нелегко отдать кому-либо из соперников предпочтение в мужестве и стойкости. Хотя и не ускользает от глаз разная расцветка этого мужества, его характер. Канадские игроки любят проявлять свои достоинства в этакой ухарской, а при попустительстве судей – и в драчливой манере. У них порой как бы вскипает кровь, они перестают себя контролировать и сдерживать. И в эти мгновения становятся очень опасны для любого соперника.

Наши игроки проявляют свое мужество, как правило, в более сдержанной форме. Наши тренеры ищут тактические,

психологические ключи к сопернику в пределах законов игры. И поступают совершенно верно.

Пройдет время, и команды, я верю в это, будут соревноваться на хоккейном поле строго в рамках правил. Призвание спорта – служить людям, нести им искусство игры, воспитывать у зрителей и спортсменов доброжелательность и честность. Наконец, радовать публику не только мастерством, умением спортсменов, но и рыцарством, благородством, игрой не только мускулов и воли, но и ума. Жестокостью, пусть даже приносящей победу, многого не добьешься. Вряд ли грубая команда надолго завоюет зрительские симпатии. Скорей наоборот, публика от нее отвернется.

Клуб «Филадельфия Флайерс» – самая, пожалуй, жестокая команда в НХЛ. Соперники ее побаиваются, но мало кто искренне уважает, хотя в составе этого клуба играл в свое время знаменитый Бобби Кларк. Константин Локтев, бывший одно время тренером ЦСКА, рассказывал мне, как однажды, пригласив московских армейцев в гости к себе, филадельфийцы встретили приезжих спортсменов на своем льду. Навязали откровенный кулачный бой. Наш воспитанный тренер увел хоккеистов в раздевалку, потребовав прекратить хулиганство. Что же? Кое-кому из зрителей и журналистов такая реакция тренера не понравилась – они посчитали такое решение чуть ли не трусостью. Им хотелось драки с непременным условием, чтобы верх в ней взяли канадские спортсмены. Они потеряли голову, позабыв, что для кулачных боев существует боксерский ринг.

Не скрою, что и я отчитал своего молодого коллегу и друга, много лет выступавшего в рядах нашей армейской команды и сборной СССР, за неверное, на мой взгляд, решение. Во имя справедливости, замечу, что моя критика Локтева имела все основания: ведь он, тогдашний тренер ЦСКА, будучи игроком, был очевидцем многих моих решений в подобных ситуациях.

Возможно, команда Филадельфии состоит из супердрачунов, об этом мне говорили многие канадские тренеры. Один из них даже спрашивал совета: «Что делать, как быть моей команде?» Я и тогда говорил, и сейчас говорю: надо давать острастку!

Конечно, надо знать, когда выбрать для этого подходящий момент, ситуацию, иметь под рукой «комплект» игроков, психологически подготовленных, способных умело выполнить наказ тренера. А что прикажете делать, если соперник, зная твою, тренер, воспитанность, сдержанность, вместо нормального хоккея постоянно провоцирует твою команду на драку? Это – то же самое, что приглашать отдыхать в пороховой погреб.

А может ли жестокий, драчливый хоккей стимулировать

воспитание истинного мужества? Пожалуй… Не по этой ли, куда более краткой, чем та, которую выбрали мы, дороге пошло воспитание мужества у хоккеистов-профессионалов?

В нашем хоккее мужество крепко замешано на умении, мастерстве спортсмена. И, конечно, скреплено его высокой дисциплиной, игровой культурой. Путь к такому мужеству длиннее, он лежит в основе всего (начиная с ребячьих команд) учебно-тренировочного процесса. И с моей точки зрения, этот путь – единственно верный. Он воспитывает у хоккеистов стойкость и мужество не только для спортивных поединков, но и для долгой жизни после хоккея. А в нее он должен вступить человеком честным и сильным, добрым и справедливым.

Наш подход к воспитанию мужества у спортсмена представляется мне более отвечающим задаче всестороннего воспитания личности. Мне очень нравится, как понятие «мужество» определено в «Толковом словаре русского языка»: «Спокойная храбрость, присутствие духа в беде, опасности, душевная стойкость и смелость». Сказано красиво и убедительно. Этих ориентиров и следует придерживаться нашей молодежи.

В последние годы не только за океаном, в профессиональном хоккее, но и у нас (а также почти во всех «хоккейных» странах) обострилась проблема грубости в хоккее. Не в меньшей, пожалуй, мере, чем за океаном. Хочу высказать свое мнение об этой проблеме.

Просто от критики грязного, жесткого «хоккея» игра не станет более мирной и корректной. Принимаются дисциплинарные меры к тем хоккеистам, кто умышленно нарушает правила, их наказывают штрафами – денежными, дисциплинарными, а эффект по-прежнему незначительный. В чем тут дело, почему грубость не утихает? Хоккей в самой сути своей несет зародыш «буйства», что ли. Давайте с этой точки зрения разберем отдельные тактические приемы игры.

Вот игрок, находясь в обороне, старается остановить атакующего соперника, не позволяя ему обвести себя. Он выставляет в сторону соперника плечо или заднюю часть бедра. А в момент контакта с соперником совершает и встречные движения: толчок или удар получаются двойной силы. Примерно так же поступит защитник у борта. В обоих случаях преследуется одна лишь цель – лишить соперника устойчивости, ориентировки. Но может быть, доставить ему еще и неприятные ощущения, причинить боль, чтобы в следующий раз подумал, прежде чем ввязываться в единоборство.

Известно, что команда побеждает за счет класса, за счет того, что суммой хоккейных компонентов (атлетизм, мастерство,

тактические построения и т. д.) своей игры превосходит соперника, создавая ему много неудобств. Возьмем контакты, что поощряются в хоккее. Да-да, поощряются, так как во многом усложняют действия соперника в атаке.

Попробуйте хотя бы на миг позабыть об этом сильном средстве обороны. Действуя против Уэйна Гретцки, Марио Лемье или наших Владимира Крутова, Игоря Ларионова, играя против них без силовых приемов, по-джентльменски, защитник, команда тут же поплатятся. Но это еще не все.

Контакты в хоккее с широким спектром силовых единоборств – это еще и дополнительный интерес к хоккею зрителей. Не думаю, правда, что даже в такой стране, как Канада, где о хоккейном зрителе пекутся так же, как в опере, где его боготворят, именно забота о нем была первопричиной введения в игру правил силового единоборства. По-видимому, когда разрабатывались правила игры, узаконив силовые единоборства, их создатели думали поначалу лишь как-то уравнять шансы атаки и обороны. Ну, а затем, вкусив прелесть столкновений, их воздействие на настрой не только спортсменов, но и зрителей, организаторы матчей стали всячески поощрять контакты в хоккее.

Отмени в современном хоккее силовые единоборства – и стадионы опустеют. Зритель лишится важного компонента любимого зрелища. Это все равно что гурману подать блюдо без перца. Взрослые, мальчишки (и даже девчонки) не увидят этих захватывающих столкновений, поражающих и искусством, и дерзостью, и своего рода рыцарством, ведь большинство игроков ведут единоборство открыто, смело и честно.

Конечно, к сожалению, не все так трактовали и трактуют силовые единоборства в хоккее. Не случайно во многих профессиональных командах готовятся игроки (появились такие и у нас), которые чуть ли не главным своим игровым козырем считают драку.

Считаю, что в наше цивилизованное время любую преднамеренную грубость в спорте следует объявлять вне закона. Но, заявив столь категорично, сознаю, что осуществить это далеко не просто.

Физические столкновения, противоборство мускулов и ловкости можно наблюдать и в боксе, и в борьбе. Но там нет очень важного, существенного – игры с предметом, шайбой. Вот почему силовое единоборство в хоккее не является самоцелью. Главное – завладеть шайбой, и на это направлены все усилия игрока. Силовое единоборство в хоккее – это не демонстрация грубой силы, а умение проявлять ловкость и находчивость и, в известной степени, хитрость и расчет.

Конечно, в хоккее сталкиваются не только тела, но и характеры.

У меня в команде всегда были такие умелые игроки, которые не отказывались от контакта с соперником, а сами никогда не фолили. Это были бесценные игроки. К ним относились, например, Владимир Викулов и Валерий Харламов. В каждом матче они дарили команде, кроме всего прочего, четыре-шесть минут времени, когда наши звенья получали возможность играть в большинстве.

Не знаю, читатель, сумел ли я убедить вас в том, что силовое единоборство – это украшение хоккея и что оно должно существовать и развиваться. Другой вопрос: в каком направлении должно идти совершенствование контактов и силовых столкновений? Если бы можно было нам, всем тренерам, договориться, поставить свои подписи под соглашением, согласно которому грубость и злость, стремление дать острастку сопернику – все это торжественно объявлялось бы вне закона, осуждалось не формально, а искренне! Это было бы действительно завоеванием и накладывало бы обязательства на тренеров всех категорий, особенно профессиональных. К этому, верю, хоккей придет. Но на чем основана эта моя уверенность? На соображениях не только человеческого характера, но и, скажем так, характера тактического.

Дорого стало обходиться командам удаление игроков. Кто внимательно следит за канадским хоккеем, должен подметить, насколько родоначальники игры стали в последние годы вести себя корректнее в матчах с европейскими хоккеистами, особенно в официальных встречах. Я даже видел не раз, как тренеры высказывали свое возмущение грубым поведением того или иного хоккеиста в ходе матча, что прежде наблюдать не приходилось.

Верю и в улучшение человеческих отношений, укрепление доверия, спортивной солидарности между хоккеистами различных команд. Сама жизнь, повышение культуры, интеллекта спортсменов должны благотворно влиять на характер игры, и в частности силовых единоборств. И здесь многое, очень многое зависит от нас, тренеров.

Если мы, тренеры, силовое единоборство начнем рассматривать как технические приемы хоккея и будем помогать игрокам постоянно их совершенствовать, добиваясь их верного – в пределах правил – исполнения, тогда, лишь тогда будут в выигрыше игрок, команда и хоккей в целом. У хоккеистов обогатится арсенал технических средств борьбы. В команде будет создана обстановка высокой дисциплинированности и сознательности. А сам хоккей без грубости, без драк станет

зрелищем с участием настоящих спортивных рыцарей.

Все это будет благотворно влиять на многомиллионную армию хоккейных болельщиков. Тогда хоккеист, позволивший себе не то что пуститься в рукопашную, но даже ударивший соперника у борта локтем, применивший подножку, будет выглядеть белой вороной. Вот тогда прекратится на трибунах протестующий, негодующий свист!

Глава VI
Любовь на всю жизнь

Повидал я немало людей, счастливых тем, что посвятили свою жизнь профессии тренера.

Борис Аркадьев, всегда спокойный, задумчивый, постоянно как бы стремящийся побыть наедине с собой, преображался, как только разговор заходил о футболе – предмете его бескрайней любви. А на футбольных тренировках, общаясь с игроками, прикасаясь к мячу, он становился совсем другим – энергичным, готовым к шуткам, а главное – к большой работе. Он был удивительным выдумщиком. Рядом с ним лодыри становились тружениками, каждый тянулся стать умельцем в футболе.

Александр Гомельский не только прекрасно знал, но и до того любил свой баскетбол, что в разговоре о нем не давал отвлечься на другую тему, упорно доказывая мне, что эта игра куда интереснее и популярнее, чем хоккей. Я видел его тренировки – глаз оторвать невозможно. Среди игроков-гигантов он казался карликом, лилипутом, а они, склонив головы, почтительно слушают его указания, боясь пропустить хотя бы слово, уважительно их выполняли и огорчались, услышав тренерский окрик.

Он много, очень много знал и каждый день дарил эти знания, свой тренерский опыт игрокам. Он был абсолютно предан баскетболу – нет таких сил, что могли бы отнять у него эту игру. Он по праву гордился своей профессией. Своей победой на Олимпиаде в Сеуле наш баскетбол во многом обязан Гомельскому. Сам тренер заявил в печати, что шел к этой победе сорок лет. Я давно знал Александра Яковлевича и подтверждаю, что это именно так.

Скотти Боумэн не раз приводил «Монреаль Канадиенс» к хоккейной вершине – победам в розыгрыше Кубка Стэнли. Мне доводилось видеть его в период громких успехов. Какую гордость, уверенность излучал он! Ими было окрашено каждое его слово. Во время хоккейных сражений он выглядел полководцем. Внешне спокойный, он в эти минуты был отрешен от всего земного, всеми клетками души и тела принадлежа одному лишь хоккею. А какие на льду он творил чудеса! Мне даже казалось, что пришел он в хоккей, пройдя школу дрессуры львов или тигров. Хоккеисты были у него как шелковые, повинуясь каждому его слову. Он щедро отдавал им свои знания, умело тренировал игроков, требуя от них взамен лишь одного – точного выполнения тренерских

замыслов, ведущих к желанному успеху.

Патер Бауэр – внешне совершенно иной. Тихий, скромный, добрый. И на тренера-то он как будто не похож. Среди игроков он совсем неприметен, говорит ровным голосом, не прибегает к жестам. Однако это умелый и по-спортивному счастливый тренер.

А сегодняшний наставник клуба «Эдмонтон Ойлерс» – Глен Сатер! Ладная фигура, лицо актера. Я видел его на тренировке. Ведет он ее умело, спокойно и очень уверенно. Упражнения подобраны с учетом особенностей как отдельных хоккеистов, так и звеньев в целом. Многие, завидуя его успеху – за последнее десятилетие команда под его руководством пять раз завоевывала самый престижный за океаном трофей, Кубок Стэнли, – утверждают, что победы эти связаны с тем, что в составе этой команды выступал Уэйн Гретцки. Но говорить так могут лишь те, кто плохо знает хоккей, нашу тренерскую работу. Перейдя в новый клуб, Гретцки не помог ему добиться подобного же успеха. Более того, с такими талантливыми спортсменами, как Гретцки или Лемье, тренеру трудиться куда сложнее, чем с рядовыми хоккеистами. Звезд надо ведь постоянно питать новыми знаниями, добиваться, чтобы при всем богатстве их мастерства оно все время прирастало, сверкало новыми гранями. Да и характер у звезды, как правило, отнюдь не покладистый. Здесь без тренерской фантазии, тонких и точных педагогических приемов ничего путного не добьешься.

Это не так просто – помочь игроку вдохновенно и стабильно на протяжении многих лет раскрывать свое хоккейное искусство, дарить его людям. Поверьте уж мне, пробывшему в спорте целую жизнь. Приказом, тренерским авторитетом этого не добьешься. Надо хорошо знать и хоккей, и натуру игрока, и все клавиши его мастерства, и многое другое. Тренер должен знать, что он рассчитывает приобрести в результате тренировки. А для этого на стороне тренера должны быть и жизненный опыт, и высокая культура, и самые разнообразные знания.

А как расценить то обстоятельство, что Глен Сатер отпустил из своей команды Уэйна Гретцки, находящегося в расцвете сил? Или его спокойный отказ от предложения возглавить сборную Канады для участия в турнире 1987 года? Все это говорит о незаурядных способностях канадского тренера, его независимой натуре, сильном характере и о том, что он знает себе цену.

В нашем хоккее было немало сильных и опытных тренеров. Назову Всеволода Боброва, Владимира Егорова, Николая Эпштейна, Николая Пучкова. Особо же хочется сказать об Аркадии Чернышеве.

С первых шагов хоккея на нашем льду он – старший тренер

московских динамовцев. В прошлом прекрасный футболист и игрок хоккея с мячом, он привнес в новую игру и как хоккеист, и как тренер интеллигентность, аккуратность и спокойствие духа. Интересно, что на футбольном поле он был центральным защитником, действия которого требовали от него четкости и самоотверженности, необходимых для разрушения замыслов соперников. А в хоккее ему поручалась роль правого крайнего нападения, для чего требовались выдумка и импровизация. И обе столь различные роли он выполнял отменно. У этого спортсмена было сильно развито творческое начало, им всегда руководили чувство долга и ответственности. И став тренером московского «Динамо», он эти качества сохранил и упрочил.

Как тренер Аркадий Чернышев установил четыре своеобразных достижения. Первое – команда «Динамо» во главе со своим играющим тренером стала первым чемпионом страны по хоккею. Второе и третье – впервые выступая на чемпионате мира (1954 год) и в олимпийском турнире (1956 год), сборная команда страны, руководимая Аркадием Чернышевым, стала сильнейшей. Эти достижения навечно вписаны в историю нашего хоккея. А вот и четвертый рекорд – одиннадцать раз приводил Аркадий Чернышев хоккейную сборную СССР к высшей ступени пьедестала почета мировых чемпионатов и четырежды – олимпийских форумов. Причем на протяжении целых девяти лет, с 1963 по 1971 год, советская сборная не знала поражений на международных турнирах высшего ранга. Эти рекорды команды и тренеров, думаю, будут жить долго.

В чем сила этого обаятельного человека? В умении думать, все взвешивать. Он всегда следовал русской пословице: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Имел хороший вкус на игроков. Это он мог, однажды увидев юного Александра Мальцева, пригласить его в свою команду, довести до уровня выдающегося форварда мирового хоккея.

В начале нашей совместной работы в сборной СССР зимой 1963 года во время бесед и споров меня подчас удивляла, а то и раздражала его некоторая инертность, медлительность решений. Моментами он казался человеком нерешительным. Но, хорошо узнав его, я убедился и в глубоком знании им предмета, и в твердости его духа.

В основу нашей совместной работы было положено немало принципов. И один из них, на мой взгляд, был мудрым: не принимать решения, пока оба тренера не дадут на него согласие. Во взглядах на многие житейские, педагогические, тренерские мотивы мы с ним находились на разных полюсах. И вот, когда встал вопрос, как поступить с забияками на льду – прощать

соперникам грубые выпады или дать им отпор, – мой коллега приводил массу доводов против того, чтобы мы на грубость ответили тем же. Но был один вечер в США, в неповторимо красивом Колорадо-Спрингс, где мы проводили матч с любительской сборной Канады, во время которого наш защитник Виталий Давыдов получил тяжелейшую травму. И вот тогда Чернышев, наконец, сказал: «Я с тобой согласен, их надо проучить! Давай готовить звенья для острастки».

Он, как и каждый тренер, умел сердиться. Но, ругая спортсмена, не повышал голоса, не горячился, не угрожал, не размахивал руками. Он не любил наказывать спортсменов, предпочитая наказанию веру, доверие. Жаль, не все спортсмены умели ценить доброту и демократичность своего тренера.

Слово свое всегда держал. Договорившись о чем-либо, держал это в памяти, а если требовалось, то и в секрете. Как говорится, «не вылезал» – не стремился показать себя, сказывались хорошее воспитание и житейская скромность.

Был лишен чувства паники. Умел переживать житейские неудачи, спортивные поражения в себе. Игроки всегда знали, что, проиграв матч, команда выправится, их тренер все продумает и взвесит, а не станет «спускать собак» – искать виновника поражения среди хоккеистов.

Как жаль, что такой замечательный, интеллигентный человек, эрудированный крупный спортивный специалист, физически крепкий, никогда в жизни не болевший мужчина уже несколько лет прикован после инсульта к постели. Создавая штаб ветеранов, наши тренеры решили ввести в состав президиума в качестве почетного члена и Аркадия Ивановича Чернышева. Он это заслужил. Вот его визитная карточка.

Чернышев Аркадий Иванович. Родился 16 марта 1914 года[6]. Заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР. Старший тренер московского «Динамо» с 1946 по 1974 г. (за эти годы «Динамо» дважды становилось чемпионом СССР). В 1954–1957 гг. и 1961–1972 гг. – старший тренер сборной СССР, чемпиона мира 1954, 1956, 1963–1971 гг., чемпиона Европы 1954–1956 гг., 1963–1970 гг., олимпийского чемпиона 1956, 1964, 1968, 1972 гг. Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета».

Последние годы у руля команды ЦСКА и сборной страны находится Виктор Тихонов.

К роли хоккейного тренера Тихонов шел на моих глазах. В молодые годы был защитником, всегда серьезно готовился к тренировкам и матчам, играл очень старательно. Уже в те годы Тихонов проявлял удивительную пытливость, стремясь знать о

хоккее все. Подолгу просиживал на тренировках команд, знакомился с манерой работы разных тренеров. Закончив играть в команде мастеров московского «Динамо», остался там вторым тренером. Через некоторое время захотел попробовать себя на самостоятельной работе – уехал в Ригу, приняв команду местного «Динамо». Команда была несильная, высоких задач никогда не ставила. Виктор Тихонов сумел создать боевой коллектив, который резко пошел в гору. За один сезон команда вышла в первую лигу, а еще через пару лет оказалась в высшей. Вот данные о тренерской деятельности Тихонова.

Тихонов Виктор Васильевич. Родился 4 июня 1930 года. Заслуженный тренер СССР. В 1965–1968 гг. – тренер московского «Динамо». В 1968–1977 гг. – старший тренер рижского «Динамо». С 1977 г. – старший тренер ЦСКА. Под руководством Тихонова армейцы 12 раз становились чемпионами страны. С 1977 г. – старший тренер сборной СССР, чемпиона мира 1978, 1979, 1981–1983, 1986, 1988, 1989 гг., чемпиона Европы 1978, 1979, 1981–1983, 1985–1987, 1989 гг., олимпийского чемпиона 1984, 1988 гг. Награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов и орденом Октябрьской Революции.

К этому следует добавить высокое тренерское трудолюбие, щепетильность, самолюбие – стремление быть лучшим. Жаль, однако, что эти тренерские достоинства подчас идут рядом с неумением замечать плюсы других коллег и спортсменов.

В нашем хоккее и сегодня много хороших тренеров, целиком отдающих себя любимому делу. Из Игоря Дмитриева, Анатолия Богданова, Юрия Моисеева, Геннадия Цыгурова должны получиться большие мастера тренерского искусства. У всех у них интересные спортивные биографии, в хоккее прошли их детство, отрочество, юность. Теперь пришла пора зрелости. Хочется пожелать им широты, творческого отношения к хоккею и к жизни, разумного ежедневного трудолюбия.

В начале этой главы я рассказал о тех лишь тренерах, кого хорошо знаю, с кем довелось работать рядом, создавать наш хоккей, у кого учился тренерскому ремеслу. Все они были не похожи друг на друга, у каждого были свои сильные стороны характера, при общей широте и глубине познаний у каждого был свой «конек». Но всех их объединяло одно: тренерская деятельность забирала всю их, без остатка, жизнь. Они полностью посвятили себя любимому виду спорта и добились признания.

Комментарий Ю. В. Королева

О Тарасове – тренере № 1 в мире

Минуло почти два десятилетия, как от нас ушел Анатолий Владимирович…

А у меня сохраняется твердое ощущение, что его помнят и цитируют, что по-прежнему он пользуется глубоким уважением. Как в России, так и за рубежом. Объяснение, на мой взгляд, очевидно: его авторитет при жизни был настолько высок и настолько непоколебим, что оградил Анатолия Владимировича от забвения.

Заслужил он это своим неистовым служением хоккею, своими подходами к тренерской профессии, своей энергетикой и целеустремленностью. Тарасов не просто квалифицированно выполнял профессиональные обязанности, а творил, каждый день придумывая что-нибудь новое и двигаясь вперед. Искал и потому неизбежно, случалось, ошибался и делал шажок назад, зато потом находил что-то абсолютно новое и стоящее, вырываясь сразу на несколько ступеней вверх.

Более чем столетняя история мирового хоккея знает немало специалистов крупного калибра. Были они, понятно, среди родоначальников игры – канадцев, были среди более молодых по хоккейному стажу европейцев, были и в Советском Союзе, лишь в 1946 году начавшем осваивать этот увлекательный вид спорта. Однако смею предположить, что равных Анатолию Тарасову не было и вряд ли будет в будущем.

У него перенимали опыт знаменитые канадские и европейские тренеры, а уж в нашей стране формулировка «тренировки по Тарасову» по-прежнему звучит весьма актуально. Его имя всегда и везде произносят с подчеркнутой и вместе с тем искренней почтительностью.

Анатолий Тарасов – тренер № 1 в истории мирового хоккея.

И потому выход в свет его книги, подводящий итоги многолетней и плодотворной деятельности, на родине Анатолия Владимировича является знаковым событием.

Прежде чем повести разговор о профессии хоккейного тренера, мне важно, читатель, сказать следующее. Образ тренера, который, возможно, предстанет перед вами, не собирательный и не «срисован» с натуры. Прожив долгую и счастливую жизнь, работая тренером с девятнадцати лет, я подумал: неужто я не

имею морального права написать о том, каким мне видится тренер в хоккее? В дни минувшие, за полстолетия было много побед, случались и неудачи, столько было споров, острых, дружеских и неприятных, требовавших стойкости и волевых усилий, полезных и не очень. Неужто все это оставлять при себе, не передать следующему поколению тренеров?

К тому же тренерскую натуру автор не присваивает одному лишь себе. Это – плод долгих лет общения с коллегами, советскими и иностранными тренерами. Это – опыт, накопленный советской школой хоккея. Прикасаясь к этой теме, хочу рассказать, каким я представляю тренера хоккея грядущего. Разумеется, это относится в первую очередь к советским тренерам, к нашему хоккею. Здесь необходимо учесть и социальные особенности нашей страны, и роль спорта как средства всестороннего воспитания человека, и назначение хоккея как зрелища, желанного и близкого сердцам тысяч и тысяч людей.

Наверное, не многие знают, что рождение профессии спортивного тренера произошло по-настоящему сравнительно недавно – незадолго до Великой Отечественной войны. Были, конечно, тренеры и до той поры, но занимались они своим делом любительски. Роль эту, как правило, исполнял один из игроков футбольной или хоккейной команды.

Классической фигурой играющего тренера был в нашем футболе и хоккее с мячом Михаил Якушин – выдающийся спортсмен, незаурядный тренер. И по сей день его считают самым хитрющим тренером.

Мальчишкой я играл в хоккей и футбол в детской школе «Юный динамовец». И мы со сверстниками часто посещали занятия взрослой динамовской команды. В глаза сразу же бросалась долговязая фигура «Михея» – так называли Якушина хоккейные и футбольные болельщики. И вот что удивляло нас, когда мы видели его на футбольном или хоккейном поле: как он, такой громадный, длинный и как будто нескладный, так изобретательно и умело распоряжается и футбольным мячом, и маленьким хоккейным мячиком?

Чуть позже, когда я начал вникать в содержание и смысл столь любимых мною игр, осмысленно вести свои тренировки, то понял, в чем величие этого игрока. Он бегал или катил по льду на своих длинных ногах, а играл-то головой. Всегда думал на поле, всегда творил. Эти слова справедливы не только по отношению к Якушину-игроку, но и к Якушину-тренеру. Такие гиганты нашего спорта, как Борис Аркадьев и Михаил Якушин, в довоенное и послевоенное время ускоряли становление профессии тренера,

спортивных «дирижеров» новой формации.

Ранее других качественный скачок в повышении роли тренера предвидел Михаил Давидович Товаровский. В мои студенческие годы он руководил кафедрой футбола и хоккея Московского института физкультуры. Товаровский твердил нам, слушателям Высшей школы тренеров: «Скоро вы будете главной фигурой в спорте. Готовьтесь к этому. Всесторонне готовьтесь».

Кстати, уже в начале наших занятий он сказал мне: «Молодой человек, даю вам неделю срока найдите себе команду и начинайте ее тренировать!» Это было сказано, как отрублено, и я не возражал. Хотя понимал: какой я тренер? Пять дней спустя я провел занятие с заводской футбольной командой в городе Загорске, сделав первый шаг на тренерском поприще. Шел мне тогда девятнадцатый год.

Как много было желания понравиться взрослым футболистам, и как мало было у меня знаний и навыков! Три-четыре раза в неделю после учебы я стремглав мчался на Ярославский вокзал и через два часа был уже в Загорске, бегом направляясь на заводской стадион. Что предлагал я этим, старше меня, парням, заводским рабочим, на тренировке? Многое, не стесняясь, механически использовал из того, о чем узнавал в институте. Но уже на второй сезон работы с командой, когда в моей голове начало формироваться кое-какое представление о профессии тренера, я стал выдумывать свое, интересное и нужное футболистам.

Эти два сезона стали для меня пробой тренерских сил. И пусть по внутреннему содержанию проводимой мной работы были они не глубокими, зато стали полезными и важными для познания самого себя и тех, кого я должен учить футболу. Я понимал – и это легко увидеть в сделанных мною записях той поры, – что мало я знаю, но все было так интересно для меня! Эти годы дали мне сильный импульс к развитию тренерской фантазии.

И сегодня мой первый совет спортсменам, решившим со временем стать тренером: не откладывайте свое намерение «на потом». Если нет возможности в своей команде стать играющим тренером, найдите работу с детьми, с командой коллектива физкультуры. Чем раньше вы начнете познавать тренерское дело на практике, тем больше шансов освоить его.

В нашем хоккее картина становления тренера нередко выглядит так. Игрок кончает выступать. Если это был известный хоккеист, его в качестве поощрения направляют на работу за рубеж. Там он играет и считается тренером. Спустя несколько лет, вернувшись домой и отстав от практики отечественного

хоккея, он, как правило, тренером стать не в состоянии. Я мог бы назвать не один десяток фамилий наших выдающихся хоккеистов, так и не сумевших заметно проявить себя на тренерском поприще. Но не назову – боюсь обидеть людей, которые, выступая на ледовой арене, много сделали для нашего хоккея.

Роль тренера все возрастает, подчас становится решающей для успеха команды. И не только потому, что воспитывает умелых игроков, создает боевые звенья. У хоккейного тренера еще одна задача – руководить командой в спортивном сражении. От того, насколько умело делает это тренер, к команде или приходит успех, или он улетучивается, если у соперника более активный и расчетливый «дирижер».

Итак, глава о тренере. О том, каким мне видится будущий хоккейный тренер в нашей стране. Кто такой тренер? «Человек, профессионально занимающийся тренировкой» – такой ответ на этот вопрос дает «Толковый словарь русского языка». А я бы добавил: человек, воспитывающий личность. И потому, мне кажется, можно вести речь о тренере не только как о специалисте, знатоке своего дела, но и как о гражданине. Так что, хотя в деятельности наставника команды все взаимосвязано, для удобства изложения мыслей поведем сперва разговор о тренере-гражданине.

Тренер-гражданин

Для советского тренера в любом виде спорта считаю важным партийную убежденность и грамотность. Особенно это важно для коллективных видов спорта – ведь в командах действуют партийные и комсомольские организации, и тренер по долгу своей службы должен опираться на них, всячески поощряя общественную деятельность спортсменов.

Поэтому трудно представить себе тренера беспартийным. Речь идет здесь не столько о его принадлежности к партии коммунистов, сколько о жизненной позиции тренера, багаже его знаний, в том числе и в области педагогики, общественных наук, марксистско-ленинской теории, поскольку его повседневная работа связана с всесторонним воспитанием молодежи.

Проверь себя, хоккейный тренер. Современен ли ты? Шагаешь ли в ногу со временем, со страной? Полно ли, ясно ли сознаешь свою задачу? Понимаешь ли, что ждет время от молодежи? Да и мало это понимать. Своим трудом, педагогическим умением тренер призван воспитывать молодежь, достойную своего времени. И в этом вижу немалую сложность в работе тренера. Об этом и хочу поговорить.

Тренер, возможно, уже немолод. А понимать, знать жизнь, интересы молодежи – обязан. Здесь опыт его собственной молодости вряд ли станет хорошим помощником, хотя возвращаться мысленно ко дням своей молодости никогда не мешает. Важно замечать, в чем различие дней твоей молодости и жизни молодежи сегодня.

Тренеру необходимо знать склонности, черты характера, сильные, а также слабые стороны тех молодых людей, которым он собирается посвятить свою жизнь. Не только знать, чем, какими интересами живут спортсмены, но и умело направлять их, постоянно оказывать помощь, быть наставником в самом широком смысле этого слова.

«Юность дается человеку только раз в жизни, и в юности каждый доступнее, чем в другом возрасте, всему высокому и прекрасному. Благо тому, кто сохранит юность до старости, не дав душе своей остыть, ожесточиться, окаменеть» – эти слова великого русского критика Виссариона Белинского весьма кстати помнить нам, тренерам.

Но если тренер полагает, что воспитание – процесс односторонний, что только он, тренер, влияет на спортсменов, отдавая им свои знания, то он, конечно, заблуждается. Он и сам взамен получает немало. Назову лишь одно – спортсмены как бы

возвращают тренеру молодость, помогают жить полнокровно – радоваться, смеяться, шутить. Рядом со здоровыми, жизнерадостными парнями тренер забывает о своем возрасте, о «болячках». Постоянное общение с молодежью делает его более активным, он как бы сбрасывает груз годов. А быть всегда бодрым и молодым – это ли не счастье для человека любой профессии?

Вряд ли сегодня в молодежной среде может быть популярен человек, который не начитан, не следит за новинками литературы, за периодикой. Это должно стать особой заботой тренера.

Вовсе не стремлюсь навязывать коллегам какой-либо определенный «круг чтения», тем более рекомендовать книги для домашней библиотеки. Уважение к индивидуальности – прекрасное завоевание человечества. Но несомненно, что мы, тренеры, должны быть не только начитанны. Прочитанные нами книги должны оказывать на нас определенное воздействие, обогащать новым знанием, влиять на культуру общения, педагогический арсенал.

У каждого тренера, полагаю, могут быть свои «настольные книги», к которым он часто обращается за советом, за помощью. Это совсем не значит, что он не читает другую литературу, то, что нравится, дает удовлетворение, создает определенный настрой, расширяет жизненный кругозор. Нет. Но, как я понимаю, для тренерской профессии нужны книги, прямо влияющие на становление, творческий рост тренера.

В молодости, как говорится, от корки до корки прочитал всего А. Чехова, да и сейчас нередко беру в руки томик его произведений. Особенно зачитываюсь его письмами. Что дает мне, тренеру, этот великий художник, кудесник краткой образной речи, тонкий знаток человеческой души? Разумеется, невозможно подходить к художественной прозе сугубо утилитарно. Но все же именно у Чехова, размышляя о прочитанном, многое я почерпнул и для своих практических дел. О любви же к книгам он сказал просто и удивительно исчерпывающе: «Все бледнеет перед книгами».

Постоянный контакт с молодежью требует высокой культуры, глубоких познаний. Без этого не завоевать тренеру авторитет. Разумеется, не дутый, не искусственный, не показной. А тот, что добывается трудолюбием, умом, глубокими и широкими познаниями, увлеченностью делом. Только в этом случае можно рассчитывать на успех.

Так и хочется воскликнуть перед тренерами: давайте же больше читать!

Разумеется, широта тренерских интересов должна сочетаться

с глубиной специальных знаний, иначе легко впасть в состояние, которое Л. Н. Толстой называл «многознайством». «Ошибочно думать, – говорил он, – что многознайство есть достоинство. Важно не количество, а качество знаний». А Эсхил еще раньше изрек: «Мудр, кто знает нужное, а не многое». Вот и для нас, тренеров, новые знания должны прежде всего содействовать обогащению и углублению профессиональной деятельности. Во имя этого мы и должны постоянно заниматься самообразованием.

Пишу эту книгу в период энергичной, грандиозной перестройки у нас в стране. Сколько наделано глупостей в годы застоя! Сколько допущено промахов, просчетов – многие из них мы видели, ощущали – в деле воспитания молодежи. Все это дорого обходится нашему обществу. Многие молодые люди оказались не готовы к интенсификации производства, к демократизации нашей общественной жизни, не снижающих, а, наоборот, повышающих личную ответственность каждого на рабочем месте, в семейных, товарищеских, деловых взаимоотношениях.

В решении как спортивных, так и жизненных проблем тренер обязан опережать время. А для этого он должен знать интересы молодежи не только «в общем и целом», но и предвидеть, как могут они изменяться, знать, чем «дышит» каждый игрок, его устремления и вкусы.

Возможно, некоторым, особенно иностранным коллегам, эти требования покажутся странными, надуманными, а то и не нужными. Не стану их переубеждать, хотя для всех, надеюсь, очевидно, что спорт, хоккей – не остров в океане, и острые проблемы жизни общества не обходят ни спортсменов, ни игру. А потому рискну продолжить разговор на эту тему.

Одна из прописных истин состоит в том, что спорт – «запретная зона» для алкоголя и табака. Давно доказано, что курение и выпивка сокращают человеческую жизнь. А спортсмену эти, мягко говоря, вольности ограничивают функциональные возможности организма, ослабляют психику. Если тренировки наращивают «мощь» организма, то табак и алкоголь уничтожают то, что добыто упорным трудом спортсмена. Сколько талантливых ребят буквально испарилось из спорта вместе с табачным дымом и алкогольным дурманом!

На организм спортсмена поистине обрушиваются в огромных дозах физические и психологические нагрузки, и, если находятся в нем «червоточины», оставленные курением и алкоголем, последствия могут быть необратимы. Организм не сможет восполнять себя, причиняя спортсмену страдания. Или хоккеист будет чувствовать себя психически неполноценным, лишенным

неповторимого ощущения полной отдачи сил на тренировке и во время матча. Такой спортсмен действует на поле как робот.

Но были и случаи с более печальным исходом. Наш мощный защитник спартаковец Виктор Блинов на первой после отпуска тренировке, играя в баскетбол, упал и тут же… скончался.

Впрочем, не стану более распространяться на эту тему. О ней много сказано, в том числе философами, писателями прошлого. «Вино скотинит и зверит человека, ожесточает его и отвлекает от светлых мыслей, тупит его», – говорил Ф. М. Достоевский. Еще короче выразился Сенека: «Пьянство – это добровольное сумасшествие». Не могу не привести слова А. П. Чехова: «Водка белая, но красит нос да чернит репутацию».

Что касается репутации, то тренеру надо беречь ее особо. Тут в его поведении важен каждый штрих. Например, как он одевается. Конечно, тренера, как говорится, «по платью встречают, по уму провожают». Однако считаю, что ему важно всегда иметь аккуратный внешний вид. Одеваться «сверх моды на вершок»? Встречал таких тренеров, да что-то не сразу хочется им доверять. Возникают мысли о стремлении к показухе, о нескромности. Люблю тренеров, всегда по-спортивному подтянутых. Не помешают ему стройная осанка и легкая походка. Ведь мы, тренеры, первые пропагандисты спорта, и наша внешность – тоже своего рода агитация.

Особой собранности, культуры требуют от тренера занятия с командой. Повидал я тренеров, разряженных по-петушиному, надушенных, напомаженных, будто собрались они не на тренировку, а в театр. И думалось: а как же такой тренер будет вместе со спортсменами бегать, прыгать, показывать новые упражнения? Ведь он, чего доброго, запачкает свой костюм…

Видел я и таких тренеров, которые в дождь, в непогоду на тренировку приходят с зонтиком, обходят лужи, выбирая местечко посуше, а игроков заставляют кувыркаться в грязи. Как может такой тренер быть близок и симпатичен хоккеистам?

Нашим хоккеем выпестована целая плеяда замечательных игроков. Вспомним хотя бы Всеволода Боброва, Николая Сологубова, Николая Пучкова, Валерия Харламова. Сегодня свой талант щедро дарят зрителям Владимир Крутов, Вячеслав Фетисов, Сергей Макаров… И вот что я заметил. Особая популярность, долгая память людей обеспечены тому спортсмену, кто скромен на арене и вне ее. Эти качества – скромность, порядочность, рыцарство – воспитывает в игроках тренер. И прежде всего – личным примером.

Тренер всегда должен внимательно контролировать свое поведение, но особенно в тех случаях, если команда его

выигрывает. Испытание успехом – серьезный экзамен. К иному из коллег после победы его подопечных лучше не подходить. Будет говорить с тобой свысока, не произносить слова, а изрекать истины. Да и походка у него как будто другой стала, и нос торчком – смотрите, мол, какой я. Но я-то знаю, что от такого тренера успех неминуемо отвернется. В спорте зазнайство всегда карается.

Хочу поднять еще один вопрос. Должен ли тренер участвовать в распределении материальных благ среди игроков команды? Наверное, должен. Но одно дело, если тренер влияет на размер вознаграждения хоккеистов, поощряя одних, наказывая других, помогает спортсменам улучшить свои бытовые условия. И совсем другое, если материальными ценностями он распоряжается самолично, бесконтрольно.

Скольким тренерам – и достаточно талантливым – было отказано в доверии и игроками, и спортивной общественностью! А причина одна – финансовые злоупотребления. Тренер должен быть особо щепетилен. Строгое соблюдение законов, полная гласность в вопросах поощрения и наказания хоккеистов – это должно стать нормой жизни команды.

Известно, что авторитет тренера зарабатывается личным трудом, воспитанием выдающихся игроков, успехами команды. Но не только этим. Чем же еще? Общественной деятельностью тренера. Если тренер активно относится к жизни, то он участвует в проведении различных семинаров, передавая свой опыт и знания более молодым коллегам, в работе тренерского совета, постоянно встречается с любителями хоккея на заводах, фабриках, в армейских частях и подразделениях. Как правило, в таких встречах, своего рода отчетах, принимают участие и ведущие хоккеисты команды.

Некоторые тренеры, если им предстоит такая встреча, упоминают о ней с ноткой сожаления. Вот, мол, приходится напрасно время терять. Полагаю, эти тренеры не правы. Твои выступления, тренер, нужны не столько любознательным болельщикам, сколько тебе самому. Ведь это возможность проверить себя, выслушать не только добрые пожелания, но и претензии к твоей работе, что, не исключено, поможет вовремя внести коррективы в подготовку команды.

Общественная деятельность тренера – это также и выступления в печати, по радио и телевидению – не проходит мимо внимания игроков, испытывающих за своего тренера чувство, близкое к гордости.

Профессия тренера сродни учительской. Но деятельность его многим отличается от преподавательской. В школе, в институте

преподаватель передает ученикам свои знания, а затем, проверяя, как они усвоены, ставит школьникам или студентам оценки. Тренер свои теоретические познания, свои замыслы должен воплотить в действия игроков. Каждый игрок обязан четко и в то же время творчески исполнить свою роль по сценарию, созданному тренером.

Конечно, в ходе тренировочной работы многое уточняется, модернизируется. Но итог всему – игра хоккеиста, звена, команды. И оценки получают не только хоккеисты, но и тренер. Их ставит игра, зритель. Не выполнило звено нападающих тренерское задание, не сумев нейтрализовать нападающих соперников, несколько раз «проваливалось», позабыв наладить в средней зоне прессинг, поставить заслон на рубеже своей синей линии – виноваты, конечно же, игроки, исполнители. Но виноват и тренер. Недостаточно квалифицированно, доходчиво для спортсменов провел тренировки или дал спортсменам непосильное задание, оказавшееся им не по плечу. А возможно, неверно скомпоновал звено.

В последние годы в наших командах появились тренеры, которые мнят себя начальниками, используя в общении с игроками лишь свою власть. И с ее помощью укрепляют свой авторитет.

Это – крайность. В команде, где взаимоотношения игроков с тренером лишены демократических начал, хоккеисты не в состоянии сполна проявить свое творчество.

Другая опасность в тренерской работе – формализм. «Я предупреждал», «я советовал»… а игроки, мол, пусть сами заботятся о своем мастерстве. Нет искренности, заинтересованности тренера в судьбе спортсмена…

Тренера должно волновать все, что касается хоккеиста. И то, как растет его индивидуальное мастерство, и его нравственный облик, и дела в семье, а также успехи в учебе, общественной деятельности. Тренер всегда должен помнить, что призван воспитать не только сильного хоккеиста, но и достойного человека.

И последнее. Мне, прожившему бурную и счастливую жизнь в спорте, хочется пожелать молодым коллегам ценить время, тратить его с пользой для себя и хоккея. А время, как сказал О. Бальзак, это капитал работника умственного труда. А вот еще несколько высказываний «великих мира сего» о том, что полезно знать каждому тренеру: «Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, ничего не делай». Это сказал, конечно же, А. П. Чехов. Замечательный русский критик Д. И. Писарев сто лет назад написал фразу, звучащую и сегодня удивительно современно:

«Жить на белом свете – значит постоянно бороться и постоянно побеждать». А заключить этот маленький раздел книги мне хочется словами великого Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой».

Комментарий Ю. В. Королева

Об универсализме Тарасова

Ученые, в какой бы сфере ни трудились, делятся на теоретиков и экспериментаторов. Редко встречаются «двоеборцы», успевающие вести поиск в этих двух абсолютно несхожих амплуа. Естественно, чем выше уровень ученых, тем жестче это разделение. Прикладные разработки ученых внедряет третья категория сотрудников – высококлассные инженеры-практики, способные «переварить» передовую научную мысль.

В хоккее «по Тарасову» присутствовали все три направления – эксперимент, осмысление и выводы, внедрение в тренировочный процесс и саму игру.

Анатолий Тарасов, могу это засвидетельствовать с полным основанием, являлся блистательным экспериментатором – достаточно сказать, что двух одинаковых его занятий ни один игрок ЦСКА или сборной СССР не припомнит. Он также являлся крупнейшим теоретиком – анализ игры и поиск ее совершенствования в его исполнении превращались в передовую научную дисциплину. И наряду с этим он являлся незаурядным и неугомонным практиком – внедрял собственные разработки – после опытов и осмысления – в воспитание хоккейных звезд, в работу с клубом и со сборной.

Подобное триединство на высшем уровне, насколько мне известно, больше не встречалось в истории мирового хоккея!

Уникальность Анатолия Владимировича Тарасова бесспорна.

Тренер-специалист

Когда читаешь в газетах и журналах очерки о знаменитых тренерах, то обычно поражаешься: сколько же у них всевозможных достоинств! И интеллект, и творческое знание предмета, и трудолюбие, и порядочность, и многие другие добродетели. Да, тренеров или хвалят взахлеб, или больно, с перехлестом, «бьют». Второе, понятно, относится к случаям, если команда проигрывает, и от тренера избавляются, его снимают с работы.

Не согласен с такими крайностями. Тренер – обычный человек. И, как любой из нас, он не без достоинств и слабостей. Это справедливо по отношению к тренерам не только рядовым, но и выдающимся. Разницу между ними вижу не в том, что одному везет, а другому – нет. Во вмешательство в земные дела сверхъестественных сил никогда не верил, всему в жизни есть свое объяснение. И существует диалектический подход к ее явлениям, который дарит каждому человеку дополнительный интерес к жизни, побуждает проникать в ее тайны, обогащая личность.

Что же является главным для тренера-практика? Бесспорно – преданность делу. На грани фанатизма. Когда хоккей – смысл жизни. Когда для тренера норма – абсолютная сосредоточенность и занятость на каждой тренировке, в часы, ей предшествующие, и после нее. Всепоглощающая – изо дня в день, – осознанная, полезная и жертвенная работа на алтарь команды. И, наконец, мысли, общение тренера с людьми, возможно, «не его круга», споры с ними, чтение, посещение театров… Все это – не частная жизнь тренера, она всегда в какой-то степени принадлежит команде, потому что новые впечатления, знания способствуют повышению общей культуры тренера, его педагогических знаний, он использует их в работе с командой. Об этом стоит поговорить особо.

Каждый из нас, тренеров, имеет высшее образование. Однако без самообразования, считаю, нет тренера. Верно говорил А. Луначарский: «Образование не есть только школьное дело. Школа дает лишь ключ к этому образованию. Внешкольное образование есть вся жизнь! Всю жизнь человек должен себя образовывать».

Что такое самообразование для тренера? Это и посещение специальных лекций, и чтение литературы о хоккее, и составление различных конспектов, и, наконец, работа на макете хоккейного поля, просмотр видеозаписей матчей. Все это поможет не стоять на месте, совершенствовать профессиональное

мастерство. А посещение тренировок и матчей с участием других команд (и не только хоккейных, а, к примеру, футбольных, баскетбольных) разве не способно расшевелить? Не подарит тренеру новых мыслей, не поможет искать новые подходы к решению чисто хоккейных проблем?

Меня всегда увлекали лишь сложные тренировки. Не только высокотемповые, а и те, где подобраны такие упражнения, для выполнения которых игрокам приходится мобилизовывать свои силы, характер, напрягать мысль. Такие тренировки, во время которых у меня на глазах происходило единоборство спортсменов с трудностями нового и сложного упражнения, всегда приносили мне, тренеру, неоценимую пользу. Да-да, тренировались спортсмены, совершенствуя свое мастерство, игровые навыки, а я, тренер, также извлекал из их занятий пользу.

До сих пор, хотя давно уже не занимаюсь практической тренерской деятельностью, сохранил привычку: посещая театр, зрелищные мероприятия, иметь при себе блокнот и записывать все, что меня задело, взволновало, будь то сложный трюк в цирке, конфликтная ситуация на спортивной площадке или неожиданный всплеск эмоций зрителей. В прежние годы такие записи помогали мне при разработке новых упражнений, тактических «ходов», в поиске психологических ключей к соперникам.

Удивительно, но факт. Рассказывая о тренерах, журналисты о чем только не пишут. А вот тему мужества тренера, как правило, обходят стороной. Между тем жизнь показывает, что без проявления истинного мужества добиться больших успехов тренеру не дано.

Когда о тренере говорят, что он много работает и ему трудно, – словам этим не верьте. Много работать – это большое счастье. Подразумеваю, конечно же, работу творческую, при которой тренерская выдумка, фантазия, стремление помочь молодым людям стать большими мастерами находят ответный отклик, а также поддержку спортивных руководителей. На такую тренерскую жизнь грешно жаловаться.

Конечно, радость живет в тренере, если у команды пусть даже небольшие, но стабильные успехи. А вот если у нее пока не устоявшийся нрав, команда играет со срывами. Со всех сторон доходят до тренера слухи – он-де «замучил» команду, состав у него «не тот», он неоправданно строг, не желает пойти навстречу ведущим игрокам, прощать им проступки в быту, капризность характера, претензии на лидерство… Вот когда без стойкости, без мужества тренеру не обойтись.

На заре своей тренерской карьеры я вынужден был отказаться

от ведущих игроков, сознательно пойти на конфликт с ними, но ни на йоту не поступился своими принципами, игровыми идеями, своими представлениями о том, каким должен быть коллектив спортивных единомышленников. И пусть в итоге мне пришлось передать сборную команду, ядро которой составляли эти хоккеисты, другому тренеру, и к нему затем пришла слава. Это не так уж важно. Куда важнее сохранить свое кредо, веру в мечту.

Позже мне удалось создать такой коллектив, где было много звезд, но все спортсмены были равны. Равны в требовательности к себе, в стремлении крепить дисциплину, служить примером для молодых игроков. И, конечно, здесь не было места зазнайству, капризности, что всегда подтачивает боеспособность команды. В нашем армейском клубе боевой командный дух, настоенный на мастерстве игроков, был всегда высок и постоянен.

А разве возможно в бесконечной круговерти учебно-тренировочного процесса оставаться свежим, жизнедеятельным, последовательно упорным, не воспитав в себе боевого характера?

И, наконец, матчи. Они, как и роль тренера во время их проведения, заслуживают отдельного разговора. А сейчас поговорим о них как об особой физической и психологической нагрузке на тренера.

Сам матч, да и подготовка к нему требуют от тренера определенного запаса здоровья. Это ясно давно и многим. Часто тренеры, в том числе и молодые, приходят домой после матча – даже победного матча! – совершенно разбитыми. Хоккей, прекрасное зрелище, приносящее людям радость сопереживания, в то же время истощает тренера, доводит его до состояния психического потрясения, когда и свет ему становится не мил.

Конечно, в такое состояние попадают далеко не все тренеры, а лишь люди ответственные, самолюбивые, не желающие мириться с поражениями своей команды. И помощником, другом, лекарем может служить только одно – мужество. Потребность себя не щадить, быть постоянно там, где тренер нужен команде и каждому игроку.

Мужество, выдержка необходимы тренеру для того, чтобы контролировать свои эмоции. Говорят, лицо – зеркало души. Каким оно должно быть в миг радости, в минуты тревоги, а то и досады? И об этом необходимо все время заботиться тренеру.

Существует поговорка, о которой тренеру, на мой взгляд, необходимо помнить: «Добро потеряешь – не много потеряешь, честь потеряешь – много потеряешь, мужество потеряешь – все потеряешь». И очень мне по душе совет гениального педагога В. А. Сухомлинского: «Самое трудное – мужество повседневного многолетнего труда. Найди себе идеал мужества и неотступно

следуй ему».

Одно из достоинств тренера – умение работать с перспективой. Во всяком случае, многое делать для нее. На тренировке – предлагать спортсменам новые, усложненные упражнения, компоновать в новом сочетании звенья, по-новому, нестандартно ставить перед ними тактические задачи, изменять, усложнять действия игроков разных амплуа. Короче, как принято говорить, в своей работе опережать время, постоянно трудиться на завтрашний день. Лишь в этом случае тренер может рассчитывать на громкий и стабильный успех команды.

Дело это, конечно, далеко не простое, но интересное и, главное, нужное для побед команды, для прогресса хоккея. Не хочу обижать коллег, но выскажусь вполне определенно: те из них, кто живет без перспективы, без взгляда на хоккей завтрашний, вряд ли испытывают полную удовлетворенность, потребность в постоянном пополнении знаний. Обычно такие тренеры сетуют на свое трудное, неуютное положение, разлад с профессией… А зря. Вопрос в том, с какой стороны к ней подойти. Если тренер из тех людей, про которых говорят, что «лень раньше него родилась», если не желает он упорно трудиться, недостает ему крыльев для поиска рискованных решений, если многого он остерегается, слаба у него вера в «своих парней», вряд ли удовлетворит его наша профессия.

Считаю, что понятие «риск» очень ей близко. Не могу согласиться с коллегами, кто с возрастом начинает говорить: «Ну, с меня хватит – в молодости я нарисковался!» Нельзя «танцевать» от своего состояния. Чем выше класс команды, мастерство игроков, тем чаще путь к удаче должен быть связан с риском. Для нас, тренеров, работающих с упреждением, это – норма деятельности.

Хоккей не стоит на месте. То, что вчера приносило сильный эффект, сегодня может дать осечку. Вспоминаю, как канадские хоккеисты обыгрывали нас, да и всех в Европе, за счет высокой индивидуальной техники, особенно превосходя любого соперника в умении вести атаку, применяя такие приемы, как обводка, завершающий бросок, добивание, создание помех вратарю. Попробуй, воскресни, хоккей тех лет! Сегодня за счет лишь этих приемов заокеанским хоккеистам не обыграть и рядовой нашей команды.

Велико стало противостояние двух хоккейных школ. Добиться успеха возможно, лишь выдумывая что-либо новое, остро неприятное для соперника, сложное для локализации. В этом поиске неизведанного всегда и должен находиться тренер.

Конечно, оно, это новое, сваливается к тренеру не с потолка.

Его нельзя купить в лавке, одолжить на недельку у приятеля. Иногда слышу: «На меня нашло озарение, и я придумал…» Не верю я в эту мистику. Новое рождается фантазией тренера, сопряженной с привычкой обдумывать, анализировать увиденное и услышанное. Что-то – отбрасывать, что-то – принимать, чуть изменив, модернизировав. Такова профессия. Быть выдумщиком тренеру, как говорится, «положено по штату».

Для тренера очень важно – уметь придумывать, изобретать упражнения или вносить в те, что известны, долю своего творчества. Здесь оттачиваются его мысли, развивается фантазия. Но главное вижу в другом: в том, каким представляется тренеру хоккей грядущего, какими видятся ему игроки различных амплуа, действия звеньев, тактические мотивы игры. С помощью упражнений тренер как бы «лепит» игроков, приближая их действия к той модели, которую рисует ему воображение. Это всегда чувствуют хоккеисты, и авторитет тренера в их глазах, что закономерно, растет.

Часто можно слышать такое: этот тренер хороший, сильный, а вот характер у него… И здесь возможны разные варианты. То называют его чересчур жестким, то излишне мягким, то доверчивым или, наоборот, подозрительным. А какими чертами характера должен обладать истинный тренер?

Самым ценным, пожалуй, в характере и действиях тренера считаю демократизм. Причем не наигранный – естественный. Умение тренера создать в коллективе обстановку открытости, честности, гласности, когда обо всем, не стесняясь, можно говорить вслух. Важны в характере тренера и такие качества, как чувство справедливости, умение выслушать спортсмена, бескорыстное стремление всегда, в любых ситуациях помочь ему. Назову и деликатность – умение считаться с личностью игрока, особенностью той жизненной ситуации, в которой он оказался. Все это, если не передалось тренеру, как говорится, с молоком матери, ему необходимо воспитывать в себе. Да-да, этот важный минимум требований в нашей профессии просто необходим.

Когда веду речь о демократизме тренера, вовсе не собираюсь принизить этим такие необходимые ему качества, как строгая требовательность, любовь к дисциплине, стремление к порядку в команде, при котором, конечно же, не закрываются глаза на недостатки спортсменов. Здесь залог успеха – живой пример, абсолютная порядочность самого тренера. Это нельзя заменить никакими лекциями и нравоучениями. Стопроцентно верен афоризм: «Каков тренер – такова и команда».

Считаю также, что тренеру необходим оптимизм – склонность во всем в жизни видеть хорошие стороны, верить в успех. Это так

естественно, если тренер верит в свой замысел, в свою звезду. Если верит в возможности игрока, в спортивные качества и характер истинного мастера. Если всегда убежден в успехе команды и свою уверенность в том, что команда непременно станет классной, ежедневно передает игрокам, причем не словами, не силой убеждения, а созданной в коллективе атмосферой труда и творчества. Это так естественно, если такая среда всесторонне воспитывает спортсмена, в том числе и интеллектуально, если все члены команды охвачены как бы единым порывом в общем стремлении добиться успеха!

Оптимизм тренера особенно важен в период тяжелых объемных тренировок, при неудачах команды. Проигрывать можно – нельзя скисать, опаздывать с выводами, упускать шанс для того, чтобы дать команде возможность распрямиться во весь свой рост.

Конечно, оптимизм тренера опирается на его знание природы хоккея, высокую эрудицию, начитанность, жизненный опыт. Чаще успех сопутствует тренеру, прошедшему нелегкий жизненный путь, склонному к трезвому анализу.

Для тренеров, особенно тех, чьи команды ведут борьбу на самом гребне спортивной волны, эталоны требовательности очень высоки. У нас с Аркадием Чернышевым (как, впрочем, и у сегодняшних тренеров ведущих советских клубов и сборной СССР) задача была одна – подняться на высшую ступень пьедестала. Задача и очень трудная, и почетная. Этим высоким устремлениям и требованиям соответствует лишь тот спортивный коллектив, члены которого отдают себя хоккею, команде без остатка. И делают это искренне, не помышляя ни о чем ином.

Да, требователен к себе и другим должен быть тренер. Но никогда не следует полагать, что тренер – начальник. Использовать свою власть? Это возможно, пожалуй, лишь в острых конфликтах, сложных, исключительных ситуациях. Не власть, а знание жизни, хоккея, чутье педагога – вот стезя настоящего тренера. Говорю об этом не случайно.

Авторитет хоккейного тренера в нашем спорте очень высок. Он несравненно выше, чем в Канаде, США, во многих странах Европы. Знаю, что тяжко приходится за океаном многим моим коллегам. Скотти Боумэн, выдающийся, на мой взгляд, тренер 70-х годов, не раз приводивший клуб «Монреаль Канадиенс» к громким победам, неоднократно отстранялся от работы лишь потому, что не был уживчив с руководством клуба, был ему неудобен, не позволял вмешиваться в дела команды.

Однако и у нас появился тип тренера, опирающегося на власть, а не на свои тренерские, педагогические знания и

убеждения. Такие тренеры не утруждают себя аргументами. Могут, будучи в раздражении или повинуясь капризу, обидеть любого, в том числе именитого игрока, не включить его в состав, перевести в другую пятерку, всячески ущемлять морально, не содействовать росту его мастерства. Искренность, теплота взаимоотношений подменяются казенщиной, формализмом. Тренерский диктат становится основным инструментом руководства командой.

Мое убеждение таково: тренеры-диктаторы успеха в нашем хоккее не добьются. Тем более сейчас, когда в жизни страны твердо наметился курс на гласность, демократизацию, честность. Конечно, тренеры, привыкшие командовать игроками, еще будут цепляться за свои «методы», возможно, иногда они будут праздновать победы, поскольку пока таким тренерам не закрыт доступ к государственному кошельку, коим они соблазняют спортсменов. Но все равно их век не может быть длинным, а спортивная судьба удачной. В этом я уверен.

Среди несомненных достоинств тренера – умение не только кратко, но и точно, доходчиво доносить до игроков свои мысли. Русский язык богат. И лишь одно это должно стимулировать тренера строить свою речь выразительно, афористично. Говорю не только о заданиях на игру, лекциях, беседах. Общение с игроками в процессе тренировок должно вестись тренером всегда с нужным настроем, ему всегда надо заботиться о том, что и как сказать подопечным. Руководствоваться тренер должен тут одним: как его слова помогут спортсмену что-то понять, усвоить, чем-то овладеть, стать лучше, сильнее, чище. Тренер, который, беседуя со спортсменами, заботится лишь о том, чтобы поднять свой авторитет, вряд ли добьется желаемого – авторитет его будет липовый.

Излагать свои мысли точно, сжато, конкретно – целое искусство. Тренеру должно претить многословие – ведь в хаосе слов спортсмену трудно уловить суть того, что предлагает ему наставник.

Деловые качества тренера проходят проверку и в том, как он умеет доводить свои замыслы и предложения до конца. Нельзя допустить, чтобы его советы повисли в воздухе. Игроки должны знать: раз тренер посоветовал, потребовал что-либо, он к этому непременно вернется. В том же духе должны быть воспитаны и помощники тренера.

Часто можно слышать от коллег: с игроками работаем дружно – никаких споров, конфликтов, в команде все спокойно. Не думаю, что такая «милая» команда способна добиться крупного успеха. Почему? Успех спортсмена неотделим от роста

его мастерства. Для этого нужны огромные волевые усилия, новаторство, терпение как тренера, так и игрока. При больших нагрузках, постоянном поиске новых решений не могут не возникать сомнения, споры, конфликты. Игроки, скажем, затрачивая огромные усилия, ждут результатов, а их нет. В чем дело? Спортсмены хотели бы знать, кто виноват в том, что они топчутся на месте. Не всегда ощущают они и собственную вину. Не всегда хватает им терпения, умения ждать итогов кропотливой работы. Может случиться и так, что во всех неурядицах они обвинят тренера. Возникает конфликт.

Конфликтные ситуации – это подтверждается жизнью, – как правило, сопутствуют работе крупного, сильного тренера, способного воспитывать выдающихся игроков, создать классную команду. Для тренера, конечно, важна победа в такой ситуации. Ему нужно уметь заранее предвидеть любой конфликт, быть всесторонне готовым к нему.

Тренеру, однако, не следует быть «запрограммированным» лишь на ошибки спортсменов. Возможно внесение каких-либо корректив и в тренерскую работу. Тренер может изменить, скажем, содержание тренировок, внести поправки в действия хоккеистов того или иного амплуа, поискать, попробовать новые сочетания игроков, изменить состав звеньев, взять иной тон в беседах со спортсменами. В этом случае любой конфликт становится разрешимым, а самое главное – богаче становится жизнь команды. Тренер, команда, хоккей в целом извлекают, таким образом, из конфликта несомненную пользу. Совсем нежелательна ситуация, когда остаются обиды, неприязнь.

Решив разногласия в свою пользу, тренер, конечно же, укрепит авторитет. Однако гораздо важнее то, что конфликт прибавит ему опыта, поможет расширить и углубить специальные и педагогические знания, побудит использовать в дальнейшей работе различные подходы. Но одно должно быть незыблемым – равное отношение ко всем хоккеистам без каких-либо скидок на возраст, мастерство. Тренер обязан упрятать подальше свои симпатии и антипатии.

Это сказать просто – равное, справедливое отношение ко всем игрокам. Хоккеисты именитые всегда и во многом имеют приоритет. В чем? В материальном поощрении, в славе, начало которой положено тренером. Но не в снижении требовательности. Ветерану команды, ведущему игроку не должно делаться скидок, послаблений ни в дисциплине, ни в игровом рвении – ни в чем. Пожалуй, даже наоборот. Жизнь свидетельствует: успех, высокая боеспособность команды держатся на требовательности к себе ведущих спортсменов.

Конфликты тренеров с хоккеистами бывают и необратимы. Причины могут быть разными, но независимо от них вина тренера очевидна. В ее основе может быть нескромность наставника, когда победы приписываются тренером себе, а поражения – хоккеистам. Бывает, что тренер ведет себя недостойно, нарушает этику, спортивный режим. Значит, ноша оказалась не по плечу, и отстранение от работы такого тренера – решение единственно справедливое.

Хотелось бы здесь прояснить свою позицию относительно того, как следует оценивать роль тренера, если команда побеждает и если – проигрывает.

Команда одержала победу – и тренер отдает должное лучшим игрокам, звеньям, тем, кто доблестно сражался на льду, выполняя его задания. «Якать»? Ни в коем случае! Пусть о тренере, его вкладе в победу скажут другие, в том числе и сами игроки. Настоящего тренера не забудут, не обойдут вниманием. Ни руководители клуба, ни журналисты. Да и скромность его будет замечена, оценена, хоккеисты будут стремиться подражать своему наставнику.

А как поступить тренеру, если от команды отвернулась удача? В ответе, разумеется, тренер. Это он готовил игроков, звенья, определил состав команды, руководил игрой. Анализ событий, просмотр видеозаписи матча должны помочь коллеге выявить основные моменты – по какой причине проиграла его команда. В чем ты как тренер допустил просчет. Какие промахи допускали вратарь, защитники, звенья нападающих. Такой анализ полезен всем звеньям, всем игрокам. Спокойный разбор ошибок как тренера, так и хоккеистов может стать темой серьезного разговора, началом работы по устранению слабостей, наращиванию мастерства.

Особая роль в анализе – тактическим построениям, волевому состоянию звеньев. В чем, в каких элементах уступили сопернику звенья, отдельные игроки? Какими средствами и методами будут исправляться недостатки? Тренер может обвинить игроков лишь в слабой дисциплине, в том, что не отданы все силы игре, не выполнено задание на матч, если оно было посильным.

Очень важно выбрать правильный тон для критики. А главное – советы, четкая перспектива, как спортсмены вместе с тренером будут выправлять изъяны, обретать необходимое умение.

Хоккей и тренировка

Повидал я на своем веку немало тренеров. Разные всё это люди. Одни красноречивы, неистощимы на «байки» из жизненной практики, готовы ринуться в спор на любую тему, не только о спорте. Рядом с этими, как их зовут, «говорунами» менее заметны «молчуны» – те больше слушают, вникают в суть споров, все наматывая на ус. Но, разумеется, не манера изъясняться и не умение слушать и впитывать умные речи определяют квалификацию тренера. Что же? Знание современного хоккея – его глубин, его течений.

И, разумеется, не в общих чертах – в теоретическом и практическом аспектах. А также представление, куда хоккей «держит путь», каковы те новые магистрали, на которые выйдут завтра лучшие команды мирового хоккея.

Но истинному тренеру недостаточно и этих познаний. Важно воображение, собственное видение игры. Не с чужих слов почерпнутое, а сформированное как итог долгих раздумий, споров с самим собой. И пусть это представление об игре не окончательное, пусть подлежит оно проверке, а то и пересмотру. Главное заключается в том, что оно должно быть выстрадано тренером, принадлежать ему и только ему. Плагиат здесь недопустим.

Параллельно с тем, каким видится тренеру хоккей и его непобедимая команда, у него непременно должно сложиться представление о содержании и характере тренировочной работы. Он должен знать ответы на вопросы, как быть с командой в целом, как воспитывать отдельные связки, звенья, амплуа каждого игрока, как впишутся они в новую систему или тактику игры. И вот это-то последнее звено в длинной цепи достоинств тренера – умение в полном согласии со своими творческими концепциями проводить тренировки – и является главным мерилом его квалификации. С нее, с тренировки, начинает наставник завоевывать авторитет у игроков. Ею он как бы высвечивает будущие успехи команды. Умело построенные, упорные тренировки ведут спортсменов к высотам мастерства. Творчески осмысленная тренировка – кратчайший, как геометрическая прямая, путь к созданию классной команды.

Какое самое сокровенное желание любого тренера? Воспитать – и побольше! – игроков волевых, умелых, думающих, таких, которых полюбит зритель. С их помощью создать классную команду, что будет дарить зрителю захватывающий хоккей, и, конечно же, способную побеждать. Те из коллег (а таких, знаю,

немало), кто полагает, что авторитет и слава придут к ним вместе с должностью, пользу хоккею не принесут. Такие тренеры, как правило, больше говорят, чем делают. От этого страдают игроки. Спортсмен средних достоинств так и не становится хорошим, видным хоккеистом. Способный же ходит всю свою безрадостную спортивную жизнь в подающих надежды, не вытягивая на игрока яркого, выдающегося.

В чем вижу роль истинного тренера, когда он общается со спортсменом на тренировках, в беседах, спорах?

Известно, что способности, пусть в неодинаковой мере, природа-матушка подарила каждому человеку. С учетом этих способностей, наклонностей, особенностей натуры, характера движений игрок вместе с тренером выбирает амплуа, свое место в команде. Причем различия, и довольно разительные, существуют не только, скажем, между вратарем и полевыми игроками, защитником и нападающим, но и в отдельных линиях – между игроками обороны, между игроками нападения.

Возможно, то, о чем я говорю, покажется кому-то прописной истиной. Однако до сего времени многие и многие тренеры во многих командах, – не только во взрослых, но и детских, где идет становление мастерства юных хоккеистов, – занятия проводят под одну музыку, по единому конспекту. Это в корне неверно. Конвейер на тренировке? Он не позволит воспитать яркую индивидуальность. Как тут быть? Конечно, большим подспорьем могут стать индивидуальные занятия. Но как вписать такой подход в тренировку всей команды, если на площадке один-два тренера и двадцать пять – тридцать хоккеистов?

Такая задача по плечу лишь творческим, энергичным тренерам. Разумеется, в содружестве с грамотными спортсменами. Оно вообще очень важно, когда решаются проблемы роста мастерства – индивидуального или всего звена.

Для таких занятий на льду удобно использовать поточный метод тренировки, о котором уже говорилось вскользь. В «поток», как в программное устройство, «заложить» упражнения для хоккеистов разных амплуа, предоставив им широкий простор для выбора и творчества.

Например, предлагается упражнение, когда сыгранные пятерки, чередуясь, маневрируют по длине поля, игроки передают друг другу сразу несколько шайб, атакуя с ходу то одни, то другие ворота. Затем нападающие, встречая сопротивление защитников своего звена, должны вести с ними единоборство, применяя обводку и скрытные пасы. Продолжая действовать в том же ключе, одни пятерки при обороне используют или персональную опеку, или прессинг, другие ведут атаку, получив

от тренера задание акцентировать внимание на каком-либо одном элементе – к примеру, в зону соперника входить только по центру, использовать в завершающей фазе быстрый пас или блокировку, применять другие приемы.

Здесь, как и в других ситуациях, тренер обязан – да-да, обязан! – не пропустить мимо внимания ни единого случая проявления игроками выдумки, фантазии. Радость тренера по этому поводу должна быть, по моему убеждению, гласной: игроки должны знать, что наставнику особенно нравится. В такой благоприятной среде у каждого игрока будет развиваться и закрепляться не только необходимый двигательный навык, но и, что очень важно, получат развитие те естественные движения и склонности, что подарила хоккеистам природа. Действуя таким образом, игроки будут обретать неповторимость, или, как мы, тренеры, привыкли говорить, фамильное мастерство.

Можете представить, какие крылья вырастут у хоккеиста, если он будет знать, что тренер ежедневно предлагает ему упражнения, выполнять которые он может, проявив творчество и фантазию, реально рассчитывать на рост своего мастерства!

Не стану скрывать: существуют трудности, и немалые, во взаимоотношениях тренера и спортсмена. Принцип, по которому многие тренеры строят эти отношения «сверху вниз», с позиций своей высокой должности, вряд ли подойдет. Подлинный авторитет зиждется на другом – педагогических и специальных знаниях тренера, его умении сполна передавать свой опыт спортсменам и учиться у них.

Последнее требует пояснения.

Жизнь, спорт постоянно меняются, подобно руслу быстро текущей реки. Может ли тренер не замечать этих изменений, не вносить в свои действия коррективы? И нет у тренера лучшего партнера, который помог бы ему уловить перемены, вести поиск новых решений, чем спортсмен, команда. Нужен особый контакт тренера с игроками, хотя, повторяю, наладить его бывает нелегко.

Поговорить с игроком, выслушать его мнение, посмотреть, наконец, вместе с ним матч или тренировку с участием соперников – все это как будто простые обязанности тренера. Но как сделать так, чтобы остаться самим собой, установив доверительные отношения с игроком, не сбиться на панибратство, сохранить необходимую дистанцию? И, не дай бог, впасть в зависимость от спортсмена?! Уронить себя в его глазах, дать повод усомниться в глубине знаний тренера в твердости его духа?

Доброту и открытость тренера игрок не должен принимать за его слабость. Каждодневно тренеру нужно подвергать анализу любой свой шаг. С кем, когда, по каким проблемам держать совет,

вести спор? Не делать ничего формально, ради галочки. Формальная беседа тренера с хоккеистами – это завуалированное, бесспорно, недобросовестное заигрывание тренера с игроками. Это – первая ступень падения тренера в объятия зависимости от спортсменов.

Тренер, допустим, спрашивает совета у игрока, искренне нуждаясь в его мнении. И если оно оказалось полезно, не позабыть бы тренеру не только сказать спасибо спортсмену, но и не побояться огласить итог этого разговора. Не убавится у тренера авторитета. Спортсмен учтет его честность, открытость и по-своему отблагодарит тренера. В моей практике не раз бывало, когда приходили игроки и предлагали включить в тренировки ими придуманные упражнения. И, принимая эти предложения, я всякий раз объявлял, кто упражнение выдумал, и оно долго носило имя автора.

В тренерском деле главное – спортивный результат, класс команды, уровень мастерства хоккеистов. И ради этого тренер никогда не жалеет ни сил, ни знаний. Чем выше уровень учебно-тренировочной работы, тем больше надежд на успех тренера. Поэтому труд тренера следует оценивать по главным показателям. Как играет твоя команда, кого ты воспитал – таков ты и тренер.

Комментарий Ю. В. Королева

О гибкости Тарасова во время тяжелых тренировок

На тренировках Тарасов себя не щадил и игрокам расслабления не позволял. У непосвященного зрителя, а этот наставник не имел привычки закрывать доступ на свои занятия, складывалось полное впечатление, что хоккеисты ЦСКА выполняют какие-то немыслимые упражнения и выдерживают запредельные нагрузки и что грозный Тарасов не знает чувства меры. Это было заблуждением многих людей, находившихся вдалеке от армейской команды и питавшихся лишь слухами об их жестком и даже порой жестоком «командире».

В действительности все было несколько иначе. Являясь человеком наблюдательным и психологически подкованным, Анатолий Владимирович мог в разгар интенсивной тренировки незаметно пройти мимо меня и бросить тихо реплику: «Юра, уйди с катка, вернись через

пять минут и скажи мне громко: «Анатолий Владимирович, вас к телефону…» Я так и делал. В отсутствие «старшего» игроки, разумеется, позволяли себе передышку – сокращали количество повторений или выполняли упражнения менее добросовестно. Тарасов вскоре возвращался и зычным голосом выражал недовольство увиденным: «В чем дело, Александр Павлович (это – к Рагулину)?! Толя, Толя Фирсов – где огонек в глазах?!..» То был один из тарасовских приемов, позволявших разрядить обстановку и дать игрокам замаскированную уходом к телефону передышку.

Победы и поражения

Пожалуй, нет другой такой мирной профессии, принадлежность человека к которой не подвергалась бы столь частой и суровой проверке. На прочность знаний, авторитет, крепость характера. Причины поражения команды прежде всего начинают искать, подвергая сомнению действия тренера. Он «перетренировал» или «недотренировал». У него «не тот состав» или «не та тактика». Он «не так руководил матчем». Чего только не услышишь после поражения команды! И тренер, если он стремится к своему росту, мечтает стать крупным специалистом, должен научиться правильно реагировать на такие подчас беспардонные и обидные наскоки.

Чем выше квалификация команды, тем острее горечь поражения. И, естественно, весомей ответственность тренера за неудачу. В моей тренерской жизни было не так уж много осечек. Возможно, поэтому каждую из них я всегда трудно переживал. Друзья уговаривали меня брать пример с других тренеров: они, мол, к поражениям привыкли, за неудачи команды себя не линчуют. Это плохая, я бы сказал, дурная привычка, удел невеликих тренеров.

Как это так, не переживать неудачу, к которой ты, тренер, не просто причастен, а являешься главным действующим лицом? Не переживать – значит не делать из поражения никаких выводов, оставляя в команде все, как было прежде, и, стало быть, никогда не поднять ее во весь игровой рост. Это значит перечеркнуть плоды всей учебно-тренировочной работы. И не только своей собственной работы, но труда – и немалого, подчас огромного труда – каждого хоккеиста.

Конечно, формы переживания бывают разные. От спокойных бурь в себе до таких, когда «стены трещат» – так бушует тренер в поисках виновников поражения. Это уже крайность, вряд ли приличная для тренера. У нас же здесь речь идет об анализе, чья опора – не эмоции, а только лишь здравый смысл и рассудок. А также стремление оптимизировать сочетания игроков, найти лучший тактический вариант действий звеньев и, наконец, выявить, чего недостает хоккеистам, наметить реальную программу совершенствования их мастерства.

Возможно, причины поражения крылись в растерянности отдельных хоккеистов, в особенности молодых спортсменов, в их слабой волевой стойкости, игровой неряшливости, а то и просто недисциплинированности. Есть тренеры, которые в такой ситуации всю тяжесть вины обрушивают на этих слабых

спортсменов, а то и на плечи целого звена. Не думаю, что они поступают разумно. Это самое простое и лишь на первый взгляд верное решение. От разноса игроков, возможно, полегчает, но – лишь самому тренеру. Такой упрощенный подход не сулит быстрого роста команде, не прибавит коллективу ни сплоченности, ни боеспособности.

Анализ – это поиск новых решений, в результате которого могут лишь улучшиться отношения тренера с игроками. Обида за поражение, как и несчастье, должна сближать их, звать к более усердным тренировкам.

Назвать игрока, виновного в пропущенной шайбе, найти промахи в его действиях в том или ином эпизоде – дело несложное, нехитрое. А вот придумать, не мешкая, новые упражнения, наметить пути, как исправить изъяны в игре хоккеиста, – это главная и далеко не простая задача. Нужно найти к игроку особые подходы, добиться того, чтобы хоккеист сам поставил перед собой нужную тренеру и команде цель, проявляя на тренировках и дополнительное рвение, и повышенный творческий поиск.

Трезвый, спокойный анализ причин поражения тренер представляет своей команде. В этом спокойствии, конечно же, не место беззаботности. Для плохой команды и плохого тренера поражения – как с гуся вода. В настоящей команде каждый игрок – и не только более слабые, но и лучшие хоккеисты, – должен быть обеспокоен поражением. В настоящей команде все соединены ответственностью за судьбу своего звена, всей команды.

Говорят, поражение «подхлестывает» тренера, мобилизует игроков команды. Это верно. Армейскую команду, которой я отдал без малого тридцать лет, после ее проигрыша особо боялся любой соперник. Настолько по-хорошему, по-спортивному были злы, самолюбивы, предельно собранны в такие периоды хоккеисты.

Чтобы завершить разговор о тренере и команде, испытавшей горечь поражения, хочу коснуться еще вот какой темы. Команда в ходе матча проигрывает, но к финальному свистку все же вырывает у соперника победу. Всегда любил такую команду и таких игроков, умеющих в критических ситуациях «вставать на дыбы», позабыв обо всем на свете. Обожаю спортсменов с горящими глазами, рвущихся к воротам соперника, не жалеющих себя, помышляющих лишь об одном: добыть победу, добиться ее не только своим игровым умением, но и силой характера.

Теперь о том, как относиться тренеру к победе своей команды. Увы, не перевелись еще такие коллеги (и, по-видимому,

всегда они будут здравствовать), кто успех команды привык целиком относить на свой счет. Тренер шумно радуется триумфу? Здесь как будто нет ничего странного. Как и весь коллектив, он безмерно счастлив и не хочет прятать своих эмоций. Все правильно, если бы… не перехлесты, при которых радость победы словно убаюкивает команду. О таких отклонениях и хотелось бы поговорить.

Неразумно тренеру долго радоваться успеху. Отдав должное боеспособности игроков, их высокому мастерству, успешному выполнению звеньями игровых заданий, следует умело закреплять успех, очень тонко ставя перед спортсменами более сложные задачи. Подвергая анализу победный матч, важно, конечно, знать и истинную цену успеха. Что за соперник был повержен? Слабый, сильный или доселе и вовсе неприступный? Лишь при таком подходе цена победы будет достоверной. Тренер команды, победившей слабого соперника, вправе быть придирчивым к своим игрокам. Ну, а победа над сильным конкурентом даст ему правдивую картину состояния звеньев.

Что же является главным при анализе такой победы? Вот вопросы, на которые желательно получить ответ. Как закрепить успех? Что было в действиях команды фундаментально крепким? Какой тактический мотив прозвучал наиболее остро? Особо следует вспомнить ключевые моменты встречи, минуты перелома в игре. Держать это в памяти опасно, ненадежно – сразу же, по горячим следам, тренер обязан занести свои мысли и выводы в рабочий дневник. Эти записи помогут тренеру продумать тренировочные упражнения, педагогические подходы к спортсменам для закрепления сильных сторон их игры. Важно, чтобы стали они, как говорится, игровыми козырями команды.

Верно поступают те тренеры, кто использует победу для того, чтобы поднять настрой своих ребят на успешные тренировки. На таком же высоком эмоциональном подъеме следует готовиться к очередным календарным матчам, на подъеме их и проводить.

Нет худа без добра. Эта поговорка справедлива и по отношению к тем моментам в жизни команды, когда тренер долго, почти елейно, не по делу похваливает игроков, отдельные звенья за успешную игру. Что ж, похвала – как ветер под крылья. Она помогает хоккеистам поддерживать боевой настрой, преодолевать тяготы их нелегкой спортивной профессии.

Сейчас, с появлением видеозаписей матчей, изменился и анализ хоккейных встреч. Не считаю, что верно поступают тренеры, вовсе отказавшиеся от своих блокнотов. То, что подмечено живым тренерским взглядом, осмыслено и прочувствовано во время игры, нельзя, полагаю, заменить

никакими, даже самыми четкими изображениями на видеопленке.

Но и сам отснятый матч нуждается в умелом разборе. Не согласен с тем, что многие тренеры по многу раз прокручивают видеозапись перед игроками, говоря при этом: сами, мол, разберитесь со своей игрой. Считаю, что такая «доверительность» сродни формализму.

Обычно тренер вначале сам просматривает запись матча, делает в блокноте пометки, какие игровые эпизоды важны для анализа. На них и обращает внимание, когда разбирает встречу с хоккеистами.

Не думаю, что указывать на ошибки – самый верный путь. Как садовнику не следует проходить мимо кустов роз, так и тренерам полезно учить своих подопечных на положительных эпизодах игры. Умелый, тонкий тренер, все продумав, подобрав нужные слова и фразы, разберет матч «по косточкам». Похвалит одних, пожурит других, выскажет в итоге всем свои пожелания, советы, требования. Он уйдет от назидательности, позволив игрокам чувствовать себя свободно в ходе разбора, смело говорить друг другу о допущенных ошибках.

Считаю способность хоккеиста к самоанализу высшей похвалой тренеру, развившему у спортсмена это качество.

До, во время и после матча

Для тренера, а значит, и для хоккеистов матч начинается не в тот день и час, как это указано в афишах. Значительно раньше. За два, а то и за три дня, если, конечно, имеется для этого «окно» в календаре, команда проводит контрольную (а то и несколько) тренировку. В ткань тренировки вплетаются такие упражнения, которые, по мнению тренера, особенно нужны для победы над этим конкретным соперником.

Скажем, зная атакующую мощь соперника по предстоящему матчу, тренер решает применить против него в средней зоне прессинг, лишая противоборствующую команду главным образом скоростных фланговых проходов. С учетом этого будущего игрового задания и ведется тренировка.

Но занятие посвящается не только тактическим нюансам. Возможно, потребуется умерить боевой пыл соперника, лишить его возможности бурно начать встречу. И это, строя занятие, учитывает тренер. Или, предполагая, что в отдельных игровых фазах соперник предложит контактный хоккей (например, в завершающей стадии атаки), способен на проявления жестокости, устрашая игроков обороны, тренер соответствующим образом и проводит контрольную тренировку.

Все это детально обговаривается, «проигрывается», включается специально в «игровой сценарий», где тренер дает конкретные рекомендации своим спортсменам. Такие занятия с игроками, звеньями создают эскиз к картине будущей встречи.

С помощью такой тренировки тренер рассчитывает укрепить уверенность каждого хоккеиста в успехе предстоящего матча. Командные занятия подкрепляются звеньевыми, индивидуальными. К примеру, тренер решает нейтрализовать наиболее ярких игроков соперника или его ударное звено. Наигрываются эпизоды, наиболее характерные для предстоящей встречи, для успеха задуманной акции.

Такая тренерская работа «на опережение» не только важна, но и очень интересна как для тренера, так и для спортсменов. Хорошо подобранный «букет» увлекательных и полезных тренировочных упражнений развивает фантазию игроков, идет проверка творческих подходов к решению основной задачи – победе над соперником. Все это создает в коллективе удивительно целеустремленную и дружную обстановку.

Разумеется, как и любое другое серьезное практическое занятие, контрольные тренировки сопровождаются беседой тренера с игроками. Здесь тренеру полезно дать волю фантазии и

как бы ввести хоккеистов в сложную игровую обстановку предстоящей встречи. Не страшно, если спортсмены в ходе обмена мнениями и споров в чем-то запутаются, не всегда их следует перебивать и поправлять. Спешить не следует – все должно быть разложено по «игровым полочкам». Хуже, если что-то останется невыясненным, недоговоренным, и хоккеисты, выходя на игру, не четко будут представлять свою роль, задание тренера. А если в первом же игровом конфликте у них появятся признаки неуверенности в себе – пиши пропало. Это прямой путь к поражению команды.

Теперь мне хочется рассказать о тренировке команды в день матча. Ее у нас в последние годы стали называть «раскаткой». Мне это название никогда не нравилось – есть в нем что-то скользкое, не совсем серьезное. А на этой тренировке важно многое прорепетировать, закрепить каждому игроку и звену. В ней, как в зеркале, отражается готовность команды к матчу. Из чего состоит такая тренировка? Каковы ее особенности? В чем роль тренера во время такой тренировки?

Играет спортсмен – тренер его верный помощник. Об этом всегда надо помнить, выходя на предматчевую тренировку. Тренер заранее оговаривает, уточняет, что будет делать на льду в составе звена, а также индивидуально каждый хоккеист. А вот само занятие спортсмен проводит как бы самостоятельно. Конечно, можно организованно провести начало тренировки. Но все равно игрок должен знать, что ему надлежит сделать, что еще раз, до деталей «проиграть», какие действия в основных игровых эпизодах вновь осмыслить.

К примеру, он – форвард и знает, что против него будет действовать сильный защитник, пытаться обыгрывать которого нет смысла. Куда полезней, вступив с ним в единоборство, отдавать в ходе контакта шайбу партнерам, а самому быстро освобождаться от «объятий» соперника. Все это форвард и репетирует на льду.

Так игроки разных амплуа, совершенствуя свою предстоящую роль, подводят себя к хорошему физическому состоянию.

Особая забота тренера – вратари. Обычно в помощь им он отряжает группу игроков, – как правило, это ведущие, сильные хоккеисты, – с тем, чтобы стражи ворот обрели уверенность в себе, получили нужный настрой на игру.

Продолжительность такой тренировки обычно в пределах часа, если матч играется вечером, и 30–40 минут, если встречу намечено провести днем. Интенсивность занятия невысока – важно подвести игроков к матчу свежими, полными сил.

Перед матчем проводится собрание команды. Оно может

состояться в разное время – перед самой встречей или загодя. Если матч трудный, соперник сильный, то вернее будет провести его пораньше. У тренера появится время кого-то успокоить, что-то доделать, «подлатать». Не понимаю тех тренеров, кто на собрании зачитывает чуть ли не доклад или держит длинную речь. Чем выше классом команда (и если квалификация тренера под стать уровню ее игры), тем короче и деловитее проходит собрание. Продолжительность, как правило, пятнадцать, максимум двадцать минут.

Тренер не спеша, уверенно успевает упомянуть об основных тактических мотивах игры. Если есть необходимость, объявляется состав, порядок смены звеньев, условия игры в неравных составах. Желательно, чтобы речь тренера была сжатой, образной, доходчивой. Полезны выступления игроков – ведущих хоккеистов, капитана команды. Опытный, тактичный тренер в своем выступлении намеренно оставит «белые пятна», которые с охотой заполнят игроки. Обычно спортсмены говорят о боевитости, сплоченности, дисциплине, стойкости. Уточняют отдельные тактические и психологические особенности предстоящего матча. Ветераны часто дают советы молодым игрокам. Плохо, недопустимо, когда между тренером и командой нет единства, согласия, возникают разногласия, споры. Для любого спора существуют другие совещания. Перед матчем же команде, как никогда, важна сплоченность.

Для тренера собрание как камертон, с помощью которого он лучше поймет степень мобилизованности игроков, готовности команды к сражению. Любые сомнения на сей счет тренеру не следует оставлять «на потом». Если кому-либо из игроков что-нибудь неясно, если кто-то излишне волнуется (а может быть, это – целое звено), тренер после собрания находит время для индивидуальной или групповой беседы. Уточняет задание, дает советы. Главное, чтобы у хоккеистов отлетели сомнения, появилась уверенность в успехе.

Теперь, когда для команды сделано все необходимое, тренеру полезно побыть одному. Можно пригласить в комнату и помощников. Спокойно прикинуть, как могут развиваться события в матче. И, прокручивая в воображении различные игровые варианты, тренер тут же находит свои оперативные «ходы».

Оговорюсь: здесь я ничего никому не навязываю. Просто рассказываю, как работал сам. Считаю, например, что тренеру, оставшемуся в одиночестве, наедине с самим собой, помечтать, пофантазировать в высшей степени полезно. Перед тобой в мыслях разворачивается сражение, ты меняешь звенья, вносишь

тактические коррективы в их игру, чем-то недоволен, чему-то рад. Спрашиваешь себя, что предпринять в этих, других обстоятельствах. И отвечаешь сам себе. Подобно актеру перед выходом на сцену, тренер должен вспомнить все свои реплики в предстоящей хоккейной драме.

Но вот тренер и команда в спортивном дворце.

Часто вижу тренеров перед матчем в коридорах дворца или в буфетах, непринужденно беседующих за чашкой кофе. Надо отвлечься, считают многие из них. Возможно, возможно… Но разве не полезней тренеру пристроиться где-нибудь в углу раздевалки, наблюдая, как хоккеисты, облачаясь в доспехи, готовятся к сражению? Неужто тренеру не хочется еще раз проверить себя: а знает ли он своих игроков? Вот хоккеист затягивает тесьму на ботинке. Делает это тщательно, не спеша, удивительно серьезно, можно сказать, профессионально. А другой пыхтит, торопится, то же самое делает неряшливо. Разве это не полезно видеть, знать тренеру? Делать из этого выводы? Учитывать в дальнейшей работе с игроками?

Как правило, в раздевалке хоккеисты делают небольшую разминку. По тому, как проводят ее игроки, можно немало узнать об их настрое на матч, особенностях характера спортсменов. Лишь досконально, до мелочей, узнав спортсмена, тренер может принести ему пользу, помочь овладеть мастерством.

Разминку на льду перед матчем называют увертюрой. Состоит она из двух частей. Первая – подготовительная, когда хоккеисты «пробуют лед», выполняют гимнастические упражнения, совершают ускорения, прыжки. Во время второй, основной, части разминки хоккеисты поодиночке и звеньями выполняют различные технико-тактические приемы.

Не думаю, впрочем, что эту, вторую часть увертюры, где хоккеисты действуют звеньями, необходимо играть по одним и тем же нотам.

Перед матчами с разными по характеру и тактическим устремлениям соперниками тренеру не лишне напомнить об этом своим игрокам, предлагая им упражнения, которые хотя бы частично отражали основной тактический замысел команды на игру.

Зная, к примеру, что соперник привержен тактике силового давления, причем применяет ее, предварительно вбрасывая шайбу в чужую зону, в разминку команды можно включить упражнение, выполняя которое защитники на скоростном подкате подхватывают шайбу у своего борта, немедля выдают ее длинным пасом партнеру, устремившемуся в быструю контратаку. Или вот, скажем, соперник привык строить оборону на позиционной

основе, ведет спаренный отбор шайбы, при котором защитнику оказывает помощь нападающий. Тренером предлагается упражнение, имитирующее повторную атаку с быстрыми передачами шайбы при участии свободных защитников. При этом шайба подолгу не гостит на флангах, где применяется «спаривание» игроков соперника.

Если тренер на разминку выходит раньше, чем команда выкатывает на лед, то и покидает свой пост последним. И ничто не ускользнет от его испытующего взгляда.

Во время разминки нам, тренерам, конечно же, хочется взглянуть на соперника. Интересно, как выглядят его ведущие игроки, какой у них настрой. Да мало ли полезного можно там подметить! Но… долго смотреть на разминку соперника, пожалуй, не стоит. Почему? Хоккеисты всевидящи. От них не укроется то обстоятельство, что их наставник бросает взгляды в сторону соперника, словно забывая о своих игроках. Они ведь знают, что интересуются обычно соперником сильным, опасным. Не робостью ли вызвано это повышенное внимание? Сомнения западают в сердца игроков… А это перед матчем ой как опасно!

Я любил в предматчевые минуты побыть в раздевалке. Вслушивался, что говорят друг другу игроки. Улавливал не то слова, сказанные шепотом, не то полные значения вздохи. Все ждут. И вот команда: вперед, ребята, вперед, на лед! Ее может дать тренер, а лучше, если это сделает капитан.

Обычно кто-либо – тренер или капитан, а то и самый авторитетный в команде игрок в этот миг произносит напутственное слово. Тренер желает удачи, стараясь так построить каждую фразу, чтоб она поднимала игроков. Напутствие, произнесенное формально, для галочки, прозвучавшее сухо, казенно просто, недопустимо в этот очень важный эмоциональный момент.

Матч. Много сотен, а может, и тысяч игр провел я у «дирижерского пульта», еще больше посетил в качестве придирчивого зрителя. И всегда мой взгляд прежде всего устремлялся на тренеров соревнующихся команд. Не скрою – особенно нравятся мне наставники канадских и американских профессиональных команд. Мне всегда казалось, что, собираясь на матч, они надевают костюм, сшитый по самой последней моде. Абсолютной чистоты сорочка, обязательный галстук в тон, в верхнем кармане пиджака – треугольник платочка, под галстук. Побриты, надушены, напомажены, будто явились на свадьбу, на бал. Верно говорят: человек всегда завидует тому, чего ему самому недостает. Каюсь: не придавал я значения одежде, этикету… А зря. Ведь тренер на виду у тысяч, миллионов. И твой

костюм, и жесты, и мимика – все должно соответствовать!

Где у тренера во время матча командный пост, боевая позиция? Конечно, сбоку и чуть впереди игроков. Он должен одним взглядом охватывать все, в том числе и то, что происходит на поле и на скамейке, где сидят спортсмены. Одни тренеры предпочитают стоять, другие – сидеть, но главное – ничего не пропускать.

Это зритель матч смотрит. А мы, тренеры, совершаем нечто иное. Пропускаем через ум и сердце все перипетии спортивной борьбы. Все наши устремления направлены на улучшение игры хоккеистов, звеньев, команды в целом. И добиться этого надо, не теряя ни секунды, немедленно, сейчас. С учетом того, как складывается встреча, каковы конкретные действия соперника. Надо найти такие средства, чтобы можно было противопоставить их действиям соперника и добиться превосходства. В секунду, в доли ее найти нужные слова, верную тональность для рекомендаций хоккеистам. Учесть при этом и характер игрока, и его состояние в этот миг, и, просчитав все варианты, дать ему задание, ни в коем случае не преуменьшая, но и не преувеличивая игровые возможности спортсмена.

Есть тренеры, которые с ходу, как только звено сыграет свой отрезок матча и игроки сядут на скамейку, чтобы отдохнуть, начинают давать хоккеистам советы, а то и ругают их. Не думаю, что это педагогически верно. Сделать это несложно; то, что тренер увидел, пережил, прочувствовал, выплеснуть игрокам. А пользы мало. Взволнованный, уставший спортсмен не всегда верно – а может быть, и болезненно – воспримет замечания тренера. Лучше дать игроку отдышаться, а затем и приступать к советам.

Должен сказать, что сделать это непросто. Тренер обязан держать в своей памяти то, что спустя некоторое время он скажет хоккеисту. Причем говорить желательно не о том, что происходило на поле, а о том, что должно быть, нацеливая игрока на более содержательную игру.

В моей команде подчас сами игроки, чуть передохнув, умело анализировали игру. Дело похвальное, говорящее о профессионализме спортсмена, о его ответственности и культуре. Бывает, что игрок совершает ошибку и глазами, жестом дает знать тренеру, что понял свой промах. Это обстоятельство может освободить тренера от замечаний игроку.

Кто из хоккеистов больше должен находиться в фокусе внимания тренера – ветеран или молодой игрок? И тот, и другой – следует обычно ответ. Для рядового или тренировочного матча это справедливо. В поединке же сложном, где как воздух нужна

победа, важно, чтобы здорово играли опытные хоккеисты, настоящие мастера. К тому же сильная игра ведущих спортсменов подхлестнет и молодежь.

Контакты тренера с игроками могут быть самыми разными. В ход идут слово, мимика, жест. Тренеру бывает достаточно подойти к хоккеисту и похлопать его по плечу, чтобы выразить свое удовлетворение его действиями на льду. Можно и одним лишь взглядом выразить свое недовольство игроком. Свои советы, устные замечания тренер может высказать отдельному спортсмену, всему звену. Но есть вещи, которые должна слышать вся команда: когда речь идет о хоккеистах, проявивших недисциплинированность, слабую волевую стойкость, нежелание выполнять игровые задания тренера.

Комментарий Ю. В. Королева

О Тарасове-психологе

Анатолий Владимирович был прекрасно осведомлен о личностных качествах всех своих подопечных. Ничто не ускользало от его внимания, от его глаз и ушей. Знал, как найти подход к любому хоккеисту. Являлся тонким психологом.

После очередной порции тренерских претензий в адрес одного из сильнейших игроков я высказал ему недоумение по поводу того, что свои замечания он делает лидерам ЦСКА, звездам, критикуя их часто без видимого повода. И услышал оригинальное объяснение: «А что ж ты хочешь, чтоб я игрока третьего звена призывал к порядку? Вот я одернул Фирсова, и считай, что это – сигнал для остальных ребят, для тех, кто значительно уступает ему в мастерстве».

В хоккейной практике бытует мнение, что тренеру во время матча опытных игроков учить не следует. Надо лишь, мол, создать для них «спокойную обстановку» для того, чтобы они могли сполна проявить свое творчество, игровые возможности. Но в такой обстановке в равной степени нуждаются все игроки. И побудить хоккеистов действовать творчески, полностью раскрывая свои способности, – прямая обязанность тренера. Бесконтрольность игроков недопустима. Матч – это закрепление двигательных навыков, творческого понимания тайн хоккея.

Тренер не может стоять сложа руки в стороне от игрока. Причину слабых контактов иных тренеров с ведущими игроками команды во время матча вижу в другом: если молодому спортсмену сгодится любой совет, то ветеран нуждается лишь в квалифицированных рекомендациях. Вот тренеры и набирают в рот воды, опасаясь попасть впросак.

Хоккейный матч – это своего рода сражение, где проходят проверку и стойкость, и мужество, и терпение спортсменов. Думаю, именно за это миллионы людей в разных концах планеты и полюбили хоккей. Спортсмены в игре сполна проявляют эти сильные человеческие качества. На их уровне должен находиться и тренер. Ему надо быть в одной упряжке с игроками, оказывать им посильную помощь. Не быть нянькой, но уметь поддержать, подсказать, а если надо – и пожурить. И сделать все это накоротке и вовремя.

Часто приходится слышать споры о форме таких контактов. Мое мнение: тренер должен оставаться самим собой, таким, каким его привыкли видеть хоккеисты в обычной жизни, на тренировках. И нет оправдания грубости тренера, даже если его к этому вынуждает плохая игра отдельных хоккеистов, всей команды.

Самое сложное для тренера в ходе матча – постоянно разгадывать и упреждать замыслы соперника, внося тактические коррективы в действия своих звеньев. Изменить порядок звеньев просто. А вот тактически перестроить игру сложней. Тренер должен глубоко знать хоккей для того, чтобы предвидеть, что изменение тактики игры принесет его команде успех.

Часто для этого невозможно ждать перерыва – требуется оперативное вмешательство тренера. И в эти считаные секунды он должен лаконично и убедительно объяснить игрокам, иногда всей команде, что и как надо изменить в коллективных действиях. Конечно, это возможно осуществить лишь в высококлассной команде. Но добиваться от хоккеистов тактической гибкости следует начинать уже в детских командах, в ходе становления мастерства отдельных хоккеистов и целых звеньев.

Пожалуй, главным отличием во взаимоотношениях тренера с игроками на тренировке и во время матча является то, что здесь, перед зрителями, надо стремиться избегать конфликтов. Благородство и благоразумие должны исходить от тренера. У матча особая цена, и тренер во имя успеха должен жертвовать даже своим самолюбием. Позже, в спокойной обстановке, он может вернуться к поведению игрока и дать истинную оценку случившемуся.

Трудные времена наступают для тренера в те минуты, когда

его команда проигрывает. В такой ситуации особо ценны спокойствие, хладнокровие, интенсивная работа тренерской мысли – поиск наилучших решений, как усилить действия звеньев команды. Не считаю, что в том случае, если его команда выигрывает матч, тренер может позволить себе расслабиться, вздохнуть спокойно. Нет, он должен стремиться закрепить успех, добиваться, чтобы звенья играли еще увереннее и стабильнее. Не будет лишним, если тренер даст отдельному игроку, а то и звену особое тактическое задание. Конечно, оно должно усилить игру, способствовать успеху сегодня, а главное – в последующих матчах.

В игре – перерыв. Конечно же, тренер обязан быть в раздевалке. Нужна короткая пауза. Вполне возможно, за это время хоккеисты успеют накоротке обменяться впечатлениями о сыгранном отрезке матча. Их разговоры не ускользнут от внимания тренера, позволят ему составить мнение о настроении спортсменов.

Содержание и тональность выступления тренера будут зависеть от того, как складывается игра. Проще, конечно, отметить огрехи в игре команды и сказать о них. Но речь-то должна вестись не о прошедшем времени, а о будущем, о том, как должна играть команда, звенья, игроки отдельных амплуа. Тех, у кого игра по какой-то причине не задалась, кто допустил очевидные ошибки, следует не ругать, а дать им советы, как действовать лучше. Заменять игроков можно, лишь следуя принципу: семь раз отмерь, один раз отрежь. И делать это без конфликта, спокойно и уверенно.

Говорить тренеру следует кратко, сжато. Иногда полезно дать слово ведущим игрокам, капитану команды, для мобилизации оборонительных действий – вратарю, если он играет уверенно.

Матч окончен. Радость победителей, уныние побежденных… Картина естественная. Не миновать этого и тренеру. Но для него матч не завершен. У него – рабочие будни. С этим настроением он и появляется в раздевалке. Конечно, какое-то время, быть может на миг, в его интонации отразится только что пережитое, досада или радость. Но торжествовать должна деловитость. Лишь победа дает ему право что-либо сказать команде – разговор о причинах поражения лучше оставить на потом.

Досадно, когда тренер в спешке прощается с командой. Я всегда задерживался в раздевалке, наблюдая за игроками, как они восприняли успех или неудачу. К тому же, возможно, у спортсменов возникнут какие-то вопросы к тренеру, так что уходить от них ему не резон.

Размышляя о пережитом, тренер делает последние наброски

в рабочий блокнот, назначает день и час очередного занятия. Можно кратно сказать и о его содержании.

Теперь можно идти домой. Если матч проходил в городе, где тренер живет, его путь лежит к семье. Понятно, что, если команда победила, в семье – праздник, если нет – похоронное настроение. Присоединиться? Не знаю, как другие, но я в такой вечер занимался тем, что записывал различные мысли, приходившие мне на ум. В такие минуты думается острее.

Все, что относится к тренировочному процессу и проведению матча, – целиком прерогатива тренера. Но несть числа примерам, когда в дела команды вмешиваются – то спортивное руководство, то (из самых лучших побуждений!) болельщики. Присутствие «начальства» или болельщиков на тренировках – явление нормальное. В принципе, полезно, когда тренер и хоккеисты отчитываются перед болельщиками. А вот любое прямое вмешательство в действия тренера считаю недопустимым.

А как же, спросят, на стокгольмском чемпионате мира 1989 года за скамейкой сборной СССР постоянно находился руководитель советского футбола и хоккея Вячеслав Колосков? Его не раз за это вмешательство критиковали журналисты. Отвечу примерно так: этот случай частный и вынужденный. Вспомним: у главного тренера сборной Виктора Тихонова продолжался острый конфликт с ведущими игроками, отношения были дрянные, и, как следствие, у хоккеистов можно было наблюдать симптомы подавленности. В этой ситуации от игроков можно было ожидать недисциплинированности, а то и неподчинения. Поэтому появление Колоскова у скамейки, где сидят игроки, было и вынужденным, и, на мой взгляд, оправданным.

Но когда тренеру не доверяют руководство командой и ему придают «ассистентов», то это, мягко говоря, непорядок. Даже малейшее вмешательство в работу тренера, а тем более его подмена, принижает авторитет наставника, что не сулит команде стабильных успехов.

В спорте часто употребляют фразу: «Победа все спишет». Убежден, эта фраза недостойна больших команд и крупных тренеров. В современном мире, где народы планеты стремятся к честности, открытости, дружбе, спорту должны быть присущи благородные способы борьбы. Каким бы он ни был – любительским или профессиональным.

О рационализме

Боюсь, далеко не всем разговор о рационализме в хоккее покажется важным. Что такое рационализм? Рассудочное отношение к жизни, рассудочность поступков. Больше того, стремление к внутреннему совершенству, то есть нечто, тесно связанное с духовностью, тоже ведь поистине рационально!

Но как преломить это понятие применительно к нашей игре, к профессии тренера?

Мы радуемся богатству, разнообразию, совершенству техники игрока. Но ничуть не менее важно, чтобы он умело, как говорится, к месту, согласно логике игровой ситуации применял тот или иной прием. Нам нравится большая работоспособность, активность хоккеиста, но мы хотели бы, чтобы она сочеталась с общим игровым замыслом, была согласована с действиями партнеров. Таких же осмысленных маневров мы ждем и требуем от игроков, действующих в различных тактических ситуациях.

Проявляя творчество, реализуя замыслы, которые не всегда нравятся сопернику, хоккеист вовсе не грешит против рационализма, если, конечно, мысли и действия спортсмена направлены по кратчайшему пути.

Рационализм делает спортсмена великим. Наш вратарь Владислав Третьяк, когда приближалась опасность, не суетился, не совершал лишних движений и, занимая свою основную стойку, был готов отразить любой бросок. Многие специалисты, чуть удивляясь, отмечали: до чего спокойно и просто играет русский вратарь. В такой простоте, спокойствии – высшая мудрость.

Владимир Крутов весьма просто ведет шайбу, на большой скорости покрывая пространство поля. Лишь войдя в контакт с соперником, он выписывает шайбой на льду сложные вензеля, ставя защитников в трудную ситуацию.

Вспомним, как Марио Лемье забивал седьмую, решающую шайбу в ворота советской сборной в матче розыгрыша Кубка Канады в 1987 году. Шайба металась от одного хоккеиста к другому. Наши защитники дергались, нервничали, а канадский форвард выжидал, держа на замахе клюшку, и в нужный момент она сделала свое главное дело – ударом послала шайбу в ворота.

Я видел на тренировках, как виртуозно владеет клюшкой Уэйн Гретцки. Наблюдал и многих наших фокусников, да-да, фокусников, блестящих технических исполнителей, выдающихся игроков. И все они мастерством пользовались разумно – пускали в дело свою высочайшую технику лишь в главных игровых ситуациях, что и приносило им успех.

Что лежит в основе хоккейного рационализма? Я бы сказал так: широкий простор для мысли и экономность движений, что позволяет спортсмену играть, не жалея сил, но и не расходуя их понапрасну. Настоящий мастер концентрирует внимание на главном, не выплескивает энергию впустую (если, конечно, его не заставляет делать это соперник). Он чередует спады и взлеты темпа, простоту и сложность приемов, открытость действий и абсолютную скрытность намерений. И все это дает ему тренировка.

У тренера свой рационализм. Спортсменам, скажем, по душе его деловитость. Не может не нравиться им, как тренер сжато, лаконично, доходчиво ведет беседу. На ежедневных тренировках у тренера все заранее продумано: и набор упражнений, полезный для каждого хоккеиста, и место на площадке он выбирает оптимальное, удобное для наблюдения за тренировкой и помощи любому из спортсменов, и замечания – похвалу, критику – он подает умело, справедливо, немногословно. Во время тренировки мало пауз, а если они и возникают, то с пользой заполняются тренером.

Я уже говорил (и не раз!), что главное в деятельности тренера – тренировочные занятия. Он до мелочей продумывает их содержание, методическую логичность перехода от одних упражнений к другим. Проводя двухстороннюю игру, дополнительно нагружает спортсменов атлетическими упражнениями по совершенствованию атлетизма, технического мастерства. В ходе двухсторонней игры от него не ускользнет ни одно интересное решение, найденное игроком. А также – и слабости хоккеистов.

Тренерский рационализм позволяет наставнику насыщать свои сутки многогранной работой. Он успевает делать все для команды, вести общественную деятельность. Возможно, у него останется время на заботы о семье, для встреч с друзьями…

К штрихам рационализма относится и порядок на рабочем столе тренера, где все разложено, как говорится, по полочкам, и не надо тратить времени на поиск нужных записей, материалов. В таком же порядке у тренера – его спортивный инвентарь и гардероб, как дома, так и на стадионе.

Рационализм, экономия времени позволяют человеку удлинить жизнь, больше сделать полезного людям.

Выдумывай, пробуй!

Часто слышу от коллег-тренеров: мне недосуг заниматься экспериментами, у меня с командой работы по горло, мы проводим до семидесяти-восьмидесяти матчей за сезон. Занятость тренера – это понятно. Но может ли она служить отрицанием эксперимента?

Настоящий тренер просто обязан проводить эксперименты и, если надо, привлекать к этой работе других специалистов.

Если у отдельных диссертантов (многие труды пишутся, на мой взгляд, с единственной целью – получить научную степень) итоги эксперимента уходят в воздух, работа кладется на полку, то эксперимент тренера направлен на достижение лучшего результата, улучшение игры команды, на благо всему хоккею.

В начале 60-х годов для усиления атакующей мощи звеньев нами был поставлен эксперимент – создана новая система игры с двумя хавбеками (о ней я подробно рассказывал выше). Также экспериментально в нашем хоккее была решена проблема обороны малыми силами, что сулит немало выгод защищающейся команде. Первая и повторная атака ворот на так называемой «качественной основе» – другая тема, решенная тренерами-практиками. Этот перечень при желании можно продолжить.

Тренер экспериментирует и тогда, когда придумывает новые тренировочные упражнения. Эксперимент приоткрывает завесу над будущим игры, помогает тренеру решать многие проблемы, а у игроков повышает интерес к тренировкам. Да и творческий рост тренера в результате эксперимента очевиден.

А как относиться тренеру к спортивной науке?

Ответ как будто бы очевиден. Наука, научное сотрудничество – все это необходимо и команде, и тренеру. Именно в науке черпает он столь необходимые ему знания. В содружестве с наукой можно решать многие хоккейные проблемы.

Наблюдаю, как иные тренеры приглашают для работы с командой ученых, специалистов разных спортивных дисциплин, а сами устраиваются на трибуне, издали наблюдая за тем, что те проделывают с командой без их участия. Это считаю не самой удачной практикой. Почему? Лучше тренера никто не знает команду, игроков, их проблемы, возможности. Как же можно слепо доверять их человеку со стороны, пусть даже и облеченному научными знаниями?

Хоккей, его внутреннее содержание, средства и методы спортивной борьбы, наконец, психология спорта – все это, как и многое другое, представляет научный интерес. Поле для

исследователя – закономерность процессов, происходящих в стихии хоккейного матча. К примеру, имея превосходство в атакующих средствах, но изъяны в обороне, команда не всегда может рассчитывать на стабильные успехи. Высокая техническая оснащенность игроков лишь тогда приносит успех, когда они действуют тактически осмысленно.

Многие, очень многие вопросы учебно-тренировочной и воспитательной работы в команде решаются сегодня при активном участии спортивной науки. Конечно, обретая новые знания, тренер передает их команде вовсе не механически. Например, рекомендации научных работников по интервальной тренировке с применением секундомера достаточно известны. Но тренер-практик такие рекомендации непременно модернизирует. Он включит в упражнение и действия с шайбой, поставит перед игроками и тактические требования. Упражнения будут выглядеть более целенаправленными, полезными не только для усиления скоростной выносливости спортсменов, но и для тактической сыгранности звеньев, развития творчества, импровизации. Такой тренер не допустит, чтобы с целью повышения функциональных возможностей организма спортсмена его превращали в робота. Если научные рекомендации таким вот образом корректируются тренерскими знаниями и опытом, они особенно полезны для игроков.

Современный хоккей, особенно сейчас, когда идет острое соперничество двух хоккейных школ – канадской и советской, – очень нуждается в научных рекомендациях. Какие видятся мне темы для научных исследований?

Воспитание выдающихся игроков разных амплуа. К примеру, как подготовить нападающего, способного в условиях контактного хоккея выходить победителем из противоборства с превосходящими силами соперника? Какие из физических качеств игрока требуют особого развития? Какой должна быть психика хоккеиста в условиях плотной опеки, силового единоборства? Какими средствами, новыми тактическими ходами добиться успеха в матче с соперником, придерживающимся оборонительной тактики, ведущим единоборство непримиримо и жестко?

А разве не волнует нас, тренеров, завершающая фаза атаки – взятие ворот? Пусть не все со мной согласятся, но скажу, что Владислав Третьяк оставил заметный след во вратарском искусстве. Посмотрите, сколько появилось после него прекрасных вратарей мирового класса, и не только в канадско-американском хоккее, но и в Европе! Впечатление такое, будто ворота стали тесны для их стражей. Появляются даже предложения раздвинуть

их или приподнять штанги!

Нет. Пока этого делать не следует. Надежная игра вратарей стимулирует совершенствование техники завершающих бросков, ударов, средств и методов атаки. Повышение результативности – одна из главных проблем современного хоккея. И решить ее может помочь наука. Как усилить эффективность завершающего броска, в котором сочетались бы внезапность, сила и точность? Еще далеко не исследованы физиологические закономерности, на которых основаны такие качества, как, например, быстрота реакции и другие.

Ждет исследователей и детский хоккей. Нужны такие работы, которые помогли бы тренеру воспитывать в игроках яркую индивидуальность, выбирать, изменять амплуа для юношей на определенных возрастных стадиях, развивать психологическую устойчивость юных хоккеистов. Помогли бы в поиске сбалансированности индивидуальных и коллективных действий… Дел непочатый край.

Все за науку. Однако почему подчас острыми, непримиримыми складываются отношения между тренерами и научными сотрудниками? Как вести себя в таких ситуациях тренеру?

Как минимум не горячиться. Слушать советы ученых. Взвешивать все «за» и «против». Если спорить, то доказательно, отбрасывая эмоции. Не вздумать обижать собеседника, даже если он слабовато знает хоккей. Брать для себя все разумное, все полезное.

Возможно, некоторые рекомендации тренеру не понравятся. Надо ли их с ходу отвергать? Лучше все продумать, взвесить и лишь тогда принимать окончательное решение. Считаю также, что тренеру непозволительно при игроках критиковать научных работников, если, конечно, это люди добросовестные, искренне стремящиеся помочь тренеру, а не ловцы ученых степеней.

Много разговоров о психологии. Часто можно слышать, что в какой-то команде будто бы работает психолог и он ежедневно проводит с игроками сеансы психотерапии. Полагаю, это несерьезно. В команде должен быть один психолог – тренер. Да-да, он должен стать профессиональным психологом. Владеть приемами, которые успокоили бы спортсмена, подняли у него уверенность в себе, уберегли бы от уныния в случае неудачи.

Лишь тренер способен подготовить и подвигнуть спортсмена на выполнение сверхтрудной задачи по овладению высотами мастерства. Лишь ему беспрекословно вверяет себя хоккеист, если верит в тренера, в его планы, программу, в то, что она не взята с потолка, а реальна и непременно претворится в жизнь.

Тренер и сборная

Сложилось мнение, что тренер ведущего клуба сумеет успешно работать и со сборной командой. Так ли это? И да, и нет.

На первый взгляд, он вправе занять столь высокий пост. Его команда – лучшая, значит, и тренер ее – бесспорный лидер среди коллег. Речь идет, разумеется, об успехах стабильных. Но жизнь порой сурово карает за то, что тренер лучшего клуба механически назначается руководить сборной. Потерпев фиаско, инициаторы назначения придумывают задним числом всевозможные оправдания тому, что произошло.

А что должен нести спортсменам тренер сборной? Все то, что положено клубному тренеру, только – в квадрате. Имею в виду и глубину знаний, и убежденность в своих хоккейных взглядах, и твердость гражданской позиции, безусловный авторитет. А также знание основных соперников, умение ориентировать игроков на борьбу с ними. На этом и зиждется создание хоккейного коллектива. Надо учитывать краткость пребывания спортсменов вместе. Это представляет особую сложность.

Не всегда у тренера достаточно времени для компоновки звеньев. У него под рукой игроки выдающиеся, и надо найти наилучшее их сочетание, а также включить в состав таких хоккеистов, которые «не понравятся» сопернику. Здесь первая скрипка – интуиция, ибо у тренера мало возможностей для «обкатки» состава в товарищеских матчах.

Конечно, комплектуя звенья, тренер руководствуется собственными представлениями о хоккее, теми тактическими принципами, которые он намерен предложить игрокам. А если звенья пришли в сборную, целиком скомпонованными клубным тренером, и у них другая манера игры? Как быть? Что ж, если эта манера отвечает требованиям встреч с сильным соперником, сулит успех, то вряд ли стоит трогать такое звено. При иной ситуации тренер должен придать действиям звена новую тактическую окраску. И сделать это оперативно, тонко, расчетливо.

Несмотря на то что «в хозяйстве» тренера сборной немало сильных игроков, отдельные спортсмены нуждаются в «доводке». Им нужен импульс для овладения новыми тактическими приемами. Этого можно добиться за счет смысловых тренировок при наилучших сочетаниях партнеров, а в исключительных случаях – путем смены амплуа. Достоинство тренера – умение проводить любые, в том числе и самые сложные, тренировки легко, непринужденно, с настроением.

Как-то в самом конце своей карьеры тренера-практика я посетил тренировку симпатичного мне коллеги. В ходе нее у тренера вырвалось: «Как все ребята четко и добросовестно трудятся!» Действительно, звенья занимались усердно, выполняя в потоке различные приемы. А когда кончилась тренировка, наставник – довольный, чуть возбужденный, как игрок, еще не отошедший от радостей хоккея, – подошел ко мне. Я показал ему свои записи.

Вот некоторые из них. Игрок «Х» оказался вне внимания тренера, когда, в первом случае, в завершающей фазе атаки неверно предлагал себя и, во втором, долго оставался безучастным в позиции за воротами. Защитник «Y» несколько раз задерживал контратаку, передавая шайбу без необходимой скрытности.

Не только для тренера сборной, но и для клубного наставника такие огрехи непростительны. Тренер обязан свое внимание уделять каждому игроку, не проходить мимо и малейшей промашки. Не вижу в этом ничего особенно сложного.

Или такой вот щепетильный вопрос. Игрок говорит тренеру, что в его клубе тренировки проводятся по-иному. Как отнестись к этому тренеру сборной? Дать сполна высказаться игроку, выслушать его. Попросить, чтобы хоккеист дал оценку тренировкам в клубе и сборной, сравнил их. Самому принять участие в таком разборе. Не постесняться принять все полезное, что предложил хоккеист. Проявить деликатность, не критиковать в беседе с игроком организацию занятий клубного тренера.

Какой тренер не мечтает, чтобы на его занятиях при полнейшей дисциплине и самоотдаче спортсменов обстановка была непринужденной, игроки чувствовали себя раскованно, были оживлены? Такую атмосферу создает сам тренер, предложивший спортсменам «аппетитные» упражнения. Создает своей активностью, искренностью, заинтересованностью, веселым нравом, шуткой, метким словом.

Говоря об этом, вовсе не желаю навязывать кому-либо определенный стиль поведения. Просто рассуждаю вслух. Хоккей – игра трудная, сложная. Матчи подчас похожи на сражения. И тренировки – своего рода отдушина для спортсменов. Они тоже трудны, а иногда и скучны, и в этом случае вряд ли полезны игрокам. Веселая, задорная (конечно же, не за счет сложности) тренировка более по нраву спортсменам.

Что еще важно для тренера сборной? Искусство руководить командой в матче. Роль тренера здесь подобна действиям штурмана, ведущего корабль сквозь грозные рифы.

Есть, впрочем, еще одна область деятельности тренера

сборной, где он должен уметь в совершенстве владеть собой. Его отношения с общественностью, руководителями спорта, с Федерацией, с коллегами, с прессой. Сам я, признаться, не всегда верно и выдержанно вел себя в некоторых ситуациях, особенно в общении с журналистами. Это никому не приносило пользы, а особенно – самому тренеру. Страдал и хоккей. И все по одной причине: я исходил из своего настроения, из своих интересов. Не всегда понимал, что в моей информации нуждается не конкретный, скажем, представитель прессы, а тысячи, миллионы читателей, любителей нашей игры.

На страницах этой книги я уже вспоминал добрым словом руководителя спорта нашей страны в послевоенные годы Николая Николаевича Романова. Это ему в свое время принадлежала идея поставить нас с Аркадием Чернышевым в одну упряжку – во главе сборной команды СССР по хоккею, дав нам равную власть и права. Пригласив нас в кабинет и даже не позволив сесть (а это на моей памяти был единственный такой случай), он с ходу заявил: «С сего дня вы оба – старшие тренеры сборной. Идите и работайте!» И мы, слегка оробев и онемев от неожиданности, молча покинули кабинет, хотя нам было что сказать руководителю нашего спорта.

До того дня мы долгие годы работали порознь и словно бы находились на разных полюсах. Это и понятно. У нас разные характеры, разное прочтение хоккея… Как это – работать на равных, делить все пополам?

Но странный тот приказ, объединив усилия двух непохожих тренеров, принес немало побед советскому хоккею, а нам, обоим тренерам, – полное удовлетворение. И еще кое-что, на мой взгляд, очень важное: обогатил нас. Да, в общении, взаимно учась друг у друга, мы стали богаче как личности, как специалисты. Мы как бы вступили в негласное состязание: никому не хотелось хотя бы в глазах напарника выглядеть в чем-то слабее, менее компетентным. Вот и получился крепкий сплав.

Работа двух старших тренеров в одной связке – это еще и взаимный контроль. Естественно, на доброй основе, с желанием помочь коллеге. Например, избавиться от недостатков, не допускать ошибок, лучше контролировать свои поступки.

Очень он важен – контроль над собой. Быстрый анализ того, что сказано, что сделано. Это так необходимо нашему брату, тренеру. Большинство промахов и в жизни, и в спорте мы совершаем из-за слабого самоконтроля, когда нас «заносит». Для тренера эта опасность особенно велика в период успехов команды. И потому всегда полезен каждому из нас «холодный душ».

Тренер учит тренеров

Современный хоккей, его мировая популярность требуют от тренера многих специальных знаний не только для работы с командой, но и для широкой общественной деятельности. В частности, общения с коллегами, обмена знаниями, опытом. Время от времени тренеру приходится у себя в стране и за рубежом выступать с докладами, сообщениями на различных семинарах и симпозиумах, проводить перед коллегами показательные тренировки. Таким образом, тренеры учат тренеров.

Учить хоккеистов, учить тренеров… Тут есть немало общего. Но последнее, конечно, сложней.

Когда тренер передает свои знания спортсменам, это похоже на переливание жидкости из наполненного сосуда в пустой или полупустой. Спортсмены, конечно же, уступают тренеру и в знании теории, и в понимании практики. Здесь же все сосуды полны. И, чтобы делиться с коллегами знаниями, надо иметь на это моральное право, а главное – этими знаниями обладать. В общении с равными скидок не будет. Ни на возраст, ни на заслуги в прошлом и настоящем. Здесь «выдавай на-гора» только новое, только нужное.

Выступить перед коллегами всегда почетно. В самом этом – признание тренерских заслуг. Да и без общения с коллегами, споров с ними служение тренера хоккею будет неполным. Польза же тут обоюдная. Такое общение – одно из условий роста тренера как специалиста. Что этому способствует? Терпеливое и серьезное самообразование при подготовке к занятиям. Не менее важен и сам процесс общения с коллегами. Если подняты новые проблемы, материал хватает за живое, в зале возникает дискуссия. Разумеется, важно при этом отстоять свою концепцию.

Но если нет веских доказательств, если тренер в чем-то не уверен, лучше отказаться от выступления. Значит, не дорос он до того, чтобы делиться знаниями. Разжечь костер страстей – еще не значит решить проблему…

Правда, некоторые считают, что ничего, мол, особенного: один раз тренер выступил слабо, другой – более удачно, и все становится на свои места. Нет, в этом случае плюс и минус не равны нулю. Неудачное выступление тренера, слабо проведенное занятие надолго оставят неприятный осадок у специалистов. Не просто будет потом восстановить свою репутацию.

Теперь – о стиле таких занятий. Люблю атмосферу доверительности. Не надо все растолковывать, будто манной

кашей кормить ребенка. Остановить внимание аудитории на главных проблемах, как бы держать совет с ней, дожидаясь подтверждения своей правоты. Не надо опасаться, что тренера кто-то покритикует, не согласится с его позицией. Это следует предвидеть, быть готовым к спору.

Не думаю, что в нем, в этом споре, достаточно опираться лишь на собственный опыт. Можно использовать и данные других коллег. А главный аргумент – творческое предвидение, умение видеть ростки нового в мировом хоккее. Так, взглянув на почку ранней весной, садовник увидит в ней будущую ветку с прекрасным цветком.

Со стороны кажется, что прочитать лекцию куда сложнее, чем провести практическое занятие. Согласиться с этим не могу. Лекцию тренер читает сам. А во время занятия его мысли, его идеи передают аудитории хоккеисты. Это ради них, спортсменов, и необходим тренеру увесистый багаж знаний.

Немало тренеров, кто во время своих занятий двери Дворцов спорта держит на замке. Причины разные. Так, мол, спокойнее – никто не мешает. Да и секреты… Я же и дома, и за рубежом любил проводить тренировки со зрителями на трибунах. Спортсмены при этом занимались более старательно, собранно, да и у тренера появлялся дополнительный стимул: никто не желал ударить лицом в грязь. А уж если на трибунах специалисты…

Подчеркнул бы особое значение тех тренерских форумов, где речь идет о детском хоккее. Они, по моему убеждению, должны иметь свою окраску. Какую?

Если желая помочь взрослому, сложившемуся спортсмену, мы, тренеры, исходим главным образом из своего представления о хоккейных амплуа, средствах и методах борьбы на площадке, то по-иному поступает тренер, ведущий работу с юношей. Тому многое отпустила природа – физические данные, особый двигательный навык, прочный характер. Все это нужно, не тратя время попусту, пока у юноши не завершился его физиологический рост, заботливо развивать. Развивать, не сковывая рамками какого-либо амплуа.

Нужен учет этих обстоятельств, когда мы, тренеры, ведем разговор о проблемах юношеского хоккея.

Кстати, картина воспитания юной смены у нас в стране лишь внешне благая. А если разобраться, то больно уж велики потери именно среди юных игроков. Смотришь состязания четырнадцати-восемнадцатилетних хоккеистов и диву даешься: сколько же талантливых ребят, хоть пруд пруди. А в команды мастеров, глядишь, приходит серое пополнение. До вершин хоккея

добираются лишь единицы.

Есть и еще одна проблема. Проблема квалификации тренера, ведущего работу с юношами в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Он, этот тренер, должен досконально знать и детскую психологию, и тонкости юношеского хоккея. Но обязательно для него и знание тенденций развития игры. Он должен ясно представлять, каким будет хоккей через пять-шесть лет, учить ему уже сегодня юного игрока, чтобы, как говорится, не опоздать на поезд. Чтобы взрослел юный спортсмен, шагая в ногу со временем, с развитием хоккея.

Сегодня, как правило, учебно-тренировочная работа в командах мастеров поставлена лучше, солиднее, нежели в юном хоккее. А надо бы наоборот… Во взрослых командах придумывается больше новых тренировочных упражнений, походов, средств. Все эти новшества как воздух необходимы юному хоккеисту. Мы, тренеры, подчас не учитываем одного обстоятельства – способности молодого организма, подобно губке, легко и быстро впитывать все новое, подчас и очень сложное.

И еще об одном, на мой взгляд, самом важном. О волевом, нравственном воспитании спортсмена. Без прочных основ, без культуры юный игрок, став взрослым, вряд ли сможет развиваться как хоккеист новой формации. Опыт нашего хоккея подтверждает это. Что посеешь в юные годы, то впоследствии и пожнешь. Потеряв нить воспитания юного человека, мы, тренеры, спустя много лет кропотливого труда можем не получить желаемого. Наш хоккеист в лучшем случае неплохо играет. Лишь единицы становятся выдающимися игроками.

Детскому тренеру без совета с коллегами, думаю, не обойтись. Как, впрочем, и любому хоккейному тренеру. Не то замедлится развитие игры…

О радости в игре

Тема эта подсказана известным шведским журналистом Ульфом Янсеном. Это он по прошествии двух туров хоккейного чемпионата мира весны 1989 года в Стокгольме сказал о действиях советской сборной: «Ваша команда хороша, но нет у нее радости от игры».

Признаться, никогда не задумывался о том, приносит ли радость игра. Но в бытность мою тренером были в командах игроки, беспредельно влюбленные в хоккей. Они с радостью тренировались и выступали в матчах.

Замечание Ульфа о радости в игре не оставляло меня на протяжении всего чемпионата в Стокгольме. С этой точки зрения я и смотрел все матчи. И что же? Не только советская команда, но и финская, а в какой-то степени и сборная Чехословакии оказались заражены этой болезнью.

Возможно, бациллы проникли и в другие команды, ведь не все игроки верят в успех своего коллектива, а значит, вряд ли испытывают радость от встреч с соперниками. Неверие рождает уныние, а значит, нет в игре естественного тепла, «крика души», нет полной отдачи спортсменов ради успеха команды. Но что касается нашей сборной, то в шведскую столицу, как и в прежние времена, она приехала с одной лишь целью: быть первой.

Вот так, прожив долгую и нелегкую, но, главное, счастливую жизнь в хоккее, не знал, что от игры можно и не испытывать радости.

Что ж показало мое более пристальное внимание к этому важнейшему психологическому состоянию игрока?

Радость – подаренное природой возвышенное, огромное чувство, ни с чем не сравнимая песня души. Говорю о радости одного человека. Хоккейные команды состоят из многих, очень разных по складу людей. Как добиться, чтобы была у них, как в песне поется, «радость на всех одна»?

Многое, очень многое зависит от нас, тренеров. Когда я задумался и перебрал по косточкам всю свою тренерскую жизнь, то понял: есть закономерность, помогающая овладеть этим «мастерством радости».

Что же имеется в виду? Прежде всего подбор и воспитание игроков-единомышленников. Скажем, команда особо ценит открытость, честность, дружбу, каждый печется не о себе в хоккее, а о хоккее в себе. Но допустим, команда скомпонована именно из таких людей. И все эти качества проходят естественную проверку в сложных, подчас экстремальных условиях спортивной жизни.

Человек проверяется в беде, команда – при поражении. Но радость – спутник победы. Как же создать победную, а значит, радостную команду?

Если ответить сжато и просто: в основе лежит труд спортсмена. Труд кропотливый, творческий. И, конечно, мастерство тренера, который терпеливо, словно ваятель, «создает» каждого игрока и боеспособные звенья.

Команд, где не случаются конфликты, не бывает. И избежать их, как показывает жизнь, нельзя. Имею в виду не тех горе-тренеров, кто закрывает глаза на «шалости» своих игроков, – такая тихая команда, убежден, всегда будет вдали от успехов. А сами спортсмены подлинной радости от игры не испытают.

У конфликтов разные истоки. Разумный тренер при приближении критической ситуации, в которой могут оказаться игроки, звено, заранее готовит возможные ответы на их претензии. Он не позволит раздуть ситуацию до таких размеров, что начинают страдать интересы команды. Этому поможет умение тренера сумму претензий спортсменов «разложить по полочкам». Во имя справедливости – а именно на этой основе и должен разрешиться конфликт – тренеры сами идут навстречу игрокам. Это не должно быть заигрыванием. Действуя таким образом, тренер руководствуется не самолюбием, как бы велико оно ни было, а только разумом. Интересы команды превыше всего.

Пусть никто не подумает, что один лишь тренер способен создавать в команде нравственный климат. Без ведущих игроков, без вожаков, поднимающих команду в атаку, никакая команда не может рассчитывать на успех.

В профессиональном канадском хоккее в последние годы таким игроком стал Уэйн Гретцки. В нашем – Вячеслав Фетисов. И когда встал вопрос об уходе Вячеслава в профессионалы, то я воспринял этот шаг как потерю советским хоккеем спортсмена гигантской хоккейной величины…

…Заканчиваю книгу. В таких случаях обычно говорят, что перевернута еще одна страница жизни. Но к этой книге такие слова, пожалуй, не годятся. Мысленно перелистана почти вся моя сознательная жизнь. Сколько помню себя в хоккее, постоянно мечтал увидеть канадских игроков, специалистов, поговорить, а то и поспорить с коллегами из-за океана. Прежде на деле, а теперь мысленно, находясь на трибуне, каждый раз ставлю себя на место тренера, пытаясь обыграть канадских игроков. Что и говорить, победа над родоначальниками хоккея на любом уровне почетна и престижна.

Встречи с хоккеистами из-за океана всегда поучительны. Никогда меня не покидает чувство, что вижу перед собой соперника, в высшей степени достойного, во всех ситуациях максимально азартного, стремящегося к победе – победить и показать во всей красе свое умение зрителю. В верности хоккею мы, пожалуй, не уступаем друг другу.

Буду с волнением следить за тем, какой отклик вызовет книга в Канаде. А если она покажется спорной, то буду этому, пожалуй, и рад. Для меня очевидно одно: противостояние двух хоккейных школ – канадской и советской – будет всегда. И на высочайших достижениях этого противоборства будут черпать вдохновение миллионы хоккеистов и тренеров в разных странах мира.

Наши слабости и проблемы

Когда рукопись этой книги прошла апробацию и с ней ознакомились канадские специалисты, они сказали: хитер Тарасов. О канадском хоккее поведал почти все, дал его полную, так сказать, анатомию, а вот говоря о советском хоккее, «поскромничал», не раскрыл полностью карты, утаил его слабости.

Люблю прямых людей! Еще раз перелистав рукопись, убедился в справедливости замечаний и сажусь исправлять свою ошибку. К тому же рукопись, как водится, передавалась на рецензии специалистам, да и перевод на английский потребовал времени. Словом, с тех пор, как я отнес рукопись в издательство, минуло более двух лет. А за это время в жизни, в хоккее нашем много воды утекло. Необходимо хотя бы кратко проанализировать главные события этих лет, дать им оценку. Вот почему включаю в рукопись книги новую главу под названием, которое вы только что прочли.

Вначале о «болевых точках» советского хоккея. Поубавилось в командах высшей лиги виртуозов игры. Оправдываться тем, что, мол, лучшие хоккеисты уехали за океан в клубы НХЛ? Можно. Но от этого ситуация не изменится. Будет верней, надежней, если наша тренеры обратятся к себе, к своей работе. И составят программу воспитания из хоккеистов-«полуфабрикатов» больших мастеров.

Смею уверить коллег-тренеров и любителей нашей игры: создание победоносной команды, воспитание истинных мастеров – два звена одной цепи. Это, впрочем, и очевидно – лишь сильные игроки создают могучую команду.

Что касается нашего брата тренера, то не всем оказывается по плечу задача воспитать игрока выдающегося, самобытного, способного прославить себя в хоккее и хоккей в себе. Для этого необходимы глубокие знания, особой окраски убежденность и предвидение, каким хоккей будет завтра, послезавтра, через несколько лет. Причем – не в общих чертах. Необходимо четко представлять, какие требования предъявит время игрокам различных амплуа. И потому тренер, подбирая целый комплекс тренировочных упражнений, проявляя фанатизм, упорство, терпение, воплощает свой замысел в игроке.

Если это тренер настоящий, смелый, решительный, если он верит в успех, то всю ответственность за итог этой кропотливой работы он берет на себя. Если, говоря о выступлении команды, он в случае неудачи может сослаться на какие-либо воздействия

извне (к примеру, на плохое судейство, невнимание к команде со стороны руководителей клуба и тому подобное), то… В этом случае, коллега, да-да, и в этом тоже, все зависит от нас с тобой. Что посеешь, то и пожнешь – удивительно точно подходит к этой ситуации мудрая русская крестьянская пословица!

Здесь, конечно, не место раскрывать подоплеку такого сложного процесса, как воспитание спортсмена. Это тема особого, методического руководства. Но в свете этой проблемы мне хотелось бы коснуться одного нюанса тренерского искусства. Это он, тренер, должен вызвать заинтересованность спортсмена в том, чтобы стать незаурядным игроком. Если тренер не привил хоккеисту такие качества, как трудолюбие, истовое усердие, ничто не поможет наставнику, годы труда пойдут прахом. Поэтому он обязан учить спортсмена не только самой игре, ее элементам, но и передавать ему свои главные знания – учить самотренировке. То есть прививать игроку высокую культуру овладения своей профессией. И касаться это должно не только взрослых команд. Важно применять такой подход уже в детских и юношеских клубах.

Воспитание первоклассного игрока – процесс, повторяю, сложный. При этом в тренере должны уживаться и чувство реального, и фантазия, и восприимчивость к новому. Запас терпения, прочности у такого тренера неисчерпаем, он опирается на веру в себя, в свой замысел. Лишь такой тренер способен в буквальном смысле осчастливить, «озолотить» хоккеиста.

К сожалению, советская сборная перестала убедительно побеждать на мировых и олимпийских хоккейных форумах. Здесь есть одна очевидная причина, о которой уже шла речь. Лучшие игроки – за океаном, в европейских клубах. Но есть и другая.

Я – тренер, и годы, прожитые в хоккее, дают мне право утверждать, что выдающегося игрока способен воспитать лишь незаурядный тренер. Сегодня такие тренеры у нас наперечет. Но и у кудесника-тренера всегда есть верный помощник – выдающийся мастер, тот, кто является образцом для остальных хоккеистов. Такой игрок – мечта и надежда тренера. И сегодня даже самым опытным нашим наставникам стало куда труднее воспитывать яркую хоккейную личность: не на кого опереться, а игрокам – держать равнение.

В полный рост встает проблема подготовки такого тренера. У нас на кафедре хоккея Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры (ГЦОЛИФК) разрабатывается программа подготовки тренера высокой квалификации, специалиста по работе с юными хоккеистами. В эту программу вошел особый раздел: роль тренера в борьбе юного

спортсмена за высокое мастерство.

У многих профессий есть истины, о которых человек, поднявшийся по лестнице умения и мастерства, может и позабыть, оставить их в прошлом как не нужный уже, бесполезный груз. Далеко не так обстоят дела в профессии нашей.

К примеру, тренеру всегда необходимо умение выдумывать новые упражнения, на высоком эмоциональном настрое проводить одну тренировку за другой. Никто не простит тренеру, если он опытен и даже знаменит, а занятия проводит вяло, без новизны, неинтересно. Никто не станет учитывать заслуги тренера в прошлом. Всегда, во все времена всех интересует работа тренера сегодня, сейчас. Что было, что будет – никого не волнует. Ты, тренер, обязан сегодня, и именно сегодня «показывать чудеса». И так каждый день. И каждый час, и каждую минуту. Быть не только старателем-добытчиком, огранщиком мастерства игроков, но и человеком энергичным, интересным для спортсменов, одним словом – творцом. В этом и сложность тренерской профессии, и ее сладость, повод гордиться ею.

В связи с отъездом большой группы советских хоккеистов в НХЛ у меня появились некоторые сомнения по поводу работы некоторых тренеров за океаном. Вспоминаю далекие 60-е годы, когда в одной из своих книг я писал о том, как Свен «Тумба» Юханссон, форвард, лучший в то время не только в шведском хоккее, будучи на стажировке у профессионалов, вдруг… не подошел ни одному из клубов НХЛ. Это, я убежден, был блеф, обман. Кого? Общественного мнения. Вот, мол, насколько сильны профессиональные игроки (хотя шестерка клубов того времени была, пожалуй, покрепче нынешних), что даже сильнейший хоккеист Европы пришелся не ко двору.

Тут я исключаю ошибку: тренеры-де не смогли оценить мастерство шведского аса. Уж в чем в чем, а в игроках североамериканские тренеры разбираются. Они распознают их, как красивую женщину, – с первого взгляда. У них хотя и своеобразный, но хороший вкус на сильных хоккеистов разных амплуа.

Когда лучшие советские игроки были отправлены Федерацией хоккея СССР за океан, у меня не возникало сомнений в том, что и в профессиональном хоккее они будут ведущими. А на поверку оказалось, что даже Сергей Макаров и Вячеслав Фетисов как-то растворились в новой среде. А Владимир Крутов вообще не прижился в НХЛ, с ним поспешили распрощаться. Я признал бы свою ошибку в завышенной оценке возможностей советских игроков, если бы не ряд обстоятельств.

В угоду Виктору Тихонову – в качестве реакции на его затяжной и малоприятный для всех конфликт с ведущими хоккеистами клуба ЦСКА – их неправильно, на мой взгляд, проводили за океан. Их даже не проводили – просто вытолкнули. Не было проводов, напутствий, как положено по русским обычаям. А ведь это – посланцы советской хоккейной школы. И каждый из них много сделал для нашей национальной команды. А спортсменов – выпроводили.

За три дня до своего вылета за океан мне позвонил Вячеслав Фетисов, попросил, чтобы я провел с ним тренировку. Я удивился: «А почему не тренер твоей команды, ведь это в конце концов его обязанность?» Вячеслав ответил: «А меня в команду не пускают».

Когда Фетисов приехал ко мне на дачу, я очень скоро убедился в том, что он находится в очень плохом физическом состоянии. Я ему сказал: «Повремени с отъездом, ты не готов играть в НХЛ». – «Нельзя, – отвечает, – договор подписан, надо лететь».

Конечно, были у наших ребят и объективные трудности. Тридцать лет, согласитесь, возраст для хоккея критический. Хочешь продлить свою карьеру? Потуже затягивай пояс, измени режим тренировок. К тому же трудно отвыкать от тренеров-нянек, переучиваться действовать на льду в канадской манере. Да, нашим спортсменам пришлось играть за океаном в хоккей по-канадски. А это – психологическая перестройка. Да еще непривычные партнеры, необычный для них режим игр – три матча в неделю, с перелетами. Все это легло тяжелым бременем на наших ребят.

Лично мне знакомство с канадским хоккеем раскрыло многие тайны игры. Убежден, что немало секретов могли бы подарить советским парням североамериканские тренеры, если бы не сказали им: «Играйте, как привыкли». Но «как привыкли» не получилось. Пришлось им подстраиваться под стиль партнеров.

Хотел бы, чтобы мне позволили высказать свое суждение и по поводу компоновки звеньев с участием советских игроков. Будь тренером профессионального клуба я, то в звено рядом с русским асом непременно поставил бы молодых, резвых, пытливых хоккеистов, звено у меня играло бы на русский манер! Разве это плохо? Полагаю, заокеанские коллеги согласятся со мной в том, что в таких компонентах игры, как тактика, психология, дисциплина на поле, наши парни не уступают профессионалам. А в сумме скоростей даже и превосходят.

Но хочу высказать упрек и нашим спортсменам. Игорю Ларионову, например, судя по некоторым интервью в советской

прессе, уж больно по душе пришлась «свобода»: никто не заставляет тренироваться, никто не ругает за посредственную игру. А сам-то он что? А Владимир Крутов как будто не знал, что нарушения спортивного режима повлекут за собой прибавку в весе, сбой в игре.

Виновата и наша Федерация. Почему не послали за океан на месяц-другой опытного советского специалиста, который поспособствовал бы вхождению спортсменов в непривычную для них среду? А в итоге оказалось, что нашим парням не хватило ни навыков, ни знаний по самотренировке – то есть профессионального отношения к своему делу. Они рассчитывали на свое высокое мастерство, опыт и, естественно, на помощь тренеров профессиональных команд… Не тут-то было! Деньги получаете? И немалые? Знайте себя! Умейте готовиться к матчам самостоятельно и нравиться тренеру, публике. Ты, только ты, хоккеист, в ответе за свое мастерство, за боевой настрой.

Но вернемся к главной теме нашего разговора. Очевиден спад интереса к матчам лучших советских команд с клубами НХЛ. Не только со стороны зрителей – самих спортсменов.

Все постигается в сравнении. Вспомним серии прошлых лет. Какие это были темпераментные, страстные матчи! И какими академичными, до оторопи спокойными предстали игры серии 1990–1991 годов. Причину этого явления назвать не берусь. Неужто профессиональным хоккеистам важнее сохранить силы для внутренних встреч? Неужто не понимают они, что, встречаясь с русскими хоккеистами, выступая в этих матчах в полный накал, они не только выясняют, кто же в конце концов сильнейший в мире, но и помогают себе найти ответ на вопрос, в чем, в каких методах борьбы следует искать свой путь в хоккей завтрашнего дня? А быть может, профессионалам просто сложно играть против наших спортсменов – ведь необходимо до предела напрягаться, чтобы сравняться с ними в сумме скоростей?

Не подумайте, читатель, будто я умаляю силу канадцев. Наши юношеские команды разных возрастов во встречах со сверстниками из-за океана далеко не всегда добиваются успеха. Сила прежде всего заключена в характере североамериканских хоккеистов, создающих на льду такие ситуации, в которых наши юноши не чувствуют себя свободно, не могут сполна проявить такие сильные стороны своего мастерства, как скоростной маневр, высокая техника, личное творчество. Так было и на последнем чемпионате мира 1991 года, проходившем в канадском городе Саскатуне, где советские хоккеисты в решающей встрече уступили хозяевам льда со счетом 2:3.

Увеличение числа матчей различного уровня с участием

советских и североамериканских хоккеистов позволяет более зримо и точно видеть наши проблемы. Оказалось, что высокий темп и логичная распасовка не всегда способны приносить нашим командам успех. Надо им научиться более целесообразно использовать высокие скорости игроков.

Здесь вижу два пути. Первый – одновременность скоростного взрыва звена. В том числе – в определенных ситуациях – этот игровой маневр обязаны выполнять и защитники. Что касается распасовки, к использованию ее надо подойти дифференцированно. Здесь позволю себе некоторое отступление.

Давайте обернемся назад, вспомним историю наших взаимоотношений с заокеанским хоккеем. Широко и часто используя пас, советские команды ставили этим в трудное положение соперников, нередко побеждая их. Мы исходили из расчета, что шайба скользит по льду примерно втрое быстрее, чем маневрирует самый скоростной хоккеист. Применяя пас, наши атакующие порядки имели возможность в фазе возникновения и развития атаки оставлять соперников за спиной, используя эту ситуацию для достижения своей цели.

Но чем сильны стали, особенно в последние годы, канадские и американские профессионалы? Они внесли коррективы в свою игру. Как бы отказались действовать в обороне на больших ледяных просторах, их не смущает потеря «своей территории». Действуя от обороны, они рассчитывают, что русским хоккеистам будет тесновато в одной зоне и по этой причине они не смогут в полной мере использовать передачи. И атака их не будет опасной. В самом деле, во многих встречах мы стали свидетелями того, как, имея ощутимое территориальное преимущество, полностью владея инициативой, советские хоккеисты не добивались реального результата.

Предложил бы советским командам – и для встреч не только с профессионалами, но и с другими равными по силам соперниками – взять «на вооружение» такие новые приемы, как спаривание соперников и пас в ходе обводки. Назвав эти, повторяю, совершенно новые, далеко не простые с точки зрения их освоения маневры, хочу расшифровать, что имею в виду.

Спаривание. Владея шайбой на фланге в зоне соперника, хоккеист непрерывно маневрирует от нападающего к защитнику противоборствующей команды или наоборот, создавая тем самым ситуацию, при которой возле одного атакующего оказываются двое соперников. Стало быть, для «охраны» других острых направлений у соперничающей команды не будет хватать игроков.

Пас в ходе обводки. Уже сейчас, пусть очень редко (возможно,

случайно, как говорится, «с испугу»), этот прием выполняется некоторыми большими мастерами. В чем его суть? Атакующий игрок, сближаясь с защитником и применяя обводку, в ходе выполнения этого приема передает шайбу партнеру. Такая атака обычно выглядит скрытной, соперник теряется. Конечно, подобные действия требуют от партнеров филигранной сыгранности, а также боевитости и умения предлагать себя, вовремя освобождаясь от опеки соперника.

Не думаю, что современная оборона (во всяком случае, в советском хоккее) должна отвечать лишь требованиям надежности. Предлагаю оборону тех звеньев-пятерок, где квалификация хоккеистов достаточно высока, рассматривать в двух ракурсах: с точки зрения надежности, а также умения извлекать из оборонительных действий выгоду для атаки. Тогда на хоккейной площадке произойдет то, чего никак не могут добиться охотники: одним выстрелом будут убиты сразу два зайца. Решаются две важные задачи: надежно обороняться и остро контратаковать. Для этого надо лишь изменить соотношение сил на льду – уменьшить число игроков, действующих в фазе обороны, увеличив их число в стадии развития атаки.

Такое, на первый взгляд, простое арифметическое решение, когда на одну чашу весов кладется нечто более весомое, чем на другую, на самом деле потребует от нас, тренеров, тактического реализма, а главное – воспитания игроков новой формации. Защитник, действуя в одиночку против двух атакующих соперников, будет обязан умело и хладнокровно разрушать их замыслы. От нападающих, участвующих в обороне, потребуется умение предугадывать развитие чужой атаки, стабильное мужество, навык сложного отбора, перехвата шайбы и особой быстроты, точности в распасовке шайбы, в том числе в первой передаче при начале контратаки.

Уверен, такая – малыми силами – оборона команд таит в себе массу новых тактических возможностей, чревата рождением еще небывалых решений. Ее, такую оборону, будет побаиваться любой соперник. С помощью этой подвижной обороны можно готовить контратаку любой силы и направленности. Конечно, решать эту задачу можно лишь в команде, в составе которой вратарь с большим запасом прочности мастерства и отваги. Хотя уже сам принцип обороны малыми силами будет стимулировать воспитание игроков крылатых и надежных.

Еще о некоторых проблемах советского хоккея. Давно, почти полстолетия, с тех пор как он существует, многие иностранные команды, прежде всего канадские и американские, буквально навязывают нам силовой хоккей. Мы понимаем, что это не

случайно. В таком хоккее нет в мире равных родоначальникам этой игры. Мы были бы не против силового единоборства, если б велось оно в рамках правил. Хоккей от этого только выиграл бы. Стал более зрелищным. В нем утвердились бы рыцарство и благородная страсть. Так что в выигрыше от такого хоккея остались бы не только спортсмены, но и зрители. А детский хоккей стал бы изумительным средством волевого и нравственного воспитания.

Конечно, от своих привычек, традиций люди отказываются трудно. Но неужто североамериканским хоккеистам и тренерам, мало что выигрывающим от такого силового, жестокого хоккея, не приходит в голову мысль его «похоронить»?

Как только заокеанские менеджеры объявили своего рода конкурс для игроков Европы, сразу возросло желание хоккеистов понравиться и им, и публике. В этом случае нетрудно предвидеть и всплеск личных амбиций, саморекламы. Для нашего хоккея, во многом сохраняющего коллективные устои, такие вещи нежелательны. Рост индивидуального мастерства спортсмена лишь тогда правомерен и дает свои плоды, если спортсмен наряду с игровым умением поднимает и уровень своей культуры. А нашим спортсменам, как, впрочем, и многим тренерам, этой культуры не хватает. Культуры поведения в быту и на площадке, культуры общения и многого другого.

Меж тем пришла пора на основе высокой культуры прививать спортсмену начала анатомии, физиологии, основ тренировки, самоконтроля и других видов «спортивных» знаний – в стремлении к тому, чтобы каждый хоккеист стал для себя тренером. Тогда куда сознательней будет игрок воспринимать игровой процесс, и, бесспорно, возрастет коэффициент полезного действия тренировок… И в каждом клубе появятся яркие, самобытные игроки.

«Размечтался!» – скажет читатель об авторе книги. А почему бы и нет?

…Благодарен судьбе. Она позволила мне на протяжении долгих лет соперничать и дружить, вести приятные беседы и спорить со многими и многими канадскими специалистами хоккея. Я видел воочию игру великих спортсменов, таких как Морис Ришар, Жан Беливо, Фил Эспозито, Жак Плант, Бобби Кларк, братья Фрэнк и Питер Маховличи, Бобби Халл и Бобби Орр, Уэйн Гретцки и многие-многие другие. Немало я познал сквозь призму их высочайшего искусства, которое они щедро дарили зрителю.

Теперь, на склоне лет, не скрываю, что всегда сравнивал

канадских выдающихся мастеров с нашими. Сравнивал с заокеанскими коллегами и себя – по манере держаться, методам проведения и содержанию тренировок, по интервью в газетах и на телевидении. Отдавая должное соперникам, никогда не сгибал перед ними колени, зная, что во многих компонентах игры, в педагогических, методических подходах к ней советский хоккей впереди. Этому обстоятельству радовался, внутренне гордился. Свое восприятие хоккея в ракурсе соотношения сил в мировом спорте с помощью книг и статей передавал соотечественникам.

Остановите любого человека – молодого или пожилого – на улице любого из советских городов и задайте ему вопрос: «Что вы знаете о Канаде?» Уверен, в первую очередь он вспомнит о хоккее. Убежден, что любой канадец, так же как и мы, горд своим хоккеем. Но мы умеем уважать друг друга, уважать хоккей соперника. В этом вижу главный мотив роста уровня мирового хоккея. Знаю, хоккей вечно будет дарить людям вихревой темп, азарт спортивной борьбы, виртуозное мастерство блестящих исполнителей, честность и страсть рыцарского соперничества.

Кто окажется сильнее в хоккее грядущего? Будь я действующим тренером, то, как и в первых своих книгах для канадских читателей, смело сказал бы, подкрепив свое утверждение делом, – МЫ. По сумме слагаемых и темпам роста мастерства. Но тренер должен быть и дипломатом. А потому закончу книгу так: обе хоккейные школы – канадская и советская – лучшие в мировом хоккее. Каждая стремится выйти в лидеры. Пусть так и будет. И если не вечно, то хотя бы очень и очень долго.

Комментарий Ю. В. Королева

О тарасовском видении многолетнего противостояния ведущих хоккейных держав – Канады и Советского Союза

С первых своих шагов в «канадском хоккее», совершенно незнакомом и закрытым для послевоенного поколения наших спортсменов, Тарасов стремился поближе познакомиться с родоначальниками игры. Что было естественно и что было довольно долго невозможным из-за «железного занавеса». Успешный дебют Советского Союза на чемпионате мира и через два года на Олимпийских играх позволил воочию

познакомиться с канадскими командами. Однако Тарасову этих, в общем-то, поверхностных впечатлений было явно недостаточно, ему важно было побывать на канадской территории, окунувшись с головой в уклад их хоккейной жизни. Только таким образом мог приступить к изучению и осмыслению передовой в те годы хоккейной школы. И начиная с первого полноценного турне сборной клубов СССР по Северной Америке в конце 1957 года Анатолий Владимирович стал осуществлять свою давнишнюю мечту.

Ему было все любопытно и все важно, мелочей для него не существовало. Не стеснялся задавать вопросы и не избегал дискуссии. Держался уважительно по отношению к родоначальникам хоккея, но и свое достоинство оберегал. Верил в нашу методику, им во многом разработанную, верил в природную одаренность и отвагу наших хоккеистов, гордился золотыми достижениями сборной СССР и верил в будущие успехи наших клубов и сборной.

После каждого заокеанского турне Анатолий Владимирович возвращался обогащенным огромной массой впечатлений и информации. И погружался в обработку ценного материала, затем использовал его в дальнейшей работе. И так – до следующего турне в Северную Америку.

После эпохальной серии 1972 года Канада – СССР началось активное взаимообогащение этих ведущих в мире хоккейных школ. Происходило оно на фоне встреч лучших с лучшими в рамках Кубков Канады, Кубка Вызова, Рандеву-87. Эти сражения шли с переменным успехом, соперники были под стать друг другу. С конца 80-х годов, когда началась миграция лучших российских мастеров в НХЛ, наши тренеры, к сожалению, взяли крен в сторону заимствования из канадских арсеналов всякого «оружия» без тщательного разбора того, что нам действительно полезно и необходимо. В целом констатирую – канадцы превзошли россиян в процессе такого обмена опытом. Вряд ли бы это порадовало Тарасова…

Анатолий Владимирович удачно назвал одну из своих книг – «Совершеннолетие». Противоборство двух ведущих хоккейных школ вело к их взаимообогащению и давало импульс развитию мирового хоккея. Родоначальники игры сражались уже не с новичками,

находившимися в послевоенные годы в изоляции, а с игроками и тренерами, чье «совершеннолетие» было зафиксировано высокими достижениями на международной арене. И Тарасов, четко вычленяя то, что полезно заимствовать у канадцев, не уставал утверждать: отечественная школа является все-таки более прогрессивной, пусть и ненамного, но превосходит канадскую.

Приложение
Серии века: цифры и комментарии

Любая дискуссия о противостоянии советского и профессионального канадского хоккея не будет полной без статистических выкладок. И к настоящей рукописи был приложен громоздкий раздел, содержащий достаточно подробное описание значительной части матчей формата советские хоккеисты vs канадские профессионалы. Да, количество зрителей на стадионе и время взятия ворот с секундами – это весьма интересные подробности, но их изобилие в издании иной направленности порождает информационный беспорядок. Можно с легкостью прогнозировать, что уважаемый читатель, освоив непростой текст книги, просто оставит этот раздел «на потом», а кто-то и попросту пролистает.

Впрочем, у такого подхода есть одно преимущество – он абсолютно беспристрастен и позволяет читателю делать свои выводы. Но на деле всё оказалось не совсем так. При чуть более детальном рассмотрении обнаружилось, что многое было упущено. Например, провальная серия московского «Динамо» на рубеже 1978 и 1979 годов. А о проигрышной серии рижского «Динамо» говорится только описательно. Упущены были и отдельные матчи, например, в рамках Приза «Известий» или Приза «Руде Право»…

Так или иначе, приложение по форме исполнения контрастирует с основным тарасовским текстом, и приходится брать на себя смелость полностью переработать статистику. Во-первых, теперь здесь учтены по возможности все матчи. Во-вторых, раздел стал более «воздушным», поскольку оставлена только основополагающая информация (дата и счет). Глаз читателя не заблудится в лабиринтах стенограмм матчей.

А вот третья сторона нового подхода – введение аналитического раздела – наверняка породит армию хулителей? Как можно, скажут они, мешать в одну кучу Суперсерию-72 и выставочные матчи перед Кубком Канады-91. Как можно загонять в одну таблицу проводивший целую серию в СССР и встречавшийся с советскими клубами в промежутке 14 лет «Монреаль Канадиенс» и единожды пересекшийся со «Спартаком» в 1978 году клуб «Колорадо Рокиз»? Ответ: можно. Все обобщающие таблицы после перечня матчей даны для того, чтобы:

– увидеть масштабы взаимодействия советского и

профессионального канадского хоккея, а то в последнее время стало казаться, что, кроме Суперсерии-72, первой клубной серии да эпохального противостояния сборных СССР – НХЛ (1979, 1981, 1987), ничего и не было;

– дать понять, что выявить четкие закономерности и тенденции в почти 20-летнем противостоянии двух самых ярких хоккейных стилей не представляется возможным;

– предложить читателю самому поразмышлять, под каким углом еще можно препарировать это богатое нюансами противоборство.

А о том, кто в какой готовности находился во время проведения матчей, у кого был более полноценный состав и сильнее мотивация, читайте в других книгах. Их издано уже достаточно. И будет еще немало.

Перечень матчей между советскими и профессиональными канадскими командами

Суперсерия-72

Канадская серия
02.09.1972. СССР – Канада (НХЛ) 7:3
04.09.1972. СССР – Канада (НХЛ) 1:4
06.09.1972. СССР – Канада (НХЛ) 4:4
08.09.1972. СССР – Канада (НХЛ) 5:3

Московская серия
22.09.1972. СССР – Канада (НХЛ) 5:4
24.09.1972. СССР – Канада (НХЛ) 2:3
26.09.1972. СССР – Канада (НХЛ) 3:4
28.09.1972. СССР – Канада (НХЛ) 5:6

Суперсерия-74

Канадская серия
17.09.1974. СССР – Канада (ВХА) 3:3
19.09.1974. СССР – Канада (ВХА) 1:4
21.09.1974. СССР – Канада (ВХА) 8:5
23.09.1974. СССР – Канада (ВХА) 5:5

Московская серия
01.10.1974. СССР – Канада (ВХА) 3:2
03.10.1974. СССР – Канада (ВХА) 5:2
05.10.1974. СССР – Канада (ВХА) 4:4
06.10.1974. СССР – Канада (ВХА) 3:2

Клубная Серия.

ЦСКА и «Крылья Советов» против клубов НХЛ 1975/76
28.12.1975. ЦСКА – «Нью-Йорк Рейнджерс» 7:3
29.12.1975. «Крылья Советов» – «Питтсбург Пингвинс» 7:4
31.12.1975. ЦСКА – «Монреаль Канадиенс» 3:3
04.01.1976. «Крылья Советов» – «Баффало Сейбрс» 6:12

07.01.1976. «Крылья Советов» – «Чикаго Блэкхокс» 4:2
08.01.1976. ЦСКА – «Бостон Брюинс» 5:2
10.01.1976. «Крылья Советов» – «Нью-Йорк Айлендерс» 2:1
11.01.1976. ЦСКА – «Филадельфия Флайерс» 1:4

Кубок Канады 1976

Матч в рамках предварительного турнира.
11.09.1976. СССР – Канада (НХЛ/ВХА) 1:3

Приз Известий 1976

19.12.1976. СССР – «Виннипег Джетс» (ВХА) 6:4

Серия матчей сборной СССР против клубов ВХА 1976/77

27.12.1976. СССР – «Нью-Ингленд Уэйлерс» (ВХА) 2:5
28.12.1976. СССР – «Цинциннати Стингерс» (ВХА) 7:5
30.12.1976. СССР – «Хьюстон Аэрос» (ВХА) 10:1
01.01.1977. СССР – «Индианаполис Рейсерс» (ВХА) 5:2
03.01.1977. СССР – «Сан-Диего Маринерс» (ВХА) 6:3
05.01.1977. СССР – «Эдмонтон Ойлерс» (ВХА) 3:2
06.01.1977. СССР – «Виннипег Джетс» (ВХА) 3:2
08.01.1977. СССР – «Квебек Нордикс» (ВХА) 1:6

На приз газеты «Руде Право»

16.09.1977. СССР – «Цинциннати Стингерс» (ВХА) 11:4
19.09.1977. СССР – «Цинциннати Стингерс» (ВХА) 5:2

Приз Известий 1977

16.12.1977. СССР – «Квебек Нордикс» (НХЛ) 5:3

Серия матчей второй сборной СССР с клубами ВХА 1977

16.12.1977. СССР-2 – «Нью-Ингленд Уэйлерс» (ВХА) 2:7
18.12.1977. СССР-2 – «Цинциннати Стингерс» (ВХА) 5:4
19.12.1977. СССР-2 – «Индианаполис Рейсерс» (ВХА) 4:3

21.12.1977. СССР-2 – «Виннипег Джетс» (ВХА) 4:6
22.12.1977. СССР-2 – «Эдмонтон Ойлерс» (ВХА) 2:5
24.12.1977. СССР-2 – «Хьюстон Аэрос» (ВХА) 6:2
25.12.1977. СССР-2 – «Бирмингем Буллз» (ВХА) 1:6
27.12.1977. СССР-2 – «Хьюстон Аэрос» (ВХА) 7:3
29.12.1977. СССР-2 – «Индианаполис Рейсерс» (ВХА) 4:2
30.12.1977. СССР-2 – «Квебек Нордикс» (ВХА) 3:3

Показательные матчи в Токио

29.12.1977. СССР – «Виннипег Джетс» (ВХА) 7:5
30.12.1977. СССР – «Виннипег Джетс» (ВХА) 4:2
01.01.1978. СССР – «Виннипег Джетс» (ВХА) 5:1

Серия матчей «Спартака» с клубами НХЛ 1977/78

28.12.1977. «Спартак» М – «Ванкувер Кэнакс» 0:2
03.01.1978. «Спартак» М – «Колорадо Рокиз» 8:3
05.01.1978. «Спартак» М – «Сент-Луис Блюз» 2:1
06.01.1978. «Спартак» М – «Монреаль Канадиенс» 2:5
08.01.1978. «Спартак» М – «Атланта Флэймс» 2:1

Серия СССР – ВХА 1978

04.01.1978. СССР – «Эдмонтон Ойлерс» (ВХА) 7:2
05.01.1978. СССР – «Виннипег Джетс» (ВХА) 3:5
07.01.1978. СССР – «Квебек Нордикс» (ВХА) 6:3
08.01.1978. СССР – «Цинциннати Стингерс» (ВХА) 9:2
10.01.1978. СССР – «Индианаполис Рейсерс» (ВХА) 8:3
11.01.1978. СССР – «Нью-Ингленд Уэйлерс» (ВХА) 7:4

Серия матчей второй сборной СССР с клубами ВХА 1978

09.12.1978. СССР-2 – «Нью-Ингленд Уэйлерс» (ВХА) 7:4
12.12.1978. СССР-2 – «Квебек Нордикс» (ВХА) 6:3
14.12.1978. СССР-2 – «Виннипег Джетс» (ВХА) 4:3
15.12.1978. СССР-2 – «Эдмонтон Ойлерс» (ВХА) 4:3
17.12.1978. СССР-2 – «Бирмингем Буллс» (ВХА) 2:2
20.12.1978. СССР-2 – «Цинциннати Стингерс» (ВХА) 5:3

Турне «Крыльев Советов» по Канаде 1978/79

31.12.1977. «Крылья Советов» – «Миннесота Норт Старс» 8:5
02.01.1979. «Крылья Советов» – «Филадельфия Флайерс» 4:4
04.01.1979. «Крылья Советов» – «Детройт Ред Уингс» 5:6
09.01.1979. «Крылья Советов» – «Бостон Брюинс» 4:1

Серия матчей московского «Динамо» с клубами и сборной ВХА 1978/79

26.12.1978. «Динамо» М – «Нью-Ингленд Уэйлерс» (ВХА) 1:4
27.12.1978. «Динамо» М – «Квебек Нордикс» (ВХА) 4:5
29.12.1978. «Динамо» М – «Эдмонтон Ойлерс» (ВХА) 4:1
30.12.1978. «Динамо» М – «Виннипег Джетс» (ВХА) 4:6
02.01.1979. «Динамо» М – ВХА 2:4
04.01.1979. «Динамо» М – ВХА 2:4
05.01.1979. «Динамо» М – ВХА 3:4
07.01.1979. «Динамо» М – «Виннипег Джетс» (ВХА) 3:4

Кубок Вызова 1979

08.02.1979. СССР – НХЛ 2:4
10.02.1979. СССР – НХЛ 5:4
11.02.1979. СССР – НХЛ 6:0

Турне ЦСКА и «Динамо» М по Америке 1979/80

26.12.1979. «Динамо» М – «Ванкувер Кэнакс» 2:6
27.12.1979. ЦСКА – «Нью-Йорк Рейнджерс» 5:2
29.12.1979. ЦСКА – «Нью-Йорк Айлендерс» 3:2
31.12.1979. ЦСКА – «Монреаль Канадиенс» 2:4
02.01.1980. «Динамо» М – «Виннипег Джетс» 7:0
03.01.1980. ЦСКА – «Баффало Сейбрс» 1:6
04.01.1980. «Динамо» М – «Эдмонтон Ойлерс» 4:1
06.01.1980. ЦСКА – «Квебек Нордикс» 6:4
08.01.1980. «Динамо» М – «Вашингтон Кэпиталс» 5:5

Кубок Канады 1981

Выставочный матч

29.08.1981. СССР – Канада 2:3
В рамках предварительного турнира.
09.09.1981. СССР – Канада 3:7

Финал.
13.09.1981. СССР – Канада 8:1

Турне сборной клубов СССР по Америке 1982/83

28.12.1982. СССР – «Эдмонтон Ойлерс» 3:4
30.12.1982. СССР – «Квебк Нордикс» 3:0
31.12.1982. СССР – «Монреаль Канадиенс» 5:0
02.01.1983. СССР – «Калгари Флэймс» 2:3
04.01.1983. СССР – «Миннесота Норт Старс» 6:3
06.01.1983. СССР – «Филадельфия Флайерс» 6:3

Кубок Канады 1984

Выставочный матч.
29.08.1984. СССР – Канада 5:4

В рамках предварительного турнира.
10.09.1984. СССР – Канада 6:3

Плей-офф.
13.09.1984. СССР – Канада 2:3 ОТ

Турне по Америке ЦСКА и «Динамо» М 1985/86.

26.12.1985. ЦСКА – «Лос-Анджелес Кингс» 5:2
27.12.1985. ЦСКА – «Эдмонтон Ойлерс» 6:3
29.12.1985. ЦСКА – «Квебек Нордикс» 1:5
29.12.1985. «Динамо» М – «Калгари Флэймс» 3:4
31.12.1985. ЦСКА – «Монреаль Канадиенс» 6:1
02.01.1986. ЦСКА – «Сент-Луис Блюз» 4:2
04.01.1986. ЦСКА – «Миннесота Норт Старс» 4:3 ОТ
04.01.1986. «Динамо» М – «Питтсбург Пингвинс» 3:3
06.01.1986. «Динамо» М – «Бостон Брюинс» 6:4
08.01.1986. «Динамо» М – «Баффало Сейбрс» 7:4

Рандеву 1987

11.02.1987. СССР – НХЛ 3:4
13.02.1987. СССР – НХЛ 5:3

Кубок Канады 1987

Выставочные матчи
22.08.1987. СССР – Канада 9:4
25.08.1987. СССР – Канада 2:5

В рамках предварительного турнира.
06.09.1987. СССР – Канада 3:3
Суперфинал.

11.09.1987. СССР – Канада 6:5 ОТ
13.09.1987. СССР – Канада 5:6 ОТ
15.09.1987. СССР – Канада 5:6

Турне по Америке ЦСКА и рижского «Динамо» 1988/89

26.12.1988. ЦСКА – «Квебек Нордикс» 5:5
27.12.1988. «Динамо» Р – «Калгари Флэймс» 2:2
28.12.1988. «Динамо» Р – «Эдмонтон Ойлерс» 1:2
29.12.1988. ЦСКА – «Нью-Йорк Айлендерс» 3:2
30.12.1988. «Динамо» Р – «Ванкувер Кэнакс» 1:6
31.12.1988. ЦСКА – «Бостон Брюинс» 5:4
31.12.1988. «Динамо» Р – «Лос-Анджелес Кингс» 5:3
02.01.1989. ЦСКА – «Нью-Джерси Девилс» 5:0
04.01.1989. ЦСКА – «Питтсбург Пингвинс» 2:4
04.01.1989. «Динамо» Р – «Чикаго Блэкхокс» 1:4
05.01.1989. «Динамо» Р – «Сент-Луис Блюз» 0:5
07.01.1989. «Динамо» Р – «Миннесота Норт Старс» 2:1
07.01.1989. ЦСКА – «Хартфорд Уэйлерс» 6:3
09.01.1989. ЦСКА – «Баффало Сэйбрс» 5:6 ОТ

Турне «Вашингтон Кэпиталс» и «Калгари Флэймс» по СССР 1989

14.09.1989. «Химик» Вс – «Калгари Флэймс» 2:4
15.09.1989. «Спартак» М – «Вашингтон Кэпиталс» 7:8
16.09.1989. «Сокол» К – «Калгари Флэймс» 2:5
16.09.1989. «Динамо» М – «Вашингтон Кэпиталс» 7:2

18.09.1989. «Крылья Советов» – «Калгари Флэймс» 2:3 ОТ
19.09.1989. «Динамо» Р – «Вашингтон Кэпиталс» 1:2
20.09.1989. ЦСКА – «Калгари Флэймс» 2:1
21.09.1989. СКА Л – «Вашингтон Кэпиталс» 4:5

Серия «Химика» 1989

04.12.1989. «Химик» Вс – «Лос-Анджелес Кингс» 6:3
06.12.1989. «Химик» Вс – «Эдмонтон Ойлерс» 3:6
08.12.1989. «Химик» Вс – «Калгари Флэймс» 3:6
10.12.1989. «Химик» Вс – «Детройт Ред Уингс» 4:2
12.12.1989. «Химик» Вс – «Вашингтон Кэпиталс» 2:3
14.12.1989. «Химик» Вс – «Сент-Луис Блюз» 6:3

Серия ЦСКА, «Крыльев Советов» и московского «Динамо» 1989/90

26.12.1989. «Крылья Советов» – «Нью-Йорк Айлендерс» 4:5
26.12.1989. ЦСКА – «Виннипег Джетс» 1:4
27.12.1989. «Крылья Советов» – «Хартфорд Уэйлерс» 3:4
29.12.1989. ЦСКА – «Ванкувер Кэнакс» 6:0
29.12.1989. «Динамо» М – «Питтсбург Пингвинс» 5:2
31.12.1989. «Крылья Советов» – «Квебек Нордикс» 4:4
31.12.1989. «Динамо» М – «Торонто Мэйпл Ливс» 7:4
01.01.1990. «Крылья Советов» – «Нью-Йорк Рейнджерс» 3:1
02.01.1990. ЦСКА – «Миннесота Норт Старс» 4:2
03.01.1990. «Динамо» М – «Баффало Сэйбрс» 2:4
03.01.1990. «Крылья Советов» – «Монреаль Канадиенс» 1:2
06.01.1990. «Динамо» М – «Нью-Джерси Дэвилс» 1:7
07.01.1990. ЦСКА – «Чикаго Блэкхокс» 6:4
09.01.1990. «Динамо» М – «Бостон Брюинс» 3:1
09.01.1990. ЦСКА – «Филадельфия Флайерс» 5:4

Турне «Монреаль Канадиенс» и «Миннесота Норт Старс» по СССР 1990

12.09.1990. «Торпедо» Яр-СКА Л – «Монреаль Канадиенс» 3:5
13.09.1990. «Спартак» М – «Миннесота Норт Старс» 8:3
14.09.1990. «Динамо» Р – «Монреаль Канадиенс» 2:4
15.09.1990. «Крылья Советов» – «Миннесота Норт Старс» 3:2
16.09.1990. «Динамо» М – «Монреаль Канадиенс» 4:1

17.09.1990. «Химик» Вс – «Миннесота Норт Старс» 2:3
18.09.1990. ЦСКА – «Монреаль Канадиенс» 3:2
19.09.1990. «Сокол» К – «Миннесота Норт Старс» 5:0

Серия «Химика» 1990

03.12.1990. «Химик» Вс – «Лос-Анджелес Кингс» 1:5
05.12.1990. «Химик» Вс – «Сент-Луис Блюз» 2:4
08.12.1990. «Химик» Вс – «Нью-Йорк Айлендерс» 2:2
10.12.1990. «Химик» Вс – «Монреаль Канадиенс» 6:3
12.12.1990. «Химик» Вс – «Баффало Сэйбрс» 5:4
16.12.1990. «Химик» Вс – «Бостон Брюинс» 5:2
18.12.1990. «Химик» Вс – «Миннесота Норт Старс» 4:6

Серия ЦСКА и московского «Динамо» 1990/91

26.12.1990. ЦСКА – «Детройт Ред Уингс» 5:2
31.12.1990. ЦСКА – «Нью-Йорк Рейнджерс» 6:1
01.01.1991. «Динамо» М – «Торонто Мэйпл Ливс» 4:7
01.01.1991. ЦСКА – «Чикаго Блэкхокс» 4:2
03.01.1991. «Динамо» М – «Хартфорд Уэйлерс» 0:0
04.01.1991. ЦСКА – «Калгари Флэймс» 6:4
06.01.1991. «Динамо» М – «Нью-Джерси Дэвилс» 2:2
06.01.1991. ЦСКА – «Эдмонтон Ойлерс» 2:4
08.01.1991. «Динамо» М – «Вашингтон Кэпиталс» 2:3
09.01.1991. ЦСКА – «Виннипег Джетс» 6:4
10.01.1991. «Динамо» М – «Филадельфия Флайерс» 4:1
12.01.1991. «Динамо» М – «Питтсбург Пингвинс» 4:3
13.01.1991. ЦСКА – «Ванкувер Кэнакс» 4:3
15.01.1991. «Динамо» М – «Квебек Нордикс» 4:1

Кубок Канады 1991

Выставочные матчи

25.08.1991. СССР – Канада 2:4
27.08.1991. СССР – Канада 4:3

В рамках предварительного турнира.

09.09.1991. СССР – Канада 3:3

Всего за период с 1972 по 1991 год была проведена 31 серия (под серией понимается один или несколько матчей, объединенных по целевому, соревновательному, организационному, территориальному и временному признакам). Приводим итоги этих серий.

Баланс серий

Серия	Формат	и	в	н	П	Шайбы
Суперсерия 72	Сборная СССР — Сборная НХЛ	8	3	1	4	32—31
Суперсерия 74	Сборная СССР — Сборная ВХА	8	4	2	2	32—27
Суперсерия 75/76	клубы СССР — клубы НХЛ	8	5	1	2	35—31
Кубок Канады 76	Сборная СССР — Сборная НХЛ/ВХА	1	0	0	1	1—3
Приз Известий 76	Сборная СССР — клуб ВХА	1	1	0	0	6—4
Турне сборной СССР 76/77	Сборная СССР — клубы ВХА	8	6	0	2	37—26
Приз Руде Право 77	Сборная СССР — клуб ВХА	2	2	0	0	16—6
Приз Известий 77	Сборная СССР — клуб НХЛ	1	1	0	0	5—3
Турне сборной СССР-2 77	Сборная СССР-2 — клубы ВХА	10	5	1	4	38—41
Матчи в Токио 77	Сборная СССР — клуб ВХА	3	3	0	0	16—8
Турне «Спартака» 77/78	клубы СССР — клубы НХЛ	5	3	0	2	14—12
Турне сборной СССР 78	Сборная СССР — клубы ВХА	6	5	0	1	40—19
Турне сборной СССР-2 78	Сборная СССР-2 — клубы ВХА	6	5	1	0	28—18
Турне «Крыльев Советов» 78/79	клубы СССР — клубы НХЛ	4	2	1	1	21—16
Турне «Динамо» М 78/79	клубы СССР — клубы ВХА	8	1	0	7	23—32
Кубок вызова	Сборная СССР — Сборная НХЛ	3	2	0	1	13—8
Турне ЦСКА и «Динамо» М 79/80	клубы СССР — клубы НХЛ	9	5	1	3	35—30

Серия	Формат	и	в	н	П	Шайбы
Кубок Канады 81	Сборная СССР — Сборная НХЛ	3	1	0	2	13—11
Турне сборной клубов СССР 82/83	Сборная СССР — клубы НХЛ	6	4	0	2	25—13
Кубок Канады 84	Сборная СССР — Сборная НХЛ	3	2	0	1	13—10
Турне ЦСКА и «Динамо» М 85/86	клубы СССР — клубы НХЛ	10	7	1	2	45—31
Рандеву 87	Сборная СССР — Сборная НХЛ	2	1	0	1	8—7
Кубок Канады 87	Сборная СССР — Сборная НХЛ	6	2	1	3	30—29
Турне ЦСКА и «Динамо» Р 88/89	клубы СССР — клубы НХЛ	14	6	2	6	43—47
Турне Калгари и Вашингтона 89	клубы СССР — клубы НХЛ	8	2	0	6	27—30
Турне «Химика» 89	клубы СССР — клубы НХЛ	6	3	0	3	24—23
Турне советских клубов 89/90	клубы СССР — клубы НХЛ	15	8	1	6	55—48
Турне Монреаля и Миннесоты 90	клубы СССР — клубы НХЛ	8	5	0	3	30—20
Турне «Химика» 90	клубы СССР — клубы НХЛ	7	3	1	3	25—26
Турне ЦСКА и «Динамо» М 90/91	клубы СССР — клубы НХЛ	14	9	2	3	53—37
Кубок Канады 91	Сборная СССР — Сборная НХЛ	3	1	1	1	9—10
	всего	196	107	17	72	792—657

Когда советские и НХЛовские клубы выезжали в турне парно или по три в одно и то же время, их результаты объединяются в одну серию. Матчи московского «Динамо» 1978/79, где ему противостояли и клубы, и сборная ВХА, в данном контексте также объединены в одну серию.

Баланс по форматам

Формат	с	и	в	н	п	шайбы
Сборная СССР — Сборная НХЛ	7	28	12	3	13	118—106
Сборная СССР — Сборная НХЛ/ВХА	1	1	0	0	1	1—3
Сборная СССР — Сборная ВХА	1	8	4	2	2	32—27
клубы СССР — клубы НХЛ	12	108	58	10	40	407—351
клубы СССР — клубы ВХА	1	5	1	0	4	16—20
клубы СССР — Сборная ВХА	1	3	0	0	3	7—12
Сборная СССР — клубы НХЛ	2	7	5	0	2	30—16
Сборная СССР — клубы ВХА	5	20	17	0	3	115—63
Сборная СССР-2 — клубы ВХА	2	16	10	2	4	66—59
всего	32	196	107	17	72	792—657

Здесь число серий возросло за счет разделения серии московского «Динамо» 1978/79 на две части, проходившие в разных форматах.

Взаимоотношения на клубном уровне

ЦСКА

соперник	и	в	н	п	Шайбы
Баффало Сэйбрс	2	0	0	2	6—12
Бостон Брюинс	2	2	0	0	10—6
Ванкувер Кэнакс	2	2	0	0	10—3
Виннипег Джетс	2	1	0	1	7—8
Детройт Ред Уингс	1	1	0	0	5—2
Калгари Флэймс	2	2	0	0	8—5
Квебек Нордикс	3	1	1	1	12—14
Лос-Анджелес Кингс	1	1	0	0	5—2
Миннесота Норт Старс	2	2	0	0	8—5
Монреаль Канадиенс	4	2	1	1	14—10
Нью-Джерси Дэвилс	1	1	0	0	5—0
Нью-Йорк Айлендерс	2	2	0	0	6—4

соперник	и	в	н	п	Шайбы
Нью-Йорк Рейнджерс	3	3	0	0	18—6
Питтсбург Пингвинс	1	0	0	1	2—4
Сент-Луис Блюз	1	1	0	0	4—2
Филадельфия Флайерс	2	1	0	1	6—8
Хартфорд Уэйлерс	1	1	0	0	6—3
Чикаго Блэкхокс	2	2	0	0	10—6
Эдмонтон Ойлерс	2	1	0	1	8—7
Всего	36	26	2	8	150—107

«Динамо» Москва[7]

Соперник	и	в	н	п	Шайбы
Баффало Сэйбрс	2	1	0	1	9—8
Бостон Брюинс	2	2	0	0	9—5
Ванкувер Кэнакс	1	0	0	1	2—6
Вашингтон Кэпиталс	3	1	1	1	14—10
Виннипег Джетс*	3	1	0	2	14—10
Калгари Флэймс	1	0	0	1	3—4
Квебек Нордикс*	2	1	0	1	8—6
Монреаль Канадиенс	1	1	0	0	4—1
Нью-Джерси Дэвилс	2	0	1	1	3—9
Питтсбург Пингвинс	3	2	1	0	12—8
Торонто Мэйпл Ливс	2	1	0	1	11—11
Филадельфия Флайерс	1	1	0	0	4—1
Хартфорд Уэйлерс*	2	0	1	1	1—4
Эдмонтон Ойлерс*	2	2	0	0	8—2
Всего	27	13	4	10	102—85

«Крылья Советов»

Соперник	и	в	н	п	Шайбы
Баффало Сэйбрс	1	0	0	1	6—12
Бостон Брюинс	1	1	0	0	4—1
Детройт Ред Уингс	1	0	0	1	5—6
Калгари Флэймс	1	0	0	1	2—3
Квебек Нордикс	1	0	1	0	4—4
Миннесота Норт Старс	2	2	0	0	11—7
Монреаль Канадиенс	1	0	0	1	1—2
Нью-Йорк Айлендерс	2	1	0	1	6—6
Нью-Йорк Рейнджерс	1	1	0	0	3—1
Питтсбург Пингвинс	1	1	0	0	7—4
Филадельфия Флайерс	1	0	1	0	4—4
Хартфорд Уэйлерс	1	0	0	1	3—4
Чикаго Блэкхокс	1	1	0	0	4—2
Всего	15	7	2	6	60—56

Соперник	и	в	н	п	Шайбы
Баффало Сэйбрс	1	1	0	0	5—4
Бостон Брюинс	1	1	0	0	5—2
Вашингтон Кэпиталс	1	0	0	1	2—3
Детройт Ред Уингс	1	1	0	0	4—2
Калгари Флэймс	2	0	0	2	5—10
Лос-Анджелес Кингс	2	1	0	1	7—8
Миннесота Норт Старс	2	0	0	2	6—9
Монреаль Канадиенс	1	1	0	0	6—3
Нью-Йорк Айлендерс	1	0	1	0	2—2
Сент-Луис Блюз	2	1	0	1	8—7
Эдмонтон Ойлерс	1	0	0	1	3—6
Всего	15	6	1	8	53—56

«Динамо» Рига

Соперник	и	в	н	п	Шайбы
Ванкувер Кэнакс	1	0	0	1	1—6
Вашингтон Кэпиталс	1	0	0	1	1—2
Калгари Флэймс	1	0	1	0	2—2
Лос-Анджелес Кингс	1	1	0	0	5—3
Миннесота Норт Старс	1	1	0	0	2—1
Монреаль Канадиенс	1	0	0	1	2—4
Сент-Луис Блюз	1	0	0	1	0—5
Чикаго Блэкхокс	1	0	0	1	1—4
Эдмонтон Ойлерс	1	0	0	1	1—2
Всего	9	2	1	6	15—29

«Спартак»

Соперник	и	в	н	п	Шайбы
Ванкувер Кэнакс	1	0	0	1	0—2
Вашингтон Кэпиталс	1	0	0	1	7—8
Калгари Флэймс	1	1	0	0	2—1
Колорадо Рокиз	1	1	0	0	8—3
Миннесота Норт Старс	1	1	0	0	8—3
Монреаль Канадиенс	1	0	0	1	2—5
Сент-Луис Блюз	1	1	0	0	2—1
Всего	7	4	0	3	29—23

«Сокол»

Соперник	и	в	н	п	Шайбы
Калгари Флэймс	1	0	0	1	2—5
Миннесота Норт Старс	1	1	0	0	5—0
Всего	2	1	0	1	7—5

СКА Л – Вашингтон Кэпиталс 4:5
«Торпедо» Яр-СКА Л – Монреаль Канадиенс 3:5

Баланс клубов НХЛ

Клуб НХЛ	И	В	Н	П	Шайбы	Советские соперники
Монреаль Канадиенс	10	5	1	4	30—32	ЦСКА, «Крылья Советов», «Спартак», «Динамо» М, «Динамо» Р, «Химик», СКА Л, «Торпедо» Яр
Калгари Флэймс	9	5	1	3	30—24	ЦСКА, «Крылья Советов», «Спартак», «Динамо» М, «Динамо» Р, «Химик», «Сокол»
Миннесота Норт Старс	9	2	0	7	25—40	ЦСКА, «Крылья Советов», «Спартак», «Динамо» Р, «Химик», «Сокол»
Вашингтон Кэпиталс	7	5	1	1	28—28	«Спартак», «Динамо» М, «Динамо» Р, «Химик», СКА Л
Баффало Сэйбрз	6	4	0	2	36—26	ЦСКА, «Крылья Советов», «Динамо» М, «Химик»
Квебек Нордикс*	6	2	2	2	24—24	ЦСКА, «Крылья Советов», «Динамо» М
Эдмонтон Ойлерс*	6	3	0	3	17—20	ЦСКА, «Динамо» М, «Динамо» Р, «Химик»
Бостон Брюинс	6	0	0	6	14—28	ЦСКА, «Крылья Советов», «Динамо» М, «Химик»
Ванкувер Кэнакс	5	3	0	2	17—13	ЦСКА, «Спартак», «Динамо» М, «Динамо» Р
Виннипег Джетс*	5	3	0	2	18—21	ЦСКА, «Динамо» М
Сент-Луис Блюз	5	2	0	3	15—14	ЦСКА, «Спартак», «Динамо» Р, «Химик»
Нью-Йорк Айлендерс	5	1	1	3	12—14	ЦСКА, «Крылья Советов», «Химик»
Питтсбург Пингвинс	5	1	1	3	16—21	ЦСКА, «Крылья Советов», «Динамо» М
Хартфорд Уэйлерс*	4	2	1	1	11—10	ЦСКА, «Крылья Советов», «Динамо» М

Клуб НХЛ	И	В	Н	П	Шайбы	Советские соперники
Филадельфия Флайерс	4	1	1	2	13—14	ЦСКА, «Крылья Советов», «Динамо» М
Чикаго Блэкхокс	4	1	0	3	12—15	ЦСКА, «Крылья Советов», «Динамо» Р
Лос-Анджелес Кингс	4	1	0	3	13—17	ЦСКА, «Динамо» Р, «Химик»
Нью-Йорк Рейнджерс	4	0	0	4	7—21	ЦСКА, «Крылья Советов»
Нью-Джерси Дэвилс	3	1	1	1	9—8	ЦСКА, «Динамо» М
Детройт Ред Уингс	3	1	0	2	10—14	ЦСКА, «Крылья Советов», «Химик»
Торонто Мэйпл Ливс	2	1	0	1	11—11	«Динамо» М
Колорадо Рокиз	1	0	0	1	3—8	«Спартак»

Примечание: *жирным шрифтом выделены команды, имеющие положительный баланс.*

Послесловие Б. Михайлова

Борис МИХАЙЛОВ

Заслуженный мастер спорта

2-кратный олимпийский чемпион

8-кратный чемпион мира

11-кратный чемпион СССР в составе команды ЦСКА

Многолетний капитан команды ЦСКА и сборной СССР

Тарасов – глыба мирового масштаба!

Это я утверждаю с полной ответственностью. Право так категорично утверждать дают мне годы совместной работы под руководством Анатолия Владимировича, работа с другими тренерами, собственный большой опыт хоккеиста и тренера.

Тренер. Наставник. Преподаватель…

Тарасов был многогранен, и в каждой грани своей деятельности был силен и ярок, превосходя всех вокруг. После ухода Анатолия Владимировича никого бы рядом с ним не поставил. Есть тренеры высокого класса, но им еще очень далеко до мэтра.

Я звезд с неба не хватал. Сначала выступал за саратовский «Кристалл», потом – за московский «Локомотив». Эта команда была сплоченной и довольно сильной. В ее составе я стал мастером спорта. Когда пригласили в ЦСКА, я первым делом пошел к ветеранам-железнодорожникам, чтобы в открытую об этом сообщить и посоветоваться, какое решение мне принимать. Если бы они сказали «нет», то я бы не пошел в ЦСКА. Но они уверенно решили мою судьбу – «Иди». Виктор Прохорович Якушев разоткровенничался: «Иди и не задумывайся. Это я ошибку допустил – в свое время не пошел к Тарасову». Смысл их высказываний сводился к тому, что ЦСКА есть ЦСКА: выше ничего в хоккее нет, сильней Тарасова тренера не сыскать.

При знакомстве Анатолий Владимирович предупредил:

– Борис, есть у тебя задатки. Особенно – характер. Но до настоящего мастера тебе еще расти и расти. Придется много работать. Ты готов к этому?

– Готов. Работы не боюсь.

– Настраивайся думать только о хоккее и спать на клюшках…

В двадцать два года меня призвали в армию.

Однако то, с чем я столкнулся, повергло поначалу в шок. Первый для меня предсезонный сбор проходил в Кудепсте. Весь день был расписан: 7.00–8.00, зарядка; 10.00–11.30, тренировка; 17.00–19.00, тренировка; 20.00–21.00, занятие для тех, кто недостаточно добросовестно выполнял задания в течение дня. Я на это последнее занятие не попадал, справлялся, выкладываясь как никогда до этого. Через несколько дней я к вечеру еле ноги передвигал, а ночью начали чертики сниться. Не выдержал и подошел к Кулагину, многолетнему помощнику Тарасова:

– Борис Павлович, отправьте меня отсюда. Хоть в хабаровский СКА, хоть в какой другой армейский клуб. Все – больше не могу выносить эти тренировки.

– Выживешь – будешь играть в ЦСКА, а сломаешься – мы так и так отправим тебя в спортивный клуб какого-нибудь военного округа.

И мне пришлось выжить.

Тарасов бывал жестким, резким. Игроки побаивались его и поэтому чаще обращались по каким-то текущим вопросам к Кулагину. Ослушаться старшего тренера и тем более вступить с ним в спор или пойти на конфликт – такое казалось немыслимым. Во время турне ЦСКА по Японии я невольно вступил с Анатолием Владимировичем в перепалку. Местные сотрудники принесли в раздевалку второе ведро с изолентой и пластырем для обмотки клюшек; бывалые цээсковцы до этого уже все разобрали и я первым среди тех, кому ничего не досталось, попросил ленту. На что Тарасов сказал:

– Молодой человек, это что у вас – профсоюзные штучки?!

На это я возразил:

– А если бы офицер на моем месте попросил бы, о какой штучке вы тогда бы говорили?..

В голове промелькнуло: «Что же я наделал-то? На конфликт с Тарасовым нарвался…». Обошлось. Но Кулагин ему объяснил, как было дело, и конфликт был исчерпан.

Анатолий Владимирович не был диктатором, как некоторые предпочитают преподносить. Ценил классных игроков. Прислушивался к ним, не подавая виду. В разгаре матча, если кто-нибудь высказывал свое мнение, сразу не признавал его правоту, однако обязательно учитывал это в дальнейшей работе. Владимир Петров, известный спорщик, часто вступал с ним в полемику и по тренировочному процессу, и при обсуждении минувшего матча, создавая старшему тренеру дополнительные хлопоты. Тарасов признался: «Я терплю Петрова, потому что он

стабильно показывает высокий уровень игры».

Мэтр был неподражаем на всех участках тренерской работы.

Будни для него были праздником, потому что придавал колоссальное значение занятиям, учебе, непрерывному и вдумчивому совершенствованию различных игровых навыков. А еще потому, что обожал сам процесс движения вперед, процесс творчества, процесс, требовавший физических, умственных и волевых усилий как от игроков, так и от самого наставника. В первые месяцы пребывания в команде я поражался иногда: «Ну что он опять придумал? Ну чего ерундой-то занимаемся?!» Но смотрю по сторонам – Александров, Альметов, Фирсов все выполняют старательно да еще с улыбочкой: значит, есть в этих непривычных и сложных упражнениях какой-то смысл.

Тарасов пользовался высочайшим авторитетом в спортивном мире. На родине хоккея, где в те времена к европейцам относились, прямо скажем, снисходительно, к нему испытывали неподдельный профессиональный интерес. Наша сборная каждый год совершала турне по Канаде. И я видел, как много их специалистов приходило на тарасовские тренировки и как старательно они что-то писали в своих блокнотах. Мэтр не то что закрывал двери на время своих занятий, а наоборот, всегда делал их открытыми, как бы провозглашая: «Пожалуйста, наблюдайте мою работу. Перенимайте наш опыт. Давайте вместе развивать хоккей. Я не боюсь этого. Все равно что-нибудь новое придумаю». Не так давно прочел высказывание популярного театрального режиссера Олега Павловича Табакова: «Не завидуйте мне – учитесь».

Я никогда не видел Мэтра довольным собой и довольным своими подопечными. Победа во вчерашней встрече с принципиальным соперником не просто забывалась на следующей тренировке, она подвергалась тщательному анализу, причем не менее основательному, чем после редкого поражения. На такое был способен только он.

В сезоне 1971/72 годов ЦСКА, как обычно, лидировал. Ни ко мне, ни к моим партнерам – Валере Харламову и Володе Петрову – серьезных нареканий не было. И в какой-то момент я про себя подумал: ну что я все бьюсь вблизи чужих ворот со здоровенными защитниками соперников, с синяками и ссадинами вечно хожу; давай-ка побольше поиграю в тех местах, где меньше силовой борьбы. Еду из дома на тренировку в прекрасном настроении. Неожиданно Анатолий Владимирович зовет к себе в кабинет:

– Борис, понимаешь, почему я тебя вызвал?

– Нет, если честно.

– Вот что тебе скажу – хоккеиста Михайлова на пятачке я

знаю, а вот хоккеиста Михайлова, бегающего по углам площадки, не знаю. И знать не желаю!..

Первая моя реакция была отрицательной: снова тарасовские придирки. К тому времени, между прочим, я был уже 3-кратным чемпионом мира. Но после острастки тренер много времени на раздумье не отводил. И я быстренько осознал его правоту. Уже в следующем матче я снова бился у чужих ворот, вернувшись к своей привычной игровой манере.

Тарасов наставлял команду ЦСКА: у каждого игрока есть определенные обязанности при оборонительных действиях, зато в атаке используй свое мастерство и свое творчество – и не бойся ничего! Закономерно, что в каждом поколении насчитывались сразу по несколько цээсковцев – звездных нападающих, всегда было звено, являвшееся ударным и в клубе, и в сборной.

В сборной Советского Союза в золотую эпоху Чернышева – Тарасова было четкое разделение обязанностей: тренировочный процесс – на Анатолии Владимировиче; управление игрой – на Аркадии Ивановиче. Это полностью оправдывало себя. Выдающиеся и несхожие во многом специалисты прекрасно дополняли друг друга.

Будучи игроком, я понимал, насколько мне повезло, что попал в команду Тарасова. Но только став тренером и отработав в клубах и в национальной сборной не один год, я в полной мере осознал то, насколько велик был Тарасов.

«Тарасовские взгляды на хоккей устарели». Так высказался один из ведущих российских тренеров.

Полнейшее заблуждение. Подходы моего учителя по-прежнему современны, его видение хоккейного будущего актуально. Нисколько не сомневаюсь в том, что Тарасов и сегодня был бы лидером тренерского цеха. Как он им был на протяжении всей своей удивительной профессиональной карьеры начиная с первых лет появления канадского хоккея на наших просторах.

И данная долгожданная книга убедительно об этом свидетельствует.

Послесловие Б. Майорова

Борис МАЙОРОВ

Заслуженный мастер спорта

2-кратный олимпийский чемпион

6-кратный чемпион мира

3-кратный чемпион СССР в составе команды «Спартак» (Москва)

Многолетний капитан «Спартака» и сборной СССР

Тарасов – идеолог нашего хоккея.

Я считаю, что так и должно было быть, ведь он на протяжении многих лет возглавлял хоккейный клуб ЦСКА, являвшийся почти бессменным чемпионом Советского Союза; долго и плодотворно трудился с национальной сборной в ее золотую пору.

Лично у меня сложились с Анатолием Владимировичем не самые простые отношения. У него был, скажу откровенно, сложный и подчас противоречивый характер; у меня натура – тоже не подарок. Однако это не мешало нам делать все возможное ради побед сборной СССР: ему – как тренеру, мне – как капитану команды. И в то время мне было ясно, что это выдающийся специалист. Впоследствии мне довелось подолгу работать и тренером, и функционером – величие фигуры Тарасова я оценил еще в большей степени.

Капитан команды по-настоящему вступает в дело в самые сложные моменты важных матчей, когда надо переломить ход борьбы. Такие моменты случались в золотую эпоху Чернышева – Тарасова довольно редко, потому что советская сборная обычно побеждала убедительно, ведя в счете по ходу поединка. Однако хорошо помню и те эпизоды, когда требовалось встряхнуть коллектив, мобилизовав его на исправление неблагоприятных обстоятельств. Анатолий Владимирович подходил ко мне по пути в раздевалку и негромко произносил: «Борис, давай поднимай команду!» А подождав пока игроки переведут дух, обращался с пламенной речью: «Не все из вас еще вылезли из окопов!..»

Кипучая натура не позволяла ему ни на день оставаться спокойным и удовлетворенным текущим состоянием команды.

Ему претило благодушие и в коллективе. Для повышения «тонуса» Анатолий Владимирович выбирал жертву среди игроков, находил повод для нареканий в его адрес и соответствующего провинности наказания: чтоб остальным был пример – любой может попасть под огонь его критики! Однажды и я угодил в опалу.

В Виннипеге предстояло сыграть очередной матч заокеанского турне сборной. На 9.00 была назначена тренировка. Я выехал на лед минута в минуту, но услышал грозный тарасовский голос:

– Молодой человек, вы опоздали на тренировку.

А в том дворце было три трибуны, и на одной из них часы показывали ровно 9.00. Я показал в их сторону рукой и возразил:

– Нет, я вовремя явился.

– А я говорю – опоздали! Уйдите со льда и попросите разрешения участвовать в занятии.

– Никуда я не пойду.

Я развернулся и вообще ушел в раздевалку… Конфликт, возникший на пустом месте, был вскоре улажен. Но игроки после этого старались являться на тренировку заблаговременно, да и вообще не давать Тарасову малейшего повода для придирок. Оскорбительных слов не произносил, только если обращался к тебе – «молодой человек» – пиши пропало…

Но что удивительно – те армейцы, которые в молодости тяжело переносили педагогические приемы Тарасова, впоследствии отзывались о нем в самых восторженных тонах. С Анатолием Владимировичем у этих хоккейных чемпионов устанавливались взаимно теплые отношения.

Однако я бы сказал, что все это лирика. Профессиональный уровень тренера оцениваю по его результатам и по тому еще, что оставил после себя. Анатолий Тарасов набирает по этой шкале максимальные баллы.

В начале «нулевых» шведы взяли на вооружение тарасовскую идею с двумя хавбеками: 1–2 – 2. В прессе возникло оживление, ну как же – тактическая новинка! Я в своих телерепортажах убеждал зрителей, что это уже практиковалось в нашем хоккее и что все это изобрел и внедрил в ЦСКА Анатолий Тарасов. Уж не знаю, поверил ли мне телезритель. А у шведов эта игровая модель не пошла, и они отказались от нее. Зададимся вопросом: а собственно, кто в мировом хоккее попробовал изменить классическую расстановку игроков? Только Тарасов!

Только Тарасов обладал даром к масштабному новаторству.

Я играл под руководством многих спартаковских наставников: Сеглина, Новокрещенова, Боброва, Карпова… У

каждого были свои сильные стороны, Бобров – вообще фигура особенная. Однако никто из них не интересовался особенностями физиологии хоккеиста. А Тарасов в вечном своем поиске прогрессивных методов подготовки игрока посетил кафедру хоккея в центральном институте физкультуры, которой руководил Юрий Васильевич Королев. Задачу сформулировал четко: «Мне нужен кислород – обеспечить повышенное потребление кислорода хоккеистом «под нагрузками». Королев пригласил профессуру по профильным областям, и началась проработка абсолютно новой и сложной проблемы, которая имела важное практическое значение.

Только Тарасов мог так глубоко копать, вгрызаясь в гранит хоккейной науки!

Не могла не вызывать уважения и восхищения его профессиональная неуемность. Творческой личностью был. До мозга костей творческой!

Моя спортивная карьера связана только с одним клубом – «Спартаком». Тренеры там менялись, однако в целом система подготовки отличалась от того, что практиковалось в ЦСКА. Появляясь в сборной, я сталкивался с большими различиями в тренировках, которые вел Тарасов. Что-то было непривычным, что-то казалось и вовсе необязательным – иногда игроки между собой украдкой посмеивались над фонтанирующим идеями Анатолием Владимировичем. Но не зря же существует тезис: «Плохих упражнений не бывает – бывает их плохое исполнение».

Приведу иллюстрацию. К какому-то турниру сборная готовилась в Новогорске, в доме отдыха Госплана. Тарасов вывел нас в лесок и скомандовал: «Так, подошли к дереву, каждый – к своему. Все делают стойку на руках с опорой ногами на дерево». А для меня эти гимнастические выкрутасы всегда были просто мучением. Стараюсь, и кое-как получается. Только подумал, что все закончилось, как раздается зычный окрик: «А теперь оторвали ноги от дерева и в воздухе… написали свою фамилию!» Это ж надо было такое придумать?! У меня еще мелькнуло – ох, до чего ж длинна моя фамилия… Наверняка я был там не единственным, кто чертыхался по поводу немыслимых тренерских заданий. А ведь рациональное зерно было и в том росчерке ногами в подмосковном воздухе: ловкость, сложнейшая координация, необычность самого движения…

У кого-то это проходило через смех, у кого-то – через слезы, а чаще бывал смех сквозь слезы. Надо отдать должное Тарасову в том, что занятия проходили живо, разнообразно, интенсивно и сравнительно недолго. Не припомню, чтобы хоть раз тренировки полностью повторялись. Какой же выдумкой, какой

работоспособностью и какой увлеченностью хоккеем обладал Анатолий Владимирович Тарасов!

Приходилось мне играть и против него. Матчи ЦСКА – «Спартак» становились главными событиями всесоюзного первенства. По подбору игроков, по сумме мастерства мы не уступали армейцам, а в некоторые сезоны превосходили их. Накал борьбы всегда зашкаливал. Зрелище было потрясающим. На трибунах некуда было яблоку упасть. Верх брали то мы, то они. Но Тарасов, даже проиграв, все равно… выигрывал: умел извлекать уроки из редких неудач и в оперативном режиме вносил необходимые коррективы в подготовку команды и в ее состав. А руководители спартаковского клуба в подобных обстоятельствах разводили руками: мол, уступили – так это же не кому-нибудь, а ЦСКА уступили. Они не дотягивали до непоколебимого тарасовского победного функционирования команды.

Случалось, что у Тарасова с его кипучей натурой во время важных поединков проявлялась определенная слабость. Если команда уступала в счете и времени до финального свистка оставалось все меньше, он начинал поспешно искать пути спасения и выбирал иногда не самый лучший. Редко, но так случалось. В сборной это неизменно нейтрализовывал хладнокровный Чернышев, отвечавший за ведение игры.

Анатолий Тарасов – идеолог нашего хоккея.

Был им. Остается им. Будет им.

Единственный, кто достигнув и высочайших результатов, и совершив революционные преобразования в тренерских подходах к «канадскому хоккею», уделял повышенное внимание популяризации любимого вида спорта в стране и тому, чтобы собственные наработки остались в целости и сохранности, послужив будущим поколениям.

Эта книга, наконец-то выходящая в российский свет, является еще одним весомым вкладом Анатолия Владимировича Тарасова в развитие отечественного хоккея.

Послесловие Н. Урюпина

Николай УРЮПИН

Вице-президент Федерации хоккея России

Заведующий кафедрой хоккея РГУФК имени Анатолия Тарасова

Профессор кафедры хоккея РКУФК

Кандидат педагогических наук

Старший преподаватель кафедры хоккея ГЦОЛИФК

(Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры)

и ВШТ (Высшая школа тренеров) – 1980–1992 гг.

С естественным трепетом взял я в руки рукопись этой книги. Последней и фактически итоговой книги Тарасова. Перелистывал страницы, написанные неповторимым сочным тарасовским языком, и будто слышал голос Анатолия Владимировича, общался с ним, будто заново переживал то замечательное время, когда я в начале своего пути в хоккее имел счастье и имел честь соприкоснуться с этой эпохальной фигурой истории как нашего, так и мирового хоккея.

Впечатления того периода настолько яркие и запоминающиеся, что кажутся совсем недавними. А ведь минуло более трех десятков лет с тех пор, когда мне, самому молодому преподавателю кафедры хоккея ГЦОЛИФК доверили место ассистента Великого – иначе его никто и не называл! – ведущего преподавателя курса Высшей школы тренеров при нашем институте, Анатолия Владимировича Тарасова.

Сама идея создания абсолютно нового учебного заведения возникла в недрах высшего руководства страны. Было понимание «политической значимости» и колоссальной популярности в народе футбола и хоккея. И было решено организовать эффективно действующий центр подготовки тренеров высшей квалификации, направляемых в дальнейшем для работы в команды мастеров и различные сборные Советского Союза.

Среди слушателей ВШТ было много наших знаменитых в

недавнем прошлом хоккеистов: Александр Рагулин, Валерий Васильев, Александр Якушев, Владимир Петров, Александр Мальцев, Владимир Шадрин, Владимир Лутченко, Виктор Шалимов, Юрий Ляпкин… Большинство ведущих наших тренеров 80-х, 90-х и последующих лет прошли обучение в этом уникальном центре.

Звезда НХЛ, канадский вратарь Кэн Драйден, побывав в Москве, с большим интересом воспринял посещение кафедры хоккея нашего института, назвав ее «цитаделью советского хоккея». И в этом, пожалуй, не было преувеличения, поскольку уровень преподавательского состава был исключительно высок: заведующий кафедрой хоккея, доцент Юрий Королев, автор первого и единственного советского учебника по хоккею, профессор Валентин Савин и патриарх советского хоккея, профессор Анатолий Тарасов. Наряду со специалистами в области хоккея в процессе обучения участвовали ведущие преподаватели других дисциплин: биохимии, биомеханики, физиологии, теории и методики спорта, психологии… Слушатели ВШТ стажировались в ведущих клубах страны. Тот период отмечен бурным развитием теории и методики отечественного хоккея; в недрах кафедры хоккея и ВШТ блестящими умами аккумулировался огромный объем научной и практической информации, касавшейся основ игры, накапливался ее богатейший опыт. И в этом была, прежде всего, заслуга Анатолия Владимировича Тарасова.

Сейчас в это трудно поверить, но совсем недавно, в 80–90-х годах, выбор методов и методик был у наших тренеров весьма скуден; еще не появились специальные тренажеры и снаряды для хоккеистов. Однако Анатолия Владимировича все это не смущало. Он постоянно придумывал что-то абсолютно новое, чрезвычайно полезное и не требующее каких-либо особых условий для занятий: упражнения с максимально эффективным использованием особенностей местного ландшафта, упражнения из других видов спорта – не просто заимствованные, а им специально адаптированные для тренировки хоккеистов.

Тренер-новатор. Тренер-революционер. Тренер-импровизатор. Это – характеристика великого Тарасова.

Сегодня бытует мнение: если тренеров вооружить последовательным комплексом тренировочных упражнений, то они смогут «штамповать» достаточно умелых игроков. Заблуждение это! В корне неверное суждение. Великий Тарасов на занятиях в ВШТ частенько повторял – мы, педагоги-преподаватели, готовящие будущих тренеров, обязаны давать им глубокие знания, обучать различным методикам, а они на этой благодатной основе должны будут впоследствии сами выбирать

или придумывать нужные упражнения и оптимальные нагрузки в соответствии с имеющимися условиями и в зависимости от индивидуальных особенностей спортсменов – возраста, уровня подготовленности, природных данных, игрового амплуа.

Хорошо помню те замечательные годы, когда довелось трудиться под началом Анатолия Владимировича. Каждый день привносил что-нибудь новое, полезное, удивительное. Казалось бы, мэтр мог почивать на лаврах и наставлять слушателей ВШТ без малейших усилий: с его-то богатейшим тренерским опытом, с его-то педагогическим даром. Однако он не позволял себе катиться по инерции, тщательно готовился к любому занятию – будь это лекция, семинар или практическое занятие на земле или на льду. Не бывало такого, чтобы у него на руках не было подробнейшего конспекта предстоящего урока. Урока Тарасова!

Отмечу два весьма примечательных штриха.

Наличие конспекта ничуть не мешало импровизации. Все шло по плану, но в любой момент могло возникнуть отклонение творческого характера. Анатолий Владимирович всегда находился в состоянии профессионального поиска и анализа, при появлении свежей мысли тут же делился ею с окружающими и, обсудив неожиданно возникший аспект, возвращался к плану лекции или практического занятия.

Обладая бесспорным авторитетом и мировой славой, Анатолий Владимирович, тем не менее, не любил постоянно солировать, ему по душе было горячее обсуждение, вопросы будущих тренеров по существу, их возражения и собственные контр-возражения, совместный творческий поиск. Продолжительная тишина в аудитории была для него противоестественной.

Тарасов буквально во всем уникален. Имея колоссальные заслуги в качестве тренера ЦСКА и сборной СССР, был безоговорочно признан в научной среде. Профессор, кандидат педагогических наук – эти высокие звания не могут отобразить масштаб Тарасова-педагога и Тарасова-ученого. Он щедро делился своими обширными знаниями и богатым опытом со своими учениками, подготовил десятки высококвалифицированных тренеров, которые успешно работали в клубах и в различных сборных, а также за рубежом. «Я – ученик Тарасова!» Это гордо звучит по сей день.

Многолетний наставник легендарного ЦСКА и непобедимой много лет подряд сборной СССР, собравший все хоккейное золото мира. Тренер, не признававший второго места; оно было для него равносильно поражению и даже провалу. Наука побеждать! Это и есть наука Анатолия Тарасова.

Побеждать… Побеждать родоначальников хоккея – канадцев. Этим стремлением была пронизана вся тарасовская профессиональная карьера, начиная с дебюта на международной арене в 50-е годы, продолжая триумфами на Олимпиадах и чемпионатах мира, и завершая 90-ми, когда писал данную рукопись. Анализ двух ведущих хоккейных школ – отечественной и канадской – стал основной темой книги. Анализ тщательный и объективный, с раскладкой на преимущества и недостатки каждой из них. С особой, я бы сказал, отеческой теплотой Анатолий Владимирович дает характеристики звездам советского хоккея, при этом отдавая должное высочайшему мастерству канадских звезд. Яркую индивидуальность он всегда ценил и всячески развивал в своих игроках. «Тарасовское слово» и «тарасовский стиль» неповторимы. Читал, не отрываясь, и картинки совместной работы с мэтром оживали будто сами собой.

Творческое наследие Тарасова – это и его книги, и его публикации в газетах и журналах. Книга «Родоначальники и ученики» венчает это уникальное богатство. Убежден, что при вдумчивом ее прочтении читатель почерпнет массу интересного и полезного для своей деятельности в хоккее да и вообще в спорте.

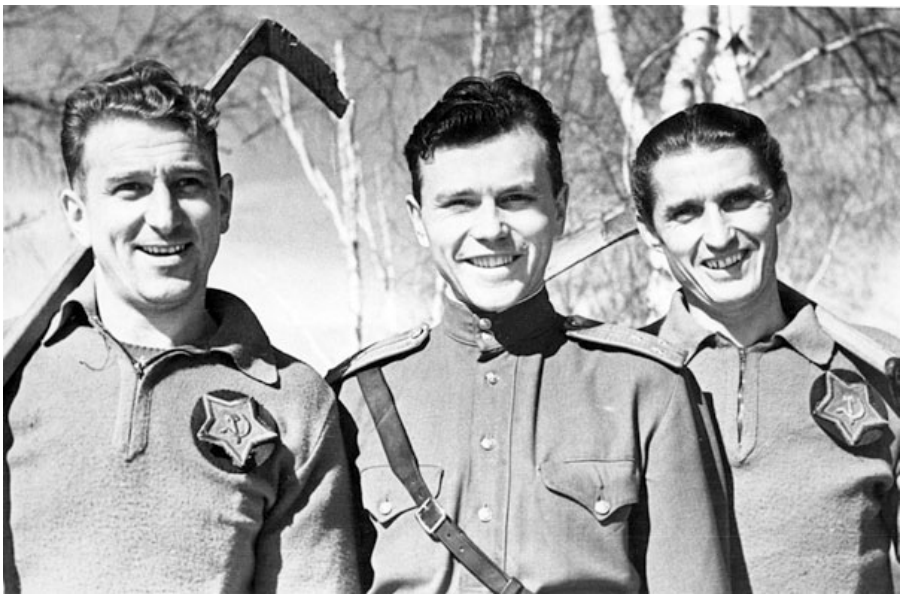
Те, кто прошел школу Тарасова и выдержал тяготы его тренировок, выдержал его сверхтребовательность, добились в спорте, да и в жизни многого. Они едины во мнении, что Анатолий Владимирович Тарасов – явление в хоккее! Собственно, данный факт общепризнан в спортивном мире.

В декабре 2013 года, отдавая дань заслугам великого тренера-педагога, Заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР, профессора, кандидата педагогических наук, кафедре теории и методики хоккея РГУФК присвоено имя Анатолия Владимировича Тарасова. Это стало для всех нас лучшим подарком к 95-летию мэтра.

Наконец-то издана его последняя и, возможно, самая важная для него книга, за что мы выражаем благодарность издательству «Эксмо».

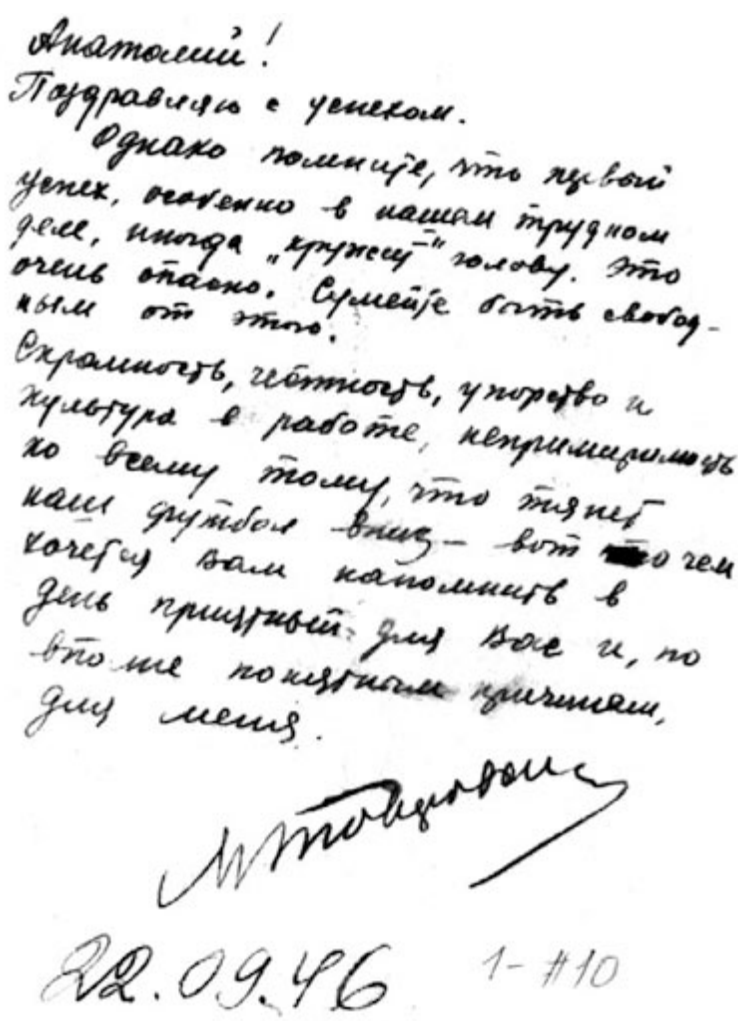
Анатолий Владимирович по-прежнему с нами.

Вклейка



1949 год. Слева – Анатолий Тарасов, справа – Евгений Бабич

Михаил Товаровский, учитель Анатолия Тарасова


Анатолий!
Поздравляю с успехом.
Однако помни же, что нынешний успех, особенно в нашем трудном деле, никогда „кружит" голову. Это очень опасно. Сумей же быть свободным от этого.
Скромность, гибкость, упорство и культура в работе, непримиримость ко всему тому, что тянет наш футбол вниз — вот [redacted] чем хочется вам напомнить в день прощальный для всех и, по-своему по-хорошему причинам, для меня.
М. Товаровский
22.09.46 1-#10

1946 год, послание-напутствие Михаила Товаровского будущему творцу хоккея

Анатолий Тарасов – воспитанник «Юного динамовца»

1949 год. Играющий тренер ЦДКА

Довоенный снимок. Тарасов – второй слева в первом ряду

Сезон 1949/50. Команда ЦДКА. Анатолий Тарасов – крайний справа во втором ряду

Сезон 1948/49. Команда ЦДКА. Тарасов – шестой справа, Бобров – второй справа

1954 год. ЦДСА – обладатель Кубка СССР

1956 год. Сокольники. ЦДСА – обладатель Кубка СССР

Сезон 1957/58. ЦСК МО – чемпион СССР

Соратники – Аркадий Чернышев и Анатолий Тарасов

Начало 60-х, США. На бейсбольном стадионе

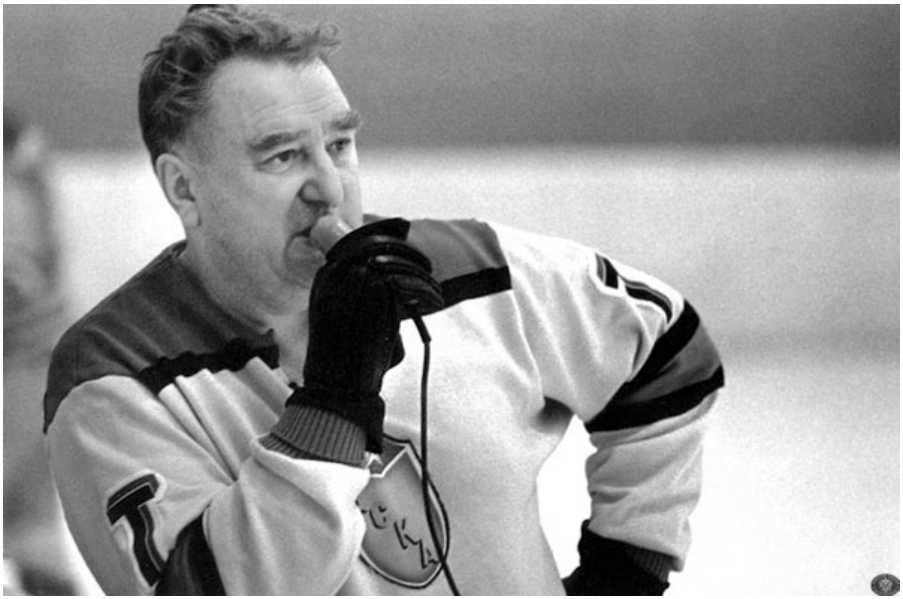
Начало 60-х, США. На мемориале Брауна

1972 год. Олимпиада в Саппоро (Япония). Анатолий Тарасов и Аркадий Чернышев

С авторучкой – на «ты»

Сезон 1967/68. Команда ЦСКА – флагман советского хоккея

1964 год. Возвращение в Москву с Олимпиады в Инсбруке. Анатолий Тарасов и Борис Майоров (*второй слева*)



1971 год. Тренировочные будни

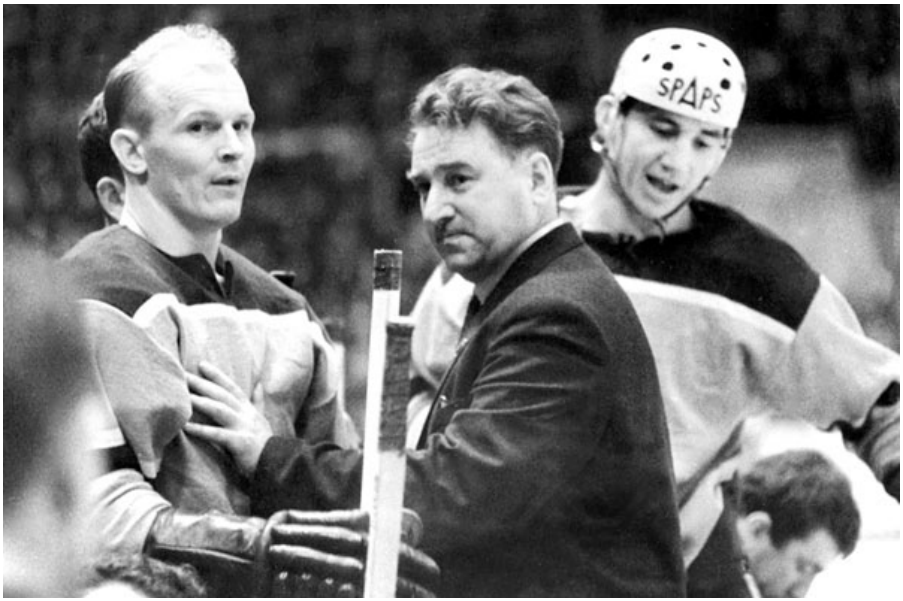
1968 год. Олимпиада в Гренобле. На верхней ступени пьедестала – Борис Майоров

1965 год. Чемпионат мира в Тампере. В гостиничном номере тренеров советской сборной

1965 год. Чемпионат мира в Тампере. В тренерском штабе кипит работа

1964 год. Прием в Кремле после Олимпиады в Инсбруке. Анатолий Фирсов, Анатолий Тарасов, Аркадий Чернышев, Никита Хрущев

Сезон 1960/61. ЦСКА



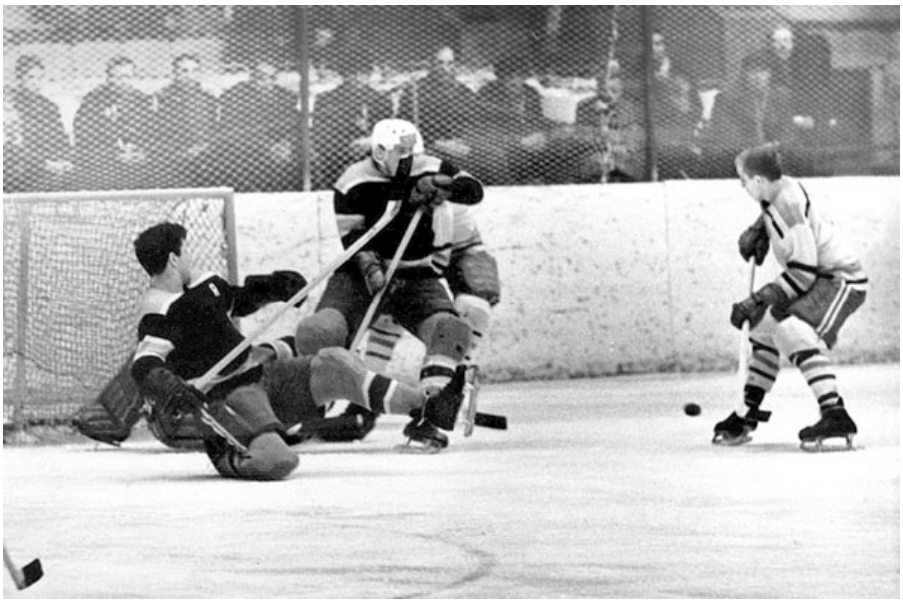
Сезон 1963/64. Слева – Вениамин Александров, справа – Виктор Кузькин

Аркадий Чернышев и Анатолий Тарасов на тренировке сборной в Лужниках

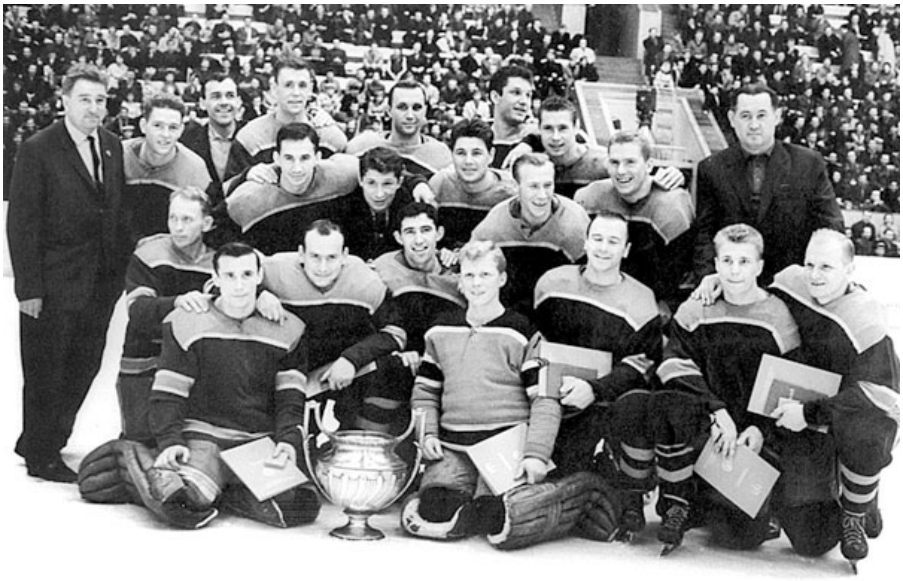
1970 год. Чемпионат мира в Швеции. Слева от Тарасова – Харламов (№ 17); справа – Владимир Петров и Борис Михайлов; сидят – Владимир Викулов (№ 18) и Игорь Ромишевский (№ 6)

Сезон 1967/68. Стоят – Анатолий Ионов, Юрий Моисеев и Евгений Мишаков, сидит – Виктор Толмачев

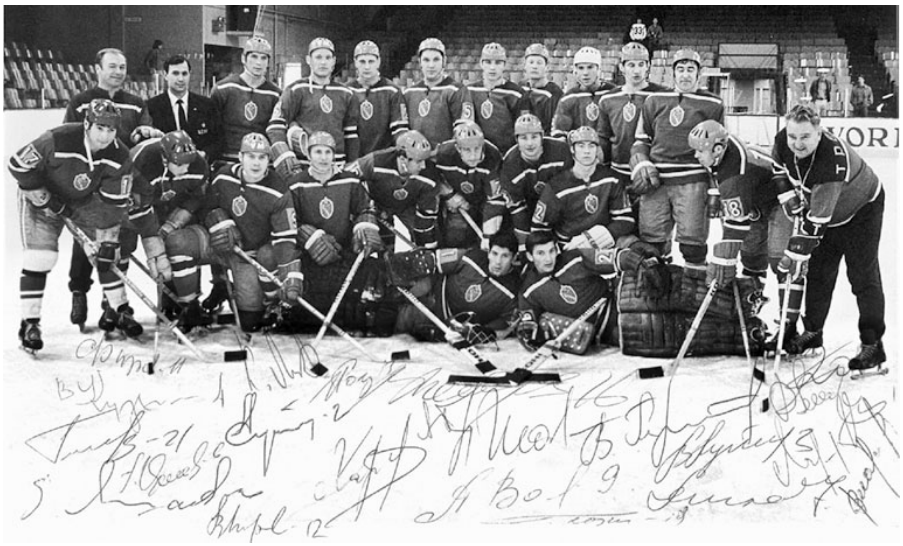
Сезон 1963/64. Лужники. Товарищеский матч СССР – Швеция



Сезон 1963/64. В обороне ЦСКА Александр Рагулин и Эдуард Иванов



Сезон 1963/64. ЦСКА – чемпион СССР

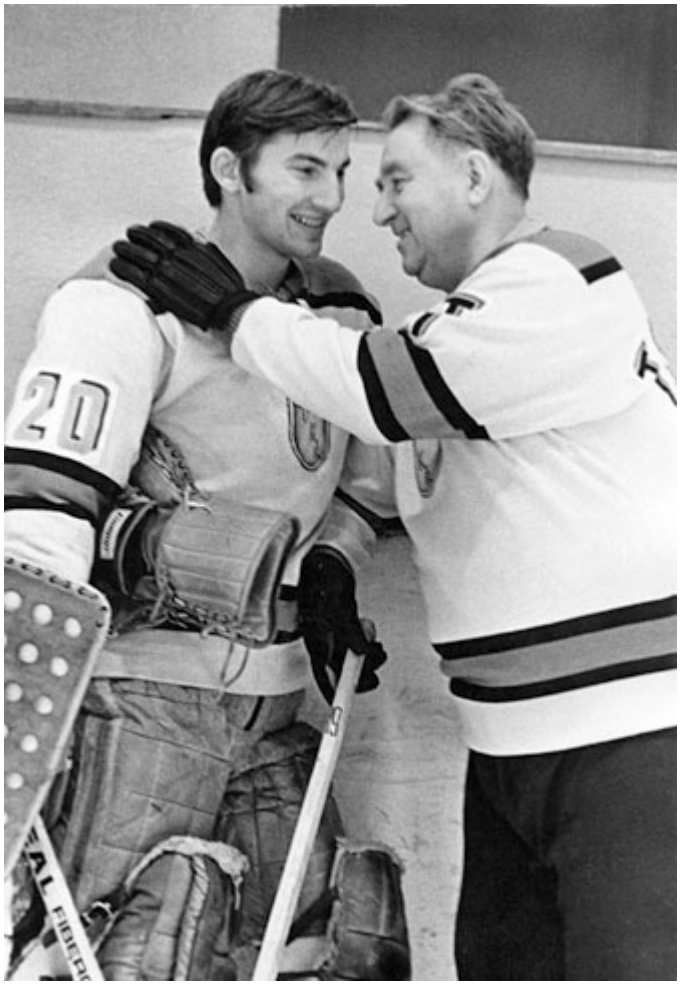


Сезон 1972/73. Команда ЦСКА

Сезон 1972/73. ЦСКА

Сезон 1972/73. ЦСКА

Тарасов на тренировке сборной СССР: в роли потенциального соперника



Ледовый дворец ЦСКА. С Владиславом Третьяком

1970 год. Чемпионат мира в Стокгольме. С Вячеславом Старшиновым

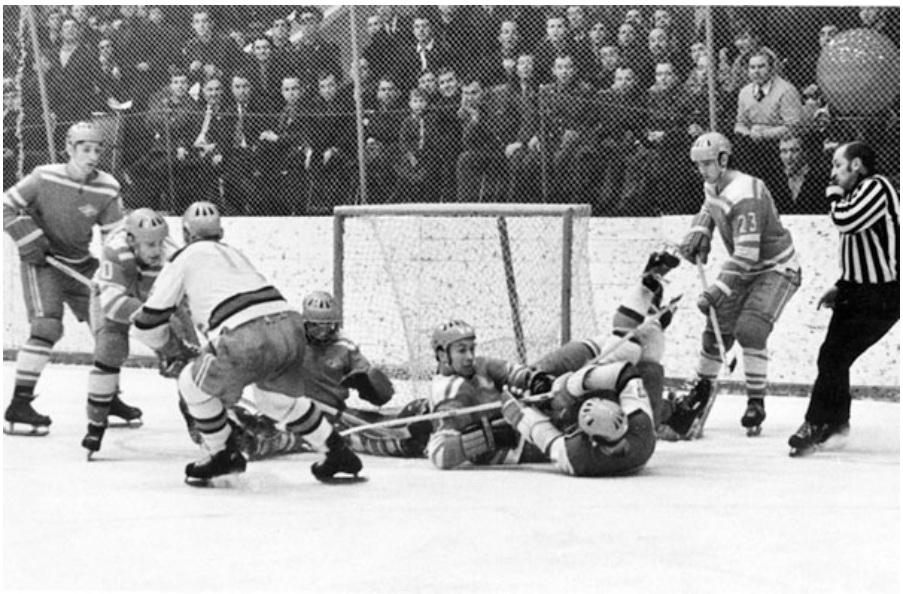
1964 год. Олимпиада в Инсбруке. Сборная СССР – чемпион!

Интервью у Анатолия Тарасова берет телекомментатор Владимир Писаревский

1967 год. Сборная СССР перед отъездом на чемпионат мира. Анатолий Тарасов – второй слева во втором ряду, Юрий Гагарин – шестой слева во втором ряду

1969 год. На чемпионате мира в Швеции

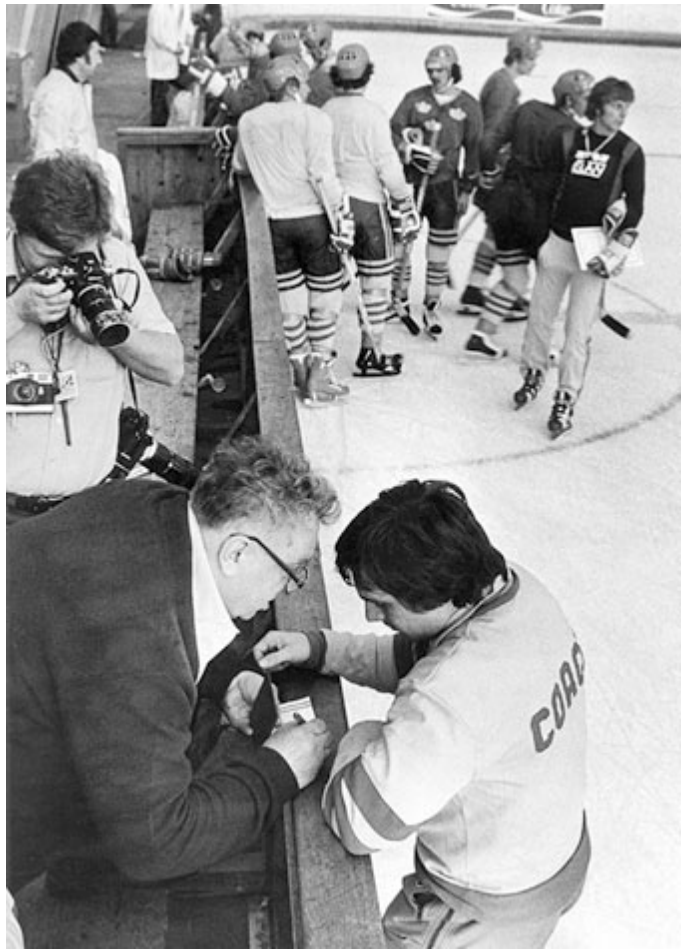
Сезон 1967/68. ЦСКА – «Спартак»



Сезон 1971/72. ЦСКА – «Спартак»

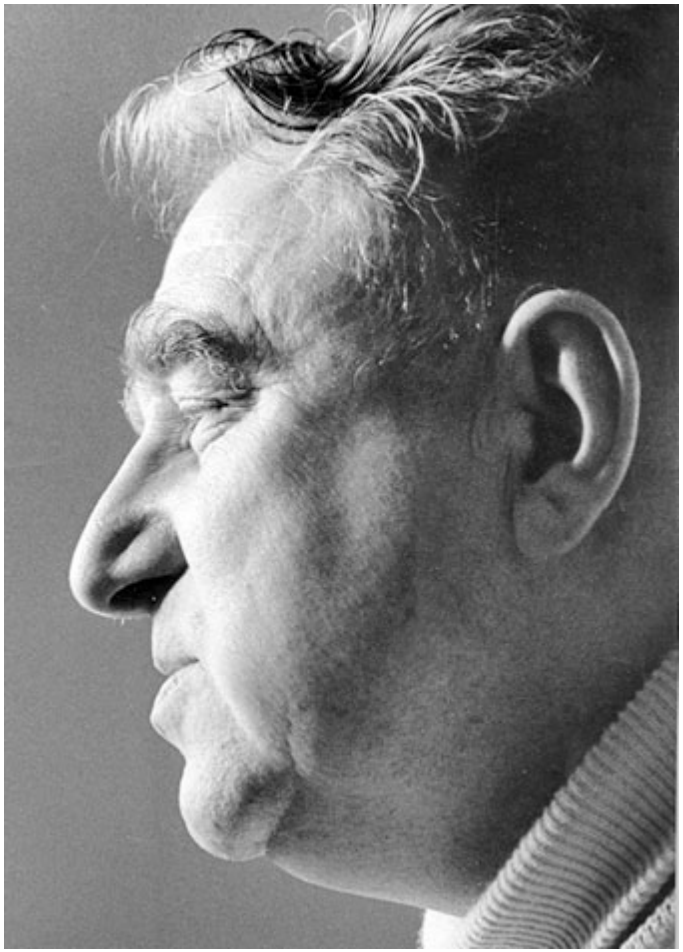
1968 год. Олимпиада в Гренобле. СССР – Финляндия

1968 год. Олимпиада в Гренобле. СССР – ЧССР

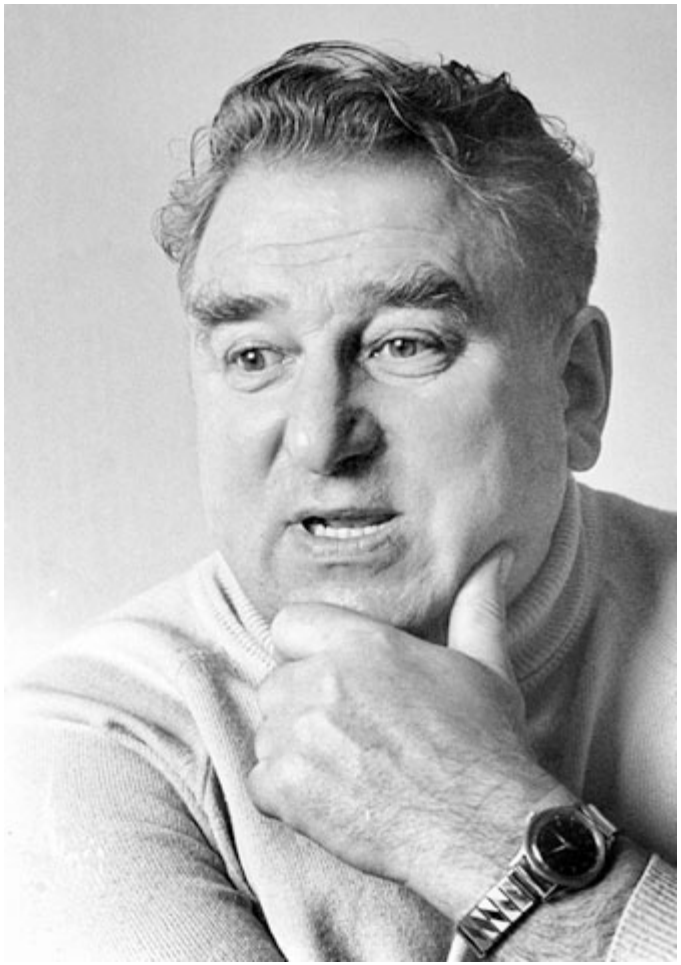


1975 год. Чемпионат мира в ФРГ. На тренировке сборной Швеции

1971 год. Лужники. Международный турнир «Приз «Известий»



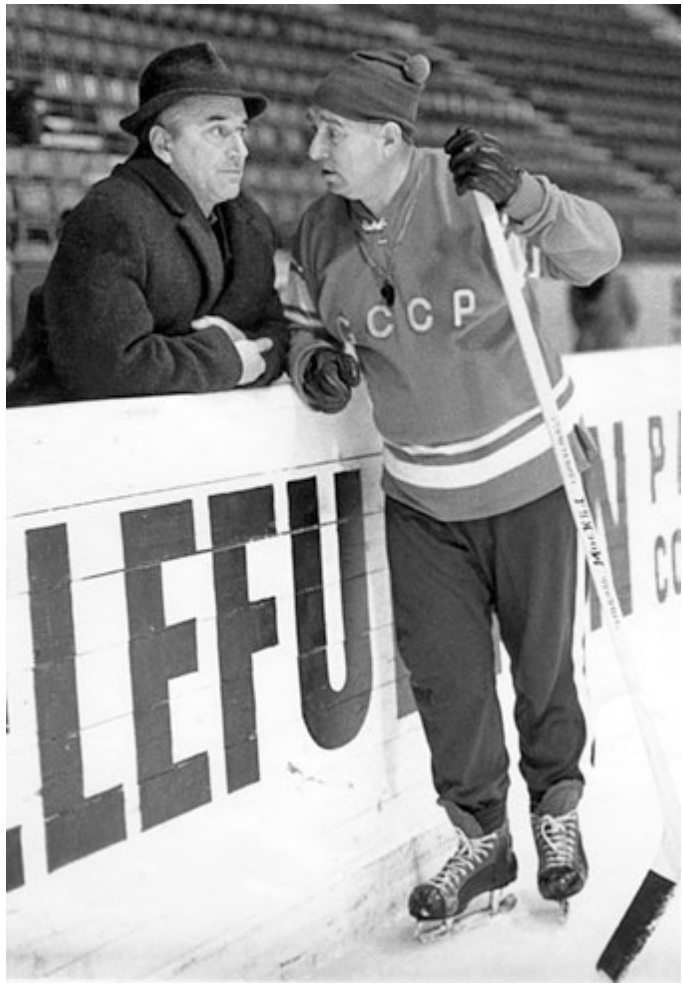
1971 год. Лужники. Международный турнир «Приз «Известий»



Анатолий Тарасов. Есть о чем поразмыслить

Тренировка по-тарасовски

Перед чемпионатом мира 1970 года



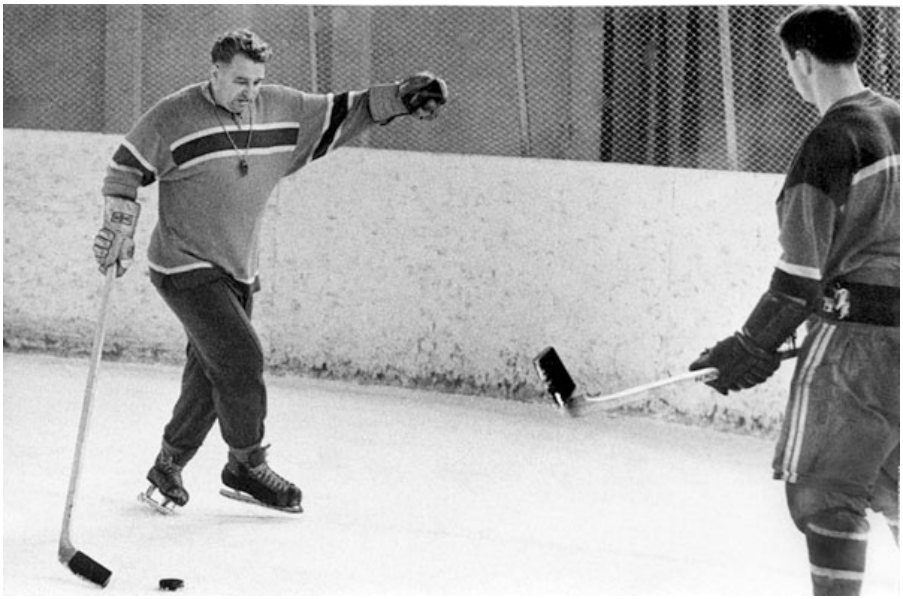
Перед чемпионатом мира 1969 года

1975 год. Чемпионат мира в ФРГ. В разведке: на тренировке соперника

Сезон 1969/70. ЦСКА

Сезон 1973/74. ЦСКА

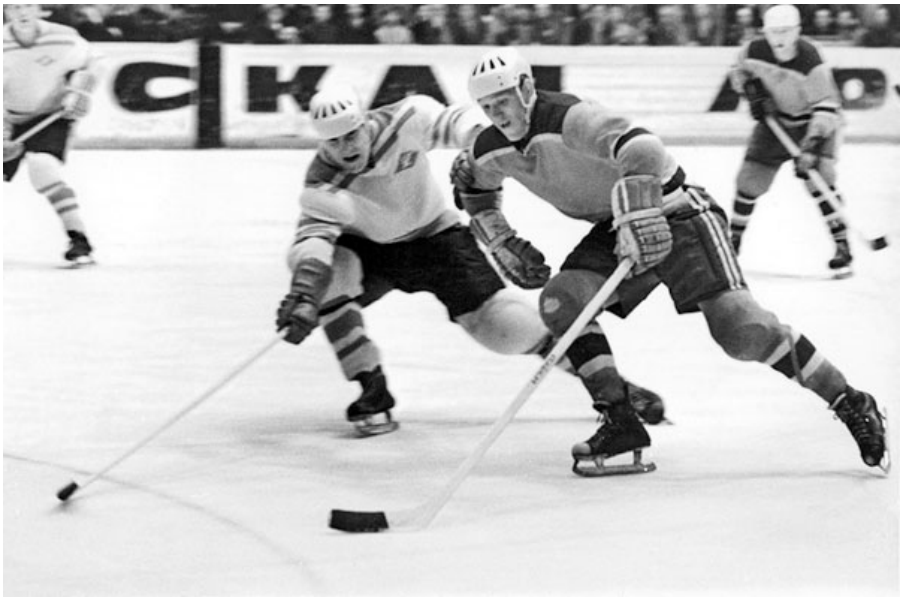
Тренировка с блинами



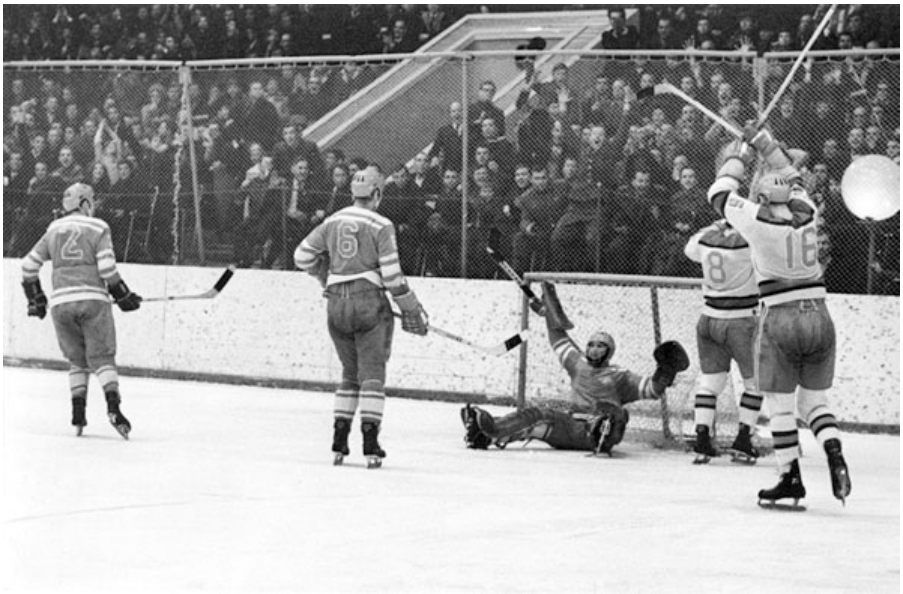
1962 год. Тренировка в недавно открытом Ледовом дворце ЦСКА

Сезон 1971/72. ЦСКА

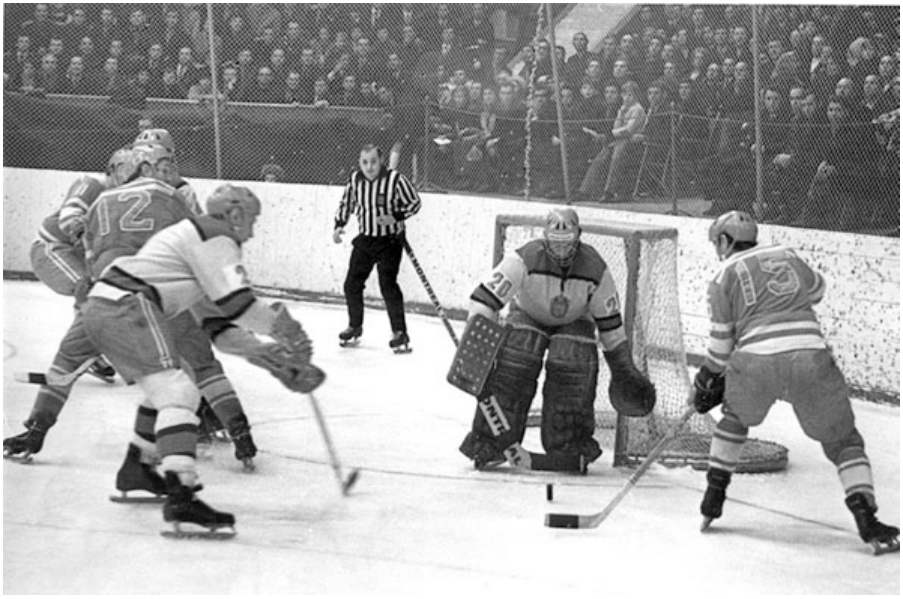
«Уважаемые академики, не вижу фамильной игры»



Сезон 1968/69. ЦСКА – «Спартак». Владимир Петров против Валерия Кузьмина



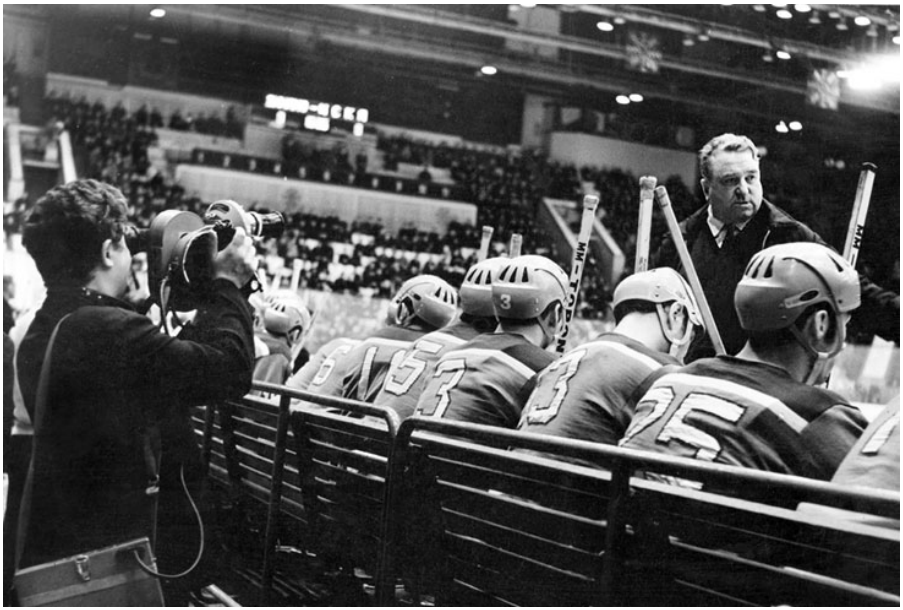
Сезон 1972/73. ЦСКА – «Спартак». Шайба в воротах соперника



Сезон 1972/73. ЦСКА – «Спартак». Александр Мартынюк атакует ворота Владислава Третьяка

Тренировка – родная стихия Тарасова

Владислав Третьяк – на тренировках команды ЦСКА



Сезон 1969/70. «Динамо» (Москва) – ЦСКА

Ничто не ускользнет от внимания Тарасова

Главный экзаменатор докладчика – Анатолий Тарасов

К концу матча сборной СССР у Анатолия Тарасова в блокноте не останется свободного места. Рядом – Борис Михайлов и Валерий Харламов

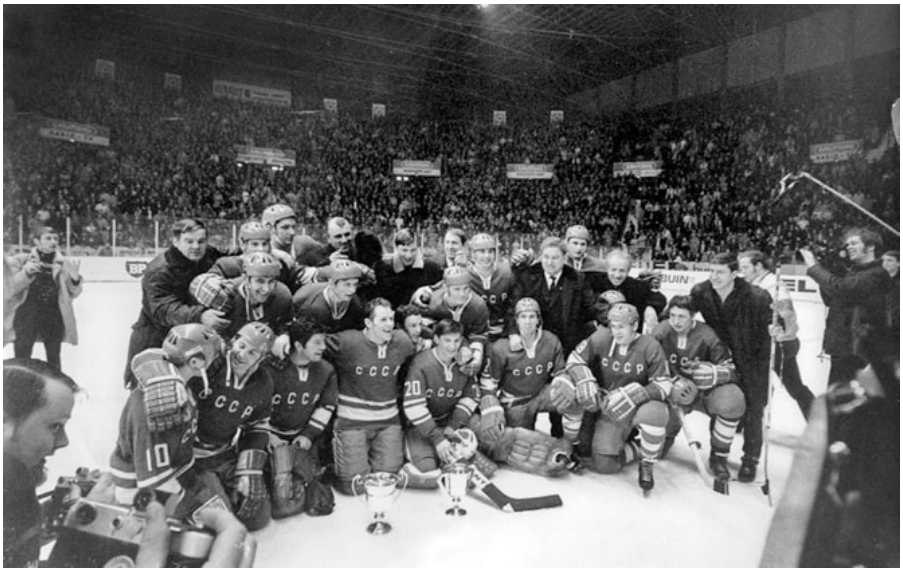
1964 год. Олимпиада в Инсбруке. СССР – Канада. Слева – Анатолий Фирсов, в центре – Виктор Якушев

Тренировка на эмоциональном фоне

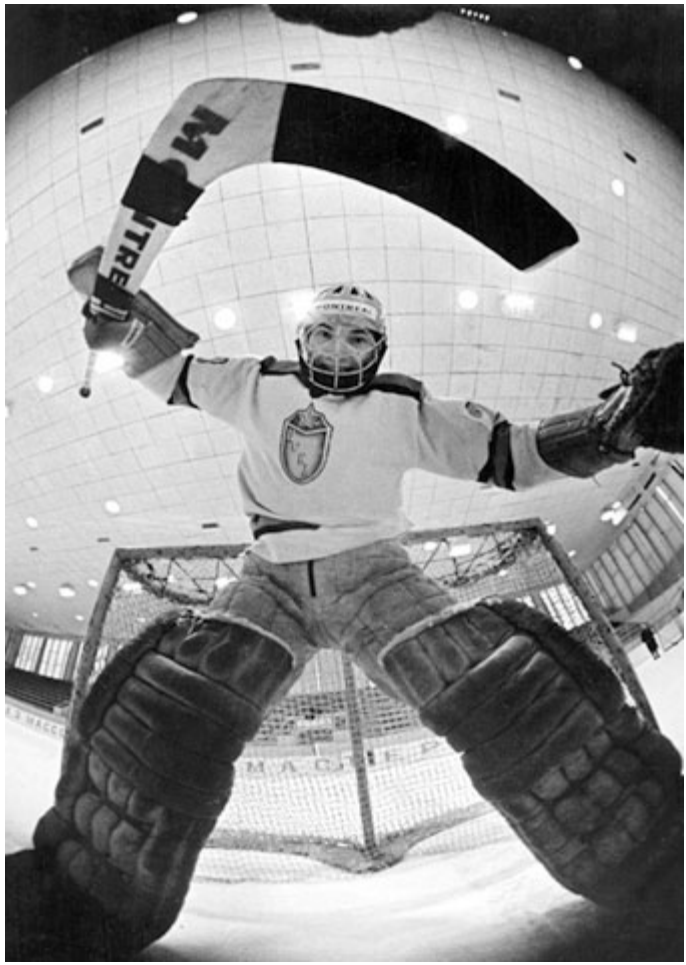
В зале для занятий по атлетизму

1971 год. Чемпионат мира в Швейцарии

1971 год. Чемпионат мира в Швейцарии. На лавке – Игорь Ромишевский, Борис Михайлов, Геннадий Цыганков, Александр Мартынюк



1970 год. Сборная СССР – чемпион мира!



Безупречный Владислав Третьяк

1970 год. Сборная СССР – чемпион мира. Евгений Поладьев, Владимир Викулов, Анатолий Тарасов, Игорь Ромишевский, Борис Михайлов, Александр Рагулин

Сезон 1970/71. ЦСКА играет в Лужниках. Александр Волчков, Анатолий Фирсов, Владимир Викулов

Сезон 1970/71. На лавке ЦСКА

1971 год. Тренировка во время чемпионата мира

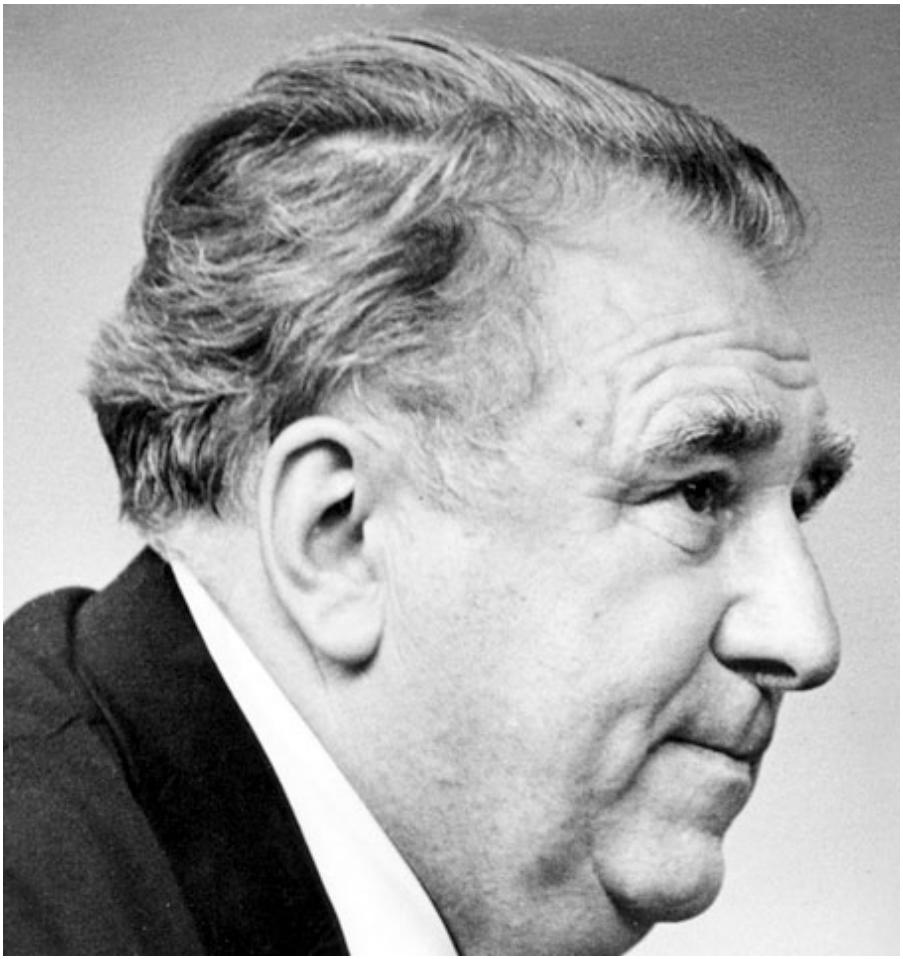
1963 год. Сборная СССР – чемпион мира! Начало эры Чернышева – Тарасова

1966 год. Сборная СССР – победитель чемпионата мира в Любляне

1971 год. Чемпионат мира. Тренировка Тарасова

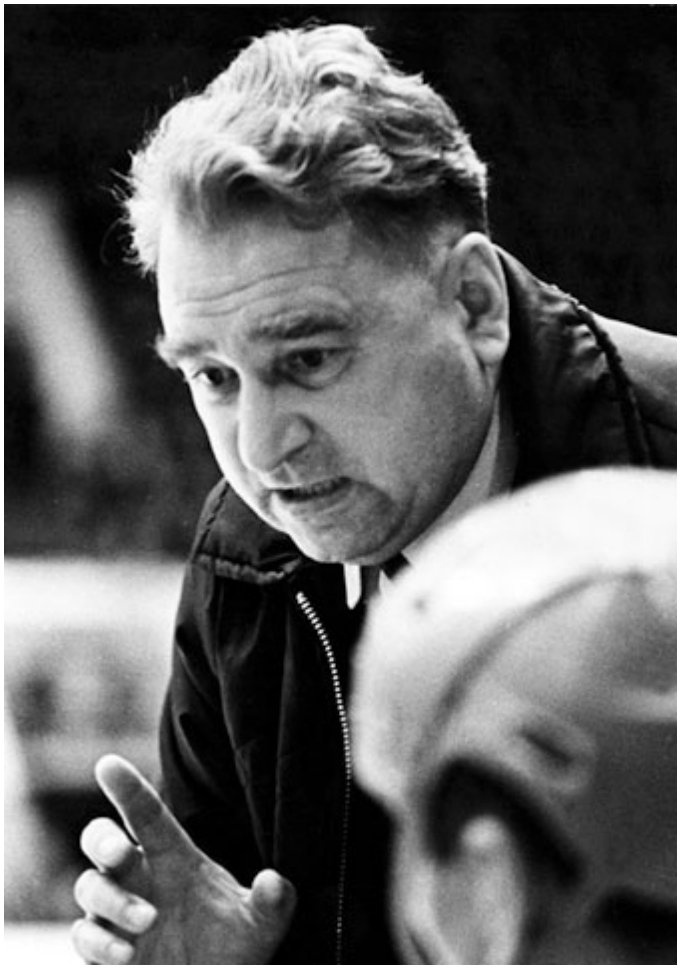
Каток «Кристалл» в Лужниках. Перед отъездом на чемпионат мира 1967 года

Тренировка сборной СССР: *вверху* – с Владимиром Шадриным, *внизу* – с Виктором Кузькиным, Евгением Зиминым и Вячеславом Старшиновым



В зрелые годы

Всегда в боевом строю



Ценные указания Тарасова

1971 год. На открытии Летней Спартакиады народов СССР

1967 год. Сборная СССР – в телецентре. На переднем плане – Николай Озеров, Анатолий Тарасов, Ян Спарре, Аркадий Чернышев

Всегда в жизненном тонусе

На международном турнире «Приз «Известий»

В Свердловске на катке «Спартаковец»

Легендарный тренер ЦСКА – с будущими мастерами

Всесоюзный турнир «Золотая шайба». Такое запомнится на всю жизнь! В раздевалке команды побывал Анатолий Владимирович Тарасов

На открытом льду турнира «Золотая шайба»

В день отбора мальчишек в хоккейную школу ЦСКА

Бесценные уроки Анатолия Тарасова

Всесоюзный турнир «Золотая шайба»

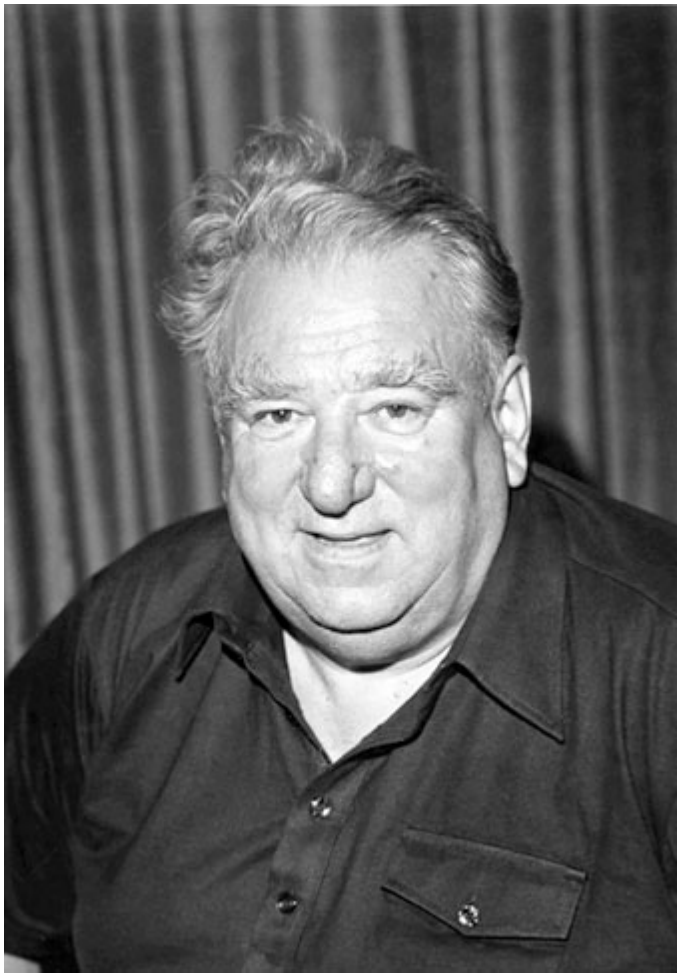
Анатолий Тарасов – пропагандист хоккея

Работа над очередной публикацией на актуальную тему

Тарасов – детям

Полемист Анатолий Тарасов

В неформальной обстановке



На склоне лет

Со знаменитым шведским форвардом 50–60-х гг. Свеном «Тумбой» Юханссоном

Регалий Анатолия Владимировича Тарасова не перечесть

notes

Сноски

1

Количество клубов НХЛ с момента написания книги увеличилось. (*Прим. ред*.)

2

В настоящее время все этапы проходят до четырех побед. (*Прим. ред.*)

3

Результат матча ВВС – «Динамо» (Рига) в сезоне 1946/47 гг. 1:1. (*Прим. ред.*)

4

На момент проведения игр генерал Аполлонов был заместителем министра внутренних дел СССР. (*Прим. ред.*)

5

Владимир Крутов умер в 2012 году. (*Прим. ред.*)

А.И. Чернышев умер в 1992 году (*Прим. ред.*)

Здесь и далее знаком * обозначены команды, у которых учтены показатели в матчах с советскими клубами в их бытность в ВХА. Вполне естественно, что матчи «Динамо» со сборной ВХА здесь не учтены.